

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова

Факультет политологии

SCHOLA-2011

Сборник научных статей

Под редакцией
А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца

Издательский дом «Политическая мысль»

Москва
2011

УДК 32-027.21(082)
ББК 66.0
S36

Печатается по решению Ученого совета факультета
политологии Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова

S36 SCHOLA-2011: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под общ. ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. И. Волошин, Э. А. Козьменко. — М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2011. — 374 с.

ISBN 978-5-4267-0008-6

В двенадцатый выпуск сборника «SCHOLA» вошли статьи по широкому кругу проблем истории и теории политики, истории социально-политических учений, российской политики, социологии и психологии политики, мировой политики и международных отношений, а также других направлений современной политической науки.

Для политологов, философов, историков, всех, кто интересуется политологией.

История и теория политики

Руслан Фаритович Айнутдинов

Аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

**Правовое государство в современной России
(проблемы и перспективы развития):
политологический аспект.**

Ключевые слова: правовое государство, политическая конъюнктура, политическая власть, политический и правовой нигилизм, гражданское общество, политические институты, референдум, верховенство закона, политические дискуссии, экономическое развитие.

Аннотация

Взаимосвязь такого важного явления, как правовое государство и политических отношений в том или ином государстве находятся в неразрывном единстве и взаимосвязи. В статье исследуется вопрос о становлении правового государства в России, исторических предпосылок его возникновения, указываются проблемы его развития, делаются попытки определить понятие правового государства в политологическом ключе. В статье приводятся существенные характеристики правового государства, указывается на особую роль гражданского общества, уровня политической культуры, экономического развития на развитие названного института.

Проблемы становления, развития и функционирования правового государства находятся в сфере внимания целого комплекса наук, среди которых основными являются философия, юриспруденция и политология.

Вопросы, так или иначе связанные с различными аспектами правового государства, всегда вызывали и вызывают глубокий исследовательский интерес. Они особенно актуальны в современных российских политических и экономических условиях, потому как в них сконцентрированы непростые отношения, лежащие в самой природе государства.

Формирование теоретической концепции, отражающей изучение правового государства, настоятельно требует безусловного предварительного изучения, сопоставления, сравнения и анализа накопленного наукой и политической практикой опыта. С прагмати-

ческой точки зрения исследование проблематики правового государства дает возможность определить пути, методы и формы, которые можно эффективно и целесообразно применять в современной ситуации при формировании правового государства в России.

Существуя как явление в рамках продолжительного исторического периода, правовое государство не могло оставаться застывшим и неизменным. Оно развивалось, изменялось и преобразовывалось под воздействием процессов, происходивших в различных структурах государства и общества.

Большинство ученых согласны, что формирование основ правовой государственности в нашей стране только начинается, протекает непросто и противоречиво.

Актуальность затронутой темы зиждется на конституционном принципе: российской Конституцией государство отнесено к правовым. Политологический интерес этой проблемы заключается в том, что указанный конституционный принцип носил и во многом продолжает носить декларативный характер и зависит в полной мере от политической конъюнктуры.

Стремление к формированию правового российского государства возникли в России не на правовом государственном фундаменте, а в условиях глубокого и болезненного системного кризиса государства и общества, в обстановке глубокого имущественного и социального расслоения, под влиянием значительного правового нигилизма и пренебрежения правами и свободами человека. Как справедливо отмечено, большинство россиян не склонны относить свою страну к правовым государствам, не считают ее государством, которое подчиненно праву и ограничивает себя правом, признает его приоритет над политикой, видит свое назначение в служении человеку¹.

Правовым государство невозможно провозгласить. Совершенно недостаточно для полноценного формирования правового государства только конституционного закрепления идей и принципов, поскольку это сложный и длительный исторический процесс, успешные результаты которого возможны лишь при наличии комплекса определенных факторов и условий, а именно, устойчивого экономического состояния и высокого культурного уровня, соответствующего духовного и нравственного потенциала общества.

К сожалению, эти условия в современной России пока не созданы в нужном объеме и качестве, право по-прежнему не является

¹ *Лейст О. Э., Мачин И. Ф.* Гражданское общество и современное государство // Вестник Московского университета. 2005. № 4. С. 37.

первоочередной целью и предметом политической защиты, не стало безусловной общественной и политической ценностью. Не считая Россию правовым государством, граждане называют первоочередными мерами «проявление политической воли», «наведение порядка», «привлечение к ответственности».

Формирование и совершенствование правового государства осуществимо только в условиях полноценного развития гражданского общества, социального равновесия. Так, по мнению О. В. Мартышина, правовое государство представляет действительное воплощение и сочетание принципов законности и принципов социальной справедливости, выражает законность и стремление защитить каждого человека от произвола, гарантию индивидуальной свободы и основных прав личности¹.

Сформировавшееся и функционирующее в России государство сегодня по-разному называется разными политическими объединениями. Коммунисты обычно называют его олигархическим, часть оппозиции — криминальным. В президентских Посланиях используются другие характеристики Российской Федерации: сильное, эффективное, демократическое государство. Однако все эти обозначения не устраняют проблему понимания сущностной стороны нашего государства.

Правовое государство у отечественных исследователей понимается как государство, пределы деятельности которого ограничены государственными же законами². Такое понимание было присуще германской науке XIX века и не учитывает те наработки, которые осуществила мировая наука: современные немецкие теоретики, в частности, понимают правовое государство, не только, и даже не столько, как законное, но, прежде всего, как государство справедливое³.

Сегодня правовое государство — по существу, а не по названию — является ключевой общечеловеческой ценностью, и неудивительно, что развитие цивилизованных стран отражает стремление стать правовыми государствами.

В истории России первое законодательное ограничение власти самодержавного императора произошло в 1905 году, когда в целях усовершенствования государственного порядка и перераспреде-

¹ *Мартышин О. В.* Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5. С. 72.

² См., например: *Гаганова Н. А.* Концепция разделения властей и идея субсидиарности // Государство и право. 2003. № 3. С. 93.

³ *Михалин В. И.* Особенности организации управленческой деятельности органов публичной Власти в России. Ростов-на-Дону, 2008. С. 86.

ния полномочий была сформирована Государственная дума, и в самом начале работы которой обсуждается вопрос о правительственной ответственности перед Думой, то есть, исполнительного органа перед структурой представительной властью.

Законодательное ограничение объема и границ публичной власти в пользу и по решению государство организованного народа или «ограничение правом», следует признать, в соответствии с европейской терминологией, первым признаком становления правового государства.

В исследовании сущности и природы правового государства важным моментом стало понимание значения признания и законодательного утверждения государствообразующего народа, как носителя суверенитета и единственного легитимного источника политической власти. Так, А. Н. Соколов, например, отмечает, что именно гражданское общество, как исключительный источник власти, учреждает государство, наделяя его структуры определенными полномочиями и оставляя себе право контроля того, как государство осуществляет назначенные функции в интересах государствообразующего народа.

Правовое государство — это отнюдь не самовольно организовавшаяся власть, но институт, сформированный гражданским обществом. Ограничение политической, исполнительной власти государства реализуется учредительными документами, которые принимает и утверждает гражданское общество либо непосредственно, с помощью референдума, либо каким-то специально созданным органом. Такой подход регулирует основы правовой государственности на основе не обычных законов, вырабатываемых самими государственными структурами, а, прежде всего, конституционными актами гражданского общества. В этом случае гражданское общество с помощью учредительных актов регулирует его формирование и деятельность.

Нет оснований говорить о существовании правового государства там и тогда, где и когда нет верховенства права, и народ лишен возможности формировать органы государственной власти, не может контролировать их деятельность и влиять на нее. Правовое государство действительно функционирует в условиях, когда его основой являются сформированные гражданским обществом структуры политической власти, действующие конституционные положения о правах и свободах, ответственность органов государства и чиновников перед институтами гражданского общества, главенство права в государственной деятельности и общественной жизни, независимая и эффективная судебная власть.

Особо следует подчеркнуть, что правовое государство гарантирует защиту интересов меньшинства и не допускает, чтобы естественное стремление к справедливости и равенству не уничтожало свободу личности и фундаментальные основания экономической свободы.

В современной России назрела потребность принципиального переосмысления природы, роли и места существующего российского государства. Действующая власть смелее и увереннее стала использовать именно институты правовой государственности, прямо и открыто заявлять о своей приверженности построения в Российской Федерации именно правового государства, которое станет фундаментом справедливого общественного устройства. В частности, предпринимаемые начиная с 2000 г. Президентом России меры по нормализации и совершенствованию деятельности правовых институтов как раз полностью находятся в рамках принципов и требований правового государства.

Правовое государство является удобной и перспективной площадкой для политической дискуссии, для сопоставления позиций власти и оппозиции, государства и гражданского общества.

Формирование в России правового государства, как показывает практика, сопряжено с наличием обязательных условий, среди которых можно отметить значимость высокого уровня экономического развития, культуры и нравственности, а также духовного потенциала российского общества.

В правовом государстве обязательным принципом является принцип разделения властей. Советская наука в этом вопросе основывалась на тезисе о государственной власти, работающей корпоративно, одновременно исполняющей законы и законодательствующей; все ветви власти сплетались в единстве, поскольку находились под руководящей силой коммунистической партии.

Невзирая на то, что уровень социального, политического и экономического состояния и развития современной России пока не позволяет в достаточной степени воплощать те качественные характеристики, которым должна соответствовать сложившаяся правовая государственность, эта тенденция позитивно воспринимается общественным мнением. Ввиду этого и предпринимаются усилия по формированию сущностных качеств правового государства, насколько это позволяют современные российские условия.

Реализуя соответствующие идеи и принципы, не следует забывать о бесперспективности и даже вредности слепого непродуманного копирования чужого опыта, и важно, соответственно, учитывать национальные особенности, исторические традиции.

Становление правового государства в сегодняшней Российской Федерации представляет сложнейшую задачу, решение которой, вероятнее всего, потребует достаточно длительного времени и предельной концентрации общественных сил. Это идея, но и одновременно ориентир, направление движения по пути государственного преобразования и созидания.

Хотя отдельные характеристики правового государства приобрели в современной России определенную динамику развития, невозможно отрицать, что политические реалии последних лет дают многочисленные основания для скептического отношения к декларациям верховенства права.

Становление правового государства — долгий и трудный путь, полный опасностей, ошибок и заблуждений. Несомненно, что построение правового государства в России должно основываться на тщательно разработанной и продуманной стратегии. Без скрупулезного учета исторического опыта других народов и других государств обойтись невозможно, однако перенимаемый опыт должен сверяться и соотноситься с собственными реалиями и традициями. Создание и развитие правового государства требует координации усилий всего общества во всех сферах, и недопустимо проводить политическую реформу в отрыве от экономической. Понимать правовое государство как законченную и некую совершенную формулу не следует, поскольку правовое государство является одновременно категорией сущего и должного, идеалом, преобразующим действительность.

Правовая государственность немыслима без реального разделения властей, поскольку именно этот принцип является одним из важнейших механизмов «системы сдержек и противовесов», гарантировано защищающую общество от узурпации власти и чиновничьих злоупотреблений. Между тем, современная российская действительность не в полной мере соответствует этому, принципу, закрепленному в российской Конституции. Влияние исполнительной власти, а вернее отдельных ее лиц, как на законодательную, так и на судебную власть, характеризует сегодня истинное положение дел в системе властей.

Доминирование в России на протяжении длительного времени авторитарной властной системы и значительная централизация управленческих функций предопределили особые организационные принципы и соотношение структур государственной власти.

В современных политических реалиях необходимо, чтобы деятельность исполнительной власти осуществлялась в строгом соот-

ветствии правовым формам и исключительно на основании и в рамках актов, принятых законодательными органами государства.

Повышение эффективности и результативности управленческой деятельности структур публичной власти неосуществимо без прозрачности их деятельности. Невозможно не согласиться с О. Шабровым относительно того, что открытость и прозрачность государственных органов являются главными и неотъемлемыми признаками демократичности¹, а информационная открытость государственной власти обеспечивает гражданам адекватное представление о деятельности власти и состоянии общества, укрепляет эффективность и действенность общественного контроля за работой органов публичной власти.

Становление правового государства в сегодняшней Российской Федерации представляет сложнейшую задачу, решение которой, вероятнее всего, потребует достаточно длительного времени и предельной концентрации общественных сил.

Становление правового государства есть долгий и трудный путь, полный опасностей, ошибок и заблуждений. Безусловно, построение правового государства в России должно основываться на тщательно разработанной и продуманной стратегии. Без скрупулезного учета исторического опыта других государств обойтись невозможно, однако перенимаемый опыт должен сверяться и соотноситься с собственными реалиями и традициями. Создание и развитие правового государства требует координации усилий всего общества во всех сферах, и недопустимо проводить политическую реформу в отрыве от экономических преобразований.

Библиография

1. *Вышкварцев В. В.* Правовое государство, права и свободы человека в концепциях российских ученых XX — начала XXI вв. М., 2009.
2. *Крылова Е. Г.* Влияние правовой государственности на форму и содержание государственной службы в России: монография. М., 2008.
3. *Соколов А. Н.* Правовое государство. Идея, теория, практика. Курск, 1994.
4. *Соломко З. В.* Правовое государство как идеологический концепт // Проблемы теории правового и социального государства. Сборник статей. Вып. 6. М., 2009.

¹ *Шабров О.* Политико-административное управление в РФ: актуальные проблемы // Власть. 2008. № 11. С. 124

Алексей Николаевич Воробьев

Студент кафедры политологии и права исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева

Social Science Research Council как институциональный спонсор «поведенческой революции» в американской политической науке

Ключевые слова: поведенческая революция, бихевиорализм, SSRC, Комитет по политическому поведению, Комитет по сравнительной политологии.

Аннотация

В статье анализируется деятельность Social Science Research Council как институционального спонсора «поведенческой революции» в американской политической науке. Рассматривается институциональная история Комитета по политическому поведению и Комитета по сравнительной политологии, а также их влияние на дисциплину.

«Поведенческая революция», охватившая американскую политическую науку в первые два десятилетия после Второй Мировой войны, характеризуется динамичным ростом числа организаций, поддерживающих поведенческий подход.

Важнейшим институциональным спонсором «поведенческой революции» являлся Social Science Research Council, в рамках которого наиболее активную роль в продвижении бихевиорализма играли Комитет по Политической Поведению (Committee on Political Behavior) и Комитет по Сравнительной Политологии (Committee on Comparative Politics).

SSRC был создан по инициативе Чарльза Мерриама и Бирдсли Рамла в 1923 г. при финансовой поддержке фонда Рокфеллера, став основным институциональным механизмом для взаимодействия филантропических фондов с сообществом социальных ученых.

К середине 1940-х гг. SSRC начал проявлять особый интерес к проблематике политического поведения. Так, в годовом отчете о деятельности SSRC за 1944–45 г. указывалось, что Совет принял «решение изучить возможность разработки нового подхода к исследованию политического поведения. Фокусируясь на поведении индивидов в политических ситуациях, этот подход предполагает рас-

смотрение политических отношений людей — как граждан, администраторов и законодателей — дисциплинами, которые могут пролить свет на проблемы, связанные с разработкой и проверкой гипотез о закономерностях поведения в различных институциональных условиях»¹.

В 1945 г. SSRC учредил Комитет по Политическому Поведению. Его созданию способствовал Пендлетон Херринг, ставший председателем. Помимо него в комитет вошли Герберт Эммерих, Чарльз Хайнеман и В. О. Кей, которые, наряду с Херрингом, были не удовлетворены существующими исследовательскими практиками в дисциплине. В первые годы своего существования комитет не проявлял никакой активности, что, по-видимому, было связано с неспособностью Херринга оказывать серьезное влияние на принятие решений в SSRC. Положение дел изменилось в 1948 г., когда Херринг был выбран президентом SSRC.

Одной из первых идей, предложенных Херрингом на новой должности, была идея по организации конференции для обсуждения исследований в области политического поведения. Она состоялась летом 1949 г. в Энн-Эрбор. Лейтмотивом конференции стало представление о необходимости проведения исследований политического поведения на междисциплинарной основе. Конференция в Мичигане продемонстрировала энтузиазм ученых относительно бихевиорализма. Вскоре после конференции в Энн-Эрбор Херринг направил свои усилия на активизацию деятельности Комитета по Политическому Поведению, которого, по некоторым данным, к этому времени уже формально не существовало². К концу 1949 г. комитет был реорганизован (*reconstituted*) в новом, значительно расширенном составе. В. О. Кей занял пост председателя комитета.

На первом этапе своего существования (примерно с 1949 по 1953 гг.) активность комитета была сосредоточена в трех различных областях:

Во-первых, разработка теоретико-методологических основ поведенческого подхода, манифестация «поведенческой революции» посредством публикаций в ведущих журналах по политической науке. Главными субъектами данной деятельности выступали члены комитета.

¹ Цит. по: *Dahl R. The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest // The American Political Science Review. 1961. Vol. 55. № 4. P. 764.*

² *Consolidated List of Council Committees, 1924–1997. N.-Y., 1998. P. 9.*

Во-вторых, стимулирование исследовательской активности бихевиоралистски ориентированных политологов через организацию летних семинаров. При этом по сравнению с предыдущей областью деятельности, расширился круг задействованных акторов.

В-третьих, обеспечение финансирования исследованию электропального поведения на президентских выборах 1952 г., проводимое Центром Опросных Исследований при Мичиганском Университете под руководством Ангуса Кэмпбелла.

В целом, к концу первого этапа была закончена выработка общих теоретико-методологических рамок поведенческих исследований, и представления о бихевиорализме в достаточной мере распространились среди научного сообщества.

Основной сферой деятельности на втором этапе (1953–1964 гг.) стало финансирование, стимулирование и координация научно-исследовательской работы ученых, подавляющее большинство из которых не входили в состав комитета. Таким способом предполагалось распространить и популяризировать представления о бихевиорализме, которых придерживались члены комитета. По сравнению с первым этапом значительно увеличилось количество акторов, взаимодействующих с комитетом.

Комитет прекратил свою деятельность в 1964 г. К этому времени движение за более строгие и количественные исследования было так широко распространено, что больше не нуждалось в специальной поддержке. В качестве замены был создан Committee on Governmental and Legal Processes, просуществовавший до 1972 г.

Пытаясь оценить влияние комитета на дисциплину, Дэвид Трумэн делает вывод о том, что, во-первых, комитет значительно способствовал переконцептуализации политической науки, сделав исследования более систематическими; во-вторых, достижения комитета являются яркими примерами мудрой стратегии фондов — при средних ежегодных расходах около 70,000 дол. фонды Форда и Карнеги сделали возможным реструктурирование дисциплины. По мнению Трумэна, это был лучший миллион долларов, который когда-либо тратил любой фонд.

Наряду с Комитетом по Политическому Поведению, огромное влияние на политическую науку оказал Комитет по Сравнительной Политологии. Он был создан по инициативе Пендлетона Херринга, а первым председателем был назначен Габриэль Алмонд.

Первые два года деятельность комитета ограничивалась дискуссиями на встречах и небольших конференциях. В 1956 г. была анонсирована первая широкомасштабная программа. Она была посвя-

щена исследованию политических групп в европейском и западном контексте. Финансирование программы взял на себя фонд Форда, выделив на неё около 250 000 долларов. Программа предполагала гранты отдельным ученым на полевую работу в течение 1957–59 гг., а также серию конференций и семинаров до и после полевых работ. Было присуждено около 20 грантов для полевой работы, и на основе этих грантов было сделано много важнейших исследований, в том числе исследование французских групп интересов (Генри Эрманн), итальянских групп интересов (Джозеф Лапаломбара), испанского авторитаризма (Хуан Линц), Индийских групп давления и политических партий (Майрон Вайнер), британского коллективизма (Сэмюэль Бир), исследование установок по отношению к группам в южной Италии (Эдвард Бенфилд) и другие.

Несмотря на ряд важнейших исследований, программа не оправдала ожиданий комитета. Алмонд надеялся, что она приведет к некоторому скачку в развитии теории, но этого не произошло. Стало очевидно, что без твердого теоретического основания исследования такого рода не приведут к кумулятивному росту знания. В 1957 г. Алмонд определил, что теперь комитет должен делать акцент на теории политического развития. Начиная с этого времени, он целиком сфокусировался на разработке теории модернизации и эмпирических исследованиях в её рамках. Для реализации вновь поставленной цели организовали ряд конференций, однако поворотный момент настал в 1960 г. Во-первых, была опубликована книга под редакцией Алмонда и Джеймса Коулмэна «The Politics of the Developing Areas», ставшая первым существенным вкладом комитета в теорию модернизации. Во-вторых, комитетом получил грант от фонда Форда в размере 273 000 долларов, позволивший инициировать исследовательскую программу по проблеме политической модернизации, в рамках которой организовали серию конференций по различным вопросам политического развития.

В 1963 г. новым председателем комитета стал Люсьен Пай. Под его руководством программа вылилась в девятитомовую серию книг по политическому развитию, выпущенную в Princeton University Press с 1963 по 1978 г.

Комитет перестал действовать в 1972 г. С 1954 по 1971 гг. им было получено 774,475 долларов, главным образом от фонда Форда, Рокфеллера и Карнеги. 200 000 дол. было потрачено на 34 исследовательских гранта для полевой работы в 21 стране, 406 000 дол. израсходовано на организацию 23 конференций комитета, 5 летних семинаров и оплату публикаций, 100 000 дол. на административные расходы, включая ор-

ганизацию 46 собраний. Всего в деятельность комитета, помимо его членов, штатных сотрудников и чиновников фондов было вовлечено 245 человек, 199 из США и 46 из зарубежных стран. Также в его деятельности приняло участие значительное количество аспирантов, которые работали в качестве ассистентов в исследовательских проектах, помогали в редактировании и составлении библиографии к публикациям, а также посещали семинары и конференции¹.

Усилия бихевиоралистов, направленные на переориентацию политической науки, оказались успешными главным образом вследствие развития институциональной структуры поведенческого движения и финансовой поддержки филантропических фондов. Social Science Research Council в этом процессе занимает особое положение, являясь одним из основных институциональных центров «поведенческой революции».

С. С. Семенов

Кандидат философских наук, заместитель начальника кафедры социальных и правовых дисциплин Академии внутренних войск МВД Украины

А. В. Гегечкори

Доцент кафедры социальных и правовых дисциплин Академии внутренних войск МВД Украины

Политика ненасильственной борьбы как метод преодоления политических конфликтов

В последнее время политологи все чаще обращаются к теме ненасильственной политики.

В научных и политических кругах издавна бытуют две основные точки зрения относительно политического насилия и его альтернативы. Первая отстаивает необходимость насилия, доказывает неразрывную связь политики с насилием, которое якобы является средством, пригодным для достижения благих целей. Сторонники второй точки зрения стоят на том, что насилие само по себе есть зло, даже если оно используется в благородных целях, что любую политическую проблему, можно разрешить нена-

¹ Pye L., Kay R. Activities of the Committee on Comparative Politics, 1954–70 // Items. 1971. Vol. 25/ № 1. P. 8–9.

сильственным путем. Как свидетельствует история, всегда определенная часть людей, групп единомышленников, общественных движений отвергала насилие в политике по этическим, моральным или религиозным мотивам.

Авторы данной статьи убеждены, что в реальной общественной жизни, если рассматривать политический феномен в его целостности, ненасильственная политика обычно тесно переплетается с насилием, в том числе и с вынужденными репрессиями. Последние необходимы, например, государству для защиты общества от враждебных нападков, от преступных элементов и прочего. Правда, нельзя не согласиться с мнением тех обществоведов и политиков, которые утверждают, что включение насилия в позитивный контекст общественных отношений возможно только в отдельных, в исключительных случаях, в строго ограниченных целях и контролируемых дозах.

Остается неоспоримым фактом, что ненасильственные действия получили и получают в мире «широкую прописку», вытесняют насилие во многих сферах политической деятельности. Они находят яркое проявление при отстаивании определенными слоями населения тех или иных стран своих конституционных прав, в ведущейся борьбе за экономические и социальные преобразования, за гражданские свободы и демократизацию, в национально-освободительном движении, в борьбе против диктатур, геноцида, в антивоенных акциях. Да и опыт «цветных» революций подтверждает, что одержать победу над правящим режимом можно без крови, не прибегая к силовым приемам, путем общественного морального давления на власть.

По подсчетам американского философа, специалиста в области истории и социологии ненасилия Д. Шарпа ненасильственная борьба в политической сфере включает около 198 форм и методов [5].

Трудно понять содержание и назначение ненасильственной практической политики, не ознакомившись хотя бы в общих чертах с основными положениями философии ненасилия, которая ни при каких обстоятельствах не приемлет полезности, необходимости и законности насилия.

Творцами философии ненасильственного сопротивления можно считать Г. Д. Торо (1817–1862 гг.), М. К. Ганди (1869–1948 гг.), Л. Н. Толстого (1828–1910 гг.), М. Л. Кинга (1929–1968 гг.) и других мыслителей и общественных деятелей.

Так, американский философ и писатель Г. Д. Торо первым дал моральное обоснование ненасильственной революции, предложил серию действенных мирных общественных акций в ходе её осуществления.

Философия гандизма (получившая название по имени её основоположника М. К. Ганди) исходит из идеи божественной реальности, отождествляемой с истиной, а достичь истины согласно этому учению возможно лишь путём морального самоусовершенствования. Источником же последнего служат «закон любви» и «закон страдания».

Разработанная Ганди и принятая его последователями тактика ненасильственной борьбы за независимость получила название сатьяграхи (буквально — упорство в истине). Она выражалась в двух формах: несотрудничества и неповиновения.

Несотрудничество заключалось в отказе от титулов, пожалованных англичанами местным жителям, бойкоте правительственных учреждений, организации мирных демонстраций. Гражданское неповиновение сводилось к нарушению отдельных законов колониальных властей, к проведению политических забастовок, харталов (прекращению всякой деловой активности) и даже к отказу от уплаты государственных налогов. Для тактики гандизма характерным было стремление разрешить отдельные конфликты с английскими войсками, а также социальные противоречия путём переговоров и соглашений на основе взаимных уступок.

Разработкой теории непротivления злу насилием в свое время предметно занимался великий русский писатель Л. Н. Толстой. Он мечтал о таком строе жизни, «при котором царствующие теперь раздоры, обманы и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собой» [4].

Особый интерес представляют теоретические воззрения относительно ненасилия идейного вдохновителя и практического организатора борьбы американских чернокожих за гражданские права Мартина Лютера Кинга. Его перу принадлежит характеристика основных особенностей, на которых зиждется теоретическая система ненасилия.

Первая особенность сводится М. Л. Кингом к тому, что даже ненасильственное сопротивление — это все-таки сопротивление, которое не имеет ничего общего с пассивностью. Оно, по мнению исследователя, является методом физической пассивности и одновременно мощной духовной активности. Это не пассивное непротivление злу, а активное ненасильственное сопротивление злу.

Вторым важным моментом при характеристике ненасилия является то, что с его помощью не стремятся победить или унижить противника, а пытаются завоевать его дружбу и понимание, через пробуждения морального стыда у противника. Последствия ненасилия

закключаются в создании общности, тогда как последствием насилия является трагическая горечь.

Третья особенность — атака в ненасильственной борьбе направлена против сил зла в большей степени, чем против тех людей, которым пришлось творить это зло. Именно зло стремится победить участника ненасильственного сопротивления, а не людей, ставших жертвами этого зла.

Четвертое это желание принимать страдания без возмездия — принимать удары противника, не отвечая на них.

Пятый пункт, определяющий ненасильственное сопротивление, базируется на том, что с его помощью можно избежать не только внешнего физического насилия, но и внутреннего насилия духа. Борец за ненасилие отказывается не только стрелять в противника, но и ненавидеть его. Центром ненасилия является принцип любви.

Шестой основной характеристикой философии ненасильственного сопротивления служит понимание того, что на стороне справедливости находится весь мир. Поэтому тот, кто верит в ненасилие — глубоко верит в будущее, заключает М. Л. Кинг [2].

Выделим и вполне «земные» корни ненасилия в политике. Так, существенным условием распространения ненасильственной политики является развитая демократия, истинное народовластие, широкое включение «простых людей» в политические процессы. При наличии этих компонентов общество, как правило, активно продвигается к более высокому уровню развития, в нем обеспечиваются личные и политические свободы, гражданский контроль, социальная и экономическая справедливость и т. п.

В структуре базовых элементов, упреждающих или, наоборот, порождающих насилие, важное место занимают количественные и качественные параметры социально-экономического развития страны, уровень жизни ее населения. Известно, что бедность в больших масштабах является всегда фактором нестабильности, условием для возможного противостояния власти и граждан, которое может перерасти в силовое столкновение сторон.

В виде социальной основы ненасильственных действий в политике выступает также ментальная особенность нации, в частности отсутствие в ней воинственного духа, каких-либо глубоко укорененных претензий к правящей элите, к согражданам, соседям, уровень цивилизованности, общей, в том числе и политической, культуры. Немаловажным моментом является и овладение мастерством политической этики, «этики ответственности» (по М. Веберу) всеми правителями и правительствами, лидерами различных партий и общественных движений, профессиональными политиками.

Позитивную роль в осуществлении ненасильственной политики играет идеологический фактор, то есть постоянное внесение в массовое сознание «золотых правил» нравственности, наложение запрета на пропаганду насилия и жестокости в обществе.

Наконец, действенным условием, которое может оказать сильное влияние на снижение насильственного прессы является всеобщий отказ от стремления к технологическому устройству мира. Минимизировать насилие возможно тогда, когда человечество уйдёт от сложившихся стереотипов создания развитой постиндустриальной или (по определению В. С. Степина) «техногенной» цивилизации и перейдет к гуманистическому видению устройства миропорядка. Большинство приверженцев «традиционной» цивилизации считают, что новый способ жизни в этом мире обязательно будет включать в себя и стратегию ненасилия.

И ещё один актуальный практический вопрос — основы построения взаимоотношений между властью и оппозицией.

Никакая власть не является абсолютно правомочной и заслуживающей полного общественного доверия. Это аксиома. Поэтому властные структуры призваны воспринимать политическую оппозицию как естественную норму, как обязательное явление, постоянно внимать ее конструктивным советам, по-деловому реагировать на критику. Государство должно иметь закреплённую в законе порядок четкую программу, соответствующую стратегию и тактику деятельности с инакомыслящими. Наверное, не является случайностью практика многих западных государств, которые позволяют себе роскошь холить и лелеять оппозицию. Кое-где даже берут последнюю на «государственное довольствие», на свое содержание.

Еще накануне распада СССР, во время так называемой перестройки в периодической печати, научных изданиях широко дискутировалась проблема относительно того, как должна вести себя государственная власть по отношению к зарождающейся в социалистической стране политической оппозиции. Автору данной статьи импонирует поучительный вывод, сделанный тогда доктором философских наук В. Макаренко. Суть его в следующем. Любые жесткие ограничения политической оппозиции со стороны государства, отмечал ученый, усиливают её моральные основания и сталкивают на позиции радикализма все более широкие социальные слои. Невозможен здесь и абсолютный либерализм, поскольку он создает чувство бессилия власти и способствует вербовке в ряды оппозиции индивидов, для которых ничего не значат идеологические мотивы деятельности — они просто примыкают к более сильной стороне [3].

Важным условием политического долгожительства правителей и правительств является терпимое, толерантное отношение ко всем проявлениям политической дифференциации, умение преодолевать привычный «синдром врага» к любому оппоненту.

Пример добропорядочного отношения к оппозиции призван подавать Президент страны, который является не только гарантом Конституции, но и своеобразным арбитром среди игроков на политическом поле.

В демократической стране каждый должен быть уверен, что его принадлежность к оппозиции не вызовет никаких осложнений в личной жизни и профессиональной деятельности, в целом не сделает представителей оппозиции персонами «нон грата». Нельзя не согласиться с предложениями гарантировать возможностей беспрепятственного выезда из страны, неуютно чувствующих себя в «родных стенах», обиженных представителей оппозиции, амбициозных, тщеславных и прочих оппозиционеров и аналогичного их возвращения, когда им это угодно и удобно, на Родину.

Это, так сказать, одна сторона медали. Теперь обозначим некоторые правила поведения самой оппозиции, которые могут гарантировать ее «безопасную» и эффективную жизнедеятельность, а также относительный мир и покой в обществе.

Первый, принципиальный момент — оппозиционность не должна предусматривать насильственных действий с целью захвата государственной власти.

Классическая оппозиция обычно борется не против конкретных носителей власти, а против ее деятельности, законодательных инициатив, публичных заявлений и практических методов осуществления определенного социально-экономического или социально-политического проекта.

Сила любой оппозиции кроется в умении держать руку на пульсе общественного мнения, а соответственно в содержательности, народной привлекательности ее программных намерений. Завладение «сердцами и умами» широких народных масс — залог успеха оппозиционных сил на любом этапе борьбы за власть.

Для эффективной оппозиционной деятельности, всегда важную роль играет политическое, кадровое, финансовое и информационное обеспечение. Это означает, что оппозиции, ее лидерам необходимо иметь определенный политический вес в обществе, политический, организационный, идеологический и тому подобный профессионализм руководящего и «аппаратного» состава, финансовые ресурсы и возможности доступа к средствам массовой информации. Что каса-

ется кадров, то желательно, чтобы среди руководителей и активистов было как можно больше людей с чувством гражданского долга и благородными побуждениями. Обязательным правилом для оппозиции является организация ее деятельности строго в правовом поле, в рамках законов.

Здравомыслящая и рационально действующая оппозиция никогда не делает резких радикальных шагов в какую бы то ни было сторону, в частности не игнорирует, не отменяет компромиссы, не строит свои отношения по модели «враг или друг» (у неё есть только оппоненты или партнеры), не прибегает к методам, которые могут дестабилизировать ситуацию в стране или оказывают жесткое психологическое давление на общественное сознание.

Обычно оппозиция активизирует свою деятельность в период выборов органов власти и «первых» должностных лиц в государстве и на региональном уровне. При любом их исходе нельзя делить на победителей и побежденных рядовых избирателей. Электоральная разноголосица, если на ней после выборов акцентировать внимание, таит большую опасность раскола общества по социально-экономическим, политическим, идеологическим и иным мотивам.

Цивилизованная оппозиция всегда должна иметь мужество признавать свои ошибки и безболезненно переносить поражения в политической борьбе. Тактика незамедлительного реванша за упущенную или не достигнутую победу может привести к затяжной непримиримой борьбе «стенки на стенку». В случае взятия оппозицией власти очень важно сохранить мир и согласие в обществе, обеспечить преемственность по многим направлениям развития государства и общества. Ведь всякое «разрушение до основания» вызывает у людей нездоровую реакцию, рождает обратную оппозиционность.

Дальновидная оппозиция, придя во властные коридоры, для завоевания доверия среди оппонированного ей меньшинства, создания в общественном сознании стереотипа гуманной власти, лояльного правительства нередко делится частью «министерских портфелей» с оппонентами, делает им уступки по другим вопросам кадровой политики, организует проведение общественных форумов согласия и примирения, избегает любых форм мести, сведения счетов с неугодными и. т.п.

Подведем некоторые итоги и сделаем соответствующие выводы.

Краеугольным камнем философии ненасилия является идея ненасильственного сопротивления злу, которое под воздействием добра имеет способность к саморазрушению, самоуничтожению. Такая

философия предполагает уважительное отношение к любому человеку, группе людей, общности, даже если они выступали или выступают в роли носителей зла. Ненасильственная политика — не утопия, а реальность.

Ненасилие, как общественно-политическое течение, имеет свою конкретную цель (достижение мира, добра, социальной справедливости и т.п.), технологию практических действий, определённый опыт их осуществления, сторонников на всех континентах. И последнее. Любая политика, в которой превалирует диктат, угрозы, шантаж и репрессии, бесперспективна. Она не имеет будущего.

Библиография

1. *Горлач М. И.* Вибране. У 3-х т. Т. 2. Світ повсякденності. — Х., 2003.
2. *Кинг М. Л.* Паломничество к ненасилию / Этическая мысль: Науч. — публицист. чтения, 1991. Общ. ред. А. А. Гусейнова. — М., 1992.
3. *Макаренко В. П.* Кризис власти и политическая оппозиция / Государство и право. 1990. № 11.
4. *Петров Г. И.* Отлучение Л. Н. Толстого от церкви. — М.: Знание, 1978.
5. *Шарп Д.* Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов / Этическая мысль / Под общ. ред. А. А. Гусейнова. — М.: Республика, 1992.

Асланбек Хаважович Денильханов

Кандидат политических наук, философский факультет
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Этическая природа современного либерализма

XX век с его трагическими потрясениями прошел в противоборстве ясных, обозримых идеологий с отчетливым дискурсом.

На полюсах — коммунистическая и фашистская системы, настойчиво утверждающие свои, догматически оформленные «истины», в центре — либеральная идеология во всех, даже противоречивых и взаимоисключающих оттенках утверждающая главенство прав, свободы и самоопределения человека в обществе и государстве.

Отвергнутые историческим развитием «полярные» тоталитарные идеологии, как казалось, оставили в качестве победившей идеологию либеральную. По логике должно было последовать торжество демократии, возможность свободного предпринимательства, равенство и братство между народами мира. Эти ожидания были даже оформлены в определенные концептуальные принципы. Яркой иллюстрацией тому служит оптимистическая работа американского философа Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек»¹, которая вышла в свет в 1992 г. Однако всем известное, исполненное воодушевления утверждение Фукуямы о видимом «конце истории», как теперь очевидно, не оправдалось. Фукуяма полагал, что окончание холодной войны (то есть поражение коммунистической идеологии) привело нас к представлениям об убедительной победе либерализма как в экономическом, политическом, так и гуманитарном смысле. Светлая мечта человечества реализовалась, либеральное понимание мира главенствует.

Практически одновременно появляется работа выдающегося американского политолога И. Валлерстайна «После либерализма», вышедшая на английском языке в 1995 г. и состоящая из очерков, написанных с 1990 по 1993 гг. Появляются две полярные точки зрения на судьбы либерализма в современном мире. Валлерстайн предлагает прямо противоположное по сравнению с Фукуямой видение ситуации: либерализм исчерпал свой исторический ресурс. Но прежде Валлерстайн задает, пожалуй, самый важный в настоящий момент вопрос: «А что же такое либерализм?» И отвечает: «... словари нам в этом особенно не помогут, так же как и огромное число книг, посвященных либерализму, поскольку само понятие *либерализм* чрезвычайно расплывчатое. И дело здесь не в том, что оно имеет много определений; так обычно происходит с любой значимой политической теорией. Суть проблемы заключается в том, что эти определения настолько сильно отличаются друг от друга, что самому понятию придаются диаметрально противоположные значения»². Значит ли это, что после, по крайней мере, двухвековых интеллектуальных усилий так и не определены формальные границы либерализма, не выявлена его структура? Очевидно — да, поскольку нет исчерпывающего ответа на вопрос, связанный с определением «свободы», не определены границы свободы. Валлерстайн рассматривает либерализм с позиций строгого историзма и определяет конкретные временные рамки бесспорного торжества либеральных теорий в мире — от Французской революции до развала

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

² Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 94.

СССР. После исчезновения биполярного мира и установления нового мирового порядка должна встать задача выработки новой идеологии, которая должна соответствовать новым задачам мирового развития с учетом длительного опыта существования либерального общества.

Уже в первой трети XX века, то есть в период наиболее активной практической реализации либеральных идей, было определено, что важнейшие принципы либерализма такие как «конституционность», «народное представительство», «разделение властей», «верховенство права», «частная собственность», «свобода частного предпринимательства» не могут служить исчерпывающей гарантией становления подлинно либерального общества. Демократические механизмы могут привести и к тирании толпы, что не менее опасно для свободы отдельной личности, чем самый авторитарный режим. Яркое и актуальное для нашей страны развитие этой мысли мы находим у отечественного писателя и мыслителя конца XX века А. И. Солженицына. В своей работе «Как нам обустроить Россию?» Солженицын пишет: «Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти — каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы (...). Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений — но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости»¹. Из этого следует, что либеральные идеи должны быть дополнены столь же глубокими размышлениями над особенностями этического либерализма в современном мире.

До сих пор либерализм утверждал самоценность этики свободы, и, что особенно важно, свободы позитивной, как «свободы для». Эта либеральная этика исчерпывающе выражена А. де Токвилем в его классической работе «Старый порядок и революция»: «Тот, кто ищет в свободе что-либо иное, кроме ее самой, создан для рабства»². В то же время этическая коллизия выявлялась еще в столкновениях «экономических» и «социальных» либералов. Суть этого конфликта заключается в понимании того, нарушаются или защищаются права личности усилением регламентирующего влияния государства. Другими словами, функции государства должны состоять в обеспечении законности, безопасности и обороны, социальной защиты и соци-

¹ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября. С. 17.

² де Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 124.

альной стабильности. Примирение этих позиций хотя бы в теоретической плоскости будет возможно, если воспользоваться яркой, даже поэтической формулировкой испанского философа Х. Ортега-и-Гассета: «Либерализм — правовая основа, согласно которой Власть, какой бы всемогущей она ни была, ограничивает себя и стремится, даже в ущерб себе, сохранить в государственном монолите пустоты для выживания тех, кто думает и чувствует наперекор ей, то есть наперекор силе, наперекор большинству. Либерализм, и сегодня стоит об этом помнить, — предел великодушия: это право, которое большинство уступает меньшинству, и это самый благородный ключ, когда-либо звучавший на земле»¹.

В этой цитате заключена высокая этическая природа либерализма. Это отчетливо понимают истинные либералы в России. Один из известных общественных деятелей либерального направления писатель Д. Драгунский сформулировал центральное значение этической составляющей в либеральном политическом направлении нашей страны. Он заострил свое понимание проблемы в названии статьи «Либералов в России много, а либеральной партии нет» для «Независимой газеты». Автор полагает, что неправильно говорить о непопулярности либеральных идей у российского избирателя, хотя данные политические предпочтения никак не удастся оформить в политическую партию. Он объясняет это положение глубокими этическими мотивами: «Есть люди, которые превыше всего ставят свободу. Свободу в политике и искусстве, в экономике и международных отношениях, во взаимоотношениях этносов, религий и цивилизаций, в быту, наконец. Люди, которые верят в здравый смысл и добрую волю своих сограждан, поскольку считают, что личная свобода ограничивается и регулируется личной же ответственностью»². Значит свобода должна сочетаться с самоограничением и обязательным уважением к другим людям. По его мнению, в стране есть партия недовольных наемных работников, есть партия национально озабоченных, наконец, есть партия средней и мелкой буржуазии. Но нет партии, объединяющих свободных и ответственных людей, строящих свою общественную жизнь на высоких этических принципах. Тезисы Драгунского свидетельствуют о том, что современные либералы развиваются в исторически традиционной для русского либерализма парадигме этического либерализма.

¹ Ортега-и-Гассет Хосе. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 326.

² Драгунский Д. Либералов в России много, а либеральной партии нет // Независимая газета 2011. 23 августа.

Между тем мировая либеральная мысль начинает сталкиваться с необходимостью сформулировать именно этические принципы, уточняющие (или подтверждающие?) традиционный либеральный подход о равенстве прав человека. Важная сегодня проблема, а кто же входит в зону действия либеральных идей, конечно, носит ярко выраженный этический характер. При разности ответов «экономического» (свободу регулирует только закон) и «социального» (свободны и, главное, равноправны все члены общества) либерализма до последнего времени доминирующим был тренд в определении прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) («Международный пакт о правах человека») 10 декабря 1948 г. Все люди на земле, независимо от расы, религиозной принадлежности, образования обладают равными личными, политическими и социально-экономическими правами. Но в практическом преломлении современных социально-экономических процессов речь идет преимущественно о праве на достойный уровень потребления, стандарты которого заданы ведущими развитыми сообществами Запада, и которые постоянно растут. Реализации своих прав и, в частности, права на высокий уровень потребления требует все большее число людей в мире. И, по мнению современного аналитика Е. Путилова, «Европе все труднее обороняться от растущего наплыва нелегальных иммигрантов, оставаясь в рамках гуманности и соблюдения прав человека»¹. Проблема поставлена предельно остро: «Нельзя сидеть на двух стульях — либо нужно всех легализовать, либо заявить, что на этих людей права человека не распространяются».

Таким образом, говорить об исчерпанности либерализма, пожалуй, преждевременно. Человечество, прошедшее столь длительный и трудный путь выработки представлений о личности, ее свободе и правах, просто не может отказаться от достигнутых позиций. И, конечно, не может стоять на месте. Развитие необходимо и неизбежно. Современный этап развития либеральных идей состоит в ответах как теоретических, так и практических на возникающие вопросы этического спектра, главным из которых, пожалуй, — определение добровольно очерченных границ свободы человека, которая может быть беспредельной и даже опасной, а должна быть соразмерной справедливости и гуманности.

¹ Путилов Е. С черного хода // Эксперт. 2011. № 38.

Наталья Довжик

Студентка исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Коминтерн и проблема европейской безопасности во второй половине 1930-х гг.

Коммунистический Интернационал (Коминтерн), всегда следовавший жестким догматическим нормам, во второй половине 1930-х гг. вступил в новый период, когда рост международной напряженности требовал более гибких форм борьбы, подчас и временного отказа от главной цели — социалистической революции, во имя мира и противостояния распространению фашизма в Европе. Новая стратегия Коминтерна выразилась в провозглашенной на его VII конгрессе в 1935 г. тактике единого фронта. Она предполагала совместную борьбу коммунистов с другими политическими силами, в первую очередь с партиями, входящими в Социалистический Интернационал. Вторым направлением стала тактика широкого Народного фронта, под которой подразумевался союз «...пролетариата с трудящимся крестьянством и с основной массой городской мелкой буржуазии, составляющими большинство населения даже промышленно развитых стран»¹, создаваемый для эффективного отпора фашизму.

Представления коминтерновского руководства о коллективной безопасности и возможности проведения этой политики силами компартий в странах Европы, а также способы проведения этой политики, применяемые Коминтерном с 1935 г., то есть с VII конгресса, хорошо иллюстрируют документы Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, находящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Эти документы ИККИ содержат инструкции и директивы компартиям, доклады высшего руководства о политической ситуации в странах, резолюции и решения по ключевым вопросам развития коммунистического движения. Даже беглый анализ документов показывает, что основное внимание ИККИ приковано к компартиям стран, с которыми связывается идея создания системы коллективной безопасности.

¹ *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад на VII всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975. С.145.

Прежде всего, в центре внимания Коминтерна оказывается Франция, имевшая с СССР договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г, который должен был стать основой сотрудничества двух стран во имя обеспечения мира и безопасности. Тем не менее, во Франции развивалось широкое массовое фашистское движение, ратификация договора с СССР затягивалась, а детали военного сотрудничества обговорены не были. Решения VII конгресса носили для Франции более чем для других стран актуальный характер. Лозунг единства действий пролетариата во Франции привел к усилению компартии, росту её силы и популярности.

После выборов 1936 г. было образовано левое правительство Народного фронта, в состав которого вошли коммунисты, социалисты и радикалы. Вхождению ФКП в правительство предшествовали долгие разногласия в руководстве Коминтерна. На VII Конгрессе говорилось о возможности создания правительства Народного фронта в качестве, «...правительства борьбы против фашизма и реакции»¹, но этот шаг для коммунистов, как для силы, стоящей на позициях революционного переустройства общества, был беспрецедентен. Он был продиктован задачами сегодняшнего дня, реальными политическими целями. Во Франции был проведен ряд социальных реформ, запрещены фашистские организации. Приход фашистов к власти во Франции был предотвращен, что само по себе было успехом в деле обеспечения безопасности в Европе. Однако сохранить союз не удалось, он просуществовал лишь до конца 1938 г., что совпадает с фактическим крахом идеи коллективной безопасности в Европе.

С июля 1936 г. внимание всего мира оказывается приковано к Испании, где возникает новый серьезный прецедент подрыва европейской безопасности. 17 июля 1936 г. в стране поднимается фашистский мятеж под руководством Ф. Франко, которым вскоре охватывается вся Испания. Конфликт быстро приобретает международный оттенок. С первых дней войны помощь мятежникам начинают оказывать Германия и Италия. Англия и Франция занимают позицию невмешательства. Первоначально и СССР разделяет позицию невмешательства, что было связано с опасностью выступить в одиночку в защиту Испанской Республики. В этом случае возникал риск

¹ *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад на VII всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г.// VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975. С. 172.

начала войны с Германией и Италией, что, возможно, означало бы новую мировую войну. Таким образом, СССР был вынужден занимать осторожную позицию, поскольку был одинок в поддержке Республики.

Такое положение предопределило роль компартии Испании, далеко не самой сильной компартии, в качестве борца за Республику и проводника интересов СССР в Испании.

В Коминтерне отдавали отчет в том, что война продлится долго, фашизм будет разбит не за один день. По линии Профинтерна и МОПРа уже с лета 1936 г. начинается налаживание работы по оказанию военной и материальной помощи Испанской республике. Профинтерн должен был взять на себя инициативу по оказанию помощи Республике, создав фонд в 1 млрд фр. для передачи руководителям КПИ¹.

Трезвый политический расчет и осторожность характеризовали позицию руководства Коминтерна в вопросе о задачах испанских коммунистов, ближайшими целями которых объявлялись победа над фашизмом и защита республики. Социалистическую революция и установление диктатуры пролетариата в Испании стали относить к задачам отдаленного будущего. Советское руководство, ощущавшее нависавшую угрозу войны, осознавало, что революция, пусть даже социалистическая, в тех условиях ещё более будет способствовать дестабилизации в Европе и вызовет ответную реакцию со стороны фашистских государств. Именно поэтому уже на заседании Секретариата ИККИ 23 июля 1936 г., через пять дней после начала мятежа, было заявлено: «Нельзя ставить на данном этапе задачу создания советов и стараться установить диктатуру пролетариата в Испании. Это было бы роковой ошибкой. Поэтому нужно сказать: действуйте под флагом защиты республики, не сходите с позиций демократического режима в Испании в тот момент, когда рабочие имеют оружие в руках, что имеет большое значение в деле победы над мятежниками»². Испанским коммунистам объявлялось: «Когда наши позиции укрепятся, мы сможем пойти дальше»³.

К этому нужно добавить, что в Испании Коминтерн постоянно вел борьбу с экстремистскими элементами. Борьба с троцкизмом, как свидетельствуют документы ИККИ, подчас становилась цен-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495, Оп. 18, Д. 1101, Л. 22–23.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1101. Л. 14.

³ Там же.

тральным вопросом при обсуждении и принятии решений по испанской проблеме, совпав по времени с крупными антитроцкистскими процессами, проходившими в то время в Москве. Борьба с троцкистами в представлениях Коминтерна неразрывно связана с проблемой безопасности в Европе, так как троцкизм подрывает мероприятия по защите мира. В решении Секретариата ИККИ по испанскому вопросу от 1 февраля 1937 г. говорится: «В Испании троцкисты представляют составную часть той пятой колонны, которая старается и на фронте и в тылу республиканского народа подорвать его силы и помочь генералу Франко»¹.

Поражение республиканцев в войне стало шагом на пути к краху идеи коллективной безопасности. Единый фронт и широкий народный фронт во многих странах так и не были осуществлены, давали о себе знать существовавшие на протяжении всей истории Коминтерна противоречия между национальными интересами государств и интернационализмом, в который верили коммунисты. Попытки Коминтерна работать в русле миролюбивой внешней политики Советского Союза зачастую наталкивались на трудности и провокации.

В заключение нужно отметить, что Коминтерн сыграл существенную роль в разработке и осуществлении идеи коллективной безопасности в Европе. Конечно, самым большим его успехом был Народный фронт во Франции, предотвративший приход фашистов к власти. Идеи национальной независимости и антифашистской борьбы носили прогрессивный характер, объединяли тысячи людей. Провал попыток создания системы коллективной безопасности, а также неудачи Коминтерна в создании единых фронтов выявили историческую необходимость создания новых форм борьбы коммунистов, что было осознано советским руководством и проявилось при организации коммунистического движения после Второй мировой войны.

Библиография

1. Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад на VII всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г.// VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495, Оп. 18, Д. 1101. Л. 22–23.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1166. Л. 3.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1166. Л. 3.

Андрей Николаевич Линде

Студент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Становление демократии как социально-политического устройства общества: развитие основ демократии в Афинском полисе

Ключевые слова: демократия, афинский полис, Солон, демократические институты.

Аннотация

Развитие, становление и утверждение демократии является одним из ключевых вопросов современной политической науки. Однако, в контексте этого важно рассмотреть также и то, как создавался феномен демократии в истории, а через это историческое исследование — выявить основные, неотъемлемые характеристики демократии. Отчасти, началу этого исторического анализа и посвящена эта статья.

Одним из наиболее актуальных, важных вопросов политической науки является вопрос демократии, её установления и развития. Особенно важен он именно в современную эпоху, когда многие государства проходят процесс демократизации — проходит он и в Российской Федерации.

Автору данной статьи представляется, что демократия является, во многом, принципиально новым, иным взглядом на устройство государства¹. Наша позиция заключается в том, что демократическое

¹ Чтобы более подробно рассмотреть эту точку зрения, приведём цитату из книги Юргена Хабермаса «Вовлечение другого». Так, описывая республиканский взгляд на устройство демократического общества, Хабермас пишет, что: «Не играет он (политический процесс — прим. авт.) и роли шарнирного сочленения, связующего государство и общество, ибо демократическая государственная власть по своему происхождению вообще не является силовой властью. Она происходит, скорее, из власти, порождаемой коммуникативными средствами в практике самоопределения граждан государства, и получает легитимность за счёт того, что защищает эту практику посредством институализации публичной свободы. Оправдание существования государства состоит в первую очередь... в обеспечении открытого для всех процесса формирования общественного мнения и воли, в ходе которого свободные и равные граждане достигают взаимопонимания относительно того, какие цели и нормы представляют общий для всех них интерес» (*Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб., 2001. С. 385*).

государство, в отличие от предшествовавших ему форм государственной власти — не есть силовая власть, а есть принципиально иное. Она есть лишь институциализация публичной свободы граждан, происходящая из коммуникации между гражданами и служащая для выработки, посредством согласования, общих целей и норм конкретного общества в его дальнейшем развитии. Мы постараемся доказать данную позицию на базе исторического материала, сравнительного анализа и теоретических построений.

На данный момент, демократия приняла устоявшиеся формы, обеспечившие достаточно успешное и стабильное развитие, принявшим их государствам. Однако в постепенном развитии находится и человеческая цивилизация в целом, представляя нам всё новые проявления своего своеобразия. В подобных условиях, необходимо также и развитие демократии, её приобщение к новым вопросам и проблемам развития, становящимся перед человечеством. Появляются концепции, составляющие базис современных теорий демократии, которые дополняют теорию демократии и укрепляющие её основы. Так, в современных условиях возникли такие концепции демократии, как: теории консоциальной демократии А. Лейпхарта, плюралистической демократии, полиархии, делегативной демократии, к ним относится и разработанная Юргеном Хабермасом теория делиберативной — коммуникационной демократии, упомянутая выше.

Хотелось бы остановиться на этой концепции несколько подробнее, изложить основные её положения и моменты.

Так, в своей работе «Вовлечение другого» Юрген Хабермас рассматривает два подхода к демократии — «либеральное» и «республиканское», как она рассматриваются в современности в США. Так, в этих подходах Хабермас рассматривает следующие основные черты: либеральный подход, с точки зрения мыслителя, определяет демократический процесс как программирование «государства в интересах общества, причём государство представляется как аппарат публичного управления, а общество — как система структурированного рыночным хозяйством сообщения частных лиц и их общественного труда. При этом политика (в смысле политической воли граждан) выполняет функцию фокусирования и проведения в жизнь частных интересов общественного значения, в противоположность государственному аппарату, специализирующемуся на административном применении политической власти в коллективных целях»¹.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб., 2001. С. 382.

Соответственно, «республиканское» воззрение на демократию Юрген Хабермас понимает иначе — «политика не растворяется в такого рода посредующей функции; скорее, она конститутивна для процесса социализации в целом. Политика понимается как форма рефлексии над жизненным контекстом нравов. Она образует ту среду, в которой члены естественно возникших солидарных общностей осознают свою обусловленность друг другом и в качестве граждан государства по своей воле и сознательно развивают заранее обнаруживаемые отношения взаимного признания, образуя ассоциацию свободных и равных носителей прав»¹.

Хабермас выдвигает свою, третью концепцию подхода к демократии, которая, являясь чем-то средним между либеральной и республиканской моделями, получила название процедуралистской, также — «делиберативной политики». Немецкий мыслитель основывает её на своей коммуникационной теории, дискурсного понимания демократии. Во многом, базируясь на кантовских идеях договора между людьми с позиций чистого разума (самой процедуры), коммуникативной теории Л. Видгенштейна, и теории публичной сферы и коммуникации Ханны Арендт, Хабермас полагает, что, сделав зависимой демократический процесс от институционализации структур коммуникации граждан, Хабермас предполагает, что возможно достичь сопряжения либерального и республиканского подходов к демократии, уравнивания интересов и достижения компромисса, «за счёт целерационального выбора средств, морального обоснования и проверки на юридическую связность»², когда коммуникативная власть трансформируется во власть, административно применяемую, при использовании «сети коммуникации политической общественности»³. Такова одна из последних концепций теории демократии.

Однако, для более полного понимания теории демократии, необходимо также уточнить и её суть, те основы, которые сформировались в демократическом подходе, а также те основы, которые были сформированы различными демократическими государствами.

Действительно, представляется, что для начала исследования, актуальным для понимания процессов современности, видна также и необходимость осознания прошлого. Безусловно, прежде всего, здесь необходимо обратиться к Античности — где были сделаны

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб., 2001. С. 382.

² Там же. С. 391.

³ Там же. С. 396.

первичные разработки данного режима. В данном случае, наиболее важным, первым примером демократического развития является становление демократии в Афинском полисе — одном из крупнейших и значительных полисов Древней Греции.

Сначала, обратимся к историческому анализу. Так, рассмотрев предшествовавшие демократическому устройству Афинского полиса важнейшие политические образования, существовавшие на территории Древней Греции — вновь показывая, что первые демократические образования в полисах Древней Греции, особенно Афинском, были действительно первыми образцами демократического управления, во многом принципиально новыми.

При историческом анализе, выявляется, что первыми государственными образованиями в истории Древней Греции являются единоличное правление в Критском государстве и аристократическое на Кикладских островах.

Так, в Критской цивилизации было установлено единоличное правление. Царское хозяйство занимало центральное положение в социально-экономической организации критского общества. Большое значение имела и аристократия, выполнявшая на Крите роль чиновничества. Здесь прослеживалось и экономическое расслоение общества, характерное для единовластных государств того времени. Большинство населения было вовлечено в сельскохозяйственную деятельность, среди них были и зажиточные владельцы — но основным собственником оставался правитель.

Несколько иной была ситуация на Кикладском архипелаге. В данном контексте, наиболее интересно своеобразие его социально-политического устройства, отличного от того устройства, которое мы наблюдали на Крите. Необъединённое, государство было разделено на несколько островов. В отличие от Критского государства, на Кикладах отсутствовал царский дворец и аристократический квартал — скорее, был сформирован средний, свободный зажиточный слой, и слой более богатых предпринимателей. Исторические исследования показали, что управление островными государствами Киклада проходило скорее на коллективных, народных, началах. Таким образом, в Кикладской цивилизации сформировался тип государства, наиболее близкий к республиканскому — он создал предпосылки для активной общественной деятельности, коммуникации.

Однако, утверждать, что данное политическое управление на Кикладских островах было тождественно демократическому, навряд ли возможно. Так, острова никогда не объединялись в единое государство, размер управляемых общин был крайне мал — таким обра-

зом, отличия от структуры демократического Афинского полиса явно были существенными.

Также, отдельно хотелось бы рассмотреть сформировавшуюся на материковой части Древней Греции Ахейскую цивилизацию. Так, у ахейцев также была утверждена единоличная форма правления, но царь исполнял иные, нежели на Крите, функции — функции военного предводителя и полководца.

Далее, была важна должность лавагета — помощника царя, занятого военными делами. В основном, именно в их руках, а также наиболее высоких военных чинов, находилась власть и дальнейшая судьба, пути развития этих царств.

Дальнейшее административное устройство было также достаточно разветвлённым. Так, царство было разделено на 16 податных округов, во главе которых были поставлены царские наместники. Ещё одной прослойкой среди ахейской аристократии были *басилеи*¹, управлявшие отдельными поселениями, и представлявшими её общину. Важное место в государственной системе занимало и финансовое ведомство — однако, оно было крайне бюрократизировано, состояло из: контролёров за сбором налогов, руководителей дворцовым хозяйством, многочисленных писцов и пр. В целом государственное управление Ахейских царств получает достаточно критическую оценку в российской историографии: «Государства были монархическими и в высшей степени бюрократизированными»². Получало Ахейское государство, в исторической литературе, и более критические замечания³.

Таким, образом, рассмотрев политические формы, предшествовавшие демократическому правлению в Древней Греции, нами было установлено, что они не были демократическими — напротив, носили либо единоличный, либо аристократическое правление. Они принимали, в основном, вертикальный, также, субъектно-объектный характер управления, не предполагали, за исключением, отчасти, Кикладских государств, структуры самоуправляющейся общины.

¹ История Древней Греции. М., 2009. С. 31.

² Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 8.

³ «Оно (разложение ахейской цивилизации) проявилось, прежде всего, в исчерпании творческих возможностей ахейской элиты, проживавшей в неприступных цитаделях, роскошных дворцах, проводившей время в военных походах, междоусобных конфликтах, играх и охоте. В значительной степени это была паразитическая прослойка, живущая за счёт грабежей и налоговых сборов со всего населения» (История Древней Греции. М., 2009. С. 39).

Теперь, рассмотрим само формирование демократического правления в Афинском полисе, его характерные, особенные черты, сложившиеся на протяжении его становления.

Формированию демократического правления в Древней Греции, после завоевания ахейского государства дорийскими племенами, последовавшей за этим регрессии, предшествовал «вечевой быт»¹. Но, об институциональном закреплении демократических принципов на данный момент говорить навряд ли возможно². Тем не менее, как первый образец народных объединений в древней Греции, всеобщего волеизъявления, эти первичные народные собрания играют достаточно большую роль.

Сам демократический строй в Древней Греции утверждался лишь постепенно, в ходе продолжительных преобразований и борьбы.

Следующим важным этапом в становлении демократического устройства в Древней Греции стало формирование полисного строя. Во многом, именно формирование полисного строя, в начальной форме, послужило дальнейшему утверждению демократии, ставшей, в итоге, одной из основополагающих частей полисного строя в принципе.

Интересна и этимологическая составляющая значения слова «полис». Так, Ю. В. Андреев пишет, что: «Само слово «полис» имело в греческом языке, из которого оно перешло в языки современных европейских народов, три различных значения: 1) город, 2) государство; 3) гражданская община. В сознании греков, как правило, все эти три понятия сливались в единое понятие города-государства»³.

Так, Аристотель писал в «Политике»: «Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодавляющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные общения; оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта — то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной

¹ *Сергеевич В. И.* Первичные народные собрания у германцев и греков. СПб., 1907. С. 3.

² Исследуя ряд исторических источников, и, прежде всего — «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, Сергеевич предполагает, что эти собрания были институционально (также как и государственный строй вообще) не оформлены, не был определён порядок, конкретное время их созыва, те, кто обладал полномочиями созыва народных собраний. Достаточно высоким положением на народном собрании пользовались только басилеи, проявлялось и уважение к летам.

³ *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 1.

цели и состоит высшее завершение, а самодавляющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием»¹.

Рассмотрим, теперь, наиболее яркий пример развития демократии — Афинский полис. Институт власти басилея-военачальника отмер здесь уже достаточно давно: его прежние должности исполняли архонт, занимавшийся гражданскими делами, и полемарх, взявший на себя военные функции, командовавший ополчением. Однако в VII в. до н.э. Афинский полис существовал в состоянии острой социальной напряжённости: в конфликте находились зажиточный, аристократический, слой полиса и мелкие землевладельцы, торгово-ремесленная прослойка. Одним из проявлений противостояния стала Килонова смута. Необходимы были действительные, демократические преобразования. Одни лишь законодательные меры, выражением которых в Афинском полисе стали законы Драконта, не могли решить действительных противоречий — необходима была система мер, способная разрешить социальный конфликт. Именно ей стало народовластие в Афинском полисе.

Теперь, рассмотрим подробнее, какие именно формы приняло демократическое правление в Афинском полисе. Что касается исполнительной и законодательной власти, то необходимо рассмотреть функционирование Народного собрания и Совета пятиста. Исторически рассматривая деятельность этих органов, представляется, что это было подлинное объединение всенародного волеизъявления для дальнейшего определения политического дискурса. «При обсуждении любого вопроса в экклесии каждый гражданин имел право высказать своё мнение и внести в текст постановления своё предложение, если его поддерживало большинство собравшихся. На афинских граждан нельзя было воздействовать ничем, кроме убедительных аргументов, поэтому практика политической жизни способствовала развитию ораторского искусства»². Таким образом, деятельность Народного собрания и Совета 500 действительно сплачивала единый гражданский коллектив Афинского полиса, способствовала утверждению и реализации в действительности демократических ценностей.

Можно сказать, что, подобно этому, было и функционирование народного суда — гелиеи. Так, отстаивание своих интересов производил сам гражданин — поэтому, ему было необходимо хорошо знать законы своего государства, это укрепляло правосознание афинских граждан в

¹ *Аристотель*. Политика // *Метафизика*. Аналитика Политика. СПб., 2008. С. 687.

² *История Древней Греции*. М., 2009. С. 139.

целом. Сам суд формировался только в день суда, и включал в себя, в большинстве случаев, 501 человек из назначаемых раз в год 6000 судей — таким образом, каждый афинский гражданин избирался в течение его жизни несколько раз, ввиду чего, укреплялся дух закона, права среди общества. Интересно также то, что состав суда мог быть расширен в два-три раза, в зависимости от важности рассматриваемого дела. Особенно необходимо отметить, что история функционирования гелиеи не знает случаев её подкупа — это, во многом, объяснялось тем, что состав суда определялся только в день рассмотрения дела.

Таким образом, можно утверждать, что в Афинском полисе утвердился подлинный образец прямой демократии, объединивший народ в коммуникации, возможности совместной выработки управления государством.

Интересно также и то, что граждане Афинского полиса были освобождены от уплаты налогов — они вводились только в чрезвычайных ситуациях — таких, как ведение военных действий — и взимались пропорционально имуществу самого гражданина — что только улучшало структуру демократического строя. Основными налогоплательщикам же были метеки — граждане других полисов, проживавшие на территории Афинского города-государства. Он платали только один налог — так называемый метейкион — за право проживания в Афинском полисе.

Однако возможно рассмотрение феномена Афинской демократии и с другой точки зрения — подхода, предложенного для рассмотрения демократии Йозефом Шумпетером. Так, Шумпетер пишет, что: «Будем помнить, что основной проблемой классической теории было утверждение, что у «народа» есть определенное и рациональное мнение по каждому отдельному вопросу и что мнение это реализуется в условиях демократии путем выбора «представителей», которые следят за тем, чтобы это мнение последовательно претворялось в жизнь. Таким образом, выбор представителей вторичен по отношению к первичной цели демократического устройства, а именно: наделить избирателей властью принимать политические решения. Предположим, мы поменяем роли этих двух элементов и сделаем решение проблем избирателями вторичным по отношению к избранию тех, кто будет принимать решения»¹. Таким образом, главным критерием демократического строя предполагалось поставить саму способность народа к избранию, свободу этого выбора. И демократический строй Афин полностью удовлетворял и этому критерию.

¹ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм, демократия. М., 1997. С. 328.

Так, безусловно, в Афинском полисе была утверждена прямая демократия, но также существовал и сам институт выборов практически всех высших должностей Афинского полиса — магистратов, являвшихся казначеями, хранителями, наблюдателями, также, аподектами — ведавшими сбором взносов в казну, и стратегами — занятыми военными делами. Таким образом, принцип свободы избрания в демократии также был реализован в полной мере.

Итак, в ходе исследования нами было выявлено, что демократия в Древней Греции действительно является неким, принципиально новым, взглядом на государственное устройство общества. Оно предполагало свободу всех, кто являлся гражданами этого государства, их действительное объединение на народном уровне в общую, единую политическую волю, решавшую встававшие перед обществом задачи, ведущее политическое правление на подлинно народном уровне, когда контроль и выработка политического процесса осуществлялась единым гражданским сообществом. Подобное мнение отразилось и во многих научных трудах, посвящённых вопросу древнегреческой демократии¹. Это была первая, «идеальная» форма демократии, послужившая основой для многих дальнейших построений демократии, пусть и представшая, на данный момент, в ещё простейшей, несовершенной, форме, но служившая образцом для последующих демократий в течение столетий, так как, в сущности, при всех различиях, сохранялся один и тот же тип режима, пусть и прошедший. На пути своего развития, через достаточно многие перемены, затронувшие человеческое общество, цивилизацию в целом и демократию в частности. Безусловно, демократия в Афинском полисе не была полностью совершенна — так, в обществе ввиду определённого экономического строя ещё сохранялось

¹ Так, Ю. В. Андреев пишет, что: «Типичная для стран Востока авторитарная форма государства в двух основных ее вариантах деспотической царской власти и жреческой олигархии в Греции первой половины I тыс. до н. э. не прижилась. Она не вышла здесь из своей, так сказать, «экспериментальной стадии», о чем свидетельствует судьба раннегреческой тирании, к которой нам вскоре еще предстоит вернуться. В обществе свободных собственников, каким в основе своей было греческое общество архаического времени, государство, стоящее вне общества и даже над ним и диктующее ему свою волю, как это было на Востоке, было абсолютно неприемлемо. Здесь нужно было государство совсем иного типа, которое взяло бы на себя, прежде всего, функции посредника и примирителя в отношениях, как между отдельными индивидами, так и целыми их группами: классами, сословиями, социальными слоями» (*Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации.* СПб., 1998. С. 135).

рабство, пусть находящееся и в не столь плачевно положении, как в не которых странах Востока в то время, также и сама демократическая система только ещё развивалась. Но это был важный шаг. Действительно сложилась демократическая система, предполагающая сообщение всех граждан, с осуществлением их контроля над политической сферой, и, посредством осуществления этого, выработку дальнейшего пути развития. Это первый, «идеальный» тип демократии, явивший нам себя в Древней Греции.

Анастасия Павловна Моденова

Студентка кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Идеи философа И. А. Ильина в контексте современной политической риторики (на примере анализа Посланий Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ)

Ключевые слова: И. А. Ильин, В. В. Путин, будущее России, справедливость, власть, благо народа, величие русских людей.

Аннотация

В статье рассматривается наследие великого русского философа Ивана Ильина сквозь призму риторики национального лидера России Владимира Путина. Любопытным представляется фокусирование внимания на моменте преломления теоретических идей через выступления реально-го политического деятеля. Главная категория в работе — это будущее русского народа, его величие как ключ к благу.

И. А. Ильин — символ не только великой русской философии, но и могучей русской души. Как отмечал сам философ, пока в душе человека теплится хотя бы маленький уголёк веры, он позволяет преодолеть любые трудности. В. В. Путин занял пост Президента в непростое время, время, трудное для России, для русских людей, терявших веру в благополучное будущее. Но сам Владимир Владимирович обладал настолько мощной верой, что, как оказалось, веры национального лидера хватило, чтобы побороть тьму пессимизма в масштабах страны.

Сам В. Путин не раз отмечал свою симпатию к И. А. Ильину, в связи с чем интересным представляется произвести анализ официальных выступлений В. Путина в период его президентства на предмет выявления влияний идей великого русского философа. В качестве официальной политической риторики для анализа автором были выделены Послания Федеральному Собранию РФ¹. Согласно Конституции РФ Президент ежегодно обращается к Федеральному Собранию с посланием, отражающим перспективы политики России. Послание не является юридическим документом, однако имеет огромное значение в силу отражения характера стремлений и стратегических задач национального лидера в масштабах страны, что позволяет считать такой тип политических выступлений полезным для определения предпочтений главы государства.

Идеи И. А. Ильина носят вневременной характер, однако в новейшей истории России они показали свою наибольшую актуальность. Сбылись прогнозы, которые Ильин давал относительно России ещё в XX веке, отгремели революции, но в настоящее время Россия находится не в менее, а, возможно, даже более тяжёлом положении — страна стоит на пути долгих и мучительных эволюционных изменений в сторону укоренения в ней демократических институтов и установления гражданского общества. При этом идея революции не понималась И. Ильиным исключительно негативно, любой кризис, по его мнению, это возможность совершить культурный и социальный перелом, использовать разрушения во благо, чтобы создать нечто новое. У кризисных моментов есть положительная черта, ибо они служат индикатором состояния социума. По мнению философа, социальные катастрофы, в том числе революции, есть следствие более глубоких причин, свидетельствующих о вырождении человеческой культуры. Культура чрезвычайно важна для жизни любого государства, ведь именно она формирует его закон, задачи и цель. Однако общее отношение И. Ильина к революционным ситуациям, конечно, позитивным назвать никак нельзя, и это роднит его идеи со взглядами В. В. Путина. «Не будет ни революций, ни контрреволюций. Прочная и экономически обоснованная государственная стабильность является благом для России и для ее людей²», — пишет Президент. «Народ должен уважать своё духовное достоинство.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ).

² Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 2001 года.

Все тирании вытекают из неверного восприятия своего достоинства. Тоталитарная власть строит весь свой режим на подавлении и извращении чувства собственного духовного достоинства. Это самое худшее, что может быть. Революционное правосознание есть правосознание больное и вырождающееся!¹» — размышляет философ.

Действительно, век двадцатый — это век блуждания человечество во тьме, но ведь это вовсе не значит, что выхода нет. В своей работе «О сущности правосознания»² Ильин раскрывает понятия правосознания, справедливо отмечая, что право и правосознание призваны способствовать мирному и справедливому сожительству людей на всей Земле. Массовое правосознание требует укрепления со стороны государства, право должно быть с помощью властей максимально приближенным к народу. И любое наказание должно быть направлено на воспитание правосознания. Здоровое правосознание начинает перестраивать социальную жизнь людей на принципах *духовного самоуправления, чувства собственного достоинства, уважения, доверия и справедливости*. Цель России — создание нового правосознания, основанного на любви к духу и на воле к безусловному благу. Право и государство, по своей сути и созданы для того, чтобы поддерживать внутренний мир через правосознание.

О тесной связи государства и народа И. Ильин пишет в статье «Об органическом понимании государства и демократии»³. Участниками государственной жизни являются живые личности, и государство живёт в каждом своём гражданине. Состав государство — это его народ, но народ должно вести Правительство. И главная задача государства — наряду с формированием духовной цели, это отбор лучших людей и стимулирование политической деятельности своих граждан. Статья «О политическом успехе»⁴ — одна из самых ярких из сборника «Наши задачи», где философ излагает своё понимание политического успеха как *расцвета народной жизни*. Правитель, который не стремится к благополучию своего народа, является преступником. Эта идея рефреном проходит через все послания Президента: «Россия — это прежде всего люди, которые считают ее своим домом. Их благополучие и достойная жизнь — главная задача

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания [Электронный ресурс] // Либрусек: [сайт]. URL: <http://lib.rus.ec/b/169638> (дата обращения: 13.09.2011).

² Там же.

³ Ильин И. А. Об органическом понимании государства и демократии [Электронный ресурс] // Русская идея: [сайт]. URL: <http://apocalypse.orthodox.ru/problems/095.htm> (дата обращения: 13.09.2011).

⁴ Там же.

власти. Любой!»¹; «Главный конкурентный капитал, главный источник развития страны — это её граждане²»; «А у России есть колоссальные возможности для развития, есть огромный потенциал, который надо эффективно реализовать для улучшения жизни людей»³; «Каждый гражданин России должен чувствовать свою сопричастность с судьбой государства. И каждый должен иметь шанс законным образом улучшить свою собственную жизнь, преумножить трудом богатство своей Родины⁴».

Политика, в понимании Ильина, есть искусство объединения людей. Особенно важно то, что это объединение должно быть добровольным. При этом необходимо критически оценивать положение государства и действовать в соответствии с трезвым оптимизмом. Политика видит идеал, к которому следует стремиться обществу, но при этом сохраняет способность реально оценивать современность. Эти идеи чрезвычайно близки В. В. Путину, который изложил схожие мысли в 2001 году: «не вправе впасть в эйфорию от успехов. Нельзя порождать неоправданного оптимизма и несбыточных ожиданий в обществе»; «объективный анализ собственных недоработок мне казался много полезнее, чем успокоительные речи, хотя можно было бы развивать и этот тезис».

Неиссякаемая вера в русский народ, его мощный потенциал и духовного развитие прослеживается в каждой работе И. Ильина, в труде «Что сулит миру расчленение России?»⁵ философ даже пытается выделить пункты, обосновывающие величие русских людей. И. Ильин пишет: «Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!» В. Путин также неоднократно демонстрирует веру в граждан России как единую общность: «Россия — это страна, вовсе не обреченная на кризисы и прозябание. Что российский народ — та-

¹ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 2000 года.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России? [Электронный ресурс] // Православие : [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/2444.htm> (дата обращения: 13.09.2011).

лантливый, инициативный и предприимчивый. Что он умеет работать и достоин лучшей жизни¹»; «Консолидация всех наших интеллектуальных, властных и нравственных ресурсов позволит России достичь самых больших целей. Великих целей, достойных великого народа²».

Как показал сравнительный анализ, многие идеи, изложенные в трудах великого философа И. А. Ильина не только актуальны и по сей день, но и активно использовались главой государства в официальной риторике в Посланиях Президента России В. Путина Федеральному Собранию РФ. По мнению автора, главное, что объединяет идеи И. А. Ильина с политической риторикой В. В. Путина — это безграничная вера в величие и счастливое будущее русского народа.

Руслан Ринатович Ходжаев

Студент кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

«Венецианское преследование» в политическом измерении «Я — Другой»

Ключевые слова: нарратив, нарративизация, текст, самоидентификация, Другой, гиперреальность, повествовательная идентичность.

Аннотация

Нарратив — эффективный инструмент овеществления бытия политического агента, превращения его деятельности в общедоступный текст. Нарративизация осуществляется благодаря взгляду извне с позиции Другого: идентичность агента фиксируется в пространстве, параметры которого определяются позицией Другого.

Проблема самоидентификации агентов³ политического поля производится по принципу отмежевания от пространства идентич-

¹ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 2003 года.

² Там же.

³ Здесь и далее понятие «агента» используется в традиции П. Бурдьё в противоположность «субъекту» и «индивиду» для того, чтобы подчеркнуть самостоятельность актора, его способность выстраивать стратегии в политическом поле, его активность в структуре институционализированной практики.

ностей Другого. Для того чтобы создать слот идентичности агента в политическом измерении, необходима явная или скрытая нарративизация его деятельности. Нарративизация в этой связи выступает эффективным способом сделать бытие осязаемым, превратить деятельность агента в общедоступный текст. Данная процедура предполагает взгляд извне глазами Другого. Даже если взгляд Другого не является осязаемым, он, однако, вшит в процесс нарративизации как внешнее, как рефлексия о языковых формах, как желание репрезентации в определенном свете, как стремление стать участником общедоступного политического сюжета¹. Идентичность агента таится в тени Другого, а арена политического действия есть игра теней, в которой основным правилом является правило «Венецианского преследования».

Преследование в данном случае выступает методологическим принципом, с помощью которого создается феномен Другого. Непосредственная встреча убивает Другого, растлевает его в едином поле говоримого, уничтожает в нем инаковость и чужеродность — участники встречи становятся единым целым. «Другой — это тот, чьей судьбой мы становимся, не сближаясь с ним в качестве собеседника, но окружая его подобно тени, подобно двойнику и изображению, примыкая к нему... Другой — это совсем не тот, с кем вы общаетесь, это тот, за кем вы идете, и тот, кто идет за вами»².

В политическом измерении очень важно преследовать Другого, идти по его следам, в своей интерпретации осуществлять свое право фатального преследования. Оставаясь в тени Другого, политические агенты создают сюжет для действий Другого, окутывают образ Другого метафорой, облекают метафору в слово. В акте такого явного или скрытого речепроизводства происходит самоидентификация, акт позиционирования в политическом поле, границы и параметры которого задаются положением Другого.

Преследование Другого на политической арене принимает остросюжетные характер. Агенты политического процесса желают не просто сделать Другого своей частью, но и сделаться для Другого чем-то фатальным и смертоносным. Акт преследования есть акт лишения Другого его маршрута. Как только на маршрут Другого падает взгляд преследователя, Другой лишается своей тени, своих следов — они растворяются в зазеркалье интерпретаций. Преследователь овладевает судьбой и смыслами Другого, стирает контур его маршрута. В преследователе, как в зеркале, рождается вторая жизнь

¹ Ковалев О. А. Смерть и просветление. М., 1996. С. 293–305.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 236.

Другого, его двойник приобретает самостоятельное существование. Таким образом, происходит символическое убийство Другого: Другой перестает быть — его жизнь превращается во взгляд на эту жизнь, в текст, сотканный из интерпретации. Другой умирает в этом тексте, его жизнь превращается в симуляцию, направляемую искусственным взглядом преследователя. «Любое сколь угодно банальное существование может оказаться преображенным, а любая сколь угодно исключительная жизнь — опошленной»¹.

Встреча с Другим не дает возможности убить Другого, мы теряем контроль над ним и настойчивость в отношении к нему. Другой ограничивает нас своей реальностью, заставляет мириться с ней. Но нам не интересен Другой, нам нужен его маршрут, мы хотим быть тенью этого маршрута, вести Другого за собой на сцену собственной фактичности и значимости, вытекающих из причастности к авторству текста, в который превратилась жизнь Другого.

Основа политического существования — причастность к авторству подобного текста. С момента размывания свойства классовости государства, которая устанавливала социально-экономическую определенность идентичности политических агентов, самоидентификация оборачивается интеллектуальным столкновением политических сил за символический капитал, актуализирующийся в легитимном праве на номинацию политического маршрута Другого. Номинация осуществляется с позиции метанарратива, который является носителем всех возможных форм исторической идентичности политических сил в государстве. Данный метанарратив имеет твердую культурно-историческую почву, однако конечные продукты интеллектуального творчества могут быть обращены вовне, как это было в тоталитарных политических организациях.

Х. Арендт в работе «Истоки тоталитаризма» отмечает важную особенность тоталитарного общества, которая заключается в тотальном (всеобщем) терроре. Тотальность террористического насилия создается эффектом массового общества, основной характеристикой которого является перманентность и вездесущность. Тотальность усугубляется монолитностью общества, которое воплощает в каждом своем действии волю вождя. Вождь, в свою очередь, — символ массы, его нельзя отделить от общества: в воле вождя совокупное волеизъявление монолитной массы. Таким образом, уничтожение плотности Другого в политическом измерении привело к тому, что форма самоидентификации по параметрам величия и избранности была направлена вовне моно-

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 234

литного организма, преследование стало фатальным для Другого, в собирательном образе которого были обречены на символическое убийство целые нации и народы. Подобная форма сознательной агрегации Другого свойственна любому политическому организму, в котором закрыт для Другого доступ к политическому действию.

Другой вариант подобного сценария может быть реализован политическим агентом через сознательное конструирование Другого в собственном политическом измерении. Данный сценарий удобен тем, что создает перспективу для возможной самоидентификации агента. Процедура преследования в этом случае упрощается, так как оно осуществляется по заранее заданному маршруту, на котором постановка уже готова, роли заучены, билеты проданы. Данный сценарий наиболее ярко воплощается в фиктивной многопартийности и мнимой системе «сдержек и противовесов».

Более изящную и профессиональную игру демонстрируют участники открытого политического пространства государства. Отсутствие заданности перспективы политического процесса превращает преследование в остросюжетную импровизацию, ограниченную лишь институтами государственного механизма. Множественность политических агентов, обладающих правом на легитимное производство акта волевого действия и информационного сообщения, задает предельные скорости процессу самоидентификации агентов политической жизни: каждое действие приобретает симуляцию, жизнь превращается в симулякр, политическая реальность — в гиперреальность. В сложном многомерном пространстве симулякров совершенно невозможно укрыться от преследования. Каждый участник этой вакханалии обречен на смерть, но от этой игры никто не в силах отказаться. Отказаться от игры — оставить свою жизнь в тайне, придать себя забвению.

Однако эта игра с положительной суммой: за предельными скоростями и опасными маршрутами скрывается симбиотическая модель взаимоотношений между агентами политической реальности. Здесь нет проигравших — каждый имеет бесконечное число жизней. Каждое убийство влечет за собой рождение новой жизни. Новая жизнь искусственно впивается в гонку с преследованием, в которой проявляется многоликая идентичность участников политического мира и непреложным правилом которой является правило «Венецианского преследования»: «Вы существуете, лишь идя по их следам без их ведома. На самом же деле вы, сами того не зная, следуете своей собственной дорогой»¹.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 231.

История социально- политических учений

Дарья Айрапетовна Авакян

Соискатель кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Проблема урбанизма в европейской политической мысли первой половины XIX века

Ключевые слова: урбанизм, промышленная революция, социально-утопическая мысль, Р. Оуэн, Ш. Фурье, Ч. Диккенс.

Аннотация

Город эволюционировал как особая организация и субъект определенных социально-политических взаимоотношений, политического процесса в целом. В XIX веке изменилось направление развития городов. В этот период появилась потребность в том, чтобы организовывать города нового типа или перестраивать уже существующие, создавались теории и проекты, которые впоследствии заложили основы для такого направления в наук, как градостроительство, или урбанизм.

Город эволюционировал как особая организация и субъект определенных социально-политических взаимоотношений, политического процесса в целом, поскольку политика как сфера деятельности проявляется преимущественно в городе, чему способствовал вековой опыт городского самоуправления. В наши дни урбанизация является одним из главных факторов, влияющих на структурные изменения в организации общества и управления им.

Европейская промышленная революция разрушила традиционный уклад и экономические отношения, которые преимущественно основывались на земледелии. Стремительное развитие общественной жизни во многих сферах изменило направление развития городов. В этот период появилась потребность в том, чтобы создавать города нового типа или перестраивать уже существующие. Проблема перенаселенности, которая приводила к серьезным последствиям (ухудшение жилищных, бытовых условий; нарушение связей между городом и деревней, складывавшихся веками) вызывала все больший интерес как у архитекторов и инженеров, так и политических деятелей, философов и социологов. В XIX столетии создавались теории и проекты, которые впоследствии заложили основы для та-

кого направления в науке, как градостроительство, или урбанизм. В этот период появилось огромное количество проектов, в основе которых лежала идея создания новых условий проживания для рабочих, учитывающих определенный порядок в планировке и соблюдение санитарно — гигиенических требований. Особое распространение такого рода представления получили в рамках социально-утопической мысли Англии. Именно Англия стала первым европейским государством, которое столкнулось с негативными последствиями индустриальной революции и проблемами развития городов¹.

Одним из выдающихся теоретиков английского социализма является Р. Оуэн. В качестве альтернативы существующему положению в 1818 году Р. Оуэн предлагает свой собственный проект, представляющий собой поселок на 1200 человек. Основная единица строя — самообеспечивающиеся коммуны, «поселки общности», которые формируются в федерации национального масштаба, а затем объединяются и в международном масштабе. Распространение должно произойти за несколько лет по всей планете. Одновременно везде начинают функционировать одни своды законов, единый порядок управления. Соответственно вся жизнь в коммунах регламентируется согласно нормам, прописанным в конституции. Согласно основному закону любая деятельность основывается на принципах коллективного труда, равенства прав и обязанностей, общественной собственности. Важное условие существования людей в рамках коммун — общение с природой и окружающей средой, что возможно реализовать через ликвидацию противоречий между городом и деревней, соединение их лучших сторон. Промышленные города негативно влияют как на физическое состояние людей, так и на их душевное состояние. Оуэн не разделял воспевания деревенского быта. По мнению мыслителя необходимо соединить промышленное производство и сельское хозяйство. Именно сельскохозяйственный труд, чередование различных занятий является для человека наиболее здоровым и гармоничным образом жизни. По инициативе Оуэна было сделано несколько попыток постройки новых типов поселений, которые основывались на представлениях об идеальном устройстве. Например, в 1820 году в Орбистоне принято решение воплотить в жизнь проект поселка «Единство»².

¹ Лавровский В. М. Промышленный переворот в Англии. М., 1959.

² Оуэн Р. Из книги о новом нравственном мире// Оуэн Р. Избранные сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1950.

В рамках социально-утопической мысли работал французский мыслитель Ш. Фурье. Свое видение системы поселения Ш. Фурье изложил в работе «Теория четырех движений и всеобщих судьб», опубликованной в 1808 г. Суть проекта заключалась в создании сети не очень больших по размеру общин, равномерно распределявшихся по территории государства. Населению следовало заниматься как сельским хозяйством, так и промышленным производством. Стержнем социальной организации является так называемая фаланга, основанная на самодостаточности. В рамках фаланги объединяются от 1700 до 2000 человек, в среднем около 400 семей (основная цель — расселение городов). Место расположения фаланги определяется рядом параметров: местность должна быть обеспечена водой, плодородной почвой (пригодной для выращивания различных культур), лесом. Фурье пытался найти оптимальные размеры поселения, которое при этом обладает достаточным для поддержания нормального уровня жизни природными ресурсами. В рамках нового устройства природа человека и общественный порядок должны согласоваться со страстями, которые присущи человеческому сообществу. В фалангах сохраняется частная собственность, но интересы коллектива и индивида настолько гармоничны, что не возникает классовых противоречий. Совместные занятия сельскохозяйственным, промышленным и интеллектуальным трудом должны стереть различия между людьми, между городом и деревней (произойдет соединение преимуществ типов расселения). Такая организация труда предоставит возможность самостоятельно распределять время и нагрузки. Фаланги представляют собой не зависящие друг от друга и независимые образования. Безусловно, их деятельность координируется и соотносится, но они не связаны в единую систему. Аппарат центральной власти не имеет права серьезно вмешиваться во внутреннюю жизнь фаланг.

В работах социалистов-утопистов воплотились идеи о преодолении противоречий между городом и деревней, осуществлялся поиск путей идеального устройства общества, который предполагал уход от больших городов. По сути это антиурбанистические проекты.

В 1830–1840-е гг. появилась идея строительства города-сада, в основу которой лег принцип о преодолении противоположностей между городским и деревенским. Это направление вошло в историю под названием поэзии урбанизма (направление, в основе которого лежит задача описания особенностей жизни в больших городах). Зарисовки Диккенса в романе «Очерки Боза» создают образ живого города с его особенностями в архитектуре, планировке. Кроме того,

читатель имеет возможность познакомиться с менталитетом горожан, привычками, чертами, присущим только англичанам: автор с иронией подмечает, что в городе существует целое сословие людей, не знающих иного развлечения, как стоять, прислонившись к столбу; еще одна интересная особенность столичных жителей равнодушные к жизни и смерти. Лондон Диккенса, это, с одной стороны город садов и парков, город с необычной архитектурой в его центральной части, хаотичным расположением улиц, что придает ему определенное своеобразие. Но, с другой стороны, это нищие, голодные окраины, где течет совершенно другая, наполненная бытовыми трудностями, жизнь. Таким образом, автор акцентирует внимание, прежде всего, на социальные противоречия и контрасты. Именно в этой работе появляются мотивы, которые так или иначе будут затрагиваться Диккенсом во всем его дальнейшем творчестве.

Так называемая «городская тематика» в общественно-политической мысли получала в XIX веке все большее значение по мере развития капитализма и производственных отношений. Большинство теорий строилось на критическом осмыслении действительности и создании, как правило, утопических проектов. В основе исследований лежит, прежде всего, социальная направленность, критика существующего положения и попытка создать функциональное жилище (главным образом через ограничение численности населения на определенной территории), которое соответствовало бы основным потребностям людей в комфорте. Многие проекты и теории урбанизма рассматривают процесс развития городов не как изолированное явление, а во взаимосвязи политических, социально-экономических, культурных, демографических изменений.

Таким образом, в XIX веке сформировались два основных подхода к восприятию процесса урбанизации. С одной стороны, предпринимались попытки ограничения размеров городов с целью сделать их жизнеразумными. С другой, города стали выполнять новые функции, поэтому такая форма жизни стала восприниматься как более прогрессивная в сравнении с существовавшими в тот период.

Обобщение исторических предпосылок формирования городов, особенности их образования и социально-политического развития в процессе формирования политического пространства той или иной системы возможно благодаря анализу работ, которые так или иначе рассматривают данную проблему. С помощью такого подхода можно выделить основания для изучения города с точки зрения политической науки.

Бекхан Вахаевич Агаев

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Анализ С. И. Гессеном теории и практики либерализма

Критический анализ либеральной социально-политической теории и практики С. И. Гессен осуществил в своем труде «Правовое государство и социализм», основанном на цикле статей, опубликованных в 1924–1927 гг. в парижском журнале «Современные записки». Текст этого труда Гессена очень сложен для прочтения. Сложен не только и столько в силу высокой степени формализации языка мыслителя¹, но прежде всего, в силу незавершенности авторской работы над произведением. Тем не менее, нужно признать, что этот труд обладает значительной научной ценностью, которая, по верной оценке Г. Гурвича заключается не в построении очередной детализированной социалистической конструкции, а в углублении фундаментальных — философских, метафизических, нравственно-правовых — принципов, долженствующих лечь в основание «правового социализма»².

Разрабатывая концепцию правового социализма, Гессен пытается провести линии демаркации правового социализма и с коммунизмом, и с либерализмом, чтобы найти некий «третий путь» общественного развития.

Одной из важнейших задач своего труда Гессен считал решение практической проблемы — определение «основного зла» общества и путей его преодоления. Он приходит к выводу, что «основным злом» современного ему общества является эксплуатация. В процессе анализа этого явления Гессен показывает, что, во-первых, «эксплуатация» — это старинный термин, обозначавший «в эпоху выродившегося феодализма бесправное и угнетенное состояние массы крестьянства». Во-вторых, эксплуатация — это общественный факт,

¹ Манеру изложения Гессена один из рецензентов очень точно обозначил как «трудный для непосвященных технический философский язык» (*Бахрах А.* «Современные записки», XXXV // Дни. 1928. 10 июня. № 1445. С. 4. URL: <http://www.emigrantika.ru/component/content/article/518>).

См. также: *Зеньковский В. В.* С. И. Гессен, как философ // Новый журнал. XXV. Нью-Йорк, 1951. С.210).

² См.: *Гурвич Г.* Собственность и социализм. (По поводу социалистической конструкции С. И. Гессена) // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Книга XXXVIII. Париж, 1929. С. 508.

«а именно факт угнетения человека человеком, т. е. превращения его в простое средство удовлетворения потребностей, утраты им его человеческого образа и превращения его из личности в вещь». В-третьих, эксплуатация — это обезличение человека, уничтожение его индивидуальных особенностей: она «имеется всюду там, где «человек обезличивается до невозможности удовлетворять свои самые минимальные духовные потребности». В-четвертых, эксплуатация — это абсолютное попрание правовой свободы и равенства. Суть «эксплуатации», по Гессену, заключается в полном бесправии рабочего, в его полной приравненности товару и вещи. В-пятых, с течением времени, исподволь эксплуатация становится тотальной: она «захватывает не только «нищих», но и богатых участников современного производственного процесса»¹. И, наконец, общий вывод: «Коренное зло современного общественного строя заключается не в классовом господстве, не в экономическом неравенстве, не в присвоении прибавочной ценности, даже не в нищете, а во всем этом лишь постольку, поскольку этим утверждается противоречащее правовой свободе и равенству превращение человека в простое орудие удовлетворения потребностей, его обезличение в вещь»².

В связи с этим нужно отметить, что по Гессену, именно нерешенность и вечность исходной проблемы общественного зла делает социализм несокрушимым. Уничтожение зла эксплуатации воспринимается нравственным сознанием человечества как проблема политического действия и становится задачей правового социализма.

Таким образом, формулируя центральную проблему правового социализма, Гессен таковой объявляет уничтожение основного общественного зла — эксплуатации. В противовес множеству социально-политических учений, апеллирующих к росту общественного богатства, ратующих за повышение материального уровня жизни рабочего класса, Гессен трактует уничтожение эксплуатации не как экономическую, а как правовую проблему. Проблема социализма, доказывает он, в своем очищенном виде встает «как проблема права, а не богатства, как проблема освобождения, а не насыщения, или наслаждения»³. А потому разрешение проблемы эксплуатации возможно лишь с помощью правовых средств и в пределах правового государства в широком смысле этого слова.

¹ См.: Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Избранное / С. И. Гессен; [сост., автор вступ. ст. Е. Л. Петренко, авторы коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова]. М., 2010. С. 66–68.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 67.

Как показывает Гессен, либерализму, анархизму и коммунизму противостоят два течения социально-политической мысли, первое — «новый», или «социальный» либерализм и второе — демократический социализм, которых объединяет, во-первых, признание того, что идея права и правового государства далеко не исчерпывается теми формами, в которых она получила свое осуществление в течение XIX в., во-вторых, требование углубления основных понятий свободы, равенства, собственности, общей воли, с которыми связана идея права, и, в-третьих, незавершенность их идеологического поиска. Наряду с общими, сходными чертами, этим течениям свойственно нечто особенное, которое сводится к различию в понимании способов решения проблемы уничтожения эксплуатации — или путем создания новой формы правового государства принципиально и существенно отличной от той ее формы, которую выработала идеология и практика либерализма (демократический социализм) или путем постепенных преобразований и реформы отдельных уже существующих учреждений (новый либерализм).

Сравнение Гессеном классического и нового либерализма основывается на представлении о логике либерального мышления, которое сформировалось у Гессена в процессе работы над книгой «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (1923 г.)¹. В своей характеристике классического либерализма Гессен апеллирует к авторитету Б. Н. Чичерина²; его оценки нового либерализма в некотором отношении схожи с определением П. Б. Струве социального либерализма³.

Гессен выдвигает и обосновывает принципиальное для его концепции положение о том, что отличия нового и классического либерализма, в конечном счете, обуславливаются различным отношением к проблеме связи права и благосостояния. Если классический либерализм игнорирует эту связь, то новый либерализм исходит из того, что «Идея Права должна быть восполнена идеей Блага», т.е. правовое, формальное равенство должно быть восполнено социальным равенством (или, как уточняет Гессен: «мероприятиями, смягчающими чрезмерное социальное неравенство»⁴).

¹ См.: Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М., 1995. С. 180 и др.

² См.: Чичерин Б. Н. Собственность и государство. В 2-х частях. Часть первая. М., 1882. С. 154 и др.

³ См.: Струве П. Б. Социальный либерализм // Избранные сочинения / Пер. с нем. Н. С. Плотникова. М., 1999. С. 412.

⁴ Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранное. М., 2010. С. 80.

Из основных отличий нового либерализма и классического, «правоверного» либерализма в отношении к свободе, равенству и собственности, Гессен выводит два «следствия», которые определяют существо новолиберальной идеологии и «резко оттеняют» ее от классического либерализма. Одно из этих следствий связано с расширением сферы деятельности государства, призванного обеспечить право на достойное существование своим гражданам¹, второе — с расширением участия граждан в осуществлении государственной власти (в законодательстве, управлении и суде). Новый либерализм, подчеркивает в этой связи Гессен, принципиально стоит на точке зрения «демократии», которая означает не столько «самодержавие народа», сколько гарантию осуществления прав на достойное существование, обеспечения каждому свободы и равенства в их новом, расширенном понимании.

В итоге, Гессен задается вопросами о правомерности присвоения новой идеологией имени «либерализма», о том, не является ли она эклектичным смешением либеральной идеи правового государства и социалистического требования права на достойное существование?

Отвечая на поставленные вопросы, Гессен приходит к выводу о сугубо либеральной природе новой идеологии, развивающей не социалистические, а классически-либеральные идеи. Реконструкция позиции мыслителя по этому вопросу позволяет обозначить следующие положения, характеризующие основные принципы нового либерализма. Таковыми в интерпретации Гессена стали: во-первых, замена понимания свободы, как равной и одинаковой у всех возможности произвольного действия, пониманием свободы как возможности личного творчества, в которой только личность обретает себя самое². Во-вторых, трактовка равенства как «равенства исходного пункта», которое исходит не из отрицательного понимания равенства как отсутствия сословных привилегий и препятствий к продвижению людей вперед по общественной лестнице, но в известной мере из положительного — как предоставления каждому лицу условий, содействующих такому продвижению. В результате, подчеркивает Гессен, самое понятие равенства в новом либерализме дистанцируется от понятия фактической одинаковости и «очищается до понятия *равноценности фактически различных* между собою лич-

¹ Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранное. М., 2010. С. 78.

² См.: Там же. С. 82. Развернутое обоснование данного положения Гессен дает в главах 3 и 6 своей книги «Основы педагогики. Введение в прикладную философию».

ностей»¹. В-третьих, центральным пунктом теории и практики нового либерализма в сфере собственности является отрицание им монопольной собственности и ренты как «незаработанного дохода». При этом новый либерализм не только не отрицает частной собственности, но стремится вернуть ей утраченный ею первоначальный смысл, сводящийся к тому, что собственность есть материальная сфера деятельности личности, основа личного хозяйственного и вообще культурного творчества, как бы самопродолжение личности в вещах. В-четвертых, существенно меняется в новом либерализме и понятие демократии. Демократия в представлении новых либералов есть господство релятивизма, есть система политического релятивизма. От классически либерального представления о демократии *как состоянии* «самодержавия народа», выражающего свою волю через участие всех граждан в выборах представителей законодательной и исполнительной властей, или демократии *как факте* суверенитета «общей воли» — готовой сущности, новый либерализм переходит к трактовке демократии *как процесса* поиска этой самой «общей воли», к которому должны быть приобщены возможно более широкие круги народа. В-пятых, новый либерализм чрезвычайно расширяет роль и задачи государства не только в социально-экономической сфере, связанные с предоставлением гражданам «минимума блага» — минимума образования, заработка и обеспеченности, но и существенно меняет представления о социально-политической роли государственной власти в обществе. Новолиберальная максима: «как свобода есть качество действия личности, так и общая воля есть качество властвования отдельных общественных групп», означает, что государство должно быть «надклассовым посредником между классами», чтобы придавать их борьбе правовую форму. В этом и заключается суть новолиберальной идеи «обязательного арбитража государственной власти в конфликтах, возникающих между организованными общественными классами»².

Таким образом, по Гессену, новый либерализм, принимая в целом классически-либеральные идеи свободы, равенства и собственности, преодолевает формализм и механицизм их классически-либеральной трактовки. Он понимает свободу, равенство и собственность не механически, как готовые и раз навсегда данные, а органически, как непрерывно созидаемые, подверженные равно росту и вырождению. Великим достоинством нового либерализма становится не отрицательная, а положительная трактовка свободы, равенства и собственности.

¹ Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранное. М., 2010. С. 84.

² См.: Там же. С. 93.

Однако обстоятельный анализ приводит Гессена к выводу о том, что даже глубокие изменения основных понятий классического либерализма, произошедшие в рамках нового либерализма, не могут охватить собою «всю полноту новых жизненных условий и фактов». Идеология и практика нового либерализма имеют свои пределы, так как, с одной стороны, он не в состоянии очистить идею правового государства от изживших себя классически-либеральных наслоений, с другой — не может решить основную проблему современного ему общественного строя — проблему эксплуатации.

Мария Юрьевна Андреева

Студентка кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Алексей Александрович Зоткин

Старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

«Идеальное государство» в контексте платоновского «Пира»

Ключевые слова: Платон, «Пир», «Государство», идеальное государство, правители-философы, Эрот, иерархия.

Аннотация

В статье представлен опыт интерпретации платоновской теории «идеального государства» в терминах диалога «Пир», а именно в перспективе восхождения правителей-философов к пронизывающей всю жизнь «идеального государства» идее Блага. Тема Эрота, или Эроса, непосредственно разрабатываемая Платоном в «Пире», позволяет понять взаимоотношения между гражданами «идеального государства» со стороны их причастности идее Блага, отражаемой в социальной иерархии, которую можно назвать иерархией «любомудрия».

Одним из главных достижений Платона в области политической мысли справедливо считается его проект «идеального государства»,

изложенный им в знаменитом диалоге «Politeya»¹. Между тем, сам Платон термин «идеальное государство» нигде не использует, государству, которое обычно называют «идеальным»², устойчивого именованя не дает, оставляя простор для исследовательских интерпретаций.

Следуя терминологии и сути учения самого философа, мы вполне могли бы назвать это государство «государством влюбленных». Именно так называет Платон непобедимое, а значит и наилучшее из мыслимых, государство в диалоге «Пир»: «если бы возможно было образовать из влюбленных и их возлюбленных государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного и соревнуясь друг с другом; а сражаясь вместе, такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника» (178e).

Цитируемый диалог посвящен, прежде всего, теме, казалось бы, весьма далекой от политики — теме Эрота (или Эроса³), что стало одной из причин, обыкновенно выводящих «Пир» за рамки историко-политологических исследований. Однако при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что разрабатываемая здесь Платоном любовная, или эротическая, тема является неотъемлемой частью социально-политической проблематики, более полно представленной им в написанном синхронно с «Пиром» «Государстве».

Здесь Платон описывает государство, живущее поистине благой жизнью, — жизнью, которая основана на сопричастности всех его граждан идее Блага. Сопричастность же эта, потенциально заложенная в душе каждого человека⁴, в наибольшей степени, по мысли

¹ Politeya с древнегреческого языка на русский переводится обычно как «государство» или «республика». Мы можем назвать текст этого диалога проектом, поскольку Платон не только высказывал, но и неоднократно пытался реализовать заложенные в него идеи (всего им было предпринято три попытки, первая из которых едва не закончилась трагически), правда, не в родных демократических того времени Афинах, а на Сицилии, где существовал подходящий для их реализации режим, тирания, и правила ценившие мнение философа политики.

² Исследователям творчества Платона термин «идеальное государство» удобно использовать постольку, поскольку такое обозначение указывает на связь платоновского проекта наилучшего государственного устройства с миром идей, или эйдосов, а также на проблематичность его практической реализации.

³ О синонимичности терминов Эрот и Эрос см.: Тахо-Годи А. А. Эрот / Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 668–669.

⁴ Согласно платоновскому мифу о душе душа каждого человека содержит три части, одна из которых, разумная, позволяет человеку «заглядывать» в мир идей.

Платона, присуща философам, правление которых способно обеспечить «идеальную» жизнь государства в целом и отдельного гражданина в частности¹.

Именно философы, — люди, влюбленные в мудрость (как следует уже из удачно подобранного им Пифагором имени), — способны всецело воспринять эту, «едва различимую» идею общего Блага. С другой стороны, правители «идеального государства», по мысли Платона, в силу своего положения, безусловно обязаны в полной мере овладевать знанием ее. «Самое важное знание при решении вопроса о правителях и стражах государства — это знание *блага*, или *идеи блага*: «через нее становятся пригодными и полезными справедливость и все остальное» (VI 505a)», — отмечает А. Ф. Лосев².

Согласно Платону, сама справедливость, лежащая в основе «идеального государства», не говоря уже о ценностях «надстроечных», катастрофически теряет свою «пригодность» в отсутствие знания правителями идеи Блага. Отсюда становится понятным то огромное значение, которое Платон придает постижению правителями-философами путей восхождения к этой высшей из идей. Образное описание «выхода» к «идее идей» Платон дает в начале VII книги «Государства»³, детальное же — именно в «Пире»⁴: «задавая

¹ Рассуждая в «Государстве» о подготовке стражей и выделяемых среди них философов-правителей, Платон пишет: «А когда им будет пятьдесят, то тех из них, кто уцелел и всячески отличился, — как на деле, так и в познаниях, — пора будет привести к окончательной цели — заставить их устремить ввысь свой духовный взор и взглянуть на то самое, что всему дает свет, а увидев благо само по себе, взять его за образец и упорядочить и государство, и частных лиц, а также самих себя — каждого в свой черед — на весь остаток своей жизни» (540d).

² Лосев А. Ф. Примечания. Указатели / Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 532. Непосредственным и непревзойденным примером подлинного философа для Платона была личность его наставника, Сократа, однажды дополнившего свое знаменитое высказывание «я попросту ничего не знаю» (Апология Сократа, 22d) словами «я не смыслю ни в чем, кроме любви» (Пир, 177d).

³ «В мифе о «пещере» мы имеем сокращенную транскрипцию всего платонизма». См.: Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 465.

⁴ В своих комментариях к диалогу А. Ф. Лосев замечает, что «Пир» «имел подзаголовок, данный ... Фрасиллом, — «О благе», а по некоторым свидетельствам (Аристотель, Политика II 4, 1262 b 11), «Пир» Платона именовался «Речами о любви». Оба этих подзаголовка не противоречат друг другу, так как тема диалога — восхождение человека к высшему Благу, которое и есть не что иное, как воплощение небесной любви». См. Лосев А. Ф. Примечания. Указатели // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1993. С. 442.

себе вопрос, в чем же заключается основная логическая конструкция «Пира», и стараясь извлечь ее из богатейшей художественной ткани диалога, мы, кажется, не ошибемся, если обратим главное свое внимание на изображаемое здесь восхождение от материального мира к идеальному»¹, — утверждает А. Ф. Лосев.

Платоновский Эрос не оставляет правителей-философов и на обратном пути, пути нисхождения от идеи Блага к миру земному: «Эрос Платона, — пишет Б. П. Вышеславцев, — философский Эрос по преимуществу, устремленный к миру идей, — даже он предвещает и предсказывает путь воплощения: ему мало любви к идее, «любви к мудрости», ему нужна любовь к конкретному образу, к живому воплощению мудрости»².

Извлеченный из глубин древнегреческой мифологии богатейший образ Эроса позволяет Платону обозначить определенную доступность идеи Блага не только философам, но и всем гражданам государства³, ибо любовь введена каждому человеку, поскольку каждый рожден в любви и в любви же стремится к собственному бессмертию⁴. «...Эрос есть та сила, которая влечет к Благу, а эротика — ... это алогичный путь к абсолюту»⁵, путь, на который становятся все люди, но не все проходят его полностью, ограничиваясь по обыкновению простым продолжением рода.

Однако даже такая малость позволяет какое-то время существовать государствам историческим, доселе несовершенным, а при наличии правителей-философов — образовать «государство идеальное», в котором, и только в нем, согласно Платону, может быть ус-

¹ Лосев А. Ф. Примечания. Указатели // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1993. С. 434.

² Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 51.

³ Причастность Эроса всем сторонам жизни граждан «идеального государства» отмечает также один из крупных философов и политических мыслителей русского зарубежья Б. П. Вышеславцев: «Эрос возводит к новым ступеням бытия, открывает новые категории жизни: 1) Эрос как *libido* есть продолжение рода, рождение поколений; 2) Эрос как поэзия (творчество) есть рождение «детей Гомера и Гесиода» и «царственное искусство», политика, созидающая государство; <...> 3) философию, созерцание идей; и эта ступень также предполагает две первых, ибо, чтобы философствовать, надо жить, и культурно жить, иметь хозяйство и государство (как это показывает Платон в своей «Политии»)». См.: Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 111–112.

⁴ См.: «Зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном» (Пир, 206с).

⁵ Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994. С. 117.

тановлена гармония высшего Блага, любви небесной, и любви земной. Основа этой гармонии обрисована Платоном как раз в дополняющем «Государство» «Пире», в рассуждении просветившей самого Сократа «в том, что касается любви» (201d) мантинейки Диотимы о пути восхождения по ступеням эротической иерархии: «Вот каким путем нужно идти в любви — самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх...» (211c).

Таким образом, своими рассуждениями Платон подводит нас к закономерному выводу о том, что социальная и политическая иерархия, описанная им в диалоге «Государство», должна быть восполнена своей третьей существенной стороной — иерархией «любомудрия», а термин «государство влюбленных»¹ принят в качестве синонимичного термину «идеальное государство».

Георгий Александрович Багатуря

Доктор философских наук, профессор кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Роль Ф. Энгельса в судьбе марксизма

Существуют два противоположных взгляда на роли основоположников марксистской теории: стремление полностью отождествить и стремление противопоставить их теоретические воззрения.

Оба подхода являются идеологически тенденциозными. В первом случае — это упрощение и вульгаризация истории марксизма, во втором — стремление расчленить единую теорию, дискредитировать ту или иную ее существенную часть, опровергнуть теорию в целом или по крайней мере частично.

Роль Энгельса в судьбе марксизма весьма многообразна. Но нас интересует прежде всего тот специфический, чисто теоретический, принципиальный вклад, который внес Энгельс в создание и развитие марксизма. Сам Энгельс справедливо считал, что эта совместно созданная теория *по праву носит имя Маркса*. «Я не могу отрицать, — писал он в 1888 г. в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», — что и до и во время моей сорокалетней

¹ В платоновском, конечно же, осмыслении.

совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обзирал больше всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя» (т. 21, с. 300–301). Это не просто человеческая скромность, это — точная, объективная констатация факта.

Какова же роль Энгельса, его наиболее существенный вклад в теорию Маркса? Отметим лишь несколько из возможных аспектов.

Прежде всего, заслугой Энгельса является осознание и определение места марксизма в истории человеческой мысли — соотношение марксизма и его теоретических источников: классической, прежде всего немецкой, философии от Канта до Гегеля и Фейербаха; классической, прежде всего английской, политической экономии от Петти до Смита и Рикардо; утопического, прежде всего французского и английского, социализма и коммунизма Сен-Симона, Фурье и Оуэна; естествознания 19 века, представленного прежде всего тремя великими открытиями — клеточная теория Шлейдена и Шванна, закон сохранения и превращения энергии Майера, Джоуля, Гельмгольца, эволюционная теория Дарвина; исторической науки Тьерри, Минье, Гизо, Маурера, Моргана и др. Мысль Энгельса о двух великих открытиях Маркса — материалистическом понимании истории и теории прибавочной стоимости, — благодаря которым социализм превратился из утопии в науку, и выделение материалистической диалектики в качестве фактически еще одного (третьего, но не хронологически и не по значению) великого открытия автора «Капитала», эта мысль дает ключ к пониманию логической структуры марксистской теории и периодизации истории марксизма.

Главным образом Энгельсу принадлежит разработка диалектического понимания природы. Существенен вклад Энгельса в марксистскую теорию познания: соотношение формальной логики и диалектики, исторического и логического, абстрактного и конкретного, относительной и абсолютной истины, понимание асимптотического характера процесса познания и многое другое. Значителен его вклад в разработку ряда важных проблем исторического мате-

риализма: соотношение свободы и необходимости, роль труда в процессе становления человека, роль насилия в истории, развитие форм семьи, теория государства, происхождение частной собственности и. т.д. Особое значение имеет многообразный вклад Энгельса в развитие диалектического аспекта материалистического понимания истории.

Весом вклад Энгельса и в теорию революции. Актуальны его прогнозы относительно тех проблем, с которыми может столкнуться предстоящее преобразование общества. Исследуя причины поражения революции 1848/49 годов, он обращается и к опыту Крестьянской войны 16 века в Германии. Один из важных выводов — необходимость зрелости объективных и субъективных условий революции (см. Крестьянская война в Германии, гл. VI). Эту мысль он развивает в исключительно важном письме Йозефу Вейдемейеру 12 апреля 1853 года: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже». При этом Энгельс имеет в виду такую ситуацию: относительно отсталая тогда Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в международный революционный процесс; наступает кризис и партия вынуждена действовать, «а это было бы, — подчеркивает Энгельс, — во всяком случае *преждевременным*» (т. 28, с. 490–491).

Когда в революционной России сложилась аналогичная ситуация, Ленин вспомнил об этом письме при переходе к НЭПу и просил разыскать его. Недостаточная зрелость предпосылок для социалистической революции — одна из главных причин тех проблем, с которыми столкнулась историческая попытка социалистических преобразований в нашей стране. Другая столь же важная причина —

несостоявшаяся социалистическая революция в развитых капиталистических странах (попытки начать ее в Германии и Венгрии были подавлены).

Вместе с Марксом еще в период формирования их теории Энгельс пришел к выводу о международном, в конечном счете, всемирном, характере предстоящего социального преобразования (превращение истории в эпоху капитализма в подлинно всемирную историю: взаимосвязь развития всех стран и формирование их единой социальной структуры). Этого понимания он придерживался до конца. Об этом свидетельствует и его письмо Полю Лафаргу 27 июня 1893 г., написанное за два года до смерти: «То, что руководство буржуазной революцией принадлежало исключительно Франции ... привело, вы знаете куда? — к Наполеону, к завоеванию, к вторжению Священного союза», — т.е. к внутреннему перерождению и к иностранной интервенции, в конечном счете, к поражению революции (т. 39, с. 76).

Диалектический взгляд не только на прошлое и настоящее, но и на будущее, на перспективы развития человеческого общества — одна из главных особенностей мыслителя и коммуниста Энгельса. Приведем несколько примеров. Вот одно принципиальное высказывание Энгельса в его письме английскому социалисту Эдуарду Пизу 27 января 1886 года: «...партия, к которой я принадлежу, не выдвигает никаких раз навсегда готовых предложений. Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» (т. 36, с. 363–364). Значит, если существенно изменилось общество, должны существенно измениться и наши представления о перспективах исторического развития. Значит нельзя механически повторять истины 19 века в условиях 21 века. Значит необходимо существенное дальнейшее развитие теории.

В мае 1893 года Энгельс дал интервью корреспонденту французской газеты „Le Figaro“. На вопрос: «А какую вы, немецкие социалисты, ставите себе конечную цель?» — Энгельс ответил: «У нас нет конечной цели. Мы *сторонники постоянного, непрерывного развития*, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы» (т. 22, с. 563). Это — ответ спекуляциям по поводу того, будто для марксистов коммунизм это конец истории. А во Введении к «Диалектике природы» Энгельс писал о будущих «миллионах лет» и «сотнях тысяч поколений» (см. т. 20, с. 359–363) — и это все застой и конец истории?

Какова же с его и Маркса точки зрения была конечная цель коммунистического преобразования общества? В начале 1894 года итальянский социалист Джузеппе Канепа попросил Энгельса кратко сформулировать идею грядущей новой эры. Энгельс отвечает, что он не нашел ничего лучшего и приводит заключительное положение теоретической части «Манифеста Коммунистической партии»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (т. 4, с. 447). Значит ни диктатура пролетариата, ни обобществление средств производства и их свободное развитие ради изобилия материальных благ не являются конечными целями предстоящего преобразования общества, они лишь средства для достижения высшей цели — создания условий для всестороннего развития каждого человека и всего общества.

Это преобразование, которое они с Марксом представляли себе как длительный и сложный процесс, как дело целых поколений, Энгельс в письме своему другу, английскому геологу Джорджу Уильяму Ламплу, 11 апреля 1893 года, описывает в всемирно-исторических, если не в космических, масштабах: «Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознаявая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого состояния» (т. 39, с. 55–56).

В завершение отметим вклад Энгельса в самокритику марксистской теории. Распространение марксизма сопровождалось его упрощением, вульгаризацией и догматизацией. Энгельс решительно выступил против этих тенденций. Он много раз подчеркивал, что «марксизм не догма, а руководство к действию», причем под действием он имел в виду не просто практическое применение марксистской теории, а прежде всего применение марксистской методологии для познания действительности и уже затем, на основе научного понимания ее, практическое действие. Так, в сравнительно недавно (1961) опубликованном письме Вернеру Зомбарту Энгельс 11 марта 1895 года, незадолго до смерти, писал: «Все миропонимание [Auffassungsweise] Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (т. 39, с. 352).

Вульгаризация материалистического понимания истории среди молодых сторонников марксизма вынудила Энгельса выступить с важными разъяснениями в так называемых «письмах об историческом материализме», где он, в частности, развивает мысль об обратном воздействии надстройки на базис общества. При этом он отмечает и определенную «вину» основоположников марксистской концепции: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует» и т. д. (см. его письма Йозефу Блоху, 21–22.09.1890, и Францу Мерингу, 14.07.1893).

Осознание ошибочных ожиданий, связанных с революцией 1848/49 годов, особенно резко выражено во Введении Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции», датированном 6 марта 1895 года: «История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства», капиталистическая основа «обладала еще очень большой способностью к расширению» (см. т. 22, с. 535). Энгельс здесь фактически развивает ту мысль, которую они с Марксом высказали еще в 1851 году: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие*» (т. 7, с. 467) Не по подобной ли причине при всем «загнивании» капитализма историческое преобразование буржуазной общественной формации в мировом масштабе все еще остается объективной исторической задачей?

В этой связи хотелось бы обратить внимание на хорошо известное положение Маркса, которое обычно воспринимается как абстрактное теоретическое обобщение. В Предисловии к «К критике политической экономии», где Маркс дает классическую формулировку сущности материалистического понимания истории, он говорит: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» (т. 13, с. 7). Не знаю, обратил ли кто-нибудь внимание на исторический контекст, в котором возникла эта формулировка; вероятнее всего, что никто. А

контекст был такой. Революция 1848/49 годов была первой и единственной, в которой Маркс и Энгельс приняли непосредственное участие. Она потерпела поражение. Почему? Маркс приходит к выводу, что экономический кризис 1847 года был ее предпосылкой, а начавшийся экономический подъем стал питательной почвой контрреволюции. Энгельс на примере Крестьянской войны приходит к выводу, что при отсутствии достаточных предпосылок передовая партия не может прийти к власти. Отсюда знаменитое выступление Маркса на заседании ЦК Союза коммунистов 15 сентября 1850 года против авантюристической фракции Виллиха—Шаппера (т. 8, с. 431). Отсюда и его вывод, что революция возможна только вслед за новым экономическим кризисом. Об опасности преждевременного прихода передовой партии к власти Энгельс пишет в цитированном письме Вейдемейеру. Но вот в 1857 году происходит новый, на этот раз первый мировой экономический кризис. Маркс ожидает возможного начала нового революционного процесса. Подъем рабочего движения действительно начинается, но революция так и не происходит. И в этих условиях, очевидно осознавая незрелость объективных предпосылок для устранения капиталистического способа производства, Маркс в январе 1859 года пишет свое Предисловие к «К критике политической экономии». В приведенной формулировке акцент явно падает на необходимость фундаментальной объективной предпосылки для перехода к новой общественной формации. И этой предпосылки, по крайней мере, в середине 19 века, нет, о чем Энгельс прямо скажет много лет спустя в цитированном Введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции».

Резюмируем. Когда-то Ленин, читая впервые опубликованную переписку Маркса и Энгельса, заметил, что фокусом всего содержания ее является диалектика и ее применение к самым разным сферам. Нечто подобное мы наблюдаем и в особенностях теоретического наследия Энгельса: разработка марксистской философии — диалектического материализма и в ее рамках развитие диалектического метода; разработка диалектической стороны марксистской социологии — материалистического понимания; развитие диалектического понимания не только прошлого и настоящего, но и будущего, как и метода познания этого будущего (его суть — историческая экстраполяция на базе диалектико-материалистического понимания общества и его истории); диалектический принцип историзма не только по отношению ко всему миру, но и по отношению к самой марксистской теории; отсюда накопление в его теоретическом наследии предпосылок для дальнейшего развития марксизма на базе дальнейшего развития самого общества и всего человеческого познания.

Артём Владимирович Богданов

Аспирант кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

Концепция традиционализма: в западной и отечественной политико-философской мысли

Ключевые слова: традиция, традиционализм, новация, синергия.

Аннотация

В статье рассматривается содержательный аспект интерпретации традиции и традиционализма в западной философской мысли и в современной российской отечественной мысли. Автором выделяются ключевые моменты в понимании традиции и традиционализма, как в западной, так и в отечественной политической и философской мысли.

Очередной всплеск интереса к процессам модернизации и традиционализации в современной России, обусловленный как исторической ситуацией, так и выбранным главой государства политическим курсом страны на всеобщую модернизацию, ставит вопрос об исследовании таких понятий как традиционализм и модернизация.

В нашей работе, мы хотели бы, подробно остановиться на содержательном аспекте интерпретации традиции и традиционализма в западной философской мысли и в современной российской отечественной мысли.

Анализ показал, что можно выделить два наиболее распространенных подхода к пониманию традиции и традиционализма в западной политико-философской мысли. В первом случае, традиционализм понимается, как официальная идеология традиционных обществ, состоящая в идеализации и абсолютизации традиции. Во втором, как социально-философская доктрина или отдельные консервативно-реакционные идеи, направленные против современного состояния культуры и общества и критикующие это состояние в связи с его отклонением от некоего специально сконструированного образца, который выдается за идеальную модель.

Переходя к рассмотрению развития концепции традиционализма в российской истории, следует отметить, что тема самобытности истории и политического опыта России обсуждалась еще разработчиками темы Москва — третий Рим, затем Аввакумом, патриархом Никоном, Ю. Крижаничем.

По нашему мнению, одним из первых мыслителей кто обозначил проблему традиционности, преемственности в социально-политическом и культурно-историческом процессе развития России, являлся Николай Михайлович Карамзин. Вопросы, связанные с преемственностью в социально-историческом опыте России рассматриваются Карамзиным в ракурсе сопоставительного анализа Востока и Запада. Ракурс исследования, которого, в последствии, подхватят западники и славянофилы, П. Я. Чаадаев, Вл. Соловьев и многие другие мыслители того времени.

Следует отметить, что Карамзин не противопоставлял Россию Западу, напротив, «он, — по мнению историка С. Ф. Платонова, — мыслил Россию как одну из европейских стран и русский народ как один из равнокачественных с прочими нациями». При этом он не хотел забывать собственную историю и унижать свой народ. «Россия, — писал Н. М. Карамзин, — существует уже более тысячи лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого», поэтому он советовал бережно относиться к «древним учреждениям и нравам». Здесь Карамзин как бы продолжил мысль дипломата XVII в. А. Л. Ордина-Нащокина о том, что «не стыдно доброму навязать со стороны», но при этом свои порядки и нравы, традиции следует беречь и уважать.

Таким образом, Н. М. Карамзин, считал, что у России есть свой богатый опыт исторического развития, свои традиции и нравы, которые следует хранить и помнить. При этом нет ничего предосудительного в заимствовании положительного социально-политического западного, европейского опыта развития. Такое заимствование должно осуществляться с учетом российской культурно-исторической специфики.

Еще одним мыслителем, который рассматривал вопросы исторического и политического развития России, являлся Петр Яковлевич Чаадаев. Он, отличался довольно пессимистическим взглядом на развитие российского опыта государственного строительства и социального управления.

Главную причину отсталости и застойного существования России Чаадаев увидел в отсутствии прогрессивных социальных и культурных традиций. Все это превращало Россию в общество без дисциплины форм, в частности дисциплины логики, права, социальных условностей. Россия стала жертвой монгольского завоевания. После освобождения изолированность мешала воспользоваться идеями, возникшими за это время у западных соседей, и вместо этого Россия попала под еще более жестокое рабство крепостной зависимости. В то время как весь мир перестраивался заново, мы по-прежнему оставались отсталым и не обновленным государством.

Некоторые идеи и оценки П. Я. Чаадаева были усвоены последующими философами и учеными рассматривающие проблемы преемственности культурно-исторического развития России. В частности, мысль о своеобразных свойствах русского народа, делающих его предрасположенным к ускоренному усвоению положительного опыта, накопленного Западом в культурной и политической области.

Следующий этап осмысления проблемы традиционности в историческом и политическом опыте России можно связать с социально-политическими воззрениями славянофилов и западников.

Начальным событием в разработке идей ранних славянофилов считается обмен в 1839 г. рефератами между Александром Степановичем Хомяковым и Иваном Васильевичем Киреевским по вопросу об историческом опыте старой и новой России.

Общий вывод Киреевского, как и Хомякова, в ходе дискуссии, сводился к тому, что в истории России действительно присутствует обоюдная борьба двух начал и связана она с желанием вернуть русский или применить западный опыт культурно-исторического развития, однако эта борьба все же предполагает наличие третьего — применение и адаптация западного опыта, с сохранением русской традиции.

Хотелось бы отметить, что русская религиозно-философская мысль в лице В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, а позднее С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева предприняла весьма оригинальную попытку синтезировать все современные им идеи о роли России во всемирно-историческом процессе и об особенностях усвоения ценностей европейской культуры. Осуществление этого замысла на практике все же отмечено печатью односторонности: у Достоевского в силу преобладания почвенных ориентаций, у Соловьева в силу утопичности замыслов, у Бердяева в силу обнаруженной им и сильно преувеличенной в своем влиянии антиномии в русской жизни и русском духе.

В XX веке вопрос о самобытности русской истории вновь актуализировался в связи с социалистическим экспериментом и таким образом вопрос Хомякова и Киреевского о том, что такое Россия, в чем ее сущность, призвание и место в мире, получил новые истолкования и оценки.

Таким образом, 80-е годы XX века отечественной философской мысли прошли под знаком встречи с плюральными традициями и всем разнообразием человеческой истории, под знаком открытости для разнообразного традиционного опыта. В 90-е годы намечается начало своего рода религиозно-философского возрождения, постепенно восстанавливаются утраченные исторические связи с русской философией первых десятилетий XX века. Вместе с тем в наше вре-

мя русская религиозная философия и философия культуры обзаводится качественно новыми чертами, среди них — обостренный интерес к проблемам традиции, традиционности, традиционализма.

В отечественной философской мысли можно выделить два понимания традиции. В одном понимании грань между традициями и новациями является условностью: они выглядят как две диалектические стороны (уходящего и приходящего) бесконечно эволюционирующего, модернизирующегося порядка вещей. Связь традиции и новации осуществляется в процессе отбора, селекции, постепенной трансформации, в результате которой оболочка и ядро прежней традиции разлучаются друг с другом. В старую форму внедряется новое содержательное ядро, вследствие чего вся традиция меняется.

Во втором понимании традиции — это сложная структура, в которой динамический элемент внутренне связан с изначальным ядром. Такая традиция существует в своих вариантах, не исчезает и по существу не меняется при переходе от одного варианта к другому. При таком понимании — возможен синтез традиции и новации, традиционализма и модернизма, где ядром является традиция, а новация развивается с опорой на традицию. Синтез традиции и новации осуществляется на синергической основе, раскрывая в полной мере потенциалы традиционализма и модернизма.

В заключении, можно сделать вывод, что с одной стороны, как и русская, так и западная мысль высвечивает сакральную трактовку традиции. А с другой — модернистскую трактовку традиции как секулярного механизма исторической преемственности, который может не наполняться священными смыслами и ассоциациями, а являться служебным, инструментальным по отношению к задачам своего времени.

Библиография

1. *Аверьянов В. В.* Два понимания традиции (к сопоставительному анализу интерпретаций проблемы культурного наследования в современной отечественной мысли) // Вопросы культурологии. 2009. № 3. С. 12–16.
2. *Дугин А.* Философия традиции. М.: Арктогея-Центр, 2002.
3. *Макаров А. И.* Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 6. С. 275–283.
4. *Полонская И. Н.* Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д.: Издательство РГУ, 2006.

Вера Александровна Вархотова

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Особенности этических учений о «вечном мире»

Ключевые слова: «вечный мир», война, эпоха Возрождения, гуманизм, Эразм Роттердамский, Себастьян Франк, Мартин Лютер.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности идеи вечного мира в политических учениях эпохи Возрождения. Отмечается, что мыслители — гуманисты в своих текстах в обоснование необходимости и возможности установления мира приводили доброту, стремление к согласию и милосердие, свойственные человеку. Делается вывод о том, что была сформирована этическая концепция мира.

Идея о всеобщем вечном мире зародилась в политических учениях мыслителей эпохи Возрождения. Существование без войн мыслилось как лучшее и оптимальное условие для развития человека, однако до того, не всегда речь шла о *всеобщем* вечном мире.

Так, Пифагор, Эврипид, Аристофан, киники, стоики писали о вреде кровопролития и насилия¹, но в древнегреческой культуре мир являлся ценностью только как мир *гражданский, внутривосполнительный*. Согласно Платону, если эллины сражаются с эллинами, «надо сказать, что Эллада больна, и в ней царит междоусобица, и такую вражду надо именовать раздором»²; в идеальном же государстве «гражданине будут доблестными и воспитанными и посреди распрей будут стремиться к миру»³. «Если же эллины сражаются с варварами, а варвары с эллинами мы скажем, что они воюют», такая война, обороняющая полис, является доблестным деянием, особым политическим искусством и требует навыков особого сословия стражей⁴.

¹ *Эврипид*. Трагедии. М., 1980; *Нахов И. М.* Киническая литература. М., 1981. *Степанова А. С.* Философия Древней Стои. СПб., 1995. *Пифагор*. Пифагоровы законы и нравственные правила. М.; СПб., 2000. *Аристофан*. Комедии. Калининград., 2001; и др.

² *Платон*. Государство // *Платон*. Собр. Соч. в 4 т. Т 4. М., 1994. С. 248.

³ *Там же*. С. 249.

⁴ *Там же*. С. 183.

В отличие от греков, рассматривавших войну как средство защиты «высокой» эллинской культуры от варваров, древние римляне были завоевателями. Однако мир почитался за великую ценность *внутри* величайшей военной державы. Цицерон писал о том, что «несомненно, надо искать пути для разрешения спора, а не проявлять решимость на войне»¹. Именно римляне разработали целую систему мирных договоров, которые связывали разноликие земли в единое целое и устанавливали среди них согласие. Римские правители использовали институт двойного гражданства, для того чтобы избежать национализма и сохранить на территории Империи мир и покой².

Таким образом, в целом, в политических учениях античности состояние без войны имело ценность в пределах одного государства, идея мира не расширялась до масштабов «всеобщего», поскольку сознанию древних греков и римлян было свойственно разделение на «своих» и «чужих», «цивилизацию» и «варваров», между которыми не может быть мира.

В Средневековой Европе идея мира была связана с распространением христианства, а специфика ее состояла в том, что христианская проповедь ненасилия сочеталась с практикой крестовых походов, освящаемых католической церковью. Католицизм использовал христианские идеи о божьем мире, божьей справедливости, имевших изначально смысл духовного союза Бога и человека, в политической практике и свел стремление к установлению божьего порядка из духовной сферы к повсеместному распространению христианства в форме священных войн за «истинную веру». Люди делились на «истинно верующих» и «неверных», между ними не могло быть мира, и война признавалась божьим мечом, устанавливавшим справедливость и Истину, и приобретала священный, сакральный характер. Таким образом, установление мира в Средневековье было связано с объединением христиан против всех остальных, то есть идея мира, как и прежде, имела ограниченный характер. Такие мыслители, как Марсилиус Падуанский (1280–1343), Николай Кузанский (1401–1460), Данте Алигьери (1265–1321) выступали в защиту всеобщего единения, однако их идеи не имели оснований для реализации, поскольку образ жизни средневекового общества делал невозможным установление прочного долговременного мира даже среди христиан:

¹ Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. С. 77–78

² Ferguson J. A classical look on peace studies // Peace studies: the hard questions. London, 1987. P. 58.

феодалные междоусобицы, слабость централизованной государственной власти, территориальные притязания внутренне раздробленных государств друг к другу, отсутствие сформировавшейся международной политической системы.

Рождение идеи всеобщего вечного мира связано с эпохой Возрождения, чему способствовал ряд факторов: с одной стороны, масштабные кровопролития, сопровождавшие передел территорий в процессе образования централизованных государств и формирования международной политической системы; с другой — становление новой гуманистической философии, для которой были характерны обращение от общих проблем бытия и познания к человеку как таковому, его внутреннему миру, утверждение ценности и уникальности человеческой жизни. Развитие гуманистических идей о свободе и человеческом достоинстве, идеалы гармонического развития личности привели к рождению идеи *всеобщего мира*, выходящего за рамки одного полиса или группы христианских государств. А термин «вечный мир», до этого понимавшийся как вечная жизнь, уготованная христианским праведникам, стал пониматься как цель межгосударственных отношений, как необходимое условие для развития творческого потенциала личности.

Наиболее известным автором, выступавшим в защиту мира был Эразм Роттердамский (1466–1536), а его трактат «Жалоба мира» (1517) содержит в себе нечто радикально новое, поскольку порывает с античными и средневековыми представлениями о войне как о доблестном деянии. До «Жалобы мира» были работы «Оружие христианского воина» (1501), где говорится о греховности и пагубности войн, и признается только один вид христианского вооружения — знание и молитва, и только один вид войны — против пороков¹, а также «Война приятна тем, кто ее не испытал» (1515), в которой автор выступает против юристов и богословов, пытавшихся каким-либо образом оправдать войну, порицает распространение христианства оружием.

В «Жалобе мира» войны безоговорочно обличаются, ибо «война противна сущему; она первопричина всех бед и зол. Из-за войны все цветущее загнивает, в ней нет ничего святого», «она словно моровая язва разъедает совесть и веру, для людей нет ничего более пагубного, чем война, а для Бога ничего более ненавистного»², в то время, как «мир — источник, кормилец, умножитель и защитник всего са-

¹ Роттердамский Э. Оружие христианского воина // Роттердамский Э. Философские произведения. М., 1987.

² Он же. Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 40.

мого лучшего, что когда-либо существовало на земле и на небе»¹. Эразм Роттердамский однозначно полагал, что войны наносят только ущерб — какие бы выгоды ни сулил завоевательный поход, в конечном итоге он принесет больше бед, чем выгод, ибо во время войны приходят в упадок и экономика и мораль: «победы во все времена почти никогда не бывали бескровными»².

Хотя мир не находит себе места ни в судах, ни в палатах советников, ни во дворцах, ни в храмах, и «всюду слышатся крики и вопли раздоров», Роттердамский убежден в том, что мир возможен и он зависит от доброй воли, от сердец, желающих его, основывается на очищении каждого человека³: «источник, из которого вытекает зло, должен быть очищен от злых помыслов и желаний, порождающих раздоры и споры»⁴. «Пусть забвение и прощение зла станет угодно христианам, пусть они с общего согласия направят все свои усилия на заботу о мире. Употребите свой разум и опыт для того, чтобы связывали вас узы твердые, которые разорвать невозможно. Докажите, что могут сделать снисходительность и доброжелательность. Милосердие должно породить милосердие, добрые дела вызвать на добрые дела»⁵.

Итак, Эразм Роттердамский провозгласил идею *всеобщего* мира — «мир — единая общая страна для всех людей», поэтому люди должны прекратить распри, поднять против войны свои голоса. Концепция носит этический характер, поскольку возможность воплощения мира зависят от сердца, милосердия, очищения каждого человека: «природа наделила человека разумом, способным воспринимать божественную волю и откровение, создала его полным добра и стремления к согласию»⁶.

Идеи Роттердамского могут быть рассмотрены не только с точки зрения их гуманистического содержания, но и в контексте становления новых принципов международных отношений, в первую очередь — принципов международного политического сотрудничества и примирения, которые мыслитель четко обозначил. По мнению мыслителя, *международная политика должна быть подчинена «пользе народа»*: «пусть государи будут мудрыми для пользы наро-

¹ *Роттердамский Э. Жалоба мира // Тракаты о вечном мире. М., 1963. С. 40.*

² *Там же. С. 62.*

³ *Там же. С. 53, 58.*

⁴ *Там же. С. 54.*

⁵ *Там же. С. 65.*

⁶ *Там же. С. 59.*

да... пусть они будут для всего общества тем же, чем является отец для своей семьи»; «должно учитывать не личную выгоду государя, а пользу народа, всего общества»¹. Иными словами, внешняя политика государства должна соизмеряться с интересами страны и должна избегать кампаний, которые не имеют ничего общего с общественными интересами. Война не может соответствовать этим самым интересам, и всегда имеет больше минусов, чем плюсов, поэтому войны не должны использоваться в качестве разумного политического средства решения проблем. Далее, Роттердамский говорил о политической мудрости, сдержанности и терпимости как первейших политических качествах, лежащих в основе международного общения. «Для того чтобы избежать многих раздоров и столкновений, следует снисходительно относиться к некоторым вещам. Иногда мир должен быть куплен, а затраты всегда будут меньше последствий войны»². Эразм Роттердамский особо отмечал роль правителей в процессе установления мира: «разум и мудрость государя повлекут за собой процветание владений»³; «пусть величайшие почести воздаются тому, кто предотвращает войну, кто мудрым советом восстанавливает согласие, и кто всеми силами делает так, что становятся ненужными великие армии и огромные запасы оружия»⁴. Наконец, мыслитель считал, что урегулирование территориальных противоречий между государствами может послужить залогом вечного мира: «надо найти средства к тому, чтобы границы государств перестали подвергаться частым изменениям, потому что изменения государственных границ ведут к смутам, а смуты к войнам»⁵.

Эразм Роттердамский не разрабатывал подробных механизмов реализации мира (что было свойственно мыслителям последующих эпох), он обозначил лишь общие подходы к решению проблемы. Тем не менее, выделенные им практические принципы и основания всеобщего мира позволяют судить об их авторе как об одном из первых исследователей в истории общественной мысли, занимавшихся проблемой войны и мира с точки зрения поиска политических основ мира. Однако в большей мере концепция Эразма Роттердамского ценна своим гуманистическим содержанием: мир прежде всего за-

¹ *Роттердамский Э.* Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 54.

² *Там же.* С. 57.

³ *Там же.* С. 40.

⁴ *Там же.* С. 55. Эту идею о миротворческом потенциале правителей позже опроверг Руссо, считавший, что единовластитель может желать только войны.

⁵ *Там же.* С. 53.

висит от «сердец, желающих его», и «зиждется не на лигах и конфедерациях, из которых, как мы знаем часто рождаются и начинаются войны»¹. Именно Роттердамскому принадлежит обоснование *общечеловеческой* ценности мира в противоположность учениям предшествующих столетий.

Гуманистические идеалы Эразма Роттердамского, уверенного в том, что добрая природа человека приведет к всеобщему миру, не нашли поддержки у политиков-практиков, но они оказали влияние на взгляды теоретиков. Одним из его последователей был Себастьян Франк (1500–1543), представитель левых реформистов Германии XVI века. Его «Боевая книжка мира»² отличается от предшествующей «жалобы» своим боевым духом, что объяснимо: между увещательной «Жалобой мира» (1517) Роттердамского и «Боевой книжкой мира» (1539) Франка пролегла эпоха Реформации и крестьянской войны в Германии. Подобно Роттердамскому автор «Книжки» выступает с всесторонней критикой войны, считая ее варварской и грабительской, и возлагая вину на правителей-тиранов; но в отличие от своего предшественника, который ограничился призывами к миру, Франк считал, что необходимо *бороться* за мир, его защита мира отличается невиданным до той поры радикализмом: «так как война не может быть уничтожена своей противоположностью — миром, я вооружаюсь оружием мира и буду сражаться за него». Франк выдвинул ряд условий, при которых войны допустимы, но эти же условия аннулируют саму возможность войн. Так, например, Франк, пишет, что войны можно вести только ради божьей чести, но Богу войны не нужны, следовательно, войн не может быть. В числе выдвинутых Франком условий есть также принципы ненападения, ненужности многочисленных армий и т. п. Если люди будут держаться этих условий, «у нас будет не так уж много войн, а скорее длительный, даже вечный мир»³.

Интересно отметить, что Франк одним из первых рассмотрел аспект моральной ответственности солдат за участие в войне. Осуждая участие в войнах, которые ведет тиран ради честолюбия, мести, злобы или корыстолюбия, он утверждал: «все, кто помогает тирану, сам тиран, убийца и грабитель». Таким образом, воин сам делает свой выбор и несет ответственность за него.

¹ *Роттердамский Э.* Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 53.

² *Frank S.* Kriegsbuchen des Friedens // *Raumer K.* Ewiger Friede. Freiburg-Munchen, 1953.

³ Цит. по: *Андреева И. С.* Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975. С. 31.

Франк считал мир необходимым условием выживания людей; увеличение количества войн, по его мнению, означает приближение Страшного Суда и подвергает человечество угрозе уничтожения. Однако Франк в своем осуждении войны не предлагал никаких конкретных способов установления мира, его обличение войны не подкреплялось программой действий. Поиск конкретных механизмов и институтов установления мира занимались мыслители следующих столетий.

В эпоху гуманизма, веры в добрую миролюбивую природу человека наряду с этическими концепциями Роттердамского и Франка, безоговорочно осуждавшими все войны, можно выделить политические учения, в которых, хотя мир и признавался благом и лучшим условием для жизни человека, оговаривалась возможность справедливых войн. Такое отношение к проблеме высказал, в частности, англичанин Томас Мор (1478–1535), описывая свое идеальное государство¹.

Мор полагал, что войны заслуживают порицания, если ведутся ради наживы, обогащения королей и их министров, есть они тогда «деяние поистине зверское». Войны противоречат правильному течению государственных дел, ориентированному на общественное благо, которое в принципе невозможно там, «где только есть частная собственность, где все меряют на деньги»². Но утопийцы прибегают к войне ради защиты пределов своего отечества, ради изгнания врагов, или ради освобождения народов «от ига тиран и от рабства»³. Оправданы те войны, которые способствуют раскрепощению, установлению справедливых социальных отношений и развитию личности. При этом даже такие, «справедливые», войны отличаются особой гуманностью: утопийцы не опустошают вражеские страны, не грабят мирное население, а «часть дохода своей страны они используют для поощрения союзников и подкупа врагов»⁴, чтобы минимизировать разрушения.

Говоря о гуманистических концепциях мира, типичных для политических мыслителей эпохи европейского Возрождения, нельзя не сказать об иных трактовках проблемы мира и войны.

Мартин Лютер (1483–1546), современник Роттердамского, видный деятель Реформации, предложил свою концепцию. Можно сказать, что эти мыслители в своих подходах к теме мира отталкивались от двух различных реальностей — этической и политической, и от двух разных пониманий природы человека.

¹ Полное название книги: «Золотая книга, столь же полезная сколь забавная о наилучшем устройстве государства, и новом острове Утопии».

² *Мор Т.* Утопия. М., 1953. С. 95.

³ *Там же.* С. 181.

⁴ *Там же.* С. 138.

Лютеровская трактовка вопросов войны и мира представляет собой часть его учения о светской и духовной властях и о принципе разграничения между ними. По Лютеру, Бог учредил среди людей правление двух видов. Одно — *для праведников, истинных христиан*, которые не нуждаются во внешних установлениях — «ни в светском мече, ни в законе», — потому что в сердце у них Святой Дух, который учит и наставляет их «никому не причинять несправедливости, любить всякого, с готовностью претерпевать от каждого беззаконие и саму смерть»¹. *Принадлежащими к Божьему царству правят не светские законы, не меч, а слово Божие*². Однако «*большинство людей — нехристиане и таковыми останутся, хотя все одинаково крещены*»³, и потому *нуждаются в правлении посредством меча*: несправедливым «нужно право, которое бы учило, заставляло и принуждало их делать добро. Бог посредством закона ставит преграды, так что они не решаются внешне проявлять свою злость в делах и действовать по своему произволу»⁴. Таким образом, светская власть, закон — или царство меча — были созданы потому, что лишь небольшая часть людей ведет себя по-христиански, а в целом мир зол, и потому необходимо сдерживать злых и заставлять их хотя бы против воли сохранять внешний мир и спокойствие⁵. «Сам Бог является основателем, господином, наставником, покровителем и поощрителем двух правосудий: духовного и телесного. Они — творение Господа, а не установленные людьми распорядок и власть»⁶.

В контексте этого учения о властях Лютер характеризует *войну как меч*: «так как меч учрежден Богом для наказания злых, защиты благочестивых и сохранения мира, то это довольно убедительно подтверждает, что войны и муки, и все, порожденное войной и военным правом, учреждено Богом. И разве война является чем-то иным, кроме возмездия за несправедливость и зло? ...Разве ты не принимаешь в расчет, что мир зол, а люди не хотят жить мирно ...Этому общему мировому раздору, при котором не может уцелеть ни один человек, должен препятствовать маленький раздор, который называется войной или мечом. Бог ценит меч так высоко, что называет его Своим

¹ Лютер М. О светской власти. В какой мере ей надо повиноваться // Лютер М. Время молчания прошло. Харьков, 1994. С. 119.

² См.: Лютер М. Могут ли войны обрести царство небесное // Там же. С. 189.

³ Он же. О светской власти. В какой мере ей надо повиноваться. С. 121.

⁴ Там же. С. 120, 121.

⁵ Там же.

⁶ Лютер М. Могут ли войны обрести царство небесное. С. 189.

собственным установлением и не хочет, чтобы говорили или питали иллюзию, будто бы его изобрели или учредили люди»¹.

Итак, «люди не хотят жить мирно», и война — это меч, установленный Богом, который защищает и оберегает мир, «предотвращает вечную беспредельную вражду; маленькое несчастье, которое не дает произойти большой беде»²; война — это светский закон, власть, которые призваны удерживать склонных по природе своей к злости и произволу людей в рамках и оберегать их от раздоров и взаимоуничтожения. По своей сути война основана на любви и выполняет функцию врача, который ради спасения целого тела вынужден причинять боль и удалить нездоровый орган.

Если по Роттердамскому, войны наносят только ущерб, «война противна всему сущему; она первопричина всех бед и зол...в ней нет ничего святого», «она словно моровая язва разъедает совесть и веру, для людей нет ничего более пагубного, чем война, а для Бога ничего более ненавистного»,³ то для Лютера было очевидно, что «гораздо больше бед приносит тот, кто отрицает необходимость войн»⁴, поскольку люди подобны злым зверям, склонны по природе «царапаться и кусаться»⁵, а войны предотвращают всеобщий раздор.

Концепция мира Эразма Роттердамского, бесспорно, является одной из самых гуманистических и идеалистических в истории идеи, в то же время учение Лютера о войне-мече как функции государства, направленной на предотвращение «вечной беспредельной вражды», представляется более реалистичной, но в чем-то не менее гуманной. *Война-меч Лютера* — средство против раздоров и, в этом смысле, *средство мира*, установить который возможно с определенными жертвами: «не следует видеть в военной службе только то, как она душит, сжигает, бьет, берет в плен и т. д.»; в то же время она «защищает благочестивых, охраняет и оберегает женщин и детей, дом и двор, имущество и честь, и мир»⁶.

Оригинальное видение проблемы мира и войны принадлежит флорентинцу *Никколо Макиавелли (1469–1527)*. По его представлениям, мир не является наилучшим состоянием человеческого общества и ассоциируется с застоем. Добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность — беспорядок, а бес-

¹ Лютер М. Могут ли воины обрести царство небесное. С. 185, 186.

² Там же. С. 186.

³ Роттердамский Э. Жалоба мира С. 40.

⁴ Лютер М. Могут ли воины обрести царство небесное. С. 186.

⁵ Лютер М. О светской власти. В какой мере ей надо повиноваться С. 120

⁶ Лютер М. Могут ли воины обрести царство небесное. С. 185, 186.

порядок — погибель, и, соответственно, новый порядок порождается беспорядком¹. Война естественна, потому «в государстве появляются сперва военачальники, а затем уж философы»². Помимо изначальной «симпатии» людей к силе, дополнительным аргументом Макиавелли, считавшим войну естественным спутником истории, было утверждение о «порче общественных нравов». Итак, война, по Макиавелли, соответствует «неидеальной» природе человека, защищает общество от застоя и, к тому же, выступает политическим средством для достижения государственных целей.

В целом, макиавеллевская трактовка войны и мира складывалась в контексте политических междоусобиц Италии XV века и в силу этого лишена богословских и этических иллюзий. При этом, как представляется, нельзя считать Макиавелли абсолютным апологетом насилия, его можно обвинить в том, что поскольку для него высшей политической ценностью было государство, перед которой ценность отдельного человека отступает, постольку война признавалась необходимым средством укрепления и обеспечения безопасности государства.

Макиавелли писал: «государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме военных установлений и военных наук, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на других. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удерживать власть тому, кто рожден государем, но и получать власть тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли ту власть, которую имели»³. «Вооруженный несопоставим с безоружным, и никогда вооруженный не подчинится безоружному по доброй воле»⁴. Таким образом, военная сила, по Макиавелли, основа власти, а война — один из источников происхождения государства: «государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью»⁵.

Об особом внимании, которое Макиавелли уделял военному искусству и войне как средству решения политических проблем свидетельствует его трактат «О военном искусстве»(1521), который представляет собой описание воинских уловок, а также обоснование не-

¹ См.: Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 175.

² Там же.

³ Макиавелли Н. Государь. М, 1998. С. 87.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Там же. С. 50.

обходимости формирования регулярных армий. В отличие от многочисленных трудов по военной теории, создаваемых его современниками, трактат этот являет собой практическое руководство по устройству военного дела. Макиавелли здесь высказывает идею о том, что военная сила есть основа процветания и развития государства: «учреждения хорошие, лишенные вооруженной поддержки распадаются совершенно так же, как разрушаются постройки роскошного дворца, ничем не защищенные от дождя»¹. В духе античной традиции особого отношения к воинскому сословию, Макиавелли задается вопросом: «кто должен больше любить мир как не тот, кто может пострадать от войны? В ком должен быть жив страх божий, как не в том, кто ежедневно подвергается опасностям?»².

Таким образом, Макиавелли в противовес гуманистическим представлениям Возрождения о войне как пагубе и зле, продолжил традицию отношения к войне как естественному явлению общественной жизни и необходимому политическому злу. Военное искусство возводится им в ранг необходимого политического таланта истинного Государя, радеющего о благе своей страны. А профессиональная армия является, по его мнению, неотъемлемой силой государства, выполняющей функцию защиты и охраны общества. При этом состояние мира, о котором Роттердамский писал как о безотносительном благе, для Макиавелли было равнозначно состоянию застоя.

Итак, в политических учениях эпохи Возрождения на фоне масштабных войн, сопровождавших начальный этап становления международной политической системы, с одной стороны, и в рамках гуманистического мировоззрения — с другой, произошло зарождение идеи всеобщего вечного мира, сформировались ее характерные особенности, обозначившие ее специфическое содержание.

Во-первых, идея мира была универсализирована — речь шла теперь не только о внутривоинском или внутривосточном содружестве, как то было ранее, но впервые было заявлено о необходимости *всеобщего* мира.

Во-вторых, в политических учениях Возрождения сформировалась *этическая концепция мира*, в которых в обоснование необходимости и возможности прекращения войн приводились доброта, стремление к согласию и милосердие, свойственные человеку. Авторами ярчайших сочинений о мире эпохи Возрождения можно считать Эразма Роттердамского, Себастьяна Франка, выступавших в

¹ Макиавелли Н. О военном искусстве. СПб., 1999. С. 9.

² Там же.

защиту всеобщего вечного мира. Более компромиссное отношение к войнам высказывал английский мыслитель Томас Мор, который выделял и оправдывал справедливые, освободительные войны. В то же время в гуманистическую эпоху существовали и другие взгляды на проблему мира, обусловленные политическим контекстом эпохи — процессом становления централизованных государств, Реформацией, крестьянскими войнами, когда основной политической ценностью признавалось сильное внутренне нестабильное государство. Так, Мартин Лютер считал войну средством установления мира светском царстве, правом власти подавлять мятежи и выступления толпы. Что касается вечного мира, то это понятие является синонимом Божьего Царства — царства праведников, истинно уверовавших в Христа, живущих по слову Божьему и подчиняющихся его духовному правлению. Никколо Макиавелли, в противовес этическим трактатам о мире, представил реалистичный взгляд на войну как на верное средство укрепления власти и государства.

Однако подчеркнем, что для политической мысли европейского Возрождения стало характерно появление *этических концепций* в защиту вечного мира, «умножителя всего самого лучшего, что когда-либо существовало на земле и на небе» (Роттердамский), и абсолютное осуждение войны, которая «не соответствует божьей чести» (Франк) стали характерными и типичными. Идея мира была расширена гуманистами до общечеловеческих масштабов. Однако все очевиднее становилось, что задачу необходимо решать не только умозрительными, но и политическими способами. Более конкретную программу действий предложили и аргументировали мыслители следующей эпохи, наполнив идею мира инструментальным и практическим содержанием.

Наталья Владимировна Евдокимова

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Новое общество в учении Шарля Фурье

Промышленная революция, начавшаяся в Великобритании в середине XVIII века, на рубеже веков дошла до Франции. Незадолго до этого, Франция пережила революцию политическую, изменившую не только власть в стране, но и другие сферы жизни общества.

Крестьяне, движимые поиском средств к существованию, уходили в города. Там они становились дешевой рабочей силой для только начинавших свою деятельность фабрик. Несоответствие затраченного труда и доходов от него породило негодование в среде рабочего класса, что выливалось в забастовки и стачки, из-за чего производство терпело убытки, а политическая ситуация в стране еще больше накалялась.

Шарль Фурье — был сыном торговца, но еще в детстве отличался склонностью к уединенным размышлениям и мечтанию. И, годы спустя, лишившись во время восстания 1793 года в Лионе магазина, оставленного ему отцом, он посвятил свою жизнь созданию учения, способного изменить и улучшить ситуацию в стране. Еще при жизни у Фурье нашлось немало последователей в разных уголках мира, некоторые из них были в России¹.

По мнению мыслителя, существующий строй — цивилизация — предел беспорядка, нищеты и разврата. В современном мире есть множество социальных паразитов, которые не работают на благо общества, но получают от других средства к существованию. Фурье относит к этой категории женщин, детей, прислугу, армию, чиновников, плохих промышленников, 9/10 торговцев, юристов, заключенных, больных и нищих. Но и те, кто работают, считает он, делают это недостаточно эффективно². Из-за того, что рабочие не получают заслуженного вознаграждения, они не заинтересованы в результатах своего труда, и поэтому он непроеизводителен. Условия жизни рабочих настолько тяжелы, что они проникаются злобой и враждой не только к предпринимателю, но и ко всему общественному строю.

Фундаментом социального идеала Фурье делает собственную философскую концепцию. Ее центром становится понятие Бога. Он есть сила, которая приводит в движение мир. Если мы поймем причины этого движения, мы узнаем цели, которые преследует Бог. Поэтому задача науки состоит в том, чтобы понять законы управления движением. Социальное движение возникает ввиду существования у человека влечений и страстей. Для создания совершенного общества нужно изучить человеческие страсти и найти им правильное применение. Три вида организации составляют идеальное общество: люк-сизм (удовлетворение материальных страстей); группизм (страсти привязанности) и сериизм (страсть к распределению).

¹ См. *Зибельфарб И. И.* Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX в. М., 1964. 556 с.

² *Волгин В. П.* Система Фурье / *Фурье Ш.* Избранные сочинения: В 4-х т. Т. 1. М., 1951. С. 22–25.

Общество Фурье, он называет его строем гармонии, как и у многих утопистов того времени, основывается на новой науке, открытой мыслителем. Главный закон науки Фурье — «закон аналогии». Согласно ему, человек всем своим существом подобен Богу; страсти человека подобны музыкальным тонам и цветам. Аналогия прослеживается между фазами развития общества и фазами движения небесных тел¹.

Фурье предлагает учение, следуя которому можно устроить производство так, что труд рабочих будет эффективен при сохранении существующего порядка собственности. Главной формой организации нового общества будут фаланги — производственно-потребительские товарищества, в которых основным видом труда будет сельское хозяйство. В этом товариществе будут состоять как промышленники, так и рабочие. Из этого следует, что равенство как принцип совместной жизни не предполагалось: для строительства фаланги нужны денежные средства, а предоставить их могут только фабриканты. Несмотря на некоторые привилегии для богатых, в фаланге рабочие будут находиться в принципиально иных условиях, что обеспечит эффективное использование их труда.

Местом жительства фаланги станет фаланстер — здание, в котором смогут разместиться около 1600–1800 человек. Из них в работе не заняты будут дети и пожилые люди, и останется 810 человек, характеры которых скомбинированы в соответствии с 12 основными страстями. Каждый человек займется тем, к чему его влечет собственная страсть: равнодушные к сладкому будут трудиться на кухне, любители животных будут работать на конюшне и скотном дворе и т. д. Эту организацию труда Фурье назвал сериями по страсти. За день каждый человек может сменить несколько серий, ввиду чего труд не будет надоедать и он сможет работать более продуктивно. Плоды своего труда жители фаланстера будут относить в общее хранилище, и пользоваться ими по надобности. В результате не только рабочие смогут жить намного лучше, чем при существующем строе, но и будет наблюдаться значительная экономия².

Основным средством воспитания взрослых, в концепции Фурье, является выявление и правильное применение их страстей. Детей начинают обучать с самых малых лет. Фурье считает, что нужно как можно раньше приучать ребенка к труду, чтобы воспитать в нем страсть к созиданию. То, что взрослые считают пороками детей, есть

¹ Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб / Фурье Ш. Избранные сочинения: В 4-х т. Т. 1. М., 1951. С. 106–107.

² Там же. С. 99–104.

не что иное, как их страсти, которые нужно только направлять в мирное русло¹. Страстями наделяет человека Бог, и мы не должны противиться его воле.

Фурье не видит в революции и насильственных действиях способа установления нового порядка. Как и другие мыслители того времени, он увидел вживую все то, что сопровождало революцию, и не хотел ее повторения.

Идеи Фурье около 40 раз пытались воплотить в жизнь его последователи. Но каждый раз их постигала неудача. Отчасти из-за того, что Фурье в силу своих преклонных лет не мог должным образом руководить исполнением своих замыслов, отчасти от того, что прописать на бумаге множество деталей оказалось легче, чем превратить их в жизнь.

Лидия Эдуардовна Захватова

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Обоснование необходимости революционной борьбы на Кубе в трудах Х. Марти (1853–1895 гг.)

Ключевые слова: Х. Марти, революция, независимость, Куба, Испания, США.

Аннотация

В статье рассматриваются основные идеи кубинского мыслителя Х. Марти (1853–1895) относительно революции на Кубе, обоснования ее неизбежности и необходимости для дальнейшего развития Кубы. Упоминаются основные произведения Х. Марти, в которых была затронута тема революции в кубинском обществе.

Хосе Марти (1853–1895) — кубинский политический мыслитель, поэт и журналист. В своих публицистических произведениях Марти доказывал необходимость скорейшего освобождения Кубы от колониальной зависимости.

¹ *Фурье Ш.* Новый хозяйственный и социетарный мир / *Фурье Ш.* Избранные сочинения: В 4-х т. Т. 1. М., 1951. С. 335–469.

Идеи Хосе Марти наследовали и продолжали мысли Симона Боливара, а также других деятелей борьбы за независимость Латинской Америки (мексиканский священник Идальго, аргентинец Сан-Мартин, организовавшие народ в борьбе против Испании). В своих сочинениях мыслитель обосновывал культурно-историческую специфику Кубы. Исходя из этой специфики, должно строиться, согласно учению Хосе Марти, иное политическое устройство, которое не может быть достигнуто в состоянии зависимости от Испании или от какой-либо другой страны. В связи с этим, освобождение от Испании стало лейтмотивом всей социально-политической публицистики Х. Марти.

Первое произведение мыслителя, отражающее революционную проблематику, — очерк «Политическая каторга на Кубе»¹, который был написан в 1871 году. Это записки, имеющие характер дневника, в которых описывались жестокое отношение испанцев к каторжникам, несоблюдение естественных прав человека, эксплуатация детей. Это описание Марти заключал весьма парадоксальным выводом: «Мне жаль Испанию, позже она будет опозорена»². Ведь те, кто забывает о чести и справедливости, в результате, всегда оказываются разоблаченным и униженным. Таким образом, Марти был абсолютно уверен в будущей победе кубинской революции и полном падении испанского могущества, потому что действия испанского правительства не соотносятся с гуманистическими идеалами.

Для Кубы борьба за независимость обусловлена не только практическими факторами. Это, по мнению Х. Марти, дело чести, внутреннее требование справедливости. «Для Кубы борьба означает смерть ее самых любимых сынов, утрату ее процветания, которое она проклинала, потому что это процветание было рабским и бесчестным, потому что правительство позволяло ей иметь богатство ценной бесчестья, а Куба предпочитала нищету этой проклятой уступке правительства»³, пишет он в статье «Испанская республика перед лицом Кубинской революции»⁴. В этой статье Марти резко критику-

¹ *Марти Х.* Политическая каторга на Кубе // *Марти Х.* Избранное М., 1956. С. 215–226. Впервые опубликована отдельной брошюрой в 1871 году в Мадриде.

² *Там же.* С. 226.

³ *Марти Х.* Испанская республика перед лицом кубинской революции // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX века). М., 1965. С. 202.

⁴ Статья была написана в 1873 году, когда в Испании была провозглашена республика. Впервые опубликована в книге «Испанская республика и Кубинская революция» в 1873 году, в Мадриде.

ет испанское правительство, указывает на противоречия, лежащие в основе испанской государственности. В 1873 году в Испании была провозглашена республика. Но в природе республики — отрицание всяческого угнетения и завоевания, но именно эти методы лежат в основе испано-кубинских отношений.

Испанское правительство, чтобы сохранить колониальную зависимость Кубы, выдвигало лозунг о единстве нации и государственной целостности. Но ничто не объединяет эти две нации: ни быт, ни история, ни культура, а значит, нет у них и общего будущего: «То, что было для Испании неувядаемой славой, для кубинцев было по воле Испании глубочайшим несчастьем»¹. Марти считал совершенным безумием думать о сосуществовании двух народов, обладающих разными потребностями, обычаями, которых разделяет целый океан. Эти идеи мыслитель развивал в статье «Решение»², но уже в более резкой форме. Он критиковал республиканское правительство, обвиняя его в бесчестности и двуличии³.

Тем не менее, Хосе Марти — первый из кубинских мыслителей, который начал различать испанское правительство и испанский народ. Он резко осуждал идею бездумного уничтожения испанцев на территории Кубы, войну до «последней капли крови». В своих письмах и статьях Марти заявлял, что у кубинцев к испанскому народу нет никаких претензий. В «Письме испанцу» (1892) он отмечал: «Наша задача — достигнуть согласия без крови, что положит начало хорошему долговременному миру, способному объединить жителей Антильских островов и испанцев»⁴. Кроме того, среди произведений Марти можно найти не одно воззвание к испанским войскам времен освободительной войны, где он призывает сложить оружие, помочь кубинскому народу в правом деле освобождения («Испанец» (1892)⁵, «Манифест в Монтекрести. Революционная кубинская партия — Кубе» (1895)⁶).

¹ *Марти Х.* Испанская республика перед лицом кубинской революции // Прогрессивные мыслители Лат. Америки (XIX — начало XX в.). М., 1965. С. 206.

² *Марти Х.* Решение // Избранное. М., 1956. С. 227–236. Статья написана в 1873 году. Впервые опубликована в испанском журнале «Кубинский вопрос».

³ Там же.

⁴ *Martí J.* Carta de un español // Martí J. Obras completas. Política y revolución. т 4. La Habana 1963. P. 412.

⁵ *Martí J.* Un español // Martí J. Obras completas. Política y revolución. т 4. La Habana 1963. P. 389–391. Впервые опубликована в журнале «La patria» в 1892 году.

⁶ *Марти Х.* Манифест в Монтекрести. Революционная кубинская партия — Кубе // *Марти Х.* Избранное. М., 1956. С. 287–296. Впервые опубликовано в 1895 году в журнале «La patria»

Но, несмотря на то, что мыслитель питал надежду на бескровное освобождение родины, будучи человеком образованным и дальновидным, он понимал: Испания не отпустит свою последнюю колонию просто так, а значит, надо вести войну за независимость до полного освобождения. Через все творчество Марти проходит апология освободительной войны, которая является справедливой. Эти идеи звучали как в ранних поэтических произведениях Х. Марти (поэма «Абдала», стихотворения разных лет), так и в поздних публицистических статьях («Наша Америка» (1891), «Наши идеи» (1892), «Манифест Монтекрести. Кубинская революционная партия-Кубе» (1895)). И если другого выхода нет, то будет вестись война, которая является страшным бедствием, но у Кубы нет другого выхода, «ибо в результате войны, в борьбе между теми, кто владеет страной и кто уже в глазах своих же выглядит жалким и дискредитированным, и сынами страны восторжествует свобода, необходимая для достижения подлинного благоденствия и наслаждения им...»¹. Марти приходил к выводу, что кровопролитие во имя свободы более актуально, чем «бессмысленный» мир.

Во второй половине XIX века в кубинском обществе появилась идея освобождения от Испании путем сотрудничества с США, с последующим вхождением в их состав. Эти идеи разделяли аннексионисты. Х. Марти негативно к этому относился². Этой стране в творчестве Марти посвящен целый ряд работ, где мыслитель подчеркивал: главная цель Соединенных Штатов захватить как можно больше земель и заработать как можно больше денег, идеалы свободы и демократии являются не более чем лозунгами, прикрывающими эти цели³. В сборнике очерков «Североамериканские сцены» Х. Марти нарисовал образ типичного американца: «Эти помешавшиеся на должностях маньяки — трусы, бегущие от жизни, трутни в улье, нищие в белых рубашках, черви, грызущие дерево свободы»⁴. В статье «Вашинг-

¹ *Марти Х.* Наши идеи / Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX века). М., 1965. С. 228.

² Там же.

³ См.: *Марти Х.* Североамериканские сцены. М., 1963; *Марти Х.* Избранное. М., 1956 и др.

⁴ *Марти Х.* Соединенные Штаты Америки // *Марти Х.* Североамериканские сцены. М., 1963. С. 249. Опубликовано в 1889 году в журнале «La nación»

тонский межамериканский конгресс» (1889)¹ Марти пытался выявить основные цели конгресса, членами которого были США и латиноамериканские штаты. Вывод его однозначен: США стремятся утвердиться в качестве лидера на двух континентах, чего допустить ни в коем случае нельзя. «Пусть разбираются в своих внутренних делах, а не вмешиваются в дела наших стран»². Проблема экспансионистской политики США затрагивалась Х. Марти также в статьях «Мексика и Соединенные Штаты» (1886)³, «Как создавался город в Соединенных Штатах» (1889)⁴, «Вся правда о Соединенных Штатах» (1894)⁵. Эта политика приводит не только к несчастьям других государств, но и ухудшает внутреннее положение самих США: «Демократия не только не укрепляет и не дает избавления от ненависти и нищеты, господствующих в монархиях, но гниет и мельчает, а ненависть и нищета угрожающе растут...»⁶. В результате, слепое подражание США просто глупо, поскольку их политическая система неспособна решить даже свои внутренние проблемы, не говоря уже о проблемах других государств.

Таким образом, Х. Марти в своем обосновании необходимости борьбы за политическую независимость исходил из актуальных проблем современной ему действительности, существующей геополитической и исторической ситуации. Помимо этого, он находил этнические, культурные, географические факторы, которые нельзя не принимать во внимание при рассмотрении испано-кубинского вопроса, а также взаимоотношений с США. Кроме того, свобода, по мнению мыслителя, — в самой природе кубинского народа, и дело чести и справедливости — ее завоевание.

¹ *Марти Х.* Вашингтонский межамериканский конгресс // *Марти Х.* Избранное. М., 1956. С. 153–163. Впервые опубликована в аргентинской газете «La nación» в 1889 году.

² *Марти Х.* Вашингтонский межамериканский конгресс // *Марти Х.* Избранное. М., 1956. С. 162.

³ *Марти Х.* Мексика и Соединенные Штаты // *Марти Х.* Избранное. М., 1956. С. 196–202.

⁴ *Марти Х.* Как создавался город в Соединенных Штатах // *Марти Х.* Избранное. М., 1956. С. 203–209.

⁵ *Марти Х.* Вся правда о Соединенных Штатах // *Марти Х.* Избранное. М., 1956. С. 210–214.

⁶ *Там же.* С. 212.

Балташ Нурмухамбетович Карипов

Доцент кафедры философии исторического факультета
Кокшетауского государственного университета
имени Ш. Ш. Уалиханова (Республика Казахстан)

Сущность марксистской парадигмы социализма

Ключевые слова: производительные силы общества и производственные отношения, социальное равенство и социальная справедливость.

Аннотация

В статье говорится, что общетеоретический, научный подход основоположников марксизма к анализу общества позволил им сделать принципиальный вывод о том, что главный смысл, сущность, назначение социализма заключается в освобождении общества и человека, в лучшем, оптимальном устройстве общественного бытия человека, в обеспечении свободного, всестороннего, самостоятельного и высоко-нравственного развития каждой личности.

В качестве исторической перспективы во второй половине XIX — начале XX столетий наибольшую известность приобрела идея социализма. Если либеральная парадигма представляет собой своеобразную *философию настоящего*, консервативная — *философию прошлого*, то социалистическая — и в своем утопическом, и в своем научном вариантах — это, безусловно, *философия будущего*. Теория социализма отталкивается от критики существующего мира. В то же самое время в ней все построено на модусе долженствования: на том, что подлежит исправлению и каким следует быть будущему. Социалистическая парадигма неизменно проективна, перспективна и ориентирована на социальные и политические изменения.

Среди разнообразных интерпретаций социалистической идеи в это время наиболее значимой и популярной являлась марксистская версия. К. Маркс и Ф. Энгельс предложили универсальную и рационально объяснимую картину кардинального изменения существующего порядка и построения неантагонистического и справедливого социального строя. Основоположения марксистской картины общественно-политического мира стали программным фундаментом революционного движения во многих европейских странах, в том числе и в России. Это обстоятельство позволяет нам ограничить рамки

настоящего исследования исключительно «концептом» марксизма, с тем, чтобы выявить его смысловые и значимые характеристики.

Основные положения марксистской политической идеологии социализма можно выразить в следующей схематической форме. Общество в силу столкновения антагонистических классовых интересов приходит к созданию института государства, которое возвышаясь над ним, стремится внешне примирить противоречия в рамках закона и порядка. Поскольку государство является продуктом классовых противоречий, оно является выразителем интересов экономически господствующих классов и подчиняет себя интересам этих эксплуататоров. Более того, государство само является всеобщим эксплуататором, контролирующим принудительный характер труда и принудительное присвоение другими, мелкими, эксплуататорами прибавочной стоимости. Человек утрачивает свою родовую сущность; отчуждение идет через деньги, религию, политику и труд. Человеческое существование в значительной степени носит иллюзорный характер.

Освобождение человека и человечества от эксплуатации возможно, и такой путь эмансипации прокладывается в истории через осуществление политического господства пролетариата. Однако даже демократическая республика с ее системой всеобщего избирательного права остается орудием буржуазного господства, поскольку она обеспечивает правление класса капиталистов путем подкупа должностных лиц и парламентариев, установления контроля над прессой и т. п. В то же время демократическая республика способствует количественному росту и усилению политического влияния пролетариата и поэтому она рассматривается как наилучшая форма будущего господства трудящихся. Пролетариат, совершая революцию, лишает буржуазию государственной (политической) власти и устанавливает диктатуру (т. н. «пролетарскую демократию»). Пролетарское государство постепенно отмирает, утрачивая свою классовую природу. Будущее общество — свободная от классовых противоречий и насилия коммуна, где элементарные условия общежития соблюдаются без всякого принуждения. Вместе с государством «отмирает» и политика, поскольку в прошлое уходят «господство» и «принуждение», а на их месте остается внеполитическое управление.

Представления о будущем социалистическом (коммунистическом) обществе у основоположников марксизма не были чем-то абстрактно-идеальным. Социализм, в их глазах, — это теоретически обоснованное знание о будущем, опережающее действительность, но вместе с тем реалистическое знание. Марксистская парадигма

возникла на основе научного анализа объективных закономерностей, исторически обуславливающих социализм с его основополагающими принципами, чертами и диалектикой развития. Основой такого, научного, понимания социалистического общества стало для Маркса материалистическое понимание истории. В обобщенной форме этот принцип выражен в известном предисловии к работе «Критике политической экономии» (1859).

В процессе общественного производства и воспроизводства люди постоянно вступают в необходимые и не зависящие от чьей бы то ни было конкретной воли (производственные) отношения, которые, в свою очередь, соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. В своей совокупности эти производственные отношения составляют экономическую структуру общества. Это — реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки; ему соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом, способ производства материальной жизни (который есть не что иное, как единство производительных сил и производственных отношений) обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще. Вследствие чего определяющей силой оказывается не сознание людей, а само общественное бытие, которое обуславливает это самое сознание. Маркс полагал, что социальное развитие проходит согласно определенным законам; при этом закон понимался им как «внутренняя и необходимая связь» между явлениями [1, с. 246]. На этой основе разрабатывалось и развернутое представление об обществе как целостной системе. Такое представление воплощалось, прежде всего, в понятии «общественная формация». Подчеркнем, что формационная идея, наряду с материалистическим пониманием истории, стала вторым общетеоретическим началом марксистского проекта социализма. Общественная формация в этом проекте — социальная система, состоящая из взаимосвязанных элементов и находящаяся в состоянии неустойчивого равновесия. Структура этой системы имеет следующий вид. В ее основании лежит способ производства материальных благ. Способ производства имеет две стороны: производительные силы общества и производственные отношения. К производительным силам относятся все имеющиеся в распоряжении общества ресурсы и средства, обеспечивающие процесс производства: вовлеченные в производство естественные и человеческие ресурсы, средства производства, уровень науки и ее технологическое применение и т. д. Производственные отношения, вторая сторона способа производства, выражается, по Марксу,

главным образом в различных формах собственности на средства производства. Обе стороны способа производства находятся в состоянии соответствия и взаимодействия; при этом ведущую роль играют производительные силы.

Способ производства составляет, по Марксу, системообразующий компонент формационной системы, определяющий остальные ее компоненты. Именно способ производства создает качественную определенность общественной формации и является важнейшим критерием, благодаря которому одна формация отличается от другой. Помимо производительных сил и производственных отношений, которые составляют «реальный базис», структуру общества, формация включает в себя также и надстройку. В нее, как считал Маркс, прежде всего, входят юридические и политические отношения и институты (находящиеся ближе других институтов и отношений к базису) и далее, точнее «выше», — остальные сферы социальной жизни, которые, как и право и политика, относятся к области «общественного сознания», или «идеологии»: мораль, наука, религия, искусство. Маркс наделял надстройку по отношению к базису относительной автономией (а искусство вообще рассматривал как сферу, независимую по отношению к экономической подсистеме) и полагал ее обратное воздействие на базис. Но в целом он был убежден в том, что подлинной реальностью обладает, прежде всего, экономика, отчасти политика; все, же остальные сферы обладают лишь ограниченным собственным бытием, что у них нет собственной подлинной истории, поскольку они являются лишь отражением, осознанием «настоящего», «подлинного» бытия — производственных отношений [2, с. 217]. Маркс создал не только общетеоретическое представление о формациях, но и дал их классификацию. В ее основу были положены различия в способе производства. Исторически начальной объявлялась первобытная формация, основывающаяся на коллективной общинной собственности и кровнородственных отношениях. Следующие три формации — рабовладельческая, феодальная и капиталистическая — базировались уже на частной собственности на средства производства; общественные отношения имели в каждой из них антагонистический характер. Буржуазной общественной формацией должна была завершиться «предыстория человеческого общества» [3, с. 8]. «Подлинная» же история человечества должна была начаться с утверждением коммунистической формации, самостоятельное место в которой занимал социализм. Базисом нового социалистического (коммунистического) общества представлялась общественная, коллективная собственность на средства производства,

определяющая коллективизм, коллективистский характер всех общественных отношений. Это Маркс и Энгельс подчеркивали неоднократно. В «Манифесте Коммунистической партии» они писали: «Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности...» Высшим завершением социалистической идеи в их представлении была теория научного коммунизма, суть которой выражалась в единственном требовании — *уничтожении частной собственности*. Общественная собственность на средства производства и коллективистский характер производства неразрывны как существеннейшие черты социализма: «вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих» [4, с. 20]. При этом Маркс подразумевал установление такой, общественной, собственности в масштабе всего общества, а не в виде изолированных друг от друга кооперативных товариществ. Этот момент необходимо было особо учитывать при определении стратегической линии в области обобществления средств производства в ходе социалистических преобразований и социалистического строительства.

В социалистическом обществе утверждалось новое, диалектическое единство труда и человека, подразумевавшее, во-первых, обязательное участие каждого в труде, во-вторых, превращение труда в свободную, привлекательную и все более творческую деятельность, в-третьих, раскрытие в труде всесторонних способностей и богатых потенций человека. После исчезновения старого разделения труда, отмечал Ф. Энгельс, «на его место должна <была> вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, — где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» [5, с. 305]. Социально справедливая общественная организация труда предполагала и новый тип труженика как решающего элемента новых производительных сил. Этот труженик представлялся как широко образованный и разносторонне культурно и технически подготовленный; владеющий научными основами разнообразной трудовой деятельности; практически подготовленный к выполнению совокупности различных

операций, к совмещению, перемене, чередованию ряда профессий, специальностей и работы в некоторых отраслях производства, в том числе путем овладения в трудовом цикле большой или всей совокупностью различных операций. «Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу...» [5 с. 308]. Одна из сущностных черт социализма, в представлениях основоположников марксизма, — это утверждение между людьми отношений социального равенства и социальной справедливости. Такого рода общественные принципы оказываются возможными только в обществе, где на основе уничтожения эксплуататорских классов, преодоления различий между дружественными социалистическими классами рабочих и крестьян, между всеми трудящимися устанавливаются отношения социального равенства. Социальная и политическая формы неравенства как продукт классовых различий должны были исчезнуть сами по себе — вместе с уничтожением этих самых различий. При этом признавалось, что на начальной стадии коммунистической общественно-экономической формации (то есть при социализме) достижение полного социального равенства оказывалось невозможным.

Необходимым условием в обеспечении социального равенства заключалось в измерении производительности общей и равной мерой — трудом. При социализме должен найти свое воплощение принцип «каждый — по способностям, каждому — по труду», который не могло обеспечить общество, основанное на частной собственности. Вместе с тем данный принцип не в полной мере учитывал и компенсировал имеющиеся различия в физических и умственных силах разных индивидов, в неравной индивидуальной одаренности людей, различия в семейном положении трудящихся, хотя социализм очень многое призван был сделать для выравнивания и данных различий. Основоположники марксизма подчеркивали, что устанавливаемый при социализме принцип социального равенства исключает какие бы то ни было классовые различия, поскольку каждый выступает в статусе только рабочего, подобно всем остальным. В связи с этим они обращали серьезное внимание на реальное диалектическое противоречие в будущем социалистическом обществе, которое необходимо было учитывать не только теоретически, но и практически в проводимой социальной политике, поскольку при равном труде и, соответственно, при одинаковом участии в общественном по-

требительном фонде один получал бы реально больше, нежели другой и вследствие этого становился богаче другого.

Для понимания сущности марксистской парадигмы социализма важно существо рассуждений ее основоположника об этом неравенстве. Причина разницы в богатстве — от различного вклада в общественный труд (в зависимости от неодинаковой индивидуальной одаренности) и от разного семейного положения (наличие или отсутствие семьи, количество детей и т. п.), но, ни в коем случае это не результат каких-то привилегий или нетрудовых доходов, что в принципе противоречит социализму. Рассматривая принципы распределения в обществе, Маркс выявил диалектику производства и распределения при социализме: «Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства» [4, с. 20]. Следовательно, способ производства — вот экономический базис общества, определяющий и характер распределения условий производства, которое, в свою очередь, обуславливает распределение предметов потребления. Характер способа производства выступает основой общественного развития, в нем заложено основное противоречие развертывания общественных процессов.

В диалектике развития социалистического общества есть определяющие и определяемые стороны, базисные и надстроечные, преимущественные и зависимые от них, приоритетные и производные и т. д. Выражая эти зависимости, Маркс подвергал критике точку зрения вульгарных социалистов, утверждавших, будто бы социализм исключительно обращен к вопросам распределения. Наоборот, социализм «вращается» преимущественно вокруг вопросов производства, общественного труда, ибо от этого, прежде всего, и зависит распределение. Но такой вывод, ни в коем случае не означает, что социализму безразлично распределение, ведь характером и объемом распределения определяются материальное и культурное положение, благосостояние людей, обеспеченность их жизни. Сущностью и характером распределения обуславливаются социальное равенство и социальная справедливость при социализме и коммунизме — эти неотъемлемые принципы научного идеала социализма и коммунизма.

Социализм призван, существенно изменить социальный облик общества. Коммунистическая общественно-экономическая формация последовательно превращает его в бесклассовое и социально однородное. Однако на первой фазе (и в этом одна из существенных

черт, благодаря которой различаются две фазы данной формации) она социально однородна лишь в той мере, в какой это позволяет степень развития экономики и социальных отношений страны. Поэтому конкретный характер социально-классовых различий может быть разным: он определяется существующим в тех или иных странах уровнем развития производительных сил и зрелостью общественных, прежде всего производственных, отношений.

Социализм главным образом преодолевает социально-классовое наследие капитализма и других несоциалистических укладов. Преобразования, осуществляемые при социализме в экономической, социальной, политической и духовной областях, направлены на стирание различий, сложившихся в антагонистических формациях. Если капитализм по своей природе постоянно порождает, воспроизводит социально-классовые различия, то социализм по мере своего развития избавляется от тех социальных различий, для устранения которых уже созданы предпосылки, и сохраняет пока, на данный момент, те, для ликвидации которых предпосылок еще нет. Наряду с преодолением классовых различий, целью нового общества является стирание социальных различий между городом и деревней, между людьми, занимающимися умственным и физическим труда — посредством соединения земледелия с промышленностью. Равномерный подъем и выравнивание по промышленному, экономическому развитию всех регионов страны обеспечивают синтез земледельческого и промышленного производства, подлинную интеграцию города и деревни, в которой могли бы воплотиться всевозможные выгоды от интеграции земледелия и промышленности. Предвосхищая необходимость создания в будущем промышленно-аграрных объединений, Энгельс писал в «Принципах коммунизма» о необходимости соединения промышленного и сельскохозяйственного труда: «Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин» [6, с. 336]. В вопросе о соотношении общественной и личной собственности в новом обществе Маркс и Энгельс писали, что никто не предлагает уничтожить «личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом» [6 с. 439]. Здесь присутствует важное положение о недопустимости личного присвоения такого «избытка», который позволил бы использовать на себя труд других людей. К. Маркс

подчеркивал, что «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления» [4, с. 18]. Следовательно, в индивидуальной собственности граждан социалистического общества находится только то, что обеспечивает им индивидуальное потребление без использования чужого труда.

В политической области Маркс дал оригинальное решение вопроса принципиальной важности — о взаимоотношениях между обществом и государством. «Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный...» Необходимо «рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как «основу» существующего государства (или будущее общество как основу будущего государства)...» [4, с. 26–27]. Это означает, что если социалистическое общество есть общество социалистических тружеников, т. е. общество трудового народа, то и социалистическое государство, создаваемое на его основе, есть государство трудящихся, государство трудового народа. В силу участия самих трудящихся в управлении расходы на него должны были существенно сокращаться по сравнению с такого рода расходами в капиталистическом обществе, а затем — по мере развития нового общества — всё более уменьшаться. В этом положении фиксировалась важная диалектическая закономерность, которая демонстрировала развитие социалистической демократии — взаимосвязь роста участия масс в управлении с сокращением расходов на профессиональный управленческий аппарат.

В сфере духовной и культурной жизни новое, социалистическое общество должно было увеличивать долю расходов на школы, учреждения здравоохранения и т. д. И эта доля по мере развития нового общества также все более возрастала по сравнению с уровнем, которого она достигли на тот исторический момент в капиталистическом обществе. На базе роста материального производства социалистическое общество все более ориентировалось на духовный, культурный прогресс народа, на усиление охраны и укрепление здоровья трудящихся, всего населения. Для лучшего образования подрастающего поколения и подготовки к труду молодежи необходимо было осваивать технические знания и навыки трудовой деятельности. При этом соединение производительного труда и обучения с раннего возраста должно было стать одним из могущественнейших рычагов для переустройства капиталистического общества.

Таковы основные положения, отражающие классическую марксистскую парадигму относительно основных принципов и призна-

ков социализма. Общетеоретической основой этих положений являлось материалистическое понимание истории, которое заключало в себе важнейшее для политической науки положение о том, что общества и группы нельзя объяснять теми представлениями, которые они сами о себе создают, что за разного рода идеологиями необходимо стремиться обнаруживать глубинные основания социальной реальности. Сведение этой реальности к экономической подсистеме было, безусловно, ошибочным. Но включение этой подсистемы в социальную систему, анализ ее взаимосвязей с другими подсистемами общества являлись плодотворными. В ряде своих работ Маркс исследовал не только одностороннее воздействие базиса на надстройку, а взаимодействие экономических и неэкономических институтов и взаимодействие последних между собой. Общетеоретический, научный подход основоположников марксизма к анализу общества позволил им сделать принципиальный вывод о том, что главный смысл, сущность, назначение социализма заключается в освобождении общества и человека, в лучшем, оптимальном устройстве общественного бытия человека, в обеспечении свободного, всестороннего, самостоятельного и высоконравственного развития каждой личности.

Обобщая характеристику марксистского социализма, нельзя не отметить тот факт, что после смерти основоположников этой политической теории и по мере распространения ее уже в качестве политической идеологии, то есть к концу XIX — началу XX столетия, становятся все более очевидными признаки ее *разложения*. Внутри последователей Маркса и Энгельса — руководителей социал-демократического движения возникает новое идеологическое и политическое явление — *ревизионизм*, который позиционирует себя как тотальный пересмотр основных принципов в области философии, экономики и политики. В устах ведущего представителя этого направления среди немецких социал-демократов Э. Бернштейна главный лозунг реализации будущего звучит как полное признание в историческом поражении: «Движение все; конечная цель — ничто». Идеологи марксистского ревизионизма призывают к отказу от *всемирно-исторической* миссии. Считается, что решение социально-политических задач можно осуществить и в рамках отдельных государств. Все больше звучат призывы отказаться от революционного изменения капиталистической общественной системы в сторону ее постепенного реформирования.

Библиография

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Процесс капиталистического производства, взятый в целом: Закон и тенденции нормы прибыли к понижению // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 1. М., 1961. С. 246.
2. *Гофман А. Б.* Семь лекций по социологии. (Лекция четвертая: «Социология Карла Маркса»). М., 2001. 217 с.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М., 1959. С. 8.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 19. — М., 1960. С. 18, 20, 26–27.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Анти — Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 20. — М., 1960. С. 305, 308.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1957. С. 336, 439.

Марина Константиновна Ковтуненко

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

«Польский вопрос» в творчестве И. И. Дусинского

Ключевые слова: И. И. Дусинский, геополитика, панславизм, польский вопрос.

Аннотация

И. И. Дусинский (ум. 1919) — русский политический мыслитель панславистского направления начала XX века. Предметом его исследований стали различные вопросы внешней политики Российской Империи, в том числе славянский вопрос. Мыслитель предложил интереснейший проект создания всеславянской федерации. В статье рассматривается решение Дусинским так называемого «польского вопроса».

Иван Иванович Дусинский (ум. 1919) — русский мыслитель начала XX века, творчество которого, к сожалению, сегодня известно лишь узкому кругу специалистов. Предметом его исследования стали различные вопросы внешней политики Российской Империи в

условиях новой, быстро меняющейся геополитической ситуации в мире. Одним из вопросов пристального изучения Дусинского стал славянский вопрос. В рамках этой проблематики мыслитель предлагает свой хорошо и последовательно разработанный проект создания Всеславянской федерации.

Всеславянская держава, по замыслу автора, должна состоять из 8 автономных национальных областей: русской, болгарской, сербской, хорватской, словенской, словацкой, чешской и польской. При этом Австрия, Черногория, Сербия, Болгария и еще некоторые другие политические единицы должны войти в состав всеславянской державы со своими монархами и династиями. Таким образом, говоря современным языком, Дусинский предлагает проект двухуровневой смешанной федерации, состоящей на первом субрегиональном уровне из 8 национальных областей, выделенных по этническому принципу, а на втором субрегиональном уровне — из тех территориальных образований, которые сложились в рамках этих этнических областей исторически. Объединяющими началами в этой федерации станут: культурные и экономические связи, единство военной и морской организации, объединение направляющих органов внешней политики, таможенная уния, приведение к единой норме денежных знаков и единиц меры и веса, а также единый общеславянский (русский) язык.

Однако при создании Всеславянской федерации, мыслитель видит ряд существенных затруднений, главным из которых является польский вопрос, которому «ввиду его запутанности и большого значения», Дусинский посвящает целую главу своей книги. Сложность польского вопроса заключается в том, что «этнографическая территория польского народа очутилась в руках трех могущественных держав, но единство польского национального сознания и культуры сохранилось...» Следовательно, польский вопрос касается трех государств и находится как бы на пересечении славянской политики и национальных политик России, Германии и Австро-Венгрии, причем для каждой страны решение польского вопроса имеет разные приоритеты. Так, для Германии единственным решением польского вопроса является искоренение, истребление поляков и твердый «национальный» курс политики: «для Германии как общеславянский, так и польский вопрос являются в одинаковой мере ненавистными и принцип... искоренить, истребить — одинаково касается и поляков, и прочих славян». Для Австро-Венгрии решение польского вопроса имеет «диаметрально противоположное» значение, поскольку в Австро-Венгрии с ее этнографической пестротой и «за отсутствием ос-

новой народности» нет и не может быть национальной политики. Поэтому «венское правительство... может совершенно доброжелательно относиться к польскому вопросу... и легко укладывается в рамки идеала славянской Австрии или так называемого австро-славизма»¹.

Для России решение польского вопроса оказывается наиболее сложным. С одной стороны, Россия — «государство национальное», поэтому принцип главенства основной народности и национальной политики должен поддерживаться на ее территории, и в том числе в польских губерниях — окраине русского государства. С другой стороны, польские губернии «представляют исконную территорию расселения польского народа, одного из главных представителей славянского племени». Кроме того, принимая в состав русско-славянской союзной державы болгар, сербов, хорватов, словенцев, словаков, чехов, греков, албанцев, мадьяр и румын, Россия как национальное государство не понесет никаких территориальных потерь. В то же время, «принятие ... поляков означает уступку довольно обширной территории, которая отходит от русского к польскому уделу этой державы». Дусинский отмечает что подобная территориальная жертва не оправдана с точки зрения русской национальной политики². Однако в то же время мыслитель говорит, что «общеславянский вопрос не может быть удовлетворительно разрешен... без одновременного разрешения польского вопроса в духе славянского братства и национально-политической автономии». Без такого разрешения польского вопроса, все попытки произвести политическое объединение славян вокруг России будут напрасны, и «славянское движение будет роковым образом вращаться в заколдованном круге неославистской культурно-экономической идеи или, что еще хуже для всего племени, попадет в тину автрославизма». Таким образом, именно при попытке решения польского вопроса возникает дилемма между политикой национальной и политикой общеславянской, которые в этом пункте оказываются диаметрально противоположными. Как же решает эту дилемму Дусинский?

Мыслитель отвечает: «по нашему мнению, польский вопрос необходимо решить согласно требованиям нашей славянской политики». Однако решить его в духе предоставления Польше национальной автономии стоит только в тот момент, когда уже будет создана общеславянская федерация, в противном случае, автономия Польше

¹ Дусинский И. И. Геополитика России, М., 2003. С. 88.

² Там же. С. 90.

будет беспочвенной и как бы «висящей в воздухе»¹. Свои размышления о создании Польской автономии после создания общеславянской федерации, Дусинский подкрепляет словами из стихотворения Тютчева: «Тогда лишь в полном торжестве/ В славянской мировой громаде/ Строй вожделенный водворится,/ Как с Русью Польша помирится,/ А помирятся ж эти две/ Не в Петербурге, не в Москве,/ А в Киеве и в Цареграде». По мнению мыслителя, Петербург и Москва — синонимы русской национальной государственности, а Киев и особенно Цареград — символы объединяющегося и уже объединенного славянства. Таким образом, конечной целью «нашей политики в польском вопросе является не обрусение поляков, а сохранение польской нации и национально-политическая автономия ее в составе всеславянской союзной державы». В таком случае именно на поляков будет возложена важнейшая для славянства функция связи через поляков австрийских с австрийскими славянами и с австрийской государственностью в целом.

Еще одним принципом решения польского вопроса является принцип территориального разграничения: в Западном крае необходимо «устранить завещанную нам капризами истории чересполосицу и размежеваться». На практике это разграничение означает наличие или отсутствие обрусительной политики в польском уделе, и в том числе в Привислиньи, и в русском Западном крае. Так, в Привислиньи, являющемся исконно польским краем политика «должна быть вполне благожелательна к польскому населению», кроме того, «воздерживаясь до момента образования всеславянской державы от полной передачи края в польские руки, мы, тем не менее, можем исподволь приучать население его к самоуправлению», а именно: земское и городское самоуправление и местное хозяйство. Напротив, в пределах русского Западного края «все наши усилия должны быть направлены именно к полному возвращению этому краю его исконного русского облика». Под обрусительной политикой мыслитель понимает следующий комплекс мер: «Отнюдь не прибегая к мерам демагогическим, вроде принудительного отчуждения земли, мы, тем не менее, должны сознательно стремиться к тому, чтобы все частновладельческие земли в крае переходили в русские руки и оставались в них. Что же касается живущих в крае поляков, то они либо должны быть разными, возможно более безболезненными, способами удалены из края, либо должны обрусеть». Говоря об этом, Дусинский вспоминает проект М. П. Погодина и ссылается на его слова: «Это хорошо понимал выдающийся русский ученый и патриот

¹ Дусинский И. И. Геополитика России, М., 2003. С. 109.

М. П. Погодин, который предлагал восстановить Польшу в пределах польского языка или же предоставить ей полную автономию, но который вместе с тем говорил: «Из западных русских губерний должны быть выжиты поляки во что бы то ни стало, выкурены, высланы, выпровождены по казенной надобности»¹.

Итак, при решении польского вопроса, мыслитель предлагает два основных принципа. Во-первых, предоставление Польше полной национально-политической автономии (хотя это и противоречит национальной русской политике, однако решает некоторые проблемы славянского единства), но при этом включение Польши должно произойти уже после создания федерации и вхождения в нее других славянских народов. Разрабатывая этот принцип, Дусинский ссылается на идеи Ф. И. Тютчева. Во-вторых, принцип разделительной политики, который предполагает подготовку широкого самоуправления в Польском крае, но при этом жесткую обрусительную политику в русском Западном крае. Разрабатывая этот принцип, Дусинский ссылается на идеи М. П. Погодина.

Анастасия Михайловна Козлова

Студент кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Проблема анализа бюрократии в политической концепции Маркса

Ключевые слова: Маркс, бюрократия, категории, управление.

Аннотация

В работе рассматривается проблема анализа бюрократической системы управления в политической концепции Маркса. Приводятся основные категории анализа проблемы, а так же дается комплексное определение бюрократической системы в целом. В основе исследования лежат труды, как самого философа, так и современных исследователей русской и зарубежной мысли.

Бюрократия и проблема управления в целом сегодня стала одной из важнейших проблем современности, т.к. именно тактика и

¹ Дусинский И. И. Геополитика России, М., 2003. С. 117.

стратегия, применяемые в процессе управления являются важными показателями благополучия общества.

Анализируя различные подходы к определению термина бюрократия, мы пришли к выводу, что само значение термина может изменяться с течением времени, может иметь разный смысл в зависимости от культурных и исторических особенностей того или иного государства, может иметь разные основания, исходя из которых, придается значение данному понятию. Но, несмотря на все различия, важным и неизменным остается факт наличия во всех этих подходах аспекта управления.

Именно через призму управления рассматривает проблему бюрократии и великий немецкий философ, социолог и экономист К. Маркс. Он поднимает вопрос анализа данной проблемы и пытается найти объективные причины и условия существования бюрократии в обществе.

Говоря о материалистическом понимании социальных процессов в рамках проблемы управления в концепции Маркса, необходимо понимать, что философ проводит свое исследование бюрократии на двух уровнях: на уровне эмпирики, где он анализирует и систематизирует фактологический материал и на уровне теории, где эмпирика становится понятиями и категориями. В свою очередь, понятия и категории Марксова анализа бюрократии — это тот фундамент, а также инструмент, при помощи которого философ создает критически осмысленную концепцию всеобщей бюрократической системы.

Такой подход к исследованию проблемы, по мысли Маркса, позволил ему выявить объективные закономерности, указывающие на причины существования бюрократии в социуме. Данное положение позволяет «удержать» в поле исследователя бюрократии множество социальных явлений и фактов. Тем самым обеспечивается связь исходных фактов и теории, которая служит объяснением эмпирического материала.

Идейным стержнем этой теории стало положение о том, что социальной основой бюрократии является отношение частной собственности. Философ фиксирует внутреннюю и необходимую связь отношений частной собственности с государством. Частный интерес — существенное качество индивидов, которое во многом становится определяющим мотивом деятельности. Маркс отмечает, что в политическом качестве проявляется естественное стремление индивидов к наживе, а не неподкупность, как считал Гегель. Множество государственных должностей — способ удовлетворения данных стремлений.

Анализируя категории, которые Маркс использует для описания бюрократического управления, можно сделать вывод, что понятие «бюрократические отношения» является важной характеристикой бюрократической системы в целом. Оно позволяет рассмотреть бюрократию в двух аспектах: в аспекте взаимодействия с обществом и в аспекте взаимодействия чиновников внутри самой бюрократической системы.

Государственный формализм является еще одной важной категорией марксова бюрократического анализа, без учета которой невозможно представить общей картины взаимодействия бюрократии, общества и государства. Важно понимать, что государственный формализм является в первую очередь средством сглаживания конфликтности интересов отдельно взятых индивидов, что позволяет системе управления оставаться в состоянии стабильности.

Политический рассудок является еще одной категорией, которая представляет собой один из базовых элементов бюрократического анализа философа. Маркс в основу концепции политического рассудка кладет критику гегелевской концепции воли с позиций пролетариата. Исходя из этого, он приходит к выводу о том, что политический рассудок — это форма политического мышления, отражающая связь бюрократии и политики.

На основе вышеперечисленных характеристик, можно дать целый ряд определений бюрократии, исходя из представления Маркса о бюрократическом процессе управления. Но Маркс резюмирует эти определения, называя бюрократию «совокупностью государственных слуг». Исходя из этого, можно заключить, что аппарат власти и управления становится бюрократическим, если каждый из чиновников материально и духовно связан с государственным формализмом, обладает монополией на управленческое и политическое знание и осуществляет действия, направленные на освящение государства и бюрократии как его тела. Вопреки Гегелю, лица, занятые в аппарате власти и управления, не обладают ни разумом, ни свободой, а являются лишь носителями «деловой рутин» и «горизонта ограниченной сферы».

Таки образом, Маркс дал четкое определение бюрократии, проанализировал ее основные характеристики и наметил проблемные точки для дальнейшего исследования данной сферы общественной деятельности. Если Гегель лишь обозначил проблему, то Маркс подошел к бюрократической сфере с точки зрения анализа и представил широкий спектр исследуемых вопросов в рамках проблемы государственного управления.

Ольга Алексеевна Кононова

Соискатель кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Идеологические особенности рабочего движения в России. Формирование политического самосознания

1885 год оказался переломным в истории российского пролетариата.

В январе этого года произошла известная Морозовская стачка, ознаменовавшая начало нового этапа в рабочем движении. Это был первый пример организованных действий. За 1885 год на территории России происходит еще несколько крупных стачек, где видна удивительная организованность и сплоченность рабочих без всякого участия со стороны революционеров.

Соотношение идейной самостоятельности рабочих и их подверженности влиянию со стороны тех или иных политических сил является одним из ключевых вопросов в истории русской революции. На развитие рабочего движения в России влиял целый ряд факторов. Но сразу стоит отметить, что особенности политического развития Российской Империи явились основной причиной отличия российского рабочего движение от западного.

Отсутствие первоначального политического опыта, приобретенного западным рабочим еще в конце XVIII века, вылилось в отсутствие навыка участия в общественных процессах. Эта неопытность, в свою очередь, явилась причиной тесной связи российского пролетариата и интеллигенции. Благодаря этой связи, российский пролетариат политизировался прежде, чем научился самоорганизовываться и прежде, чем произошло осознание им его собственных политических и экономических интересов. Безусловно, были рабочие, для которых общение с интеллигенцией явилось некоторым толчком к самообразованию и развитию. Но подавляющее большинство поддавалось на агитацию¹, не будучи просвещенными ни в теории, ни в практики социальных преобразований. Между тем, не зависимо от этой тенденции, существовали реальные проблемы (низ-

¹ Исходя из положения *Покровского М. Н.* о том, что «агитация, преимущественно, обращена к настроению, а пропаганда обращена, главным образом, к интеллекту» (См. *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России. XIX и XX вв. М.-Л., 1927.

кая заработная плата, отвратительные условия труда, системы обысков и штрафов и др.), которые толкали рабочих на протест. В начале он был стихийным, неорганизованным и происходил чаще всего без участия со стороны революционеров-агитаторов. Степень просвещенности рабочих напрямую не связана с этим опытом, хотя образованность, несомненно, повышает самооценку и формирует критическое отношение к действительности. Профессор Озеров И. Х. в своей записке по рабочему вопросу писал, что в 1830-е гг., в Англии, большинство рабочих не были в состоянии ответить на вопросы, типа: кто такие Апостолы или, как зовут королеву и т.п.¹. Но, несмотря на это, они обладали высокой степенью организованности и готовностью бороться за свои права.

Покровский М. Н., как марксист, видит прямую связь в развитии промышленности, толкающей рабочий вопрос и развитии революционного движения в России, начиная с конца 40-х гг., т.е. петрашевцев². Но российская особенность заключается как раз в том, что революционное движение развивалось по инициативе просвещенной интеллигенции вплоть до 80–90-х гг. XIX века.

С интеллигенцией рабочие впервые столкнулись в 1860-е гг. XIX века, когда появились Петербургский и Московский комитеты грамотности. Это были легальные организации, которые занимались выпуском популярной литературы для рабочих, рассылкой книг и созданием народных библиотек. Именно эти комитеты явились инициаторами введения в России всеобщего обучения, или, например отмены телесных наказаний³. Тогда же возникло и движение в пользу устройства воскресных школ⁴.

В 1870-е годы некоторые рабочие уже оказываются под сильным влиянием социалистических идей. Начиная с 1872 года, на политических процессах в качестве обвиняемых уже фигурируют рабочие, выступающие как убежденные социалисты⁵. Много рабочих приняли участие в известной демонстрации на Казанской площади, организованной «Землей и Волей» в декабре 1876 г. Одной из первых, наиболее заметных политических рабочих организаций был

¹ ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1901. Д. 801, Ч. 1.

² *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России. XIX и XX вв. М.-Л., 1927.

³ *Ушаков А. В.* Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX — начало XX века. М., 2011.

⁴ *Мартов Л.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Пг.; М., 1923.

⁵ *Там же.*

питерский «Северный Союз русских рабочих», оформившийся к 1878 г. В его программе было написано, что Союз «тесно примыкает по своим задачам к социально-демократической партии Запада». Под этой формулировкой понималась германская социал-демократия¹. На самом же деле, эта программа представляла собой смесь народнических и социал-демократических идей.

Покровский пишет, что «уровень политического сознания питерских рабочих, которые забастовали в 1870-х годах, был не очень высок»². С этим нельзя не согласиться. Но стоит отметить, что большинство забастовок 1870-х не были спровоцированы революционной интеллигенцией. Первыми из них были забастовки, в мастерских петербургских портных, где работали исключительно женщины. Они требовали прибавки к заработной плате и два выходных вместо одного³. Насущные проблемы вынуждали рабочих прибегать к таким методам. Это был начальный этап освободительного движения. Второй — придется на 1885 год, когда рабочие уже смогут заявить о своих требованиях организованно. Но историческая связь с интеллигенцией будет постоянно давать о себе знать, возможно, мешая формированию собственного опыта борьбы за свои права. Покровский читает, что даже в 1917 году русский рабочий класс не был готов к социализму, «несмотря на его колоссальную инстинктивную тягу» к нему⁴. Постоянное давление справа: то в виде жесткой репрессивной политики, то в виде «полицейского социализма». И аналогичное вмешательство слева: идеологический прессинг и агитация. Все это препятствовало складыванию из рабочего класса независимой политической силы. М. Г. Лунц, исследовавший феномен Зубатова и его политики считал, что «зубатовщина ... не создавала новых поводов к протесту, а пользовалась существовавшими. С зубатовщиной или без зубатовщины, — эти требования, вытекавшие из самой сущности ненормальных отношений на фабрике, все равно вышли бы наружу и вылились бы либо в форму коллективных жалоб, либо забастовок»⁵. Т. е. для развития политического самосознания рабочих было нужно только время, а политико-экономическая ситуация сама толкала их к этому.

¹ *Мартов Л.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Пг.; М., 1923.

² *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России. XIX и XX вв. М.-Л., 1927.

³ *Прокопович С. Н.* К рабочему вопросу в России. СПб., 1905.

⁴ *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России. XIX и XX вв. М.-Л., 1927.

⁵ *Лунц М. Г.* Полицейский социализм. СПб., 1906.

Не смотря на распространение социалистических идей в рабочей среде в 1870-е годы, подавляющее большинство рабочих оставалось в плену иллюзий относительно царя и царской власти. Тихомиров Л. А. в своей автобиографии, на которую ссылается Покровский, рассказывает о шествии ткачей к наследнику престола, будущему императору Александру III. Он сообщает, что Плеханов был одним из организаторов этого движения и, что он сознательно воспользовался монархическими тенденциями рабочих, чтобы столкнуть их с монархией и продемонстрировать на деле бессмысленность подобных затей. Как известно, инстинктивный монархизм среди рабочих просуществует вплоть 9 января 1905 года¹. Он будет эксплуатироваться С. В. Зубатовым при попытке взять под контроль рабочее движение в России.

Итак, вырисовываются уже, как минимум, три направления в вопросе осмыслении российского рабочего движения. Во-первых, влияние со стороны социалистов, во-вторых, вера в «доброту царя» и, в-третьих, попытка самостоятельного осмысления своего положения и первый опыт защиты своих интересов.

К 1880 году, из остатков «Северного Союза», образовалась рабочая группа, напрямую связанная с партией «Народная Воля» и поддерживающая ее программу. Возглавил эту группу Степан Халтурин, который был явным лидером организации. Вообще стоит отметить, что наличие ярко выраженного лидера — так же одна из особенностей российского рабочего движения. Как правило, это был человек из среды просвещенных рабочих, связанных с интеллигенцией. В случае с зубатовскими организациями, это будут рабочие, состоящие в тесной связи с полицией, но, несомненно, обладающие ярко выраженными лидерскими качествами.

1880-е гг. характеризуются развитием культурно-просветительской деятельности либералов. Эта тенденция была вызвана состоянием дезорганизации и разочарованности в революционном стане. Трудовые слои населения в массе своей не поддержали народовольцев и не откликнулись на призыв к восстанию, коим было убийство Александра II. Рабочие, на тот момент не были еще серьезно распропагандированы, с одной стороны, и, с другой, были еще далеки от осознания своих политических интересов.

¹ Интересно, что Покровский так же характеризует русского рабочего как «инстинктивного социалиста». Высказывание странное для марксиста, оно, скорее, из народнической риторики.

Издание дешевых книг, книжные склады, воскресные и вечерние школы для рабочих — вот чем занималось большинство интеллигентов в 80-е гг. XIX вв. Эти школы и являлись очагами социалистической пропаганды. В это время происходит интенсивный культурный рост рабочих. Как отмечает Мартов, «в течение 80-х годов во всех крупных городских центрах выработался известный, еще очень тонкий, слой рабочих, выделяющихся из окружающей среды своим культурным уровнем и интеллигентностью и находящихся в некотором общении с демократической частью интеллигенции»¹. В 1885 году происходят забастовки, коренным образом отличающиеся от всего, что было прежде. Мы можем засвидетельствовать зарождение новой силы на политической арене.

1887–1889 гг. — период относительного затишья в рабочем движении. Это было связано с начавшимся промышленным оживлением, изданием ряда законов и результатами функционирования фабричной инспекции². В 1880-е годы появляется еще одна тенденция, ставшая характерной чертой рабочего движения в России. В православном крестьянстве 1880-е годы ознаменовались сильным религиозным кризисом, который выразился в развитии так называемых рационалистических сект. Тесная связь с деревней способствовала распространению сектантства в промышленных центрах. В Санкт-Петербурге и Москве большой популярностью пользовалась секта бывшего уральского заводчика В. А. Пашкова, который был активным проповедником и сам организовал работу в среде рабочих. Так же было сильно влияние штундизма. Последний сильно распространился среди рабочих на юге России. В эти же годы в интеллигентской среде было очень распространено толстовство. В Санкт-Петербурге наблюдалось большое количество кружков рабочих-толстовцев. Сектанты замыкались в своей среде, на действительность смотрели сквозь призму соответствующего учения. Не надо лишний раз указывать, на то, что какая бы секта ни была, она подавляет самостоятельность, мешает выработке собственных суждений. В речи, обращенной к рабочим при открытии общеобразовательных курсов в Историческом музее летом 1901 г., митрополит Московский и Коломенский Владимир несколько раз возмущался по поводу

¹ *Мартов Л.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Пг.; М., 1923.

² Институт фабричной инспекции появился в России в 1882 году. Закон от 1885 г. — регламентирующий женский труд; 1886 г. — Общий фабричный закон и др.

распространенности сектантства среди рабочих¹. Естественно, официальную церковь очень волновала эта проблема.

В 1890-е гг. в России начинается подъем социал-демократического движения. Марксисты — первые, кто поставил во главу угла рабочего, пролетария, тем самым, завоевав его доверие. Кроме того, к этому времени у рабочих уже был (правда, небольшой) опыт самостоятельной организованной борьбы. В условиях парламентаризма, такая связь могла бы быть продуктивной. Самостоятельный класс рабочих и партия, которой они доверяют представление своих интересов. Но в известной политической ситуации, каковая была в России в конце XIX века, и движение рабочих, и социал-демократия начали принимать не совсем здоровые формы. Рабочих пытается взять под контроль полиция, Зубатов искусственно насаждает свои общества, возможно, что из благих побуждений. Но это принципиально в их качестве ничего не меняет. Рабочих разрывают между собой революционеры и монархисты. Борьба принимает форму жесткого противостояния. От русской социал-демократии откальвается радикальное ее крыло — большевики, которые и берут со временем инициативу в свои руки.

То, что Зубатов называл «чисто экономическим интересом», на самом деле не было таким уж «чистым». Кажется весьма проблематичным отделить экономическое от политического в требованиях рабочих. Например, требование отмены обысков или восстановления на работе уволенного товарища не несут прямой материальной выгоды. Но свидетельствуют о «повышающейся чувствительности и самосознании рабочего»². Это требование уважения к себе и к своей социальной группе. Хотя, безусловно, экономические требования, как я уже отмечала выше, были шагом к требованиям политическим.

Мартов пишет, что независимо от политики, проводимой Зубатовым, во многих городах появилось стремление к легальным формам. Он связывает эту тенденцию с наступлением промышленного кризиса. Рабочим стала очень близка идея взаимопомощи³. Это лишний раз доказывает, что рабочее движение имело внутренние потенциалы для своего развития⁴.

¹ ГАРФ. ДП ОО. 1901.

² *Мартов Л.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Пг.; М., 1923.

³ Там же.

⁴ 1898 г. — одно общество основано в Харькове, в 1899–1901 гг. таких обществ основано пять (два в Петербурге, два в Белостоке и его уезде и одно в Москве).

Исследователь рабочих союзов в Англии и в Америке Л. Вигуру, очень уважаемый Зубатовым, писал: «Они (рабочие — мое прим.) пользуются всеми находящимися в их распоряжении средствами, но оказывают предпочтение тем из них, в действительности которых успели убедиться и не стремятся разом покончить с существующим строем»¹. К сожалению, в России рабочее движение пришло к естественному тупику. «Действительность средств» равнялась именно коренной смене существующего на тот момент строя. Невозможность представлять свои интересы легально, не желание власти идти на какие-либо политические уступки привели большинство рабочих к принятию леворадикальной идеологии.

Ксения Леонидовна Кошемчук

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Понимание политической организации русского общества в работах Н. А. Бердяева

Ключевые слова: Бердяев, русские, национализм, национальность, русское государство, идеологии, православие, национальная идея, государственность.

Аннотация

Предметом исследования являлось понимание Н. А. Бердяевым типичных черт русского национального характера, которые обуславливают тип государственного устройства России. Был произведен анализ слабых и сильных сторон русской ментальности, на основании которых философ смог выявить наиболее оптимальный тип государственной организации.

Николай Александрович Бердяев, будучи выдающимся политическим философом и поистине патриотичным человеком, связывал светлое будущее российского государства именно с благополучием русского народа. Почти в каждом его произведении мы узнаем о тех исконных и специфических для русских людей свойствах характера,

¹ Вигуру Л. Рабочие союзы в Северной Америке. СПб., 1900.

которые на протяжении веков определяли законы функционирования политической системы в России. В особенностях психики русского народа нужно искать причины побед и неудач нашего отечества.

Бердяев пытается внушить представителям российского общества мысль о невраждебности национализма и его конструктивных, государственно образующих принципах: «Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества. <...> За национальностью стоит вечная онтологическая основа и вечная ценная цель». Н. А. считает, что в такой многонациональной стране как Россия, развитие национализма народов будет способствовать лишь укреплению государства и наращиванию его мощи : «Установление всечеловеческого братства народов будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей. <...> Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества, а не препятствие на его пути. Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не как отвлеченный, как русский, француз, немец».

Понимая значимость национального самосознания, Бердяев желает, чтобы русский народ смог посмотреть на себя со стороны и попытаться исправить черты, препятствующие объективному развитию нашего общества.

Бердяев отмечает невероятную антиномичность и противоречивость русского характера, считая, что русские почти никогда не являлись полноправными хозяевами на собственной земле: «Русский народ — самый аполитичный народ, никогда не умевший устраивать свою землю». «Великая беда русской души в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности. Это характерно для роковой неспособности и нежелании русского народа самому себе устраивать порядок в своей земле!»

Бердяев испытывает искреннее чувство сожаления, говоря о неуважении русского народа к самому себе: «Россия — самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства. <...> Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство». И эта черта присуща не только простому народу, но представителям основной «движущей силы» любого общества: «Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им, как нечистью».

Философ анализирует зачатки национального самосознания российского общества, отдавая в этом определенную дань славянофилам: «Славянофильство было еще детским сознанием русского народа, первым национальным пробуждением от сна, первым опытом самоопределения. <...> Я верю, что бессознательно славянская идея живет в недрах души русского народа, она существует, как инстинкт».

Бердяев делает акцент именно на православной вере нашего народа: «В основу славянской идеи, как и вообще в основу русской мессианской идеи, можно положить лишь русский духовный универсализм, русскую всечеловечность, русское искание Града Божьего, а не русскую национальную ограниченность и самодовольство, не русский провинциализм».

Рассуждая о роли личности в российском государстве и демократии, Бердяев с уверенностью говорит о том, что данная форма политического устройства будет трудно реализуема: «В России рецепция идей <...> была оторвана от идеалистической идеи прав человека и гражданина».

Пафос социального равенства всегда подавлял у нас пафос свободы личности — даже в это у нас дух коллективизма. Образование же национального характера предполагает образование личного характера. Общественное сознание, общественная воля должны быть направлены на выработку закала личности. Вот этой направленности у нас и нет».

Дальше, двигаясь в поиске наиболее приемлемой формы правления для русского народа, Бердяев решил обратиться в глубины истории русского народа. В итоге философ пришел к выводу, что базисными государственно образующими чертами российской государственности было распространение православия и свободы личности; за второе он уважал большевиков, а за первое нещадно критиковал русских правителей, в особенности Петра (самое свободное время для русской церкви было при татаро-монгольском иге).

Бердяев связывал проблемы «идеологического поиска» с невероятной эклектичностью русского души: «Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять

страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа».

Бердяев всячески критикует «поверхностные, онтологически оторванные течения»: «Самая духовная общность людей, сама внутренняя их общественность неопределима внешними критериями общественности. <...>

Поэтому все социальные идеи оказываются безнадежно и непреодолимо формальными и никогда в них нельзя дойти до подлинного содержания и цели, никогда нельзя уловить в них онтологического ядра».

В итоге, Бердяев приходит к мысли о необходимости создании концепции, включающей наиболее продуктивные черты различных идеологических пластов: «Либеральное начало есть одно из начал человеческой жизни, но оно не может быть утверждаемо как начало единственное и безраздельно господствующее. Само по себе взятое, оно оказывается оторванным от онтологической основы. Либерализм должен сочетаться с более глубоким, не внешним консерватизмом, равно как и с социальным реформизмом».

Резюмируя, можно сказать, что Бердяев в своих многочисленных работах, призывал русский народ оглянуться назад, осознать свои ошибки и наконец-то признать факт собственного существования именно как отдельной свободной сильной нации. Не столь важно «название» идеологии русского государства. Главное, чтобы в этой системе каждый человек смог реализовывать себя через общение с Богом, чувствовать себя свободно и управлять на своей земле, ощущая себя хозяином на ней. Бердяев не впадает в утопические иллюзорные картины всеобщего равенства, бесконечно свободных и независимых людей. Объективно оценивая современную ему действительность, философ взывает к тому, чтобы русские не терялись своей национальной идентичности и верили в себя!

Бердяева можно с уверенностью назвать последовательным русским националистом, который внес значительный вклад в понимание различных аспектов функционирования российской государственной системы и попытался выработать оптимальную модель политического развития России, в центре которой стоял русский народ.

Валентин Игоревич Куликов

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Соотношение морали и политики в наследии И. А. Ильина

Ключевые слова: И. А. Ильин, государство, мораль, политика, ценности.

Аннотация

В статье показана взаимосвязь морали и политики в творческом наследии Ильина. Их соотношение проецируется на политическую действительность и такие феномены, как патриотизм, государство, гражданин. В конце статьи представлена концепция творческой демократии, в которой дается наилучшее, с точки зрения, Ильина соотношение морали и политики.

Вопрос соотношения морали и политики в наследии Ильина имеет принципиальное значение, поскольку он непосредственно связан с проблемой свободы, политического устройства государства, патриотизма и демократии. В определенном смысле здесь можно говорить о панморализме, поскольку нравственная оценка дается каждому феномену общественной жизни человека, а также нравственные ценности, определяемые Богом как наивысшей ценностью, являются сущностью государства, политики и управления. Бог есть дух, и стремление к духовной жизни как к верховному благу является основой правосознания, важнейшей концепции в его творчестве. По сути, правосознание представляет собой целый комплекс идей, чувств и верований, которые определяют политическую зрелость и политическое качества народа в целом и гражданина в частности. Для вопроса соотношение морали и политики концепция правосознания играет решающую роль, поскольку именно в праве, по Ильину, происходит своеобразный синтез мирского и божественного, временного и вечного. Цель любого политического явления имеет глубокий моральный, религиозный и даже сотериологический смысл.

Нравственные ценности являются неким ориентиром для человека в использовании своей свободы как личной, так и политической. Более того, моральные императивы по сути внедрены в политические ценности, образуя с ними тесное и нераздельное единство.

Свобода сама по себе ущербна и быстро перерождается в свою собственную противоположность — рабство греху, своим эгоистическим стремлениям, политическим аферистам. Ильин пишет: «Дело в том, что свобода совсем не состоит в «развязании» граждан или в „разнуздании“ народа, но в замене „внешней связанности“, идущей „сверху“, — внутренней самосвязью, самодисциплиной»¹. Свобода и самоограничение являют собой диалектическое единство, когда одно без другого не только не может реализовать себя полностью, но и существовать без искажения своей сущности. То же самое относится и к всенародным выборам, когда происходит выхолащивание таких понятий, как честность и справедливость. Он пишет: «Это есть слепой предрассудок, будто миллион ложный мнений можно „спрессовать“ в одну „истину“; или будто „честно“ сосчитанные „свободные“ голоса способны указать истинное благо народа и государства: ибо надо не только „честно“ считать, но считать-то надо именно честные и разумные голоса, а не партийные бюллетени»².

Неотъемлемой частью концепций государства, патриотизма и настоящего гражданина Ильина является их моральная сущность. Каждый духовно верный интерес достоин того, чтобы быть общественным интересом, который разделяют все граждане. В этом суть концепции патриотизма по Ильину: «Вести политическую жизнь, или, что то же, быть настоящим гражданином, значит испытывать живое неразрывное тождество между интересом государства и своим собственным интересом и через это признавать своим собственным интересом — каждый духовно-верный интерес каждого из своих сограждан»³. Таким образом, патриотизм становится своеобразным средством постижения духа и приобщения к нему. Ильин совершенно определенно расценивает патриотизм как нравственно-религиозный феномен: «Мой путь к духу — есть путь моей родины; ее восхождение к Богу — есть мое восхождение. Ибо я тождественен с нею и неотрывен от нее в обращении к Божеству. В этом религиозный корень патриотизма»⁴. Дух, в свою очередь, это сакральное начало жизни, сам Бог и его заповедь о любви к ближнему: «Дух проявляется в жажде священного, в искании Бога, в способности к самообладанию и к деятельной любви»⁵.

¹ Ильин И. А. Предпосылки творческой демократии // Наши задачи. Т. 1. М., 2008. С. 467.

² Ильин И. А. Об органическом понимании государства и демократии // Наши задачи. Т. 1. М., 2008. С. 398.

³ Ильин И. А. О сущности правосознания // ЛитРес. М., 1994. С. 143.

⁴ Там же. С. 130

⁵ Ильин И. А. Предпосылки творческой демократии // Наши задачи. Т. 1. М., 2008. С. 469.

Что касается концепции государства, то на ее примере наилучшим образом видно то соотношение морали и политики, которое Ильин считал необходимым для того, чтобы личность и общество могли существовать в гармонии друг с другом и с Богом и реализовать свое предназначение. В целом, Ильин рассматривает политические аспекты общественной жизни как некую форму, которая наполняется определенным содержанием, всегда однозначно и четко нравственно ориентированным. Ильин прямо полагает цель и задачи государства в служении Богу и его замыслам: «Государственная власть имеет призвание служить единому объективному благу; она связана законом Божиим и совестью — ее миссия верна и обоснована в последнем, безусловном измерении, и именно в этом смысле «нет власти, еще не от Бога»¹. Сущность, цель и предназначение государства в политической философии Ильина выражается в краткой, но емкой формуле: «Править должны лучшие». Ильин считает этот императив неотъемлемой частью природы государства: «Требование, чтобы правили лучшие, относится к самому естеству, к самой идее государства; строй, при котором у власти водворяются худшие, будет жизненно обречен и рухнет рано или поздно, с большим или меньшим позором»².

В этом ключе необходимо рассмотреть понимание Ильиным демократии, что является наиболее актуальным вопросом творческого наследия мыслителя сегодня. В этом вопросе четко проявляется его понимание соотношения формы и содержания: «Демократический строй сам по себе есть лишь форма: и потому его ценность зависит от того, какое содержание вольется в эту форму»³. По сути, Ильин говорит о том, что содержание первично по отношению к форме, которая служит ему не более чем оформлением, определенным рамками, в пределах которых это содержание себя реализует. Обратное, по Ильину, неверно: форма сама по себе не способна оказать какое-либо влияние на содержание, демократия не может быть ценностью и благом сама по себе: «Всякий режим плох, если при нем правят худшие. Нелепо и противоестественно говорить: „Мы требуем демократии, хотя бы в ней выбирались, выдвигались и правили безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс“. Наоборот, необходимо и верно ответить: „Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть“»⁴.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // ЛитРес. М., 1994. С. 167

² Ильин И. А. Править должны лучшие // Наши задачи. Т. 1. М., 2008. С. 181

³ Ильин И. А. О сущности правосознания // ЛитРес. М., 1994. С. 290.

⁴ Там же. С. 179.

Наконец, Ильин выдвигает собственную концепцию творческой демократии, которая вбирает в себя положительные стороны как демократического (участие народа в управлении государством), так и аристократического (правят лучшие) строя. По Ильину, «настоящее государство „демократично“ в том смысле, что, оно черпает из народа свои лучшие силы и привлекает его к верному участию в своем строительстве. Это означает, что должен происходить постоянный отбор этих лучших сил и что народ должен уметь верно строить свое государство»¹. Собственно, в отборе лучших людей из народа, т.е. обладающих наибольшей нравственной силой, духовной волей и правильными моральными ориентирами, и состоит основа здорового государства и общества. Эти идеи сегодня весьма актуальны в свете дискуссий о возрождении России и выбора страной дальнейшего пути развития.

Алина Фёдоровна Кулясова

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Уильям Моррис: Человек. Общество. Гармония

Ключевые слова: Уильям Моррис, тело и красота, утопия.

Аннотация

Концепция красоты и тела в творчестве Уильяма Морриса, общественного деятеля Англии девятнадцатого века.

Где бы ни обитала душа и чем бы она ни являлась, тело человека находится в материальном мире. Уильям Моррис, общественный деятель Англии викторианской эпохи, сформировал *свой* взгляд на роль тела в человеческой жизни. Только изменение понимания *красоты тела* — единственный надежный залог социальных перемен. В утопии Морриса «*Вести ниоткуда*» раскрывается яркое видение красоты тела как основы идеального общества.

Импульс утопии проходит через весь жизненный путь Уильяма Морриса (1834–1896), начиная с его дружбы с Прерафаэлитами, пе-

¹ Ильин И. А. Об органическом понимании государства и демократии // Наши задачи. Т. 1. М., 2008. С. 401.

реходя в деятельность в сфере дизайна и архитектуры, заканчивая политической активностью и пропагандой социализма в Англии. Моррис — уникальный пример превращения эстета-мечтателя в деятельного борца за социальные перемены, который сам себя называл «ярким коммунистом»¹. В контексте же заявленной темы интересно проследить, как менялось отношение Морриса к роли тела в жизни человека. Будучи студентом в Оксфорде, Моррис готовился стать священником. Любая же религия ставит дух намного выше бренного тела. Однако после окончания университета Моррис вместо церковной службы присоединился к богемной жизни Лондона, проникся философией эстетики Прерафаэлитов. И хотя они значительно повлияли на мировоззрение Морриса, он не остановился на служении искусству ради искусства. Сознательно или интуитивно, его не устраивала отрешенная созерцательность Прерафаэлитского утопизма. Моррис — истинный бунтарь. Ведь если присмотреться, философия Прерафаэлитов органична тогдашнему восприятию тела как преграды на пути к «чистой» красоте, «чистому» духу. Несмотря на то, что Прерафаэлиты бунтовали против мертвой кабинетной живописи академизма, ратовали за возврат яркости, природы и самой жизни в искусство, они, тем не менее, продолжали разделять дух и тело, оставаясь в рамках религиозного сознания. «Чистая» красота эстетики Прерафаэлитов бесконечно далека от низменной человеческой природы. Верхом совершенства считалось такое восприятие красоты человека, когда не возникало ни малейшего желания прикоснуться к нему, когда не возникало никаких физиологических ощущений, кроме как ментального отклика в наблюдателе. Отрешенная от мира сего, пассивная красота — идеал Прерафаэлитов. Как подмечает Е. Р. Томпсон, Прерафаэлиты «*искали великое Искусство, повернувшись к миру спиной*»², не беспокоясь о социальном и политическом контекстах, в которых красота может быть достигнута или востребована.

Моррис же стремился к служению миру, предполагавшему активное его преобразование. Некоторые исследователи творчества Морриса, такие как Наоми Якобс, считают, что радикальное переосмысление вопросов красоты и тела стало центральным звеном на пути его превращения из мечтателя в деятеля. И действительно, признание Моррисом важности телесной оболочки, телесного воплощения —

¹ *Stansky P. William Morris. Oxford, 1983. P. 9*

² *Thompson E. P. William Morris: Romantic to Revolutionary. N.-Y., Pantheon, 1975. P. 66.*

того, что он сам называл «животной жизнью» — требовало восприятия красоты не просто как качества, к которому следует стремиться в материальном мире, но как качества, которое должно быть *страстно проживаемо* и духовно, и физически.

В лекции 1884 года *«Как мы живем и как мы могли бы жить»* Моррис назвал четыре условия полноценной жизни человека. Первое — здоровое тело, второе — активный разум в гармонии с прошлым, настоящим и будущим, третье — захватывающее занятие, подходящее для здорового тела и активного разума, и четвертое — красивый мир вокруг¹. Следовательно, для Морриса полноценная жизнь — процесс активного взаимодействия здорового тела с окружающим миром, а не пассивное созерцание. Именно так рождается истинная красота Жизни, а следом — идеальное мироустройство:

«Удовольствие — чувствовать саму жизнь, наслаждаться движениям своего тела, играть с солнцем, ветром и дождем, радоваться, удовлетворяя телесные потребности «животного» в человеческом обличье, без страха деградации или ощущения неправильности такого поведения. И вследствие всего этого быть прекрасно сложенным, подтянутым, сильным, выражающим спокойствие и умиротворенность — быть, одним словом, красивым — вот что я требую»².

Неотъемлемое для эстета право человека *на красоту* приобретает у Морриса особое, бунтарское звучание. Его понимание прекрасного абсолютно противоречит доминирующей тогда концепции красоты как качества, которое постигается вне человека, через предметы и их визуальное проявление. Такая красота может быть оценена со стороны, как что-то внешнее по отношению к телу. Несмотря на всю свою бурную деятельность по преобразованию окружающей среды в рамках работы дизайнерской фирмы «Моррис и Ко» или Общества по Сохранению Старинных Зданий, не к одной внешней красоте стремился Моррис. Для всех человеческих существ он требовал красоты другого типа, которая расположена в *опыте* тела, в самом теле, а не во вне. Красоты, которая достигается изнутри посредством того, *как* мы ощущаем себя в движении, и того, как мир касается нас. Именно такой тип красоты человека, когда прекрасна не только его душа, но и его тело в своем взаимодействии с миром, необходим для подлинной социальной трансформации на пути к идеальному обществу.

¹ Morris W. How we live and how we might live, Political Writings of William Morris. New York: International, 1973. P. 136

² Ibid. P. 158

Артемий Михайлович Кучинов

Студент кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Политические учения арабских мыслителей

Ключевые слова: арабы, Восток, ислам, политическая мысль.

Аннотация

В статье рассматривается исторический контекст возникновения политических учений, созданных в арабо-мусульманской традиции. Дано перечисление некоторых наиболее значимых представителей истории арабской политической мысли, которые доступны в настоящее время.

Сейчас очевидно недостаточное внимание к политическим учениям Востока, особенно арабо-исламской традиции. Они не введены в оборот истории политических учений как научно-учебной дисциплины. Если в Древности эстафета лучших достижений любой науки от политической до естественных была в Древней Греции, в Новое и Новейшее время — в Европе, США и России, то, в Средневековье — именно на арабском Востоке. По сравнению с арабскими политическими мыслителями меркнут европейские, жившие с ними в одно время.

Определение «арабо-мусульманская» условно и часто критикуется в научной литературе, многие из этих произведений были написаны персидскими и др. мусульманскими авторами на арабском языке, многие произведения слабо детерминированы исламской философской базой.

Арабы за всю свою историю имели большое количество экономических, культурных и политических связей с разными странами: Европой, Индией, Китаем, племенами Африки. В Раннее Средневековье арабы были знакомы и с Русскими Землями: одни из первых источников по российской истории — произведения арабских путешественников, — одни из самых достоверных по сравнению с разного рода легендами. В IX–X вв. о наличии государства у славян писали **Ибн Хордадбех**, **Ибн Русте**, **Ибн Хаукаль**, **Ибн Фадлан**. У последнего есть интересное учение¹, где его метод имеет много сходств с современной культурологической герменевтикой.

¹ *Ибн Фадлан А.* Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу. Казань, 2004. 159 с.

В то время много арабских слов перешло в русский язык, которыми мы пользуемся до сих пор. Роль арабской культуры велика в прошлом малых народов России, живущих на Кавказе — в Древности и Средневековье между ними были интенсивны связи.

Наличие благоприятных связей сыграло только положительную роль для всестороннего культурного развития арабских стран. Арабы имели возможность пользоваться достижениями науки и искусства разных стран, в т. ч. — сокровищницы древней науки — Древней Греции. После падения греческой науки копии греческих философов остались у арабов и персов, кстати, так и сохранилась для мировой науки масса античных произведений, например, благодаря арабам мы имеем возможность читать Аристотеля. Арабы не только переписывали греческих авторов, они создавали много новых идей, достижений в самых разных науках: философии и истории, правоведению и религиоведению, физике и искусству, математике и астрономии. Что же касается тех произведений, которые мы бы отнесли к политическим учениям — это материалы путешествий, наставления правителю, политические, географические и обществоведческие трактаты.

Между отечественной, европейской, китайской, индийской и арабской традициями политической мысли существуют различия, однако, это не делает арабскую недоступной. В среднем, политические учения арабов настолько же удобочитаемы, как европейские.

Основными отличиями арабской мысли является то, что её философской базой является ислам и особая этика. Коран и Библия имеют очень много сходств, общих этических воззрений, одних и тех же сюжетов и персонажей. Ценностная база ислама содержится в Коране. На его базе в исламских странах существуют общие нормативные принципы — Шариат, на которых базируется законодательство. Правоведение, политология и др. общественные науки в исламских странах работают с законодательством, базирующемся на Шариате, поэтому, они должны чуть отличаться от европейского, американского и отечественного обществоведения. Политические учения арабских мыслителей тоже стоят на базовых положениях, фундаментом которых являются вышеперечисленные нормы.

Арабская мысль интересна, прежде всего, тем, что в ней было много идей о социокультурном детерминизме политики. Они присутствуют у историка, географа и путешественника, «арабского Геродота» **аль-Масуди** (896–956)¹ и **Ибн ал-Факиха** (ок. 902–903 гг.)¹.

¹ *аль-Масуди А. Х.* Рассказ о чёрных, их происхождении, различиях их групп и разновидностей; о расположении областей их и сведения об их царях //

Тюркский или персидский философ (представитель *арабского перипатетизма*²), математик и музыковед **аль-Фараби** (873–950) пересказывал Платона и Аристотеля. Мелькитский епископ из г. Манбиджа (Иераполиса) **Агапий Манбиджский** (2-ая пол. X в.) писал о влиянии климата на поведение народов, в т. ч. на степень их воинственности.

Оригинальный политический трактат написал персидский государственный деятель **Низам аль-Мульк** (ок. 1018–1092)³.

В арабской литературе XI–XII вв. был жанр наставлений правителям. Арабский богослов и философ (представитель *суфизма*⁴) персидского происхождения **аль-Газали** (1058–1111) написал грандиозный трактат по политической этике⁵.

Персидский философ, поэт, астроном и математик **Омар Хайям**, (1048–1131) в начале трактата *«Науруз-наме»* (1098 г.) писал об «обычаях царей», уделял внимание политическим ритуалам в Иране.

Арабский географ **ал-Идриси** (1100–1165) в своём географическом трактате писал о власти в разных странах, его методы имеют сходство с современной политической географией.

Вершиной арабской научной политической мысли можно считать грандиозного учёного и государственного служащего **Ибн Хальдуна** (1332–1406). В первой книге его исторического трактата — *«Мукаддима»* (1377–1406) содержится много самых разных уникальных обществоведческих идей, в т. ч. таких, которые потом появлялись в европейской мысли в XVIII–XIX вв. Ибн Хальдун демонстрировал прогрессивные взгляды, опередив М. Вебера, К. Маркса, Т. Парсонса, П. А. Сорокина и др., его иногда называют «арабским Монтескье» и «арабским Марксом». У него весьма интересны циклическая теория политической динамики, теория асабии, методы, во многих чертах похожие на такие современные, как структурно-функциональный анализ, социокультурно-цивилизационный анализ, методы политической психологии.

Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары Т. 1. М.-Л., 1960. С. 236–242.

¹ *Ибн ал-Факих Ахбар ал-Булдан* (Известия о странах). Ереван, 1979. 319 с.

² *Смирнов А. В.* Учебный материал к курсу «Классическая арабская философия» [Электронный ресурс] / Смирнов Андрей Вадимович : [сайт]. [2012]. URL: <http://smirnov.iph.ras.ru/win/teach/harph.pdf> (дата обращения: 3.03.2012).

³ *Низам ал Мульк* Сиасет-намэ. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька. М.-Л., 1949. 380 с.

⁴ *Смирнов А. В.* Учебный материал к курсу «Классическая арабская философия» [Электронный ресурс] / Смирнов Андрей Вадимович : [сайт]. [2012]. URL: <http://smirnov.iph.ras.ru/win/teach/harph.pdf> (дата обращения: 3.03.2012).

⁵ *аль-Газали* Наставление правителям // *аль-Газали*. «Наставление правителям» и другие сочинения. М., 2004. С. 7–166.

Из созданных в Новое Время, единственным учением, которое было доступно нам, является просветительский трактат арабского студента из Египта, обучавшегося во Франции, **ат-Тахтави** (1801–1873). Он описал своё путешествие, совершённое в 1826–1831 гг. в Париж.

Политическую мысль часто оценивают по 3-м критериям: наличие преемников, влияние на реальную политику и методологическая полезность. Хотя лучше было бы её оценивать по содержанию. Арабская политическая мысль выигрывает по всем. Их влияние на реальную политику — больше во время их написания, хотя, в меньшей степени, они влияли и в более позднее время. Не требует комментариев методологическая полезность исследуемых политических учений, особенно герменевтики Ибн Фадлана, политической географии Идриси и теорий Ибн Хальдуна — в научных исследованиях, наставлений правителям — в реальной политике.

Иногда утверждают, что у арабской мысли не было преемников, и такой подход не представляется корректным. Ибн Хальдун повлиял на турецкую историографию XVII в., основные представители которой — Кятиб Челеби и Эвлия Челеби.

В Новое и Новейшее Время эстафета лучших научных достижений перешла к отечественной и европейской науке. Но, Ибн Хальдун повлиял на многих грандиозных европейских учёных. Известно, что его точно читали П. А. Сорокин П. А. и А. Дж Тойнби, возможно — Л. Н. Гумилёв.

П. А. Сорокин жалел, что европейская наука познакомилась с Ибн Хальдуном слишком поздно — в нач. XIX в.¹ На теорию А. Дж. Тойнби повлиял Ибн Хальдун, концепция «вызов-ответ»² является в некотором отношении пересказанными идеями Ибн Хальдуна. Об Ибн Хальдуне упоминал Л. Н. Гумилёв³. Т. к. его теория «пассионарности» очень похожа на теорию «асабии» Ибн Хальдуна, можно предположить, что степень влияния Ибн Хальдуна на Л. Н. Гумилёва, тоже велика.

Возможно, мы описали не всех представителей арабской мысли, т. к. многие произведения не переведены на русский язык, не поступают в Россию, многие из них не перечисляются в исследованиях по истории, философии и др. наукам, что делает невозможным обнаружение тех

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 177.

² Тойнби А. Дж. Исследование истории / Арнольд Тойнби. М., 2010. С. 112–131; Тойнби А. Дж. Постигание истории / Арнольд Тойнби. М., 2010. 640 с.; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / Арнольд Тойнби. М., 2011. 318 с.

³ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2011. С. 20, 260.

произведений. Астрономическое количество арабских рукописей во всём мире ещё не описано, не кодифицировано, не издано, никогда не читалось.

В арабских политических учениях многие проблемы прорабатывалось качественнее, чем в Европе. Мы искренне надеемся на то, что в будущем они будут качественно описаны, разобраны, введены в научный оборот политологии и помогать познавать историю политической мысли не только «Запада», но и «Востока», разница между которыми во многом сфабрикована.

Инна Юрьевна Максимова

Стажер, кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова

Происхождение народа рутенов в политической концепции Яна Длугоша

Ключевые слова: легендарные прародители народов, цивилизующее влияние поляков, политическое подчинение, инкорпорация

Аннотация

В статье рассказывается о трех легендарных генеалогиях поляков и рутенов, которые выстраивает в своих «Анналах или хрониках» польский дипломат, политический и церковный деятель XV века Ян Длугош для обоснования необходимости политического подчинения рутенов полякам и инкорпорации рутенских земель в состав польского королевства.

Средневековые хронисты в своих произведениях по форме подражали «Ab Urbe condita» Тита Ливия, или следовали традиции библейского летописания от основания мира. Они руководствовались идеей непрерывности истории, которая своим развитием в итоге должна привести в будущем к кульминационному моменту человеческой истории — концу света, Страшному суду и в итоге к спасению всех оправданных. В начале средневековых хроник авторы обыкновенно стремились дать описания границ своих государств, увязав их в пространстве с географическими реалиями истории жизни и страданий Спасителя, а также составить генеалогию своих народов и соседних, соотнеся ее со священной историей, изложенной в

книгах Ветхого и Нового Заветов. По этому описанию границ государств, по выстроенным генеалогиям народов, по тенденции изложения и отбору фактов можно судить о тех или иных политических пристрастиях средневековых авторов и их общественно-политическом идеале.

Польский хронист Ян Длугош говоря о происхождении рутенов и их государства, в разных местах своих «Анналов или хроник славного Королевства Польского в двенадцати книгах» привел три версии этого: сарматскую, польскую и варварскую. В зависимости от источников, которыми он пользовался, он склонялся то к одной, то к другой, так и не выработав какой-то единой, поэтому историки последующих эпох могли черпать у него то, что больше соответствовало их взглядам и реалиям времени.

Все три версии происхождения рутенов Длугош попытался связать друг с другом: от этого у него возникло еще больше путаницы. Все они у него связаны с одной из легендарных генеалогий поляков.

Когда-то очень давно народ поляков или лехитов произошел от одного из двух братьев, вышедших из Хорватии,- Леха. Он дал им государственность. Вторым братом был Чех, от него произошел «братский народ чехов», от поляков же, потомков старшего брата, они получили государственный строй. Поэтому польским королям по праву принадлежит корона Чешского королевства. Длугош сообщает, что рутены утверждают, что они происходят от самого младшего брата Леха и Чеха — Руса, но выражает сомнение в их правдивости, объясняя это стремлением похвастаться «почетным родством с поляками».

Однако, тут же замечает, что все же некое родство у них есть во-первых, это один славянский язык, который так же достоин быть языком науки и веры, как латинский и греческий, во-вторых, в древности эти два народа жили рядом, раз об этом пишут древние историографы в своих сочинениях, и заселяли они Европейскую Сарматия и представляли, видимо нечто единое, раз горы, которые отделяли Русь и Польшу от Паннонии назывались Сарматскими. Соседям оба народа были известны под именем скифов или сарматов. Из этого он делает вывод, что поляки и рутены в глубокой древности жили рядом и выступали совместно против врагов, а раз так, то ранее они жили в поляками в одном государстве и управлялись польскими князьями. И только потом рутены в силу всех своих отрицательных моральных качеств и потому, что правили ими вероломные и преступные потомки варвара Рюрика, ушли из-под власти поль-

ских государей. Тем не менее земля рутенов принадлежит по закону Польше как древнее наследство легендарного Леха и его сыновей.

Ян Длугош в XV веке первым изложил в законченном виде легенду о сарматах-римлянах — прародителях польской шляхты. Для обоснования ее он ссылался на авторитет вымышленного «древнего историка и скрупулезного исследователя истории Путолана». В польской литературе эпохи Возрождения античность была синонимом всего наидостойнейшего, наиславнейшего и самого героического, требующего восхищения и подражания, и сарматы — индоиранское население степей и лесостепей Европы бронзового века были соотнесены с древним Римом и отождествлены с римлянами.

От сарматов-поляков рутены получили свою государственность, и первые их князья были поляки. Некоторые же племена их прямо происходили от польских князей. Это были вятичи — от Вятко и радимичи — от Радима. Последнее только подтверждает мысль хрониста о единстве в далеком прошлом рутенов и поляков и о принадлежности по праву давности земли рутенов Польше.

Первым князем у рутенов был польский языческий князь Кий. Он со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Либедью прибыл из Польши в район Днепра, где подчинил своей власти рутенов и построил знаменитый, известный своими святынями город, и назвал его своим именем. Однако, рутены, недовольные тем, что ими правят польские князья, призвали к себе варяга Рюрика. Он убил с помощью обмана польских князей Аскольда и Дира и сам захватил власть. От этого вероломного Рюрика произошли все русские князья, которые правили во Владимире, в Киеве и Галиче.

Рассказ об этих событиях Длугош построил на основе информации «Повести временных лет» или даже какого-то более древнего источника, положенного в основу своей летописи Нестором. Но первоначальные данные наш хронист несколько «преобразовал», превратив местных славянских князей в пришлых польских, и акцентируя внимание своего читателя на летописном свидетельстве о «ляшском» происхождении некоторых из восточно-славянских племен. Получилось, что одного с поляками происхождения народ рутенов до того оказался склонен ко всяческим козням, вероломству и предательству, что предпочел власти родственных ему польских князей власть правителя со стороны — Рюрика. Чем это свое славное происхождение обесчестил.

Немаловажным для политической концепции хрониста является то, что в соответствии с его изложением, предком всех русских князей, нанесших так много вреда и урона Польше был жестокий и ве-

роломный убийца Рюрик. Также к этому он добавил историческое обоснование того, что русские земли по его мнению, принадлежали Короне Польской, раз первыми их правителями были польские князья, родственные Пястам, природным польским государям. Эти земли были только временно отторгнуты вероломством рутенов и преступлением Рюрика от Польши, и должны быть возвращены ей навечно. Это подтверждают и действия самого великого, по мнению Я. Длугоша, короля Польши, Болеслава Храброго, который обозначил навеки границу королевства рекой Днепр, вбив в нее три бронзовых столба.

В соответствии с этим вариантом генеалогии, государство у рутенов появилось благодаря цивилизирующему влиянию поляков. И это вместо законной благодарности породило в них ненависть.

Для обоснования многих отрицательных черт у рутенов как нации, Длугош привел также третий вариант их происхождения, в соответствии с которым он причислил их к варварскому миру. Он является как бы продолжением генеалогии рутенов от одного из трех братьев — предков всех славянских народов.

Длугош сетует на то, что среди историков нет единого мнения насчет происхождения рутенов, он выражает некоторое сомнение в том, были ли они потомками младшего брата Леха и Чеха Руса, и говорит, что не может это ни опровергнуть, ни подтвердить, одно только он знает, что потомок Руса коварный рутен Одоакр около 509 года внезапно напал на Рим и злодейски убил императоров Ореста и маленького Августула, а сам город предал жестокому разграблению и все оставшееся сжег. После этого он правил в Риме в течение 14 лет, пока другой варвар король готов Теодорик не завоевал Италию. Однако тот был вынужден защищаться от Одоакра, потому что последний внезапно напал на него в то время, когда его войско расположилось на отдых. Таким образом, только вероломству рутена Одоакра Европа обязана тому, что «в бывшей Римской империи утвердилась власть варваров».

С предыдущими версиями происхождения рутенов последнюю связывает то, что она только лишний раз подтверждала их природное, врожденное коварство и вероломство.

Итак, все легендарные генеалогии рутенов по Длугошу утверждали, что они с самого начала своей истории проявили свои худшие качества: вероломство, предательство, обман и даже самое начало истории их земли было обесчещено преступлением. А также подтверждали более низкий политический статус рутенов по сравнению с поляками в объединенном польско-литовском государстве.

Раз рутены по всем генеалогиям являются потомками самого младшего из легендарных предков, то это обосновывает необходимость и законность их политического подчинения полякам как потомкам самого старшего из предков и инкорпорации рутенских земель в Корону Польскую.

Евгений Александрович Минаев

Студент кафедры правовых дисциплин факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого

Системно-функциональный анализ феномена тоталитарного террора

Ключевые слова: тоталитаризм, концепция тоталитаризма, тоталитарная система, террор, функции террора, мобилизация.

Аннотация

Статья посвящена сложной и дискуссионной проблеме анализа места государственного террора в общественной системе тоталитаризма. Опираясь на классические труды по данному вопросу, автор представляет собственный взгляд на функции террора в тоталитарной системе. В статье дается логичное, непротиворечивое обоснование трех основных функций: защитной, экономической, психологической. Работа носит новаторский характер, представляет интерес для политологов, историков, социологов, исследующих проблемы тоталитаризма.

Значительная роль в функционировании общественной системы тоталитаризма принадлежит государственному террору.

Под тоталитаризмом, в наиболее широком и полном смысле, мы понимаем специфическую общественную систему, призванную к жизни противоречиями XX века. Тоталитаризм становится возможным и действительным в тех условиях и странах, которые в ходе своего развития по тем или иным причинам оказываются перед исключительными, экстремальными задачами, для решения которых необходима чрезвычайная мобилизация энергии, усилий всего населения [3].

Под террором мы понимаем использование государством силовых методов по отношению к собственным гражданам с целью решения определенных задач. Государственный террор в разных формах и масштабах присущ абсолютно любому государству независимо от политического режима. Но тоталитарный террор — явление, как и сам тоталитаризм, уникальное, обладающее специфическими характеристиками.

Нами было выделено три функции государственного террора в тоталитарной общественной системе:

1. Защитная функция.
2. Экономическая функция.
3. Психологическая функция.

Разумеется, как и почти любая классификация общественных явлений, наша представляет собой «идеальный тип» по Веберу. Все функции тоталитарного террора связаны между собой, взаимодополняют и вытекают друг из друга. Единственной причиной существования подобной классификации может служить её практическая полезность для понимания прошлого и настоящего — что и предстоит показать ниже, рассмотрев каждую из функций отдельно.

1. Защитная функция заключается в подавлении любых общественных сил, представляющих угрозу для режима. Наличие этой функции не является специфической чертой тоталитарной системы. Любое государство — даже самое демократическое, без неё обходиться не может. Разница заключается в степени публичности террора, его масштабах и, главное, целях и задачах. Тоталитарное государство всегда «осаждено врагами внешними и наводнено врагами внутренними», что требует от власти активных и решительных мер по одновременному подавлению агентуры враждебных государств и собственной оппозиции (которая даже в тоталитарной системе не может быть устранена полностью). Ещё одной отличительной особенностью является превентивный характер защитного террора — уничтожению подвергаются враги не только реальные, но и потенциальные.

Но, разумеется, невозможно объяснить весь масштаб террора в СССР 1929–1953 гг. или Германии 1933–1945 гг. только необходимостью защиты режима. Существуют и другие функции.

2. Экономическая функция заключается в использовании террора для решения различных хозяйственных задач. Она может принимать различные формы — от «раскулачивания» в целях модернизации сельского хозяйства (и создания базы для модернизации промышленности) в СССР до использования бесплатного труда, а затем и тел объявленных «неполноценными» людей в экономике Третьего Рейха. Эта функция характерна только для некоторых антидемократических режимов. Демократии не нуждаются в использовании силовых методов в экономике — по крайней мере, в отношении собственных граждан. Данная функция, несомненно, всегда связана с двумя остальными и осуществляется совместно (или под прикрытием) защиты государства от врагов. В экстремальных (обычно — военных) условиях режим вынужден использовать все доступные ему средства. Разумеется, применение столь аморальных (в понимании большинства современных людей) методов становится возможным благодаря тотальной идеологизации и, не в последнюю очередь, действию психологической функции государственного террора.

3. Психологическая функция заключается в трансформации общественного сознания, что является одним из ключевых условий существования тоталитарного режима. Эта функция многогранна, при внимательном рассмотрении возможно выделить ряд подфункций.

Во-первых, нельзя отрицать значение устрашения. Страх является союзником режима. Масштабный террор должен внушить каждому гражданину веру в несокрушимость государства, бессмысленность и обреченность любого сопротивления ему. Нечто подобное можно наблюдать и во многих авторитарных режимах. Но в случае с тоталитаризмом значение устрашения нельзя преувеличивать (что характерно для поверхностных исследований). Решение задач, стоящих перед любым тоталитарным режимом, требует от населения исключительного мужества, стойкости, дисциплины, патриотизма и других качеств, но никак не страха перед собственным государством. Поэтому психологическая функция террора заключается не только не столько в устрашении населения, сколько в его мобилизации. Главная цель террора — придание всему обществу революционной динамики, создание атмосферы «осажденной крепости», чему объективно спо-

способствует и внешнее воздействие враждебных государств. Только в такой обстановке возможно было успешно и в кратчайшие сроки провести экспроприацию, коллективизацию, индустриализацию с целью подготовки СССР к будущей войне. Аналогичные задачи, хотя с иными средствами и целями, решались в Третьем Рейхе. Так же представляется возможным выделить консолидирующую подфункцию, заключающуюся в особом единении населения и власти (в лице тоталитарной партии и верховного лидера), недостижимом в рамках другого политического режима.

Следует особо отметить ещё одну особенность. Объектом тоталитарного террора является все общество, а не какая-то отдельная социальная группа. Высокое положение в партийно-государственном аппарате не только не защищает своего обладателя, но и повышает вероятность стать объектом деятельности репрессивного аппарата. Такое положение дел, во-первых, благоприятствует росту дисциплины и ответственности в рядах госслужащих; во-вторых, способствует периодическому обновлению бюрократии и ликвидации «застоявшихся кадров»; в-третьих, повышает авторитет и легитимность верховной власти в глазах народа. И, наконец, существует древний способ переноса ответственности, когда, в случае крупной неудачи, можно принести в жертву часть соответствующих лиц, сохранив авторитет верховного лидера. Дальнейшее изучение психологической функции должно привести к увеличению числа выделяемых подфункций.

Таким образом, роль террора в тоталитарной системе становится, в известной степени, понятна. Широкое применение насилия позволяет режиму успешно и своевременно ликвидировать любую реальную или потенциальную угрозу в свой адрес, способствует решению хозяйственных задач, консолидирует и мобилизует общество на решение грандиозных внутривнутриполитических задач. Но, признавая особую роль террора, необходимо избегать его абсолютизации, что нередко встречается в публицистике и даже в научной литературе. Представленный в работе подход представляется плодотворным и перспективным для дальнейшей разработки концепции тоталитаризма.

Библиография

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.
2. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.

Рудольф Восканович Мирзоев

Студент кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова

Проблема формирования общественного мнения в творчестве Ф. И. Тютчева

Ключевые слова: формирование общественного мнения,
Ф. И. Тютчев.

Аннотация

Для подобных политических исканий именно XIX век, ставший для истории России временем перемен, представляет наибольший интерес, характерно, что эти перемены затронули практически все сферы жизни общества. Перед отечественными мыслителями встала проблема осмысления феномена общественного мнения. Именно в тот исторический период этот феномен приобрел наибольшую актуальность. Одним из первых, кто придавал проблеме формирования общественного мнения важное значение был Федор Иванович Тютчев.

Проблема формирования общественного мнения всегда была одной из актуальных в сфере философии, социологии и политологии. Каждая из наук выделяет свой предмет этого многогранного объекта, так как общественное мнение выступает и выражает явления общественной жизни и социально-психологические коммуникации в обществе. Интерес к общественному мнению как к публичному существовал еще в Античности. Уже в трудах Сократа, Платона и Аристотеля можно найти интерпретации понятия общественного мнения, первые попытки осознания его роли и значения в общественной жизни. На протяжении всего последующего исторического периода, начиная с Макиавелли, общественное мнение интересовало философов и политиков в контексте отношения к вопросу власти.

Особо значимым аспектом исследования общественного мнения является изучение связи между процессом его формирования, выражения, функционирования и существующим уровнем социальной напряженности в обществе, социальных настроений и самочувствия. В наиболее общем виде категория «общественное мнение» используется для обозначения совокупности взглядов индивидов на опре-

деленную проблему. Сам термин «общественное мнение» (public opinion) появился в Англии в 16 веке, а с 17 века термин становится общепринятым.

Федор Иванович пронес через все свое творчество идею формирования общественного мнения. Тютчев с головой окунается в творческую деятельность, стремится формировать общественное мнение по внешнеполитическим вопросам, воздействовать на Горчакова (министр иностранных дел и государственный канцлер России), на Царя и на западное общество в частности немецкое. Словом, для осуществления своих политических планов Тютчев прибегал к самым разнообразным путям и средствам. Он стремился использовать все — и деловые совещания, и салонное остроумие, и душевные беседы. Тютчев писал десятки писем, обращенных к государственным деятелям, влиятельным придворным дамам, к своим родственникам и друзьям, которые имели возможность воздействовать на печать или непосредственно на власть.

Тютчев в своем понимании проблемы формирования общественного мнения был близок к французским мыслителям, считавших, что общественное мнение формируется и транслируется элитой. Федор Иванович сам старался оказывать влияние сверху, то есть через элиту. По большому счету, в тот исторический момент в котором жил и творил Тютчев, практически не давал возможность другого влияния. Большинство населения Российской империи были неграмотными и очень сильно территориально разрозненными за исключением городского населения. Поэтому попытки формировать общественное мнение через элиту не лишены основания. «С одной стороны, государи и правительственные кабинеты Германии с их серьезной и продуманной политикой и определенным направлением, а с другой — еще один властитель эпохи — общественное мнение, несущееся по воле ветров и волн»¹. Формируемое общественное мнение Федор Иванович оценивал как существенный фактор идеологической и политической жизни, способный оказывать как отрицательное, так и положительное воздействие на политический процесс.

Тютчев понимал, что необходимо вести работу со средствами массовой информации не только на территории страны, но и за ее пределами, причем за пределами надо уделять этому вопросу даже большее внимание. «Я полагаю, что Императорское правительство

¹ *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем в 6-ти т. Т. 3. М., 2003. С. 114

имеет предостаточные основания не желать, чтобы внутри страны, в местной печати, общественное мнение чересчур живо обсуждало очень важные и вместе с тем весьма деликатные вопросы, затрагивающие самые корни национального существования; но какими могут быть доводы, чтобы заставляя себя так же сдерживаться вовне, в заграничной печати?»¹. «Враждебное общественное мнение», при молчании со стороны официальных источников, начинает на свой лад судить о вопросах имеющих наиважнейший характер для государства. Федор Иванович был убежден, что у России на этом поприще есть ресурсы и возможности гораздо большие чем у «враждебного общественного мнения». Главным козырем в борьбе с западным инакомыслием должно стать единство и правильная координация действий в сфере печати, как наиболее важном факторе формирования общественного мнения. В Европе существует проблема «раздробленности существующих в мнений и интересов». Наше единство может стать привлекательным для многих западных умов, убежден Тютчев.

Федор Иванович видел деятельность по формированию общественного мнения не в «ежедневных мелочных спорах с заграничной прессой по незначительным фактам и подробностям; истинно полезным было бы, например, обосноваться в самой уважаемой газете Германии, иметь в ней авторитетных и серьезных посредников, умеющих заставить публику слушать себя и способных двинуться разными путями, но каким-то единым целым к определенной цели»². Во главе такой деятельности Тютчев видел человека, наделенного талантом, знающим печать и «глубоко преданного Государю». Расходы на такого рода мероприятия, были бы гораздо меньше ожидаемых результатов.

Вполне логично, что Федор Иванович был противником жесткой цензуры, которая действовала в России при Николае I «Если среди всех прочих есть истина, вполне очевидная и удостоверяемая суровым опытом последних лет, то она несомненно такова: нам было строго доказано, что нельзя чересчур долго и безусловно стеснять и угнетать умы без значительного ущерба для всего общественного организма»³. Власть вводя цензуру «образует пустыню, огромную умственную пустоту». В свою очередь правящая мысль перестает

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем в 6-ти т. Т. 3. М., 2003. С. 140

² Там же.

³ Там же.

находить точку опоры и в конце концов приходит в «смушение и изнемогает под собственным бременем еще до того, как она падет по роковому стечению событий». Далее Тютчев указывал, что «перед лицом создавшегося положения» Горчаков «нуждается в более твердой точке опоры, в национальном сознании, в достаточно просвещенном национальном мнении, а тут, как нарочно, неумелость или взаимные предубеждения позволили накопиться недоразумениям между печатью и правительством... Одним словом, князь... нет против среды, осаждающей и более или менее угнетающей вас... нет, говорю я, другой точки опоры, другого средства противодействия, как во мнении извне, в великом мнении — в выражении общественного сознания... Но для этого нужно разрешить ему высказаться и даже вызывать его на это...».

Первоочередной задачей для правительства страны Тютчев видит в использование печати и умов, как инструмента для решения собственных задач. Через эти инструменты правительство в пораженных революцией странах «постоянно находит умы, готовые признать его и следовать за ним». Это и есть сущность работы правительства в сфере общественного мнения. Обеспечение поддержки режима: «Вот почему у нас встретили бы с единодушным одобрением и удовлетворением намерение Власти, в ее отношениях с печатью, взять на себя серьезно и честно понимаемое управление общественным сознанием и отстаивать свое право руководить умами».

Тютчев даже приводит пример, как можно привлечь «умы»: «следовало бы всем — и обществу, и правительству — постоянно говорить и повторять, что судьбу России можно сравнить с севшим на мель кораблем, который никакими усилиями команды нельзя сдвинуть с места, и только приливная волна народной жизни способна снять его с мели и пустить вплавь. По моему мнению, вот во имя такого начала и чувства Власть могла бы теперь овладеть сердцами и умами, взять их, так сказать, в свои руки и вести куда ей угодно. С этим знаменем они пошли бы за ней всюду»¹.

Для общественного мнения географическая проблема всегда имела важное место. Существует множество теорий объясняющих те или иные события с точки зрения локальности общества или его разобщенности. Тютчев в письме С. С. Уварову рассуждает на тему пространства и приходит к выводу, что материальные способы (например улучшение дороги) не способны так же сильно соединить

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем в 6-ти т. Т. 3. М., 2003. С. 202

население как духовное единство, которое и есть общественное мнение. Доказательством того, что материальное сближение не является благоприятным фактором Тютчев видит в положении дел на Западе, где «по мере того как расстояния сокращаются, умы все более и более расходятся»¹.

В борьбе за общественное мнение Тютчев был готов прибегать к запрещенным методам, таким как незаконные публикации писем за границей. Эти письма стали бы, по мнению автора, исторически значимыми. «Поверьте мне, правительственные люди — не только у нас, но и везде — только к тем делам имеют уважение, которые без их разрешения, гуляют себе по белу свету... только со свободным словом обращаются они, как взрослые с взрослым, как равные с равным»².

Тютчев так же понимал, то значение и влияние которое оказывает литература и лидеры общественного мнения. В то время такими лидерами были поэты. Они должны использовать свой дар к рифме для решения вполне конкретных задач. Он пишет дочери в письме (октябрь 1871): «В современной политической ситуации лучше всего было бы пустить по рукам нечто вроде лозунга, и для этого очень может пригодиться рифма.... Есть ещё очень много простодушных людей, которые суеверно относятся к рифме, для кого рифма звучит особенно поучительно и убедительно. Вот почему было бы уместно опубликовать в какой-нибудь газете... стихи, которые я вам недавно послал». Как ни парадоксально это звучит, именно Тютчева можно считать прямым предшественником Маяковского с его политическими агитками. Правда, надо признать, что в профессиональном плане агитационные стихи Маяковского сделаны более вызывающе.

Проблема формирования общественного мнения проходит через все творчество Федора Ивановича Тютчева. Эта проблема наводит автора на размышления о исторической необходимости использования общественного мнения в политических целях того режима, который существовал на тот период. Причем автор понимал, что любой режим нуждается в опоре на общественное мнение и именно власть в ответе за его формирование. Федор Иванович в своих произведениях показывает, доступные инструменты для формирования общественного мнения. Это и работа с печатными изданиями, и привлечение лидеров общественного мнения и цензура, которая должна не только угнетать, но и способствовать единению.

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем в 6-ти т. Т. 3. М., 2003. С. 90

² Там же.

Проблема формирования общественного мнения очень сложна, Тютчев был одним из первых отечественных мыслителей, уделивших этому феномену должное внимание. Его работы дали богатый материал для дальнейшего исследования в этой сфере, показали основные направления работы для последующих поколений отечественных мыслителей.

Борис Александрович Прокудин

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Апология истории социально-политических учений

Ключевые слова: этика, эстетика, поэтика

Аннотация

В статье предпринимается попытка поразмышлять над вопросом, что история социально-политических учений может дать нам как людям и гражданам. А не только как политологам.

1. Этика

История социально-политических учений — это научное знание. Соответственно, этический вопрос можно сформулировать в духе Ж.-Ж. Руссо: способствует ли эта наука улучшению нравов людей и общества в целом?¹ И должна ли вообще способствовать?

Последний вопрос совсем не праздный. Особенно для нас, рожденных в России. Официально мы перестали соподчинять политику и мораль лишь в конце XX века, отстав в «здоровом» макиавеллизме от передовой Европы на полвека². Русский мыслитель, усаживаясь перед стопкой бумаги, окуная перо в чернильницу, думал преимущественно не о технологической стороне политики, а о приведении социальной жизни к какому-то идеалу, христианскому, социалистическому, неважно. Главное — всегда к высокому этическому идеалу.

¹ Имеется в виду «Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же академией: “Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов”» Ж.-Ж. Руссо.

² Трактат Никколо Макиавелли «Государь» был опубликован в 1532 году.

Как и мировая политическая мысль, политическая мысль России полиморфна и полисемантическая, пишет один из моих учителей, но в русской культуре, в отличие от западной, не было резкого размежевания политической мысли и религиозной традиции¹.

Философу Г. П. Федотову принадлежит мысль о том, что основные черты прошлого жизни народа, главные мысли и идеи ушедших времен никуда не исчезают. Как бы сейчас сказали, подобная информация, запечатленная в национальном сознании, имеет особенность воспроизводиться на каждом новом историческом этапе. И если российский этикоцентричный подход к политике имеет десятивековую традицию, сможет ли существенно скорректировать его последнее двадцатилетие?

Но вернемся к Руссо. На вопрос, способствует ли развитие науки улучшению нравов людей и общества в целом, он ответил — нет. Успехи наук и искусств ничего не прибавляют к нашему истинному счастью, считал он. И если мы посмотрим на современную политику, нам придется, пожалуй, подтвердить правоту Руссо. Сегодняшним политикам, прежде всего, развитых государств, кажется, нет никакого дела до проектов переустройства общества к лучшему. В основном они решают конъюнктурные задачи, согласовывают интересы большинства групп населения и стараются не быть связанными узами теории, чтобы не «разрывать» электорат. В этом смысле Россия продолжает старательно копировать Запад. А, может быть, уже сейчас на факультете политологии учится студент, которому суждено возродить российскую политическую утопию?

2. Эстетика

История социально-политических учений может открыться нам совсем иначе, если мы взглянем на нее не дальноруким этикоцентричным взглядом, а близорукими глазами эстетизма.

Такая возможность есть у людей, обладающих тонким нежным вкусом, и оценивающих историю политической мысли как самое прекрасное, что есть в политологическом образовании. Для них пустыми кажутся слова «перспективность», «инновационность», «востребованность на рынке». Для них прибежищем становятся искусство и высокая теория.

Литераторы, ассоциировавшие себя с направлением эстетизма, в конце XIX — начале XX века, считали, что художественный вы-

¹ См.: *Шириняню А. А.* История социально-политической мысли России как предмет изучения // *Шириняню А. А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011. С. 553.

мыслей лучше реальности, реальной жизни. По их мнению, действительность, данная нам в ощущениях, — это всего лишь дурно написанные литературные тексты. Такое отношение к миру объединяет всех эстетов и поныне. И их вполне можно понять. Например, по сравнению с литературой, в реальной жизни очень плохо выстроены сюжетные линии. Они обрываются на полуслове. Или же наоборот затянуты до бесконечности и скучны, как вышедшие из моды сериалы. В реальной жизни колоссальное количество лишних «непрописанных» персонажей, ненужных деталей. А конфликты, чаще всего, жутко банальны и стереотипны. В героях нет ни грамма рыцарства, а героини не заслуживают героизма. Одним словом, реальность, реальная жизнь — это плохо написанная литература.

Нечто подобное можно сказать применительно к социально-политическим учениям. Политическая реальность — это дурно написанные политические учения. Аналогия с литературой прямая. Послушайте выступление любого современного политика, почитайте программу любой современной партии: выражения невнятные, тезисы друг другу противоречат, язык казенный или наоборот — неприятно развязный. Чаще всего, это поток банальностей без признаков логики, показатель информативности которых колеблется в районе устойчивого нуля... С эстетической точки зрения, заниматься изучением современной политики то же самое, что читать желтую прессу вместо Шекспира.

Однако политика стала банальностью и перестала апеллировать к «большим смыслам» не везде и было это не всегда. Она становится «неэстетичной» на определенной стадии развития капиталистического хозяйства, когда «большие смыслы» начинают противоречить экономической прагматике.

3. Поэтика

«С „Войной и миром“ связано для меня чувство родины, — писал Н. А. Бердяев в «Самопознании», — может быть, единственное чувство родины»¹. Бердяев не дает определение тому, что он понимает под «чувством родины», но интуитивно ясно, о чем идет речь. И еще ясно, что человеку, который обрел «чувство родины», — повезло.

Может показаться странным, что реальная страна ассоциируется у Бердяева с художественным вымыслом. С романом. Но странно это лишь на первый взгляд. Если любовь к родине, как говорят со-

¹ Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1990. С. 77.

циальные психологи, связана чаще всего с чем-то конкретным — семьей, домашним очагом, природой родного края, то «чувство родины» возникает из укорененности в культуре, то есть из милых сердцу вымыслов.

Вообще, роль литературы в политической жизни недооценивается. Настоящая литература не является лишь отражением реальности, но она обладает способностью конструировать реальность по своему образу и подобию.

Для меня чувство родины связано с поэзией А. А. Блока. Она врезалась в мое сознание, когда я ходил подростком и был весь переполнен большими чувствами. Но в мире все никак не встречалось чего-то достойного таких чувств. И вот попался Блок. В его поэзии я открыл Родину, в которой была унылая насыпь и некошенный ров, в ней девушки пели в церковном хоре, были аптеки, улицы и фонари. На мою родину медленно сходили сумерки зимы. Через мою родину летели степные кобылицы, и тащился полинялый балаганчик.

Для меня в этой поэзии всегда было гораздо больше родины, чем в каких-то формальных ее признаках. Чем в гимнах, флагах, сборных по футболу. Для меня эта вымышленная родина была реальной, чем вид из окна. Я жил внутри блоковской воображаемой страны, и когда я слышал какие-то высокомерные слова о России, я всегда думал про себя: «Ничего-ничего, мы еще обернемся к вам своею азиатской рожей»!

Когда же я порос и поступил в университет, я обрел «чувство родины» в истории социально-политических учений России. Многим моим однокурсникам, особенно «западникам» и циникам содержание политической мысли России казалось неоригинальным, вторичным. Наверное, они были правы. И в то же время они должны были мне завидовать, потому что они не чувствовали за этими текстами родины, а я чувствовал.

Эти тексты наполняли меня гордостью. Если были в нашем прошлом такие глубоко национальные мыслители как Н. М. Карамзин, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, которые возможны только в России и нигде еще, значит, мы достойны великого будущего, думал я.

Любовь к семье, домашнему очагу и природе родного края, конечно, важная штука. Но не это делает людей патриотами. Патриотизм — не инстинкт, он не «встроен» в каждого человека «по умолчанию». Многим патриотизм приходит от ума. И история социально-политических учений России может этому способствовать. Проверенно «людьми Московского университета».

Елена Константиновна Прокудина

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Образ России в истории социально-политической мысли: постановка проблемы

Ключевые слова: образ России, социально-политическая мысль России.

Аннотация

Образ страны — сложный, многогранный феномен со множеством взаимосвязанных элементов, испытывающих на каждом историческом витке воздействие разнонаправленных сил, в ряду которых не последнее место занимает печатное слово. Статья посвящена краткому библиографическому обзору произведений русской и зарубежной социально-политической мысли, в которых можно наблюдать эволюцию образа России.

Исторические особенности формирования образа России в общественном сознании нашли свое отражение в текстах мыслителей, ученых и писателей прошлого, пытавшихся осмыслить роль и место России в мире, ее историческое предназначение. Часто угадывая и прозревая судьбу страны, а иногда придумывая очередной миф о русском народе и «русской угрозе», мыслители прошлого создали целый корпус литературы, требующей тщательного научного изучения и оценки.

Первые опыты по созданию образа России в общественной мысли прослеживаются уже в древнерусских текстах, относящихся к X–XIII вв. В это время в летописных, агиографических и эпистолярных произведениях предпринимаются попытки создания модели взаимоотношений князя и общества, образа идеального правителя как защитника православия, формулируются идеи единства и любви к родной земле.

Один из ярких образов Руси дан в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона. По мнению исследователей, русская словесность, по сути, начинается с этого удивительно зрелого и многогранного произведения: здесь и богословие, и риторика, и политический трактат.

Согласно Иллариону, превосходство «благодати» над «законом» обеспечило распространение христианского учения по всей земле, в том числе и на Руси. Выбор этой веры — «жизни будущего века» — становится той фундаментальной основой, которая открывает широкие перспективы для всестороннего развития. Образ новой Руси у Иллариона — это молодая страна и полный сил и высоких помыслов народ, объединенный вокруг мудрого правителя, которому он обязан своим крещением и, следовательно, своим будущем. Исполненный радостной веры и на равных правах с другими христианскими народами идет он по пути Истины и Благодати. Называя князя Владимира «нашим Учителем и наставником», Илларион видит его не только главой государства, но и духовным пастырем своего народа. Важно отметить, что вдохновенная и цельная проповедь Иллариона включает слова восхищения о деяниях предков и славном прошлом Руси, когда она была «ведома и слышима всеми четьрьмя концами земли».

Совсем иной образ дохристианской Руси представляет летописец в «Повести временных лет», написанной всего несколькими десятилетиями после «Слова...» Иллариона. Этот образ возникает уже в жестких рамках дихотомии «язычество — христианство». Племена, «не знавшие закона Божьего, но сами себе устанавливавшие законы», по словам автора летописи, «жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды».

Дальнейшее развитие образа России можно связать с именем Владимира Мономаха, который создает идеологию единой державы и объединения русских земель. В «Слове о полку Игореве» ставится проблема единства Русского государства. В XV–XVI вв. возникает представление об особой миссии России в мировом пространстве, формируется политический идеал Московского царства и закладываются концептуальные основы русской социально-политической мысли. Отражение процесса развития идей самоценности московского самодержавия и православного Русского царства мы находим в «Послании о Мономаховом венце» монаха Спиридона-Саввы, «Сказании о князьях Владимирских», наконец, в образе «Москва — третий Рим» Филофея. Важной вехой в становлении образа России в общественной и политической мысли России является возникновение учения Ивана Грозного о самодержавной власти и духовно-политических целях существования Российского царства и идея «Святорусского царства» Андрея Курбского.

В начале XVIII в. Феофан Прокопович создает имперско-абсолютистский идеал, так образ России в официальной доктрине самодержавной власти в период правления Петра I получает новую окраску. Середина XVIII в. — начало эпохи идейных заимствований. Россия в этот период предстает перед нами в трудах российских «просветителей» как отсталая страна, нуждающаяся в модернизации по западному образцу. Похожий образ России мы находим в трудах «официального» либерализма начала XIX в., в преобразовательных проектах декабристов и у русских западников.

Появление оригинальной русской политической мысли связано с постановкой проблемы «Россия и Европа». Идеи самобытности, своеобразия и уникальности исторических судеб России находят отражение в творчестве В. Ф. Одоевского, М. П. Погодина, славянофилов и почвенников.

Неоднозначный образ России создается в трудах представителей русского революционного радикализма второй половины XIX в. С одной стороны, в соответствии с концепцией «русского» крестьянского социализма А. И. Герцена, Россия объявляется страной, в которой возможен переход к социализму, минуя капитализм. Залогом воплощения этой идеи является сохранение в России сельской общины и как следствие отсутствие буржуазного индивидуализма. С другой стороны, в своих работах они подчеркивают то, что самодержавная Россия — это страна рабства и властного произвола.

Иным предстает перед нами образ России в консервативных и панславистских социально-политических учениях второй половины XIX в. В теории «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского Россия получает мессианский статус «объединительницы» славянских народов, центра «Всеславянского союза», который должен стать основным субъектом мировой политики после войны с Европой. В соответствии с концепцией «Византизма» К. Н. Леонтьева Россия должна возглавить «Восточный союз» и противодействовать распространению идей либерально-эгалитарного прогресса. В. И. Ламанский видел Россию центром так называемого «Среднего мира», призванного своим культурно-географическим положением к решению важных геополитических задач.

В политической доктрине большевизма, уже в XX в., создается образ страны, идущей в авангарде мировой революции. Концепция построения социализма в одной стране, обоснованная В. И. Лениным и развитая И. В. Сталиным, предполагала создание в Советской России форпоста для дальнейшего распространения коммунистических идей. Победивший пролетариат в России, строящий со-

циализм, должен был противопоставить себя всему капиталистическому миру, привлекая к себе угнетенные классы других стран. Россия поддерживала борьбу угнетенных классов всего мира против эксплуататоров.

В политической мысли русского зарубежья послереволюционная Россия представлялась или заложницей «диктатуры сволочи» (консервативное направление, представленное И. А. Ильиным и И. Л. Солоневичем), или «идеократическим» государством, которое должно преодолеть коммунистическую идеологию, чтобы выполнить свою историческую миссию объединения Евразии (евразийское направление).

Важным источником для изучения образа России является зарубежная общественная мысль, в которой складываются определенные стереотипы восприятия страны, начиная с XVI–XVII вв. На материалах записок о России иностранных путешественников и дипломатов этого периода, таких как Сигизмунд фон Герберштейн, Джером Горсей, Джильс Флетчер, можно говорить о зарождении такого феномена как «русофобия», страха перед возможной агрессией страны, «появляющейся» на Востоке. В произведениях иностранных наблюдателей этого периода можно найти образ русского царя — почти мифологического характера, воплощающего абсолютное зло и тотальную угрозу.

В записках иностранных путешественников и мыслителей XVIII–XIX вв. (Шарль-Луи Монтескье, Патрик Гордон, Астольф де Кюстин, Георг фон Гельбиг) образ России видоизменяется и приобретает более объективные очертания, однако наполняется дополнительными мифами относительно характера правления в России (например, миф о «потемкинских деревнях»), взаимоотношений правителей и подданных, формулируется «концепция русской угрозы», создается представление о России, как «жандарме Европы».

Интересным представляется изменение образа России в трудах западных писателей и историков начала и середины XX в. — от восторженных отзывов о «новой» России до возвращения к старым русофобским мифам. Проблема отношения к Советскому Союзу, а теперь и к России, была и остается одной из наиболее важных тем американской политологии второй половины XX в. Этой проблеме посвящено значительное количество работ, над которыми трудились многочисленные исследовательские центры. Образ Советского Союза, нашедший отражение и этих исследованиях, всегда отвечал запросам политической конъюнктуры, а значит, содержал черты «врага на пороге».

Можно констатировать, что исторические особенности формирования образа России в общественном сознании, нашедшие свое отражение в текстах отечественных и зарубежных мыслителей, ученых и писателей прошлого, дают нам дополнительные возможности осмысления роли и места России в современном мире.

Анастасия Михайловна Репьева

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Основные принципы политико-экономической концепции В. В. Берви-Флеровского

Ключевые слова: политические идеи, принцип научного познания, мировоззрение, формирование идеологии, историзм, объективизм, рационализм, свобода, коммунизм.

Аннотация

Современная социально-политическая наука свободна от идеологического фактора и поэтому может рассматривать труды, так называемых, запрещенных авторов, под новым углом зрения. Творчество В. В. Берви-Флеровского, общественного мыслителя конца XIX века, в советское время рассматривались исключительно в рамках марксистско-ленинской парадигмы. В данной статье сделана попытка объективного анализа работ Берви и рассмотрению проблемы темы с точки зрения использования общечеловеческих принципов познания, формирования мировоззрения, и принципов конкретно-теоретических. Изучая наследие В. В. Берви-Флеровского, следует уделить данному аспекту должное внимание, поскольку это позволит в дальнейшем более четко понять и сформулировать его основные идеи социально-политического и экономического преобразования современной ему России.

Проблема использования принципов научного познания всегда интересовали исследователей, занимающихся изучением творческого наследия деятелей прошлого. Учение В. В. Берви-Флеровского

представляет собой научный интерес, поскольку имеет место попытка качественного пересмотра трудов автором статьи и входящих в них концепций для дальнейшего переосмысления места и роли автора в социально-политической мысли России конца XIX — начала XX вв.

Приступая к исследованиям любого рода, человек должен сначала определить базовые принципы познания, т.е. группу наиболее общих методов и установок, которые применимы во всех случаях познавательной деятельности.

Поскольку все исследования, проводимые индивидом, нуждаются в понимании этим индивидом причин исследования, методов, которые будут применяться то, следует понимать, какие принципы познавательной деятельности будут использованы. В. В. Берви в своей социально-экономической концепции основывался на традиционных принципах познания — объяснении, выразившегося в структурированном подборе фактического материала и его тщательном анализе; объективности — беспристрастного изучения явления и научно обоснованные выводы; системности — восприятия окружающих элементов действительности как системы, со сложным механизмом взаимодействия; принципе единства исторического и логического — заключающегося в том, что при отсутствии возможности объективного анализа явления, его измерения, может делаться попытка на фактическом материале сделать выводы о том или ином явлении.

Определив универсальные принципы познавательной деятельности, которые характерны для всех исследований, и для Берви, в частности, можно сделать вывод о том, что они являются фундаментом, на котором базируются принципы его социально-экономической концепции. Помимо использования традиционных общих принципов познания следует также помнить о том историческом контексте, в котором создавались произведения В. В. Берви-Флеровского, о его личном уникальном опыте свидетеля и участника событий, который является неотъемлемой частью его мировоззрения, поскольку без их понимания невозможно объективно воспринимать научные основания любого исследования.

Определив общие основания практических принципов научной деятельности Берви, следует детально рассмотреть конкретные принципы социально-экономической концепции автора. Конкретно-научные принципы познания напрямую зависят от общих принципов и являются для них основанием. При создании социально-экономической концепции, В. В. Берви-Флеровский использовал принципы историзма — объяснения феноменов общественной жизни на исторических примерах; индивидуализма — тип мировоззрения,

при котором интересы отдельной личности противопоставляются коллективу; коллективизма — принцип общего коллективного начала в общественной жизни, взаимоотношениях между индивидами; свободы — как возможности проявления воли; «умственного» поведения — предположения о внутренней гармонии и саморазвитии индивида, из которой выходит становление мировоззрения; рациональности — признания важной составляющей социально-экономического развития разумного, творческого начала; принцип солидарности — взаимного стремления к кооперации и достижению общего блага. Характерной особенностью концепции Берви, стало то, что он использовал данные принципы не по отдельности, не в отрыве друг от друга, а в тесном взаимодействии. Такое их использование позволяет говорить о том, что автор, стремясь к общей идеализации нового строя, понимал значение и тех негативных факторов, которые составляли основу современного ему общественного развития.

Следовательно, можно сказать, что большинство использованных принципов познания действительности и конкретно-научных принципов, которые В. В. Берви-Флеровский применил в социально-экономической концепции, носят двойственный характер. Любое явление или факт, объясняемый автором на основании того или иного принципа, затрагивает две части объекта — внутренне содержание явления и общие нормы применения его на практике. Подобная «матрешечная» структура позволяет увидеть разные стороны явления и понять отношение к ним автора.

Именно поэтому Берви высказывал мнение о возможности кооперации между трудящимися и эксплуататорами, о возможности использования методов улучшения качества производства капиталистическими методами; объяснял необходимость развития личности, раскрытия ее потенциала, для лучшего и многостороннего взаимодействия между индивидами уже на уровне коллективного начала; рассматривал проблему внутренней и внешней свободы во взаимосвязи со степенью умственного развития.

Библиография

1. *Флеровский Н.* [Берви В. В.]. Критика основных идей естествознания. — СПб., 1904. С. 9, 63, 169, 354, 381, 413, 471.
2. *Берви-Флеровский В. В.* Положение рабочего класса в России // Избранные экономические произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1958. С. 575, 617
3. *Берви-Флеровский В. В.* Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869 г. С. 4, 24,

4. *Берви В. В.* Азбука социальных наук в III частях — СПб., 1871. С. 121.
 5. *Берви-Флеровский В. В.* Записки революционера-мечтателя // Революционное движение России в мемуарах современников. М., 1929 г. С. 101.
-

Никита Романович Сетов

Кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Концепция игры Й. Хёйзинги

Ключевые слова: Хёйзига, игра, homo ludens, характеристики игры, культура.

Аннотация

В статье рассматривается концепция игры Й. Хёйзинги, анализируются основные функции и характеристики игры, а также связь игры и культуры. Особое внимание уделяется работе «Homo Ludens».

Йохан Хёйзинга (1872–1945) — нидерландский философ и культуролог, автор работ по истории и эволюции культуры, занимал пост профессора общей истории в Лейденском университете. Его имя не часто встречается в учебниках, но в Амстердаме по сей день функционирует институт имени Й. Хёйзинги.

Безусловно, самой важной работой этого ученого стала книга «Homo Ludens» или «Человек играющий», вышедшая в свет в 1955 году. В рамках этой работы Хёйзинга излагает свою оригинальную культурологическую концепцию и утверждает, что игра неотделима от культуры, она есть ее неотъемлемая часть любой культурной системы, а в некоторых случаях выполняет главную функцию в формировании культурных феноменов.

Необходимо отметить, что Хёйзинга говорит не об игровом элементе в культуре, а об игровом элементе культуры. Это связано с тем, что нидерландский ученый хотел показать, насколько культура носит игровой характер. Вопрос о том, какое место игра занимает в культуре, его совершенно не интересует.

Нам представляется возможным рассмотреть само понятие игры и его основные характеристики, а затем обратиться к идеям Хёйзинги о том, как игры воплощаются в культурных системах.

Хёйзинга выделяет много характеристик игры, но первый шаг в своем анализе он делает с помощью разграничения игры и биологических процессов человеческой жизни: «Игра как таковая перешагивает рамки чисто биологической или, во всяком случае, чисто физической деятельности»¹. Итак, игра не сводима к элементарным формам жизнедеятельности человека. Хёйзинга отмечает, что игры животных в некотором роде связаны с игровой деятельностью людей, но последние отличаются от первых степенью сложности и некоторыми другими характеристиками.

Еще одной важной характеристикой игры является ее несерьезность. Игра никогда не ведется всерьез, хотя зачастую может казаться, что участники игрового процесса не ощущают грани между игрой и реальностью.

Из этого тезиса вытекает следующий признак игры: «она свободна, она есть свобода»². Игра дает человеку определенную свободу, так как она выходит за рамки обыденной жизни, позволяет вести себя иначе. Тем не менее, игра есть временная сфера деятельности, она не может длиться вечно.

Из вышеуказанного следует, что игра все же чем-то ограничивается. По мнению Хёйзинги, любая игра «начинается и в определенный момент заканчивается»³. Следовательно, у игры есть временные рамки; также игровой процесс в подавляющем большинстве случаев регламентируется и пространственно.

Наличие у игры пространственных и временных рамок подводит нас к мысли о том, что «она творит порядок, она есть порядок»⁴. По мнению нидерландского культуролога, игра воспроизводит совершенный порядок на определенный промежуток времени. Тем не менее, это порядок является относительно хрупким, так как малейшее нарушение правил игры становится причиной крушения всего игрового процесса.

Еще одной важной характеристикой игры является напряжение, свойственное всему игровому процессу. Каждый участник игры испытывает определенную долю переживаний по поводу того, выиграет он или нет.

¹ Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 10.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

Также у любой игры есть определенные правила, которые регламентируют взаимодействие участников. В случае если правила нарушаются, игра прекращается, так как игровой процесс может строиться только на условиях полного соблюдения правил.

Важной функцией игры, имеющей значение для формирования культурных систем, является формирование ассоциаций: «Игровая ассоциация обладает общей склонностью самосохраняться, консервироваться, даже когда игра уже сыграна»¹. Хёйзинга считает, что эта функция игры во многом определяет ее вживание в культуру. Важно отметить, что под игрой не всегда понимается собственно игра; это может быть священный обряд, реализация какой-либо традиционной деятельности и т.д. Именно поэтому участники игры, совершив определенные действия и «закончив раунд», продолжают оставаться в рамках игровой ассоциации.

Также любая игра связана с инобытием и тайной. Каждый игровой акт содержит в себе нечто таинственное, о чем известно лишь тем, кто играет. Игра также является инобытием, так как переносит человек из обыденного мира в игровое пространство. Примером этой характеристики игры может являться маскарад и религиозные таинства.

Рассмотрев основные характеристики культуры, нам следует обратиться к вопросу о сущности игры. Хёйзинга считает, что игра есть «борьба за что-нибудь или же представление чего-нибудь»². В первом случае речь идет о соревновании ради достижения определенной цели, во втором — об иллюстрировании какого-либо явления или процесса.

Имея на вооружении сущность и характеристики игры, мы можем переходить к анализу игрового элемента культуры.

Как уже отмечалось выше, Хёйзинга не пытается трактовать игру как часть или поле культурной сферы жизни общества. Для него гораздо важнее рассматривать культуру как игру в целом.

По мнению Хёйзинги, любая игра содержит в себе элемент антитечности (противопоставления), который может выражаться в самых разнообразных формах. Даже хоровое пение, в рамках которого есть разные партии (например, высокая и низкая), тоже является формой игры, так как содержит в себе противопоставление. Нетрудно догадаться, что командные игры и одиночные состязания также являются игрой.

¹ Хёйзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 23.

² Там же. С. 24.

Тем не менее, люди не воспринимают игру отдельно от культуры. Хёйзинга писал, что «чем более игра способна повышать интенсивность жизни индивидуума или группы, тем полнее она растворяется в культуре»¹. Иными словами, чем выше степень противостояния соперников в игре, тем сильнее степень растворения игры в культурной системе, тем сложнее вычленить игровой элемент культуры.

Судебный процесс также представляет собой игру, так как в его рамках присутствуют противоборствующие стороны, есть правила игры и напряжение, связанное с желанием победить.

Война, с точки зрения Хёйзинги, тоже ведется в игровой форме. У любого военного столкновения есть правила и напряжение, связанное с достижением главной цели — победы. В частности, в войнах прошлого стрельба начиналась только в тот момент, когда противостоящие стороны сближались на определенное расстояние.

Еще одной интересной формой игрового элемента культуры являются софизмы. Состязание в софистике не обязательно предполагает высокий уровень эрудиции противников. Наоборот, совсем не обязательно иметь много информации по тому или иному вопросу, чтобы победить. Гораздо важнее знать правила игры, которые позволяют найти ответ на поставленный вопрос.

Все вышеперечисленные проявления игры в культуре — лишь немногие «открытия» Й. Хёйзинги. Подводя итог нашего краткого исследования, необходимо отметить, что основной заслугой нидерландского культуролога стало использование нового подхода к анализу культурных систем. Хёйзинга не рассматривает игру как часть культуры, он обращается к культуре как игре вообще.

Библиография

1. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М., 1992.
2. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. // Сочинения: В 3 томах. / Пер. с нидерл. Сильвестров Д. В.; Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой; Заключ. ст. и науч. коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 1995.
3. *Huizinga J.* Erasmus and the Age of Reformation. BiblioBazaar, 2009.

¹ *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего. М., 1992. С. 63.

Дарья Алексеевна Соловьева

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Идея государственного суверенитета в работе французского мыслителя эпохи Реформации Жана Бодена «Шесть книг о республике»

Ключевые слова: суверенитет, Жан Боден, история социально-политической мысли.

Аннотация

Данная статья представляет собой краткий обзор теории государственного суверенитета выдающегося французского мыслителя эпохи Реформации Жана Бодена. Рассматриваются отличительные признаки суверенитета, вопрос о его источнике (и связанной с ним классификации типов государственной организации), проблема отчуждения суверенитета, а также вопрос о наилучшей форме правления.

Франция — страна классического феодализма, где раньше всего возник и оформился абсолютизм. Реформация во Франции и кровопролитные гражданские войны подталкивали образованную часть населения к поиску выходов из сложившейся ситуации.

Жан Боден — французский мыслитель и философ разработал в связи с этим концепцию суверенного государства, которая получила свое развитие в веках. Именно поэтому стоит изучить его взгляды на государство, как отправную точку на пути упрочения централизованной монархической власти, изложенные им в его главном труде «Шесть книг о республике» (1576). С точки зрения Бодена — «Государство есть управление множеством семейств (или домохозяйств) и тем, что является общим у них всех, осуществляемое суверенной властью сообразно праву»¹. «Государства учреждаются по принуждению сильнейших или же в результате согласия одних людей добровольно передать в подчинение других людей всю свою

¹ *Нерсесянц В. С.* История политических и правовых учений М., 2007. С. 174.

свободу целиком, с тем, чтобы эти последние ею распоряжались, опираясь на суверенную власть, либо безо всяких законов, либо на основе определенных законов и на определенных условиях»¹. Неотъемлемым свойством государства является суверенитет.

Суверенитет — истинный фундамент, основа, на которую опирается вся структура Государства, и от нее зависят все судебные ведомства, законы и распоряжения; оно является единственным обязательством, которое связывает семейства, коллегии и частные лица в единственное совершенное тело. «Суверенитет есть абсолютная и постоянная власть, которую римляне называют величием (достоинством) — означаящим высшую власть повелевать»². Абсолютность суверенитета имеет место тогда, когда суверенная власть не знает каких-либо ограничений для проявлений своего могущества. Так же для Бодена является важным постоянство суверенитета, когда суверенная власть существует неизменно в течение неопределенно долгого срока; временная власть, устанавливаемая на какой-то определенный период, не может сохраняться в качестве верховной силы. Суверенная власть — власть единая. В том смысле единая, что ее прерогативы принадлежат только ей; она не может (не должна) эти прерогативы делить с кем бы то ни было; она не может (не должна) допускать никаких органов, которые стояли бы над нею или стояли рядом и конкурировали с ней.

Боден выделяет пять отличительных признаков суверенитета. Первый из них — издание законов, адресуемых всем без исключения подданным и учреждениям государства. Второй — решение вопросов войны и мира. Третий — назначение должностных лиц. Четвертый — действие в качестве высшего суда, суда в последней инстанции. Пятый — помилование.

В зависимости от того, кому принадлежит суверенитет, государство может быть классифицировано как монархия (абсолютная), аристократия или демократия. Четвертый тип государства — анархия — не является на самом деле типом государства, так как в этом случае нарушается правило неделимости суверенитета.

Важно отметить, что говоря о неограниченной суверенной власти, Боден имел ввиду только человеческие законы, но не естественные и божественные. Среди таковых Боден называл право на жизнь,

¹ Антология мировой политической мысли: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1997. С. 300.

² Метод легкого постижения истории М., 2000. С. 265.

на частную собственность, на свободу слова и передвижения и тому подобные, то есть те права, которые позже стали называть буржуазными правами и свободами.

Боден подчеркивал, что несмотря на абсолютный характер власти, не все вопросы входят в его компетенцию. К примеру, частная собственность ни в коем случае не должна подчиняться государству. Это святая святых общества. Следствие наличия частной собственности — имущественное неравенство. Оно необходимо для существования страны, но не должно проявляться в уродливых формах. Мыслитель проводил прямую аналогию между властью главы семейства и государя, отмечая, что основой семьи и государства является частная собственность. Общность имущества, по Бодену, невозможна, так как противоречит божественным установлениям и природе человека. Отстаивая этот тезис он пишет в «Шести книгах о республике»: «если нет ничего, принадлежащего каждому, то нет и ничего, принадлежащего всем; если нет ничего частного, то нет и ничего общего»¹, следовательно, имущественное равенство губительно для государств. Богатые и бедные существуют в каждом государстве; если попытаться уравнять их, признать недействительными обязательства, отменить контракты и долги, «то нельзя ждать ничего, кроме полного разрушения государства, ибо утрачиваются какие бы то ни было узы, связывающие одного человека с другим»².

На вопрос о том где коренится, как появляется суверенитет способен ли он к отчуждению, передаче Боден отвечает так: «Суверенитет кроется в совокупности свободных и разумных существ, составляющих народ». Лучшим, по мнению Бодена, является такое государство, которое он называет королевской монархией. В этом государстве суверенитет принадлежит монарху, а управление имеет аристократический и демократический характер.

Библиография

1. *Нерсесянц В. С.* История политических и правовых учений М., 2007. С. 174.
2. Антология мировой политической мысли: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1997.
3. Метод легкого постижения истории М., 2000.

¹ Антология мировой политической мысли: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1997. С. 302.

² Там же. С. 307.

Ольга Евгеньевна Сорокопудова

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Польско-русские отношения в оценке В. В. Розанова (1856–1919 гг.)

Ключевые слова: Розанов, Россия, Польша, русский народ, польский народ.

Аннотация

В статье отражена позиция философа и публициста В. В. Розанова по поводу «окраинного» польского вопроса. В. В. Розанов подчеркивал, что именно польский вопрос для русского народа и государства стоит особенно остро. Источники исторически сложившегося взаимного отчуждения между польским и русским народами философ усматривает и в наших характерах («несчастливый» польский характер), и в особенностях психологии (излишняя открытость русского народа и чрезмерная «узость» польского), и в нашей общей истории.

Василий Васильевич Розанов, отечественный мыслитель, философ, публицист конца XIX — начала XX вв. — очень неоднозначная личность в истории русской мысли. Тем не менее, многие его суждения, оригинальные и неклассические по форме, глубоки и даже провидчески по содержанию. Будучи талантливым публицистом, Розанов затрагивал многие острые проблемы его современности — от религиозной метафизики и проблем воспитания до этнических и политических вопросов существования России.

Неоднократно обращался Розанов и к «окраинному вопросу», проблемам сосуществования народов на территории одной страны и политике русификации. Во многом взгляды его на эти вопросы пересекались с позицией другого выдающегося отечественного мыслителя К. Н. Леонтьева, но между тем, Розанов со свойственной ему оригинальностью выделялся на общем фоне, благодаря своему «чувственному» восприятию любой проблемы.

Розанов сам отмечал, что среди всех «окраинных» земель — наиболее острым для России является польский вопрос. Это проявляется уже в исторически сложившемся особом отношении русского

общества и русского правительства к полякам даже по сравнению с более многочисленными народами татарско-мусульманского населения Средней Азии, народами Кавказа и немцами на Балтике.

Розанову как мыслителю свойственно во всяком вопросе искать внутреннюю, глубинную, даже психологическую составляющую. Вот и в польско-русских традиционно взаимно очень настороженных отношениях, философ пытается увидеть истоки такого положения вещей. Он размышляет, что поскольку именно в отношении польского вопроса среди всех других чувствуется особая позиция России, то искать корни ее нужно не в «субъекте» чувствования, раз он один, а в «объекте», т.е. в польском народе.

Истоки взаимного непонимания и отчуждения двух народов Розанов, безусловно, усматривает в истории. «Тяжкий молот исторических обстоятельств раздробил Польшу и укрепил Русь. Не говоря о других, рано и преждевременно задавленных славянских народностях, русская и польская народности могли бы сделаться центрами славянского объединения <...> Совершенно мирно могли бы существовать одна параллельно другой, как нет и никогда не было ни зависти, ни злобы, ни соперничества между южнославянскими народностями и русскою. Но Бог судил иначе. Польша погналась за блесками западной цивилизации»¹.

И хотя некоторые черты «несчастливого», как называет его Розанов, польского характера, вызывают у мыслителя неприятие, это вовсе не значит, что он обвиняет только польский народ. Напротив, Розанов склонен видеть проблему гораздо шире.

Философ призывает различать две «истины» — политическую и моральную: Польша существовала политически и политически она разрушилась². «Лишь политический щебень ее взяли себе соседи, и взяли просто как неудобную в соседстве руину <...>. Вот русская половина истины, за коею начинается, однако, истина краковяков, мазуров, познанцев. Никогда и ни в каком договоре не было написано, подписано и скреплено, что эти Стаси и Зоси должны стать Лизами и Иванами: здесь начинается истина быта, языка, веры («обличье»), <...> отстаивая которые, поляки чувствуют, что отстаивают «свое», некоторый остаток «есть» в себе, некоторое свое «право» <...>. Все ложно в политической стороне имеющихся у нас пяти-шести окраинных «возрождений»; и совершенно истинно все в этих

¹ Розанов В. В. Около народной души. М., 2003, С. 233–234.

² См.: Цыбенко О. В. Розанов о поляках и Польше // Наследие В. В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции. М., 2009. С. 580.

«возрождениях» бытовое, своеобычное, своеверное. И не только истинно: все должно быть для нас радостно»¹.

И как ни парадоксально именно в политике видит Розанов главную причину напряженности польско-русских взаимодействия. За все годы истории очень редкими, по мнению мыслителя, были просто лично-человеческие отношения, но всегда присутствовал политический компонент, а значит притворство, отчуждение, «политический душок»². Политика всегда имеет свой собственный интерес, который прикрывается более общими вещами — характером, историей, традициями, верой. «Для русских «культурное лицо поляков» нимало не враждебно»³, если только не прикрывается политической маской. «Как и всякое государство, Россия озабочена мирным, спокойным существованием своего населения, исполнением со стороны всех народностей своего долга, или, выражаясь старорусским образным словом, — в несении каждым частицы государственного тягла: и только»⁴.

Размышляя о так называемой русификации, «обрусительной» политике, Розанов подчеркивает ее излишний характер и вместе с тем критикует польский народ за чрезмерную замкнутость, выстраивание «угрюмой ширмы», что в конечном итоге может привести к тускнению, истощению и духовному обеднению польского края. По мнению мыслителя, «расцветают народы, живущие открытой свободной жизнью, не дрожащие за каждого человека, женящегося, положим, на немке или русской, [не] проклинающие такого человека, ибо «нас уменьшилось на одного», не боящихся смешанных браков, при полной вере в себя и свое. Русские, очень широкие в этом отношении и не считающие младенцев, тем самым и притягивают к себе не только немцев, англичан и французов, но также и поляков»⁵. И Россия в этом случае даже рискует впасть в другую крайность. Розанов так об этом пишет: «мы страдаем космополитизмом, но уж национализмом мы никак не страдаем. Космополитизм доводит нас до многого смешного и кое-где доводит до опасного. Но это — наше горе»⁶, для остальных же это условие культурного существования. «Какое там «обрусение»: сами немечимся, полонизуемся и почти жидовеем...»⁷.

¹ Розанов В. В. Иная земля, иное небо... М., 1994. С. 10–15.

² Розанов В. В. Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). М., 2004. С. 296.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 294.

⁶ Там же. С. 298.

⁷ Там же. С. 299.

Но культурные аспекты затмеваются политическими, поскольку преследуются другие, зачастую сиюминутные цели. «Политик — существо странное и однобокое: пылая политическим жаром, он во все не чувствует других сторон жизни и в конце концов не видит в человеке *частного лица*¹. Между тем *частное лицо* господствует в человеке, и особенно в даровитом, талантливом человеке, над «национальными чертами», — и они влекут его к сближению с окружающей народной стихией, а не с обособлением от нее»².

Решение сложного и исторически запутанного, затемненного политической игрой польского вопроса Розанов видит в славянстве, призывая польский народ если и не к объединению, то к осознанию своей близости и ценности этой общности. Мыслитель считает, что поляки много выиграли бы, если бы осознали подлинно «славянское зерно в себе». «Русским нет никакой нужды угнетать поляков как *народность*; как *народность*, поляки во всяком случае не менее дороги русским, чем чехи и сербы»³.

В польском народе, по мнению Розанова, очень слабо выражены общечеловеческие черты, общечеловеческие интересы, общечеловеческие наклонности, идеи вкусы. «Поляки страшно узкая националистическая нация»⁴, и в этом их беда. «И мы можем сказать полякам только одно: будьте универсальнее, стремитесь к общечеловеческому, и вы достигнете через это и национального»⁵.

Как и почти ко всем явлениям общественной жизни, отношение Розанова к Польше и полякам не было однозначным. Не смотря на то, что зачастую мыслитель стоял на патриотических позициях консерватора-государственника, тем не менее, он всегда пытался смотреть шире, видеть причины тех или иных позиций, оценок, действий, именно поэтому, может быть, его идейное наследие не забыто и не теряет актуальности и сейчас.

Библиография:

1. *Розанов В. В.* В нашей смуте. М., 2004.
2. *Розанов В. В.* Иная земля, иное небо... М., 1994.
3. *Розанов В. В.* Около народной души. М., 2003.

¹ Здесь и далее курсив В. В. Розанова.

² *Розанов В. В.* Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). М., 2004. С. 293.

³ *Розанов В. В.* В нашей смуте. М., 2004. С. 297–298.

⁴ *Розанов В. В.* Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). М., 2004. С. 296.

⁵ *Там же.* С. 297.

4. *Розанов В. В.* Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). М.: Республика, 2004.
 5. *Цыбенко О. В.* Розанов о поляках и Польше // Наследие В. В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции / [сост. А. Н. Николоюкин]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
-

Лидия Игоревна Томей

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Историософия С. П. Шевырева

Ключевые слова: историософия, Шевырев, истоическое развитие, народ.

Аннотация

В статье излагается концепция исторического процесса выдающегося русского мыслителя XIX века С. П. Шевырева. Его концепция имеет истоки в его литературных исследованиях. Ученый занимался тщательным изучением произведений литературы разных эпох, как отечественных, так и зарубежных. Степан Петрович писал: «Закон развития, общий всему человечеству, отражается и в каждом народе, равно и в слове его, как выражения его жизни».

Согласно определению «Большого толкового словаря русского языка», историософия — это «понимание, истолкование и т. п. каких-либо исторических явлений с определённых мировоззренческих позиций»¹. Однако в него нужно внести маленькое уточнение: мы привычно называем историософией не просто объяснение каких-то исторических фактов, но целостную концепцию исторического процесса с позиций какого-то устойчивого миропонимания. В нашем случае мы будем говорить о миропонимании выдающегося русского мыслителя XIX века С. П. Шевырева, политического публициста, литературного критика и учёного.

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка СПб., 1998.

Концепция его видения исторического развития человечества имеет истоки в его литературных исследованиях. Он занимался тщательным изучением произведений литературы разных эпох, как отечественных, так и зарубежных. Степан Петрович писал: «Закон развития, общий всему человечеству, отражается и в каждом народе, равно и в слове его, как выражения его жизни»¹.

Современный исследователь справедливо называет методологию научных исследований Шевырева «сравнительно-исторической», который объяснял плодотворность этого метода «присущей ему синтетичностью, позволяющей впитывать достижения других научных школ и использовать все сколько-нибудь рациональные элементы их исследовательских методик»².

Культурно-историческая концепция Шевырева изложена его «Лекциях о русской литературе, читанных в Париже в 1862 г.». Автору присуще описание явлений в троичной системе: он утверждает, что существует три типа народов — те, которые сделали вклад в развитие человечества и уже покинули историческую сцену; те, которые продолжают оказывать влияние на историю и являются лидерами в этом деле, и, наконец, те, которые еще слишком робко проявляют себя на мировой авансцене, но в перспективе — за ними будущее.

Далее Шевырев разделяет историю всего человечества (а на уровне ниже — историю народа) так же на три периода. Критерием выделения каждого периода является преобладание одного из элементов: Божественного, лично-человеческого или народного: «Эти три элемента, обозначающие три периода, соответствуют троичному проявлению самого Божества. Если человек был создан по образу и подобию Божию, то и История человечества должна носить на себе отражение троичности Божественной»³.

Первый элемент — Божественный. Шевырев утверждает, что каждый народ начинает свой исторический путь с определения отношений к высшим силам — богам. Ссылаясь на Вико, он замечает, что в истории человечества не было народов-безбожников. Люди всегда стремились объяснить мир и процессы в нем происходящие, а

¹ Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году / С. П. Шевырев; Избранные труды [сост. К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянц; автор вступ. ст. А. А. Ширинянц; авторы коммент. М. К. Кирюшина, К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянц]. М., 2010, С. 362.

² Ратников К. В. Роль С. П. Шевырева в развитии русской науки, литературы и журналистики. Челябинск, 2008. С. 4, 6.

³ Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. С. 360–361.

это часто заканчивалось апелляцией к высшим силам. Может быть неверующим один человек, но не целый народ. «Чем народ крепче и благонадежнее, тем глубже он задумывается о Божестве и тем долее живет в религиозном периоде». «Но как всякое человеческое развитие, — замечает он здесь же, — имеет свою немощь, то и религиозный период имеет свои недостатки, когда переходит в излишество обряда, или в господство феократии. Против этого является противодействием лично-человеческое начало»¹, т.е. *второй элемент*.

По мнению Шевырева, человеческая личность служит идеям истины, добра и красоты, иначе она не имеет смысла и перерождается в эгоизм. Для того чтобы личностное начало не потеряло своего значения, на него воздействует *третий элемент* — начало народное: ведь народ дает человеку опору и цель, «без него личность является праздно-отвлеченною»².

Итак, период первый человеческого развития — религиозный — начинается на Востоке, ибо Восток — колыбель религий всего мира. «Отсюда взошел свет истинной веры, озарившей человечество. Но здесь же обряд и феократия сковали личность человека: вместо того, чтобы поклоняться Богу живому и истинному, который дарует свободу человеку, человек создал сам себе бога и отдал себя в оковы своему же созданию»³. Иначе говоря, человек поставил во главу угла свою личность и начал служить ей. Так мы переходим к следующему этапу исторического пути.

Второй период — греческо-римский, в котором развилась свободно, во всей красоте своей и силе, человеческая личность. Греция и Рим подарили нам множество дивных героев, в которых проявляются идеи истины, правды, добра и красоты. Но и этот период не вечен: героизм древних переродился в эгоизм римских цезарей. Во имя спасения погрязших в эгоизме народов, во имя искупления человеческой души явился великомученик. Эгоизм «сокрушился у подножия Креста, на котором личность человеческая была искуплена в вечную свободу и человечество причастилось Божества»⁴.

Начало третьего периода описывается Шевыревым в религиозном духе. Он пишет: «Вскоре по Его (Иисуса Христа) вознесении и соединении с Божеством, Дух Святой в виде огненных языков сошел на учеников Его и друзей, на просветителей человечества»⁵. О каких

¹ Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. С. 361.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 362.

⁵ Там же.

«языках» здесь идет речь? — вполне закономерный вопрос. Так метафорично Шевырев называет народы, каждый из которых является частью «великой семьи человеческой». В тот самый исторический момент, по мнению учёного, «каждая народность была здесь освящена и всякий народ явился идеею Божией, облеченною в слово»¹.

Шевырев утверждает, что только со времени христианства народы стали признаваться другими народами. «В наше время, — писал он, — народы становятся личностями», а каждый их них — целью, а не средством для других. «Право естественное от отдельных лиц переходит на целые народы, и право международное должно торжествовать более, чем когда-нибудь»². Народы, объединяясь и дополняя друг друга, создают единое, но многоликое, культурное, информационное и политическое пространство.

Подводя итог, следует отметить, что эта особая культурно-интегрирующая концепция Шевырева не только не утратила своей актуальности в XXI веке, но сверх того выявила такие грани, которые оставались не столь очевидными в доглобалистическую эпоху, когда имела место культурная и политическая разобщенность отдельных государств и народов и отсутствовали устойчивые каналы коммуникации.

Юлия Владимировна Фокина

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Об особом положении бланкизма П. Н. Ткачева в ряде народнических доктрин

Ключевые слова: народничество, Ткачев, Бакунин, Лавров, революционное движение, бланкизм.

Аннотация

В статье рассматриваются специфические черты бланкизма как особого направления в русле освободительного движения XIX века.

П. Н. Ткачев — один из признанных теоретиков народнического направления в отечественной социально-политической мысли, которое получило широкое распространение в России во 2-й пол. XIX

¹ Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. С. 362.

² Там же.

века. Его имя прочно связано с именами двух других революционных мыслителей: М. А. Бакунин и П. Л. Лавров также являются представителями этого движения. Однако каждый из теоретиков представляет собой отдельное течение в русле народничества: Бакунин обосновал теорию бунта, Лавров — пропагандистскую теорию, а Ткачев — необходимость заговора. Направления имеют много различий, в том числе и по ключевым вопросам, однако в их центре остается главная идея, позволяющая говорить о них как об одном направлении. Так, центральным положением народничества является теория о некапиталистическом пути развития России, идея перехода к социализму через сохранение, использование и преобразование коллективистских начал сельской общины.

Все мыслители сходятся в этом вопросе, однако, многие историки отмечают, что ткачевская концепция стоит особняком, несколько оторвана от общего ряда ввиду наличия многочисленных противоречий в концепциях мыслителей.

Нагляднее всего несогласие Ткачева с Бакуниным и Лавровым выразилось в их теории о революции. Прежде всего стоит сказать о том, что, по их мнению должно предшествовать перевороту. В концепции Лаврова это однозначно пропаганда. Нужно терпеливо разъяснять народу существующее положение, чтобы, в конце концов вызвать в нем «сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота»¹.

Бакунин согласен с ним в том, что революционная пропаганда — неотъемлемая часть освободительного движения. По его мнению, необходимо доказать народу, что настоящего, а не воображаемого им царя, он ненавидит, что сила освобождения — в самом народе. В результате осознания этого факта народ сам разом поднимется и произойдет революция.

Ткачев же в корне не согласен с таким подходом. По его мнению, «готовить революцию» — это совсем не дело революционера. Готовят ее эксплуататоры, а «революционер должен только комбинировать уже готовые революционные элементы, которые выработала история», причем делать это нужно, по словам Ткачева, как можно быстрее, любое промедление преступно!²

¹ Лавров П. Л. Вперед. Наша программа // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов. М.-Л., 1964. Т. 1. С. 29.

² Ткачев П. Н. «Набат» (Программа журнала) // Ткачев П. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М. 1975. С. 91.

Пропаганда, по Ткачеву, тоже играет важную роль, однако, она должна осуществляться уже *после насильственного переворота*, когда сила будет в руках революционной партии, и можно будет начать работу по перевоспитанию людей.

Здесь мы вплотную подходим к методам осуществления революции в теории народников, где также имеются кардинальные разногласия между Ткачевым и двумя другими мыслителями.

Основа революции по Бакунину — это стихийная страсть, вызванная нищетой и отчаянием, а также народный идеал, выработанный веками истории. Единственная задача революционеров — помочь организовать разомкнутые общины, чтобы народ мог разом восстать. Тогда, по мнению анархиста Бакунина, на следующий же день осуществится правильный порядок — отмершее государство сменится союзом свободных общин, причем свободе народа больше ничто не будет угрожать, так как никакая организация не будет стоять над народом.

В теории Лаврова так же присутствуют некоторые анархистские элементы. Русские революционеры, писал Лавров, «борются против правительства для облегчения народного восстания, для того, чтобы государственная власть преобразовалась прямо в самодержавие народных общин, народных собраний, народных кругов»¹.

Перестройка русского общества должна быть совершена посредством народа — важнейшая идея в теориях Бакунина и Лаврова. Как писал Бакунин, «Самопроизвольная деятельность самого народа одна может создать народную свободу»². Лавров солидарен с ним: «перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и *посредством* народа»³.

Данный вопрос можно назвать ключевым в противоречиях народников, Ткачев здесь занимает непримиримую позицию, совершенно отличную от той, которой придерживаются Лавров и Бакунин.

Ткачева многие обвиняли в недооценке роли народа в освободительном движении. Действительно, все надежды он возлагает не на народ, а на революционное меньшинство, обладающее умственным потенциалом. В нем, по мнению Ткачева, и заключается сила

¹ «Задачи революционной пропаганды в России. Редактора журнала «Вперед!». Лондон, 1874. С. 43. Цит. по: Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 99.

² Бакунин М. А. Кнутагерманская империя и социальная революция // Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т. 3. Пг.-М., 1919. С. 202.

³ Лавров П. Л. Вперед. Наша программа // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов. Т. 1. М.-Л., 1964. С. 28.

революционеров, которой, однако, не достаточно для общественного переворота. Поэтому строго организованная группа заговорщиков, используя террористические методы, должна захватить *политическую власть* в свои руки, тем самым произведя метаморфозу сил умственных в силы материальные. Этот факт является очень важным в теории Ткачева — он первый не противопоставляет политическую революцию социальной. Если у революционеров появится власть, они смогут начать преобразования общества и общественных институтов. Без нее же они беспомощны, лишены всякого авторитета и влияния. А это в свою очередь приведет к тому, что неразвитое большинство тут же восстановит старый порядок, так как народ не знает, что делать, его нужно направлять в правильную сторону. Следовательно, «умственно развитое меньшинство» должно иметь не только интеллектуальную и нравственную власть над большинством, но и власть политическую. Таким образом, ближайшая цель революции — захватить государственную власть в свои руки, превратить данное консервативное государство в государство революционное. Но это лишь прелюдия революции. Сам же переворот осуществляется в переходный период революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные элементы общества, а с другой — постепенно вводит противоположные.

Рассуждая о многочисленных упреках в утопизме, Ткачев настаивает на том, что они справедливы только в отношении Лаврова и Бакунина. Как мы выяснили, по его мнению «анархия — как ближайшая цель революции, пропаганда — как средство ее осуществления, и организация без дисциплины и иерархии — это нелепо и по-детски»¹. Умственная сила без материальной — пишет Ткачев — может создать только лишь т.н. мирный прогресс, а материальная без умственной — лишь хаотическое бессмысленное брожение, следовательно, они должны действовать вместе². Таким образом, революционеры, отрицающие необходимость захвата власти — суть утописты, которые нужны лишь в подготовительный период, а в период же действия они не просто бесполезны, но вредны, так как отвлекают людей от практического дела.

Однако у Ткачева здесь тоже прослеживаются утопические моменты. Своих многочисленных оппонентов он убеждает в том, что,

¹ Ткачев П. Н. «Набат» (Программа журнала) // Ткачев П. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М. 1975. С. 92.

² Там же. С. 94–95.

захватив власть в свои руки, меньшинство не превратится в тирана, что власть не портит человека. В доказательство этого он приводит исторические примеры Кромвеля, Робеспьера и заявляет, что хороших людей власть никогда не портила, просто она почти всегда находилась в руках бесчестных эгоистов.

Жизнь, которая наступит вскоре после революции, Бакунин и Лавров представляют себе примерно одинаково. Основные черты — отмирание государства (сразу у Бакунина, и постепенно — у Лаврова), коллективный труд, общественная собственность и федерация общин и свободных групп. Ткачев тоже видит в будущем осуществление коммунистического идеала, но только после длительного переходного периода («работа целого поколения»), в ходе которого будут проводиться постепенные реформы всех сфер общественной жизни.

Дискуссии о роли Ткачева в революционном движении велись на протяжении всего XX века, некоторые историки вообще отказывались причислять его к народникам¹. Однако, это мнение вряд ли может иметь достаточное научное обоснование как в силу временных рамок деятельности Ткачева и народников, так и степени влияния его идей на революционное движение. Более объективным можно назвать замечание известного исследователя идейного наследия Ткачева Е. Л. Рудницкой: «оставаясь в русле народничества, направление это как бы изнутри взрывало народническую доктрину»².

Библиография

1. Бакунин М. А. Кнутагерманская империя и социальная революция // Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т. 3. Пг.-М., 1919.
2. Козьмин Б. П. Н.Ткачев и народничество // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22).
3. Лавров П. Л. Вперед. Наша программа // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов. Т. 1. М.-Л., 1964.
4. Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 3.
5. Ткачев П. Н. «Набат» (Программа журнала) // Ткачев П. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М. 1975.

¹ См.: Козьмин Б. П. Н.Ткачев и народничество // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22).

² Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 3.

Юлия Юрьевна Хансвярова

Студент кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Природа политической реальности в работах Гарольда Лассуэлла и Жана Бодрийяра

Ключевые слова: политическая реальность, конфигуративный анализ и принцип контекстуальности, молчаливое большинство и массы, Лассуэлл, Бодрийяр.

Аннотация

В статье сравниваются подходы к проблеме связи политической теории и политической реальности двух ведущих представителей бихевиорализма и постмодернизма. Выявляются агностические элементы, скрыто содержащиеся во взглядах Гарольда Лассуэлла, сближающие его идеи с постмодернистскими, что позволяет осветить недостаточно изученные аспекты бихевиорализма, как направления политической науки.

Ключевым вопросом для любого самостоятельного направления политической мысли является вопрос о природе политической реальности и соотношения ее с абстрактными конструктами, основными понятиями данного направления. В настоящей статье будет предпринята попытка сравнить взгляды на эту проблему Жана Бодрийяра и Гарольда Лассуэлла — двух ведущих представителей бихевиорализма и постмодернизма. Такое сравнение способно, с одной стороны, акцентировать недостаточно освещенные идеи Гарольда Лассуэлла, с другой стороны — показать общность некоторых положений бихевиорализма и взглядов Бодрийяра, идеи которого, чаще сопоставляются с идеями Маркса, Лукача¹ или Маркузе²

Исследуя понимание Лассуэллом природы политической реальности, А. Л. Алюшин прослеживает связь предложенных им методов конфигуративного анализа и принципа контекстуальности с пред-

¹ *Harris J. L., Taylor P. Digital Matters: Theory and Culture of the Matrix. N.-Y., 2005*

² *Зенкин С. Н. Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 9–40.*

ставлениями Альфреда Уайтхеда о реальности, как о процессе. «Рассматривая действительность в рамках некой системы координат, субъект видит лишь какую-то одну ее конфигурацию, высветившуюся в общем потоке событий. При изменении точки отсчета и соответствующей ей системы координат меняется и предстающая перед ним конфигурация действительности»¹ Согласно принципу контекстуальности, «значение каждой детали зависит от ее отношения ко всему тому целостному контексту, частью которого она является»² Таким образом, как считает Алюшин, политическая реальность трактуется Лассуэллом как «внутренне неразличенная «множественность», «поток событий», «процесс»... Она никак не структурирована, не поделена на уровни или сферы»³ Как пишет Лассуэлл в одной из своих поздних работ, «структуры и функции понимаются как абстракции того, что эмпирически дано в виде процесса»⁴

Очевидно, что «замена в рамках лассуэлловской модели понятия сущностей разного порядка понятием множественности значений при отсутствии какой-либо исходной системы координат и соответствующего ей контекста должна в принципе вести к абсолютному релятивизму в трактовке социальной реальности»⁵ Однако Лассуэлл на данном этапе предпочитает остановиться, по умолчанию принимая структуру политической реальности, продиктованную здравым смыслом, или заимствуя понятия социологии, такие как индивид и группа, для описания политических феноменов. Американский исследователь избегает таких выводов относительно природы политической реальности, которые подвергали бы сомнению значимость политической науки в принципе.

Эти выводы были сделаны значительно позже Жаном Бодрийяром и Пьером Бурдьё. Причем представитель французского постмодернизма постулирует свои тезисы, противопоставляя их, главным образом сциентистским подходам в политической науке, одним из которых и является бихевиоральный подход, развитию которого способствовал Гарольд Лассуэлл.

¹ Алюшин А. Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // ПОЛИС. 2006. № 5. С. 160.

² *Lasswell H.D. Power and Personality* — N.-Y: W. W. Norton, 1948. P. 218.

³ Алюшин А. Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // ПОЛИС. 2006. № 5. С. 163.

⁴ *Lasswell H. D., Caplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry*. New Haven, L., 1963. P. XIV.

⁵ Алюшин А. Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // ПОЛИС. 2006. № 5. С. 163.

В работе «В тени молчаливого большинства, или конец социального» Жан Бодрийяр обосновывает некорректность использования традиционных категорий политической науки для описания реальности: «понятия класса, социальных отношений, власти, статуса, институции и само понятие социального ...всегда были только смутными представлениями...»¹ Понятие реальности отождествляется им с понятием «масса», и объявляется непознаваемым, поскольку «Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность»² Таким образом, с превращением умопостигаемой сферы социального в непознаваемые массы, исчезает и сфера политического, «политическое как таковое, политическое чисто стратегической направленности угасает сначала в системе репрезентации, а окончательно — в рамках современной неофигуративности. Последняя предполагает все ту же самовозрастающую знаковую, но знаки теперь уже не обозначают: в «действительности», реальной социальной субстанции, им больше ничто не «соответствует». Исчезает социальное означаемое — рассеивается и зависимое от него политическое означающее»³

Пьер Бурдьё солидарен с Бодрийяром в критике классического подхода, утверждающего параллелизм абстрактных конструктов и политической реальности, и эффективности эмпирических методов, как универсального средства проверки этой связи. Метод опросов, на который в значительной степени опирается бихевиоралистский подход, выступает, по мнению Бурдьё, как средство конструирования реальности, поскольку «тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики»⁴ Таким образом, «Зондаж общественного мнения в сегодняшнем виде — это инструмент политического действия; его, возможно, самая важная функция состоит во внушении иллюзии, что существует общественное мнение как императив, получаемый исключительно путем сложения индивидуальных мнений»⁵ Так, задавая вопрос, какую партию — А или В,

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 25.

⁴ Бурдьё П. Общественного мнения не существует // Социология политики. М., 1993. С. 159.

⁵ Бурдьё П. Общественного мнения не существует // Социология политики. М., 1993. С. 160.

поддерживает респондент, исследователь уже формирует политическую реальность, полагая, что все опрашиваемые предпочитают партийную систему любой другой.

Исходя из вышеизложенного сравнения, можно предположить что, несмотря на кажущуюся противоположность взглядов, бихевиорализм Лассуэлла и постмодернизм Бодрийяра характеризуются наличием общих посылок, сходного представления о природе политической реальности. «Масса», как основа политической реальности у Бодрийяра, эквивалентна «реальности, как процессу» у Лассуэлла. Оба исследователя, таким образом, придерживаются позиций релятивизма, позволяющего свободно набрасывать на неструктурированный процесс или молчаливое большинство любую систему согласованных понятий. Различие однако, в том что Бодрийяр акцентирует агностические выводы данного толкования политической реальности, и оценивает такого рода попытки, как обреченные на поражение. Что не мешает ему свободно конструировать собственные понятия, такие как симулякр, послезитие и другие. Лассуэлл, в отличие от него, более оптимистичен в оценках перспектив такого конструирования политической реальности.

Дмитрий Андреевич Хворов

Студент кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Чарльз Парнелл и парламентская тактика ирландских националистов

Ключевые слова: Чарльз Парнелл, гомруль, Исаак Батт, Джозеф Биггар, обструкция, байкот, Земельная Лига.

Аннотация

В статье рассматривается деятельность основных представителей ирландского освободительного движения 70–80-х гг XIX в. Представлен анализ способов методов парламентской борьбы. В статье представлена эволюция ирландской национальной партии в Британском парламенте.

После разгрома фенианского движения в Ирландии и ареста его основных лидеров акцент в борьбе за национальную независимость

был смещен в сторону конституционных методов борьбы. Так, в конце 1860-х гг. в рамках массовой кампании за амнистию фениев, возникло движение за гомруль (от англ. Home Rule — самоуправление), результатом чего стало создание ирландской национальной партии в парламенте Англии. Именно эта партия в значительной степени стала определять основные направления политической жизни Великобритании.

Партия возникла в мае 1870 г., когда после череды крестьянских волнений, группа людей, придерживающихся националистических взглядов, организовала Ассоциацию самоуправления Ирландии (впоследствии переименованную в Ирландскую лигу гомруля). Во главе движения стал адвокат Исаак Батт, бывший некогда лидером дублинских консерваторов, защищавший в суде лидеров фениев. «Безусловно, он был талантливым человеком и настоящим ирландским патриотом. Батт сумел организовать партию и дать ей программу. Однако в жизни этот человек был безвольным и беспорядочным, а потому никогда не вылезал из долгов. Задолженность ставила его в материальную зависимость от разных лиц и лишала возможности действовать только на основании своих убеждений, не считаясь с личными отношениями, потому впоследствии ему было все сложнее поддерживать дисциплину и единство партии»¹. Вначале же Исаак Батт проявлял себя как прекрасный организатор, сплотивший вокруг себя ирландцев доселе разделенных политическими и религиозными разногласиями. Именно Батт создал из шестидесяти депутатов от Ирландии в британском парламенте мощную и организованную силу.

Настоящего успеха Ирландская лига гомруля достигла на выборах 1874 г, когда ее представители получили в парламенте шестьдесят мест, что принципиально изменяло политический ландшафт Вестминстера. «Ирландская фракция в палате общин включала представителей различных общественных слоев: помещичьих кругов, буржуазии, интеллигенции и мелкой буржуазии, в ее составе были либералы и бывшие фениев, протестанты и католики»². Основное требование гомрулеров заключалось в том, чтобы королевский парламент в Лондоне передал законодательство по всем чисто ирландским вопросам особому ирландскому парламенту в Дублине. Что касается решения аграрного вопроса, то Ирландская лига гомруля предлагала установить определенный уровень «справедливой»

¹ Афанасьев Г. История Ирландии. СПб., 1907. С. 249

² Гольман Л. И. История Ирландии. М., 1980, С. 215

арендной платы, устойчивого срока арендного договора, разрешения свободной продажи земли. Кратко эта программа формулировалась в требовании трех «F» (Fixity of tenure, Free sale, Fair rents). Они выдвигались еще в 1850-е годы Лигой защиты прав арендаторов и составляли в то время максимум требований гомрулеров по аграрному вопросу.

Политическая жизнь британского парламента начала резко меняться с середины 1870-х гг. Заслуга в этом принадлежит главным образом двум людям. Это белфастский оптовый торговец Джозеф Биггар и землевладелец из Уиклоу Чарлз Стюарт Парнелл. Если первый не обладал хорошим образованием и презентабельной внешностью, то второй был потомственным аристократом с соответствующими манерами и воспитанием. Общей идеей, объединяющей их и еще нескольких депутатов из ирландской фракции можно кратко сформулировать следующими образом: если Англия упорствует в отказе Ирландии управлять собой, значит нужно сделать так, чтобы Ирландия в свою очередь мешала управлению Англии. Именно эта идея стала обоснованием новой тактики, впоследствии применявшейся во многих парламентах мира — обструкции.

Вначале ее использование не носило системного характера, более того сам Батт, впоследствии решительно осуждавший этот способ ведения парламентской деятельности, часто просил Биггара затянуть процесс голосования по тому или иному вопросу. Тот с удовольствием исполнял пожелание лидера фракции, и на заседаниях парламента часами зачитывал выдержки из официальных документов, сопровождая их чтением своими неодобрительными комментариями. Безусловно, это вызывало всеобщее негодование членов парламента от других фракций, впрочем, Биггар умел не обращать на это ровным счетом никакого внимания.

Надо отметить, что подобному способу ведения парламентской деятельности чрезвычайно способствовала сложившаяся веками сложная процедура рассмотрения законопроектов. Эта процедура предоставляла огромное количество лазеек для тех, кто стремился сорвать процесс голосования. Так, например, некоторые вопросы нельзя было рассматривать после определенного часа. Кроме того, вплоть до принятия специальных поправок в регламент в конце XIX в, в британском парламенте нельзя было прервать выступающего, не нарушив при этом правил работы парламента. Т.е. легального способа противостоять обструкции в британском парламенте на тот момент не было, и он вынужден был оставаться заложником своего формализма. Таким образом, небольшая группа депутатов из ирландской фракции, могла поставить под угрозу весь законотворческий процесс империи.

27 апреля 1875 г. произошло поистине скандальное событие. В тот день на заседание парламента в качестве слушателя пришел наследник английского престола — принц Уэльский. Однако как только он занял свое место на галерее, Биггар воспользовался старинным правилом, которое практически никогда не применялось, и попросил удалить посторонних лиц. Спикеру не оставалось ничего другого, кроме как попросить удалиться всех, кто не является членом парламента, в том числе и наследника престола.

Однако это было лишь началом. Увидев то, как мастерски Биггар мешает нормальной деятельности британского парламента, Парнелл незамедлительно примкнул к нему и уже очень скоро практически ни один закон в парламенте не мог быть принят без скандалов и удалений из зала, что, безусловно, затягивало процесс принятия порой крайне важных для Англии законов. 25 июля 1877 г, во время обсуждения южно-африканского билля, произошло одно из самых длительных заседаний парламента. Начавшись в полдень в среду, оно без перерыва продолжалось до двух часов дня четверга, продлившись, таким образом, 26 часов. Парнелл и Биггар последовательно сменяли друг друга, произнося многочасовые речи и постоянно внося поправки в регламент рассмотрения законопроекта. В итоге члены парламента стали шумом заглушать выступающих и выкрикивать в их адрес неодобрительные фразы. В какой-то момент Парнелл приостановил свое выступление и сделал заявление, что терпение его и его товарищей истощено грубостью некоторых депутатов по отношению к ним. В палате повисла неловкая тишина, после которой спикер потребовал извинений от представителя ирландской фракции. В ответ на это Парнелл произнес следующее. «В качестве ирландца, явившись из страны, которая вытерпела много страданий от вмешательства Англии в ее дела и от последствий английской жестокости и тирании, он чувствует особое удовольствие мешать правительству и разрушать его намерения в отношении этого билля»¹. После этого Парнелла попросили удалиться из зала, однако в ходе рассмотрения этого инцидента британский парламента вновь стал заложником своего формализма. Нарушения регламента и этики в его словах не нашли, поскольку он выказывался в адрес правительства, а не палаты общин, а это право было закреплено за любой оппозиционной партией. Таким образом, отстранить Парнелла от заседаний палаты не удалось.

После этого инцидента в партии гомруля, по сути, произошел раскол. Батт, несмотря на все высказываемое им недовольство по

¹ Афанасьев Г. История Ирландии. СПб., 1907. С. 254.

поводу деятельности Парнелла и Бигара в парламенте, уже не пользовался прежним авторитетом. Он был не способен контролировать деятельность депутатов фракции, напротив популярность Парнелла была как никогда высока. Для всех было очевидно, что в партии гомруля назрели перемены.

В январе 1878 г. произошло собрание партии, после которой хотя формально Батт и оставался ее лидером, тем не менее, он потерял практически все рычаги контроля над ней. В этом смысле показателен спор, который завязался на этом собрании между Баттом и Парнеллом. Он как нельзя лучше иллюстрирует сущность различий в методах борьбы этих двух лидеров движения за гомруль. Так Батт, во время своего выступления на собрании, заявил следующее. «Я верил и верю еще до сих пор, что, если мы приведем беспристрастных англичан к вопросу о том, каким образом можно удовлетворить Ирландию, они в конце концов, придут к заключению, что нет другого средства дать нам хорошее управление, как предоставить нам управляться самим»¹. Данный аргумент Парнелл достаточно легко парировал и большинство делегатов съезда с ним было солидарно. Вот что он заявил. «Хорошо, я готов согласиться с господином Баттом: весьма возможно и даже, может быть, весьма вероятно, что он в состоянии привести англичан беспристрастных к убеждению, которое он высказал, но, к сожалению, я не думаю, что палата общин состоит, главным образом, из англичан беспристрастных»².

После этого съезда Батт еще год возглавлял партию гомруля, однако в 1879 г он скончался. На смену ему пришел Парнелл, который теперь мог в полной мере воплощать в жизнь свои идеи и убеждения. В конце 1880 г. произошли досрочные выборы в парламент, на которых партия гомруля вновь смогла показать очень хорошие результаты. Правительство возглавили либералы во главе с Гладстоном. Однако несмотря на это ситуация складывалась не в пользу ирландцев. Поскольку виги получили значительное большинство, они теперь не были заинтересованы в поддержке партии гомруля как прежде. Показательно в этом смысле то, что Гладстон в своей тронной речи даже не упомянул об Ирландии, хотя всего год назад там царил страшный голод. Таким образом, англичане сами подталкивали ирландцев к радикализации их политических взглядов.

После трех лет неурожая и голода 1879 г, в Ирландии сильно вырос уровень преступности. По всей стране наблюдались массовые

¹ *Афанасьев Г.* История Ирландии. СПб., 1907. С. 255.

² *Там же.* С. 256.

случаи неуплаты аренды и неподчинения властям. Такое поведение крестьян активно поощряла Земельная Лига, которую так же возглавил Парнелл. Она ввела в повседневную практику байкоты землевладельцев и активную помощь выселяемым арендаторам. Все это сильно раздражало британское правительство, которое на первом же заседании обновленного парламента пыталось проташить проект исключительного закона по Ирландии с целью обуздать преступность. Для обычного населения это значило только одно — массовые выселения должников, тех кто сопротивлялся ожидали жестокие карательные меры. Хорошо это понимая, Парнелл и его соратники настроились на решительную борьбу. Утром 31 января в парламенте начались прения по данному законопроекту, которые закончились лишь в девять утра 2 февраля, не прерываясь ни на минуту. Вновь депутаты ирландской фракции применяли не раз опробованную тактику, последовательно сменяя друг друга среди выступающих и внося бесконечное число поправок. В итоге спикер парламента в нарушение регламента прервал выступление ирландского депутата, что было встречено аплодисментами со стороны депутатов от других фракций. Момент был выбран как нельзя лучше, Парнелл в это время как раз отдыхал, а в зале находилось не более 19 депутатов из ирландской фракции. В итоге депутаты проголосовали за вотирование по основному вопросу, при этом протесты ирландцев не учитывались. Понимая безвыходность ситуации, партия гомруля приняло решение в полном составе покинуть палату.

Однако уже на следующий день ирландцы вернулись в парламента, и вновь дело закончилось скандалом. На этот раз министерство внутренних дел подало запрос на арест Дэвита — одного из основателей Земельной лиги. Парнелл попытался узнать причины столь радикальной меры, однако в ответ раздалось лишь молчание. Спустя некоторое время депутаты проголосовали за удаление Парнелла из зала заседаний. Данная операция была проделана еще около тридцати раз, пока каждый ирландский депутат не был удален из палаты, и обсуждение продолжилось уже без них.

Столь жесткая позиция Парнелла, а также его активное участие в Земельной Лиге, предопределили его судьбу. Уже в октябре 1881 г он был арестован. Однако это вызвало бурю негодования в Ирландии. В итоге реализация «Земельного акта 1881 г.» была поставлена под угрозу. В этих условиях Гладстон был вынужден пойти на компромисс с Парнеллом, однако тот выдвинул ряд предварительных условий. «Отмена закона о чрезвычайном положении, освобождение всех отбывающих наказание в качестве государственных преступ-

ников, оказание государственной помощи для ликвидации недоимок, которые не давали арендаторам возможности пользоваться преимуществами Акта 1881 г»¹. Взамен Парнелл обещал, что «для подавления аграрных преступлений будут использованы как правительственный аппарат, так и аппарат Земельной Лиги и партия гомруля будет сотрудничать в проведении либерального законодательства»². Эти соглашения получили название Килменхеймских.

Данные договоренности могли стать прочной основой для сотрудничества между двумя партиями и, скорее всего, способствовали бы решению ирландского вопроса, однако убийство в парке Феникс вице-короля Ирландии Кавендиша и его постоянного заместителя Бэрка в один миг обрушили все эти надежды. В итоге во второй половине 1880-х гг. газетой «Таймс» была развернута агрессивная кампания по дискредитации образа Парнелла в глазах общественности. «Таймс» обвиняла Парнелла в причастности к убийству в Феникс парке, при этом газета так и не смогла представить ни одного убедительного доказательства в поддержку столь резких заявлений. Суд оправдал Парнелла. Однако в конце 1880-х все та же газета «Таймс» стала обвинять Парнелла в адюльтерстве. Его жена Кэтрин О'Ши, с которой он жил к тому моменту уже около 10 лет формально состояла в браке с другой женщиной. Все эти скандалы окончательно подорвали и без того некрепкое здоровье Парнелла и в итоге 6 октября 1891 г. он умер.

Смерть Парнелла подвела некую черту под крайне необычным периодом борьбы за независимость Ирландии. В это время не происходило кровавых восстаний, а активность тайных подпольных организаций была невелика. Главной ареной схваток стал английский парламент, в котором ирландцы уже не силой оружия, а силой слова пытались отстоять перед англичанами свое право на независимость. И они смогли добиться на этом поприще немало. Так Земельный Акт 1881 г. и дальнейшие поправки к нему стали, по сути, первым серьезным шагом на пути получения ирландскими крестьянами земли в собственность. Этим актом смогли воспользоваться десятки тысяч арендаторов, а всевластие лендлордов было действительно ограничено. Однако этот период борьбы за независимость имеет и много общего с предшествующими. Так, например, как и во время деятельности О'Коннела, в 30-е, 40-е гг XIX в, вновь решение национального вопроса было тесно связано с решением аграрного. Парнелл четко понимал, что для успеха его деятельности нужна

¹ Джэксон Т. А. Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. С. 279.

² Там же. С. 279.

опора на широкие народные массы, и с этой целью была организована Земельная Лига. Таким образом, сочетались парламентские и непарламентские методы борьбы.

Очевидно одно, деятельность Чарльза Парнелла и других лидеров ирландской национальной партии в Британском парламенте заложила богатые традиции законных методов борьбы за независимость в Ирландии.

Александр Арсеньевич Чанышев

Кандидат философских наук, профессор кафедры политической теории МГИМО(У) МИД РФ

Трансформация содержания понятия «мир»: от Канта к Фихте.

Кантовский проект «вечного мира» и его моралистический подтекст, как свидетельствует история эволюции и трансформации понятия «мир» (*Frieden*), — достаточно поздние продукты весьма длительного развития глубокой мировоззренческой традиции, в основе которой лежит парадигма иудео-христианского эсхатологического видения истории¹.

Этимологически *Friede(n)* (мир, покой) близок словам «свободный» (*frei*), «друг» (*Freund*) «*Friede*» (древнегерманское — *fridu*, средневековое — *fride*); весь этот куст связан с индоевропейским корнем «*pri*» — «любить», «беречь»². Тем самым это слово подчеркнуто подразумевает момент активной взаимной помощи и поддержки по сравнению с обыденной связью, вырастающей из нужды. «*Friede*» в данном отношении представляет собой с самого начала социальное понятие: оно обозначает определенную форму совмест-

¹ История понятия излагается по: *Janssen W. Friede // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 2. Stuttgart, 1998. S. 543–591.*

² Ср. описание логики развития этимона *pri* как исходной формы слов, выражающих любовную близость у славян и у германцев у М. В. Ильина (*Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 48–51*); а современный немецко-русский синонимический словарь в качестве аналогов к слову *Friede(n)* указывает *Eintracht*, «единодушие» и *Harmonie*, «полное согласие» (см.: *Рахманов И. В. и др. Немецко-русский синонимический словарь. М., 1983. С. 185–186*).

ной человеческой жизни. Причем, в противоположность родственному «*frei*», «*Friede*» никогда не утрачивало полностью указанного изначального смыслового содержания.

Глубокая трансформация семантики этого понятия в средние века, однако, связана с привязкой его содержания к иудео-христианскому мировоззрению; понятие «мир» становится восприимчиком содержания латинского термина *pax*. Исходным смысловым ядром такого переосмысления понятия «мир» была семантика греческого *eirēnē*, употребляемого при переводе Библии, восходящая в свою очередь к еврейскому синониму греческого слова — *Šālôm*. «Шалом» включает в себе, правда, более широкий спектр значений, чем его греческий аналог, но именно этот расширенный смысловой состав и закрепился за *eirēnē* при переводе: здоровье (целостность жизни и тела); правильные, гармоничные отношения между людьми, между Богом и человеком (обновляемые и подтверждаемые посредством «жертвы мирной»); благополучие, процветание, преуспевание и исполнение; победа над врагами или отсутствие войны; кроме того, «шалом» в качестве приветствия включает в себе благословение для того, к кому оно обращено. В данном отношении значение понятия «мир» прочно срастается с иудео-христианским обетованием «мира в веке грядущем», когда в животном царстве и между людьми будет восстановлена райская безмятежность, на земле воцарится благополучие и все народы соберутся под владычество «князя мира», «перекуют свои мечи на орала, а копья свои — на серпы» (Ис. 9, 6; 2, 4; Мих. 4,3)¹. Весьма яркими примерами систематически-развернутого применения христианской эсхатологической парадигмы, демонстрирующими «срастание» социально-политического содержания концепта «мир» с нравственно-телеологическим его осмыслением (в результате чего образуется мировоззренческий «горизонт» схождения политики и морали) были теории Августина и Данте.

Данная традиция утверждается прежде всего в лоне христианской теологии, объединяющей библейские тексты и античные философские методы их осмысления. Дискуссия о содержании и сущности понятия «мир» становится, т. о., значимой частью «моральной теологии» и затем, переключившаяся гораздо позже в социальную философию и в философию права нового времени, долго еще ведется, как и в средние века, на латинском языке. В итоге отождествление

¹ См.: Евангельский словарь библейского богословия. СПб, 2004. С. 574–575.

paix и *friede* приводит к значимой перегруппировке смыслового содержания: *friede*, имевшее первоначально конкретное и непосредственное социальное звучание, сверх того, приобрело еще и значение принципа *божественной вселенской упорядоченности*. Сообразно этому, подспудно сохраненный первоначальный социальный аспект становится как бы вторично встроенным и второстепенным, менее значимым по сравнению с *нравственным* и *мировоззренческо-теистическим* содержанием. В свою очередь, применительно к человеку такая перегруппировка смысла означает понимание его не только и не столько как социального существа (*ens sociale*), как существа нравственного (*ens morale*). Сюда же относится далее, что только *paix* превратился в полноценное выражение содержания конечного состояния, состояния умиротворения и единения в божестве всех живущих на свете. Таким образом, в содержании христианского понятия о мире господствующее положение занимает «моральный» и «эсхатологический» аспект, тогда как социоморфный (политический) смысловой срез уходит на второй план, — но одновременно, что чрезвычайно существенно, этот последний аспект приобретает морально-эсхатологические черты.

Позднее, когда христианское осмысление мира и истории секуляризировалось, превратившись в протестантское учение о внутреннем спасении через веру в необходимость исполнения своего призвания в *этом* мире, — тогда само социально-политическое содержание понятия «мир» при его истолковании получило *имманентную* «нагрузку» в виде моральных и эсхатологических категорий. В данном отношении можно указать на определенные словесные конструкции, образующие исторический ряд эволюции содержания понятия в данном направлении: от «вечного мира», восходящего к *paix aeterna* святого Амброзия Медиоланского, 340–397 (не подчиняющийся брэнной власти временности мир человеческой души «в Боге») до *paix perpetuelle* аббата де Сен-Пьера, 1658–1743 (устойчиво-продолжительного мира между государствами); аббат, как известно, предложил идеи создания международных организаций: Международного суда, Лиги государств и Европейского союза. Причем, в этом ряду на протяжении всего процесса трансляции и эволюции содержания понятия мир никогда речь не шла об изменении соотношения между различными смысловыми слоями, об утрате возвышенного пафоса нравственно-эсхатологических смысловых моментов, и тем более об отказе от идеи предопределения-предназначения, далеко выходящей за пределы непосредственного ощущения обусловленности, вынужденности всего земного, — об отказе от идеи,

образующей смысловую основу понятия мира в христианской традиции.

С этой точки зрения весьма показательны то, как Кантовская философия права сочленяет этику с правовой теорией, замыкаясь на проблемах философии истории. Действительно, несущей конструкцией кантовского обоснования идеи «вечного мира» является «этический идеализм» (О. Г. Дробницкий), — в данном случае предстающий как концепция перспективно-исторического «схождения» морали и политики, растворения последней в первой. Говоря иначе, по Канту, политическая жизнь в целом может быть осмыслена и понята только через своеобразную историсофскую телеологию, основанием которой было учение о том, что смысл (назначение) исторического существования человека и человечества — исполнение морального предназначения, реализация «плана развития человеческой свободы» (Коллингвуд). Кант полагал, что, в конечном счете, это превращает политику в (бессознательное) средство достижения данной цели. Политика, конечно же, остается областью инструментального взаимодействия людей, однако возможным и необходимым в исторической перспективе является образование «постоянного конгресса государств», что сделает «полностью действительным право мира», а затем в общем союзе (правовых) государств (представляющих собой справедливое республиканское политическое устройство) это право мира станет *состоянием* мира, и это — *нравственная цель*, исключив международные противоречия из политической жизни, приведет к установлению «вечного мира» и замене политической регуляции регуляцией моральной. Иными словами, в перспективе «вечного мира» политика приобретала смысл средства достижения духовных (моральных) целей человека.

Идея предназначения политики как средства достижения высших духовных целей человечества (*мира и свободы*) была подхвачена Фихте. Но если в политической теории Канта эта идея покоилось на проекте правового демократического государства и его коррелята, принципа неотчуждаемости личной автономии, то Фихте исходил (и вполне справедливо для своего времени) из факта крушения данного проекта. Вместе с тем, если у Канта историческая связь человечества с высшей нравственной целью, с «царством целей» *персонифицирована*, построена на непоколебимой уверенности в том, что ее опосредует и делает достижимой нравственная автономия отдельного «лица» (*Person*), то у Фихте моральный максимум проявляется в жертвенном растворении личности в «роде человеческом»

(*Gattung*)¹. Поэтому в последнем случае роль исторического посредника берет на себя *государство* как носитель «идеи» рода — органической полноты и исполненности духовного предназначения человечества. Суверенное государство нового времени, по Фихте, то есть *правовое* замкнутое государство, на самом деле, не обладает реальным суверенитетом, поскольку включено в систему «свободной» мировой торговли (то есть — в международный рынок). Это так, поскольку рынок делает государство заложником *неэквивалентного* обмена и *неустойчиво-равновесной* системы международных отношений. Только создание экономически-замкнутого государства («замкнутого торгового государства»), которое предполагает установление планового государственного контроля над национальной экономикой (по сути — ликвидацию частной собственности) и дополнение *формально-правового* государства до социальной полноты, обеспечивающей общественный мир и стабильность, наделяет его подлинным суверенитетом, приближая к образцу «идеального», или «абсолютного» государства. Тем самым Духовное *освобождение* человека у Фихте обусловлено «социализацией» его свободы, отрицанием того, что таковая свобода есть проекция нравственной автономии, то есть моральной спонтанности. Именно на этом основании Фихте осуществляет поворот к позиции «инструментализма». В своей историософии он фактически формулирует установку на использование политического инструментария с целью установления государственного контроля над структурами общественного бытия — для того, чтобы осуществить их гуманитарную коррекцию.

Однако такого рода «социальный» поворот, или разворот этического идеализма одновременно означает принципиальное смещение в содержании понятия «вечный мир»: идея *закрывающегося* государства нового типа, образующего *совершенное сообщество*, позволяет неявно совершить отождествление между этим государством как определенным социальным порядком и миром. Тем самым, однако, подобное отождествление принципиально искажает традиционное (общечеловеческое) содержание понятия «мир». Ведь, как мы убедились, начиная с эпохи средневековья, данное понятие соединяло в себе два смысловых среза: архаичное социоморфное значение *состояния взаимного союза и согласия в делах и помыслах* и христиански-эсхатологическое представление о *конечном состоянии умиро-*

¹ См.: *Кант И.* Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках Т. III. М., 1997. С. 168; *Fichte Joh. Gottl. Werke.* In 6 Bde. 4. Bd. Leipzig.: 1908. S. 420.

творения в высшем духовном единении всех живущих свете («Царство Божие на земле»). Причем, как отмечает немецкий исследователь В. Янссен, на протяжении всего процесса трансляции и эволюции содержания понятия *до определенного момента* речь никогда не шла «об изменении соотношения между различными смысловыми слоями, об утрате пафоса нравственно-эсхатологических моментов, и тем более — об отказе от идеи предопределения-предназначения, далеко выходящей за пределы непосредственного ощущения обусловленности, вынужденности всего земного, от идеи, образующей смысловую основу понятия мира в христианской традиции»¹. Иными словами, вечный мир, выражаясь кантовским языком, рассматривался только как *регулятив*, перемещался в чаемое будущее и никак не связывался с достижением этого состояния посредством прямого государственно-политического действия.

Появление у Фихте идеи государства нового типа, образующего образцовое *совершенное сообщество*, позволяет неявно совершить отождествление между самим *этим* государством (как воплощением *наиболее прогрессивного* социального порядка) и *миром*. По такого рода основаниям понятие мира в самом широком смысле утрачивает впоследствии *общепризнанное* значение: мир не означает только идеально проектируемое состояние межчеловеческих и межгосударственных отношений, но воспринимается как достижимый *только и только* при условии установления любыми — хотя бы и военными — средствами нового всеобщего порядка, носителем которого объявляется *данное* государство. Война ради утверждения распространяемого ими порядка неизбежно превращается в крестовый поход ради будущего воцарения вечного мира. Это, по сути, означает переосмысление парадигмальной основы «вечного мира», — причем такое переосмысление, которое полностью проявилось и утвердилось в XX в., облекаясь в том числе и в радикальные формы выражения, и которое значимо по настоящее время.

Таким образом, в истории движения и изменения содержания понятия «мир», можно обнаружить определенную точку инверсивного *искажения* его *общечеловеческого* смысла, которая стала отправным пунктом сползания к утверждению о *правомочности* государства в деле совершения насильственных действий, ставящих под угрозу «существование и признание человека как такового» (Ясперс).

¹ Janssen W. Op cit. S. 544–545.

Библиография

1. *Кант И.* Основоположение к метафизике нравов (1795) // *Кант И.* Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках / Подготовлены к издан. Н. В. Мотрошиловой (Москва) и Б. Тушлингом (Марбург). Т. III. М.: Московский философский фонд, 1997.
2. *Fichte Joh. Gottl.* Die Grundzuge des gegenwärtigen Zeitalters // *Fichte Joh. Gottl.* Werke. In 6 Bde. 4. Bd. Leipzig.: Fritz Eckardt Verlag, 1908.
3. *Шарль Ирине де Сен-Пьер.* Избранные места из проекта вечного мира (В изложении Ж.-Ж. Руссо. 1760) // Тракаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003.
4. *Андреева И. С.* Вековая мечта человечества (Предисловие составителя) // Тракаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. С. 14–16;
5. *Дробницкий О. Г.* Теоретические основы этики Канта // Философия Канта и современность / Под ред. Т. И. Ойзермана М.: Наука, 1974.
6. *Шеффер Г. Э.* Мир: спокойствие, молчание, счастье (Peace) // Евангельский словарь библейского богословия / Под ред. У. Элуэла. — 3-е издан. СПб.: Библия для всех, 2004. С. 574–575.
7. *Ильин М. В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 48–51
8. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. Ч. III, § 3. М.: Наука, 1980. С.95.
9. Массовые убийства не могут быть оправданы за давностью. Беседа К. Ясперса с Р. Аугштейном (журнал «Шпигель», 1965 г.) // *Ясперс К.* Куда движется ФРГ. Факты. Опасности. Шансы. М.: Международные отношения, 1969. С. 218–224.
10. *Janssen W.* Friede // *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / hrsg. von Otto Brunner Bd. 2. Stuttgart, 4. Aufl.: Klett — Gotta, 1998. S. 543–591.

Александр Андреевич Шириняц

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

«Пражский период» С. И. Гессена

Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) — автор интересных философских работ, множества педагогических исследований, создатель оригинальной социально-политической концепции правового социализма.

Нет нужды описывать все обстоятельства его жизни. Он сам подробно рассказал о них в автобиографии «Мое жизнеописание»¹. Отметим только, что обычно исследователи творчества Гессена выделяют несколько этапов его творческой биографии — «гайдельберг-фрайбургский» (1905–1910); «петербургский» (1910–1917), «томский» (1917–1921), «берлинско-йенский» (1922–1924), «пражский» (1924–1935), «варшавский» (1936–1944), «лодзинский» (1945–1950). Мы остановимся на краткой характеристике пребывания Гессена в Праге, куда он уехал весной 1924 г. и где провел следующие одиннадцать лет своей жизни.

Середина 1920-х годов стала временем расцвета так называемой «Русской акции» — программы помощи русским эмигрантам, начатой в 1921 году в Чехословакии первым президентом страны Томашем Масариком, исходившим из установки на то, чтобы «собрать, беречь и поддержать остаток культурных сил», вышедших в эмиграцию, «приучать русскую интеллигенцию и особенно молодежь к систематическому труду, чтобы она избежала фантазий и деморализации страшной эмиграции»². Целенаправленная политика руко-

¹ Автобиография, написанная осенью 1947 г. по заказу итальянского издательства, была опубликована на итальянском языке в 1956 г., а на русском впервые — в 1994 г. в двух номерах журнала «Вопросы философии» с предисловием и послесловием А. Валицкого. Ниже эта работа цитируется по изданию: Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранное / С. И. Гессен; [сост., автор вступ. ст., Е. Л. Петренко, авторы коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова]. М., 2009.

² Цит. по: *Савицкий Иван*. Начало «Русской акции» // Новый Журнал. Литературно-художественный журнал русского Зарубежья. Нью-Йорк. 2008. № 251 URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/251/sa11.html> (дата обращения: 26.06.2009).

дства чехословацкой республики по привлечению в страну беженцев из России — преимущественно деятелей науки, экономистов, инженеров, агрономов, писателей, театральных деятелей, молодежи для получения образования, огромные (до 100 миллионов крон, или примерно 1 миллион долларов США в год) финансовые затраты на «Русскую акцию»¹ привели к тому, что ко второй половине 1920-х годов в Чехословакии был создан целый комплекс русских образовательных и культурных учреждений, включавший приюты для сирот, школы и гимназии, институты и университеты, научные центры и архивы, театры и издательства, а Прага стала центром образования и науки русской эмиграции, ее даже называли «русскими Афинами» и «русским Оксфордом».

Так же, как в случае с эсеровскими изданиями, которые финансировались чехословацким правительством, финансы, направленные на реализацию «Русской акции», распределялись в основном через посреднические организации, созданные и управляемые самими российскими эмигрантами². Особое место среди эмигрантских общественных организаций принадлежит Объединению земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгору), роль которого в жизни эмиграции в Чехословакии трудно переоценить. Созданный в 1921 г. с целью оказания русским эмигрантам всех видов помощи, Земгор осуществлял регистрацию эмигрантов в Праге, создавал трудовые артели, открывал курсы, столовые, выдавал ссуды, открыл санаторий для нуждающихся, юридическую консультацию, библиотеку, занимался трудоустройством эмигрантов, организовывал школы для русских детей. Пражский Земгор стал учредителем таких известных научных центров, как Институт изучения России, Экономический кабинет С. Н. Прокоповича, Русский заграничный исторический архив, Русский народный университет, Русский камерный театр и др. Именно на средства Земгора в Праге начали

¹ На «Русскую акцию» Чехословакия истратит больше средств, чем все остальные европейские страны, вместе взятые — более полумиллиарда крон, или пять процентов среднегодового бюджета республики. В лучшие годы тратились до 90 миллионов крон, в 1930-м 15 миллионов, а к 1937 году эта сумма падает до 2,6 миллиона крон. (См.: *Вербин Евгений*. «Сберечь... остаток культурных сил России» // *Эхо планеты*. 2001. № 10. С. 26–31).

² По подсчетам некоторых историков общая численность русских эмигрантских организаций в межвоенный период в Чехословакии достигала 140. (См.: *Петрушева Л. И.* Русская акция правительства Чехословакии и эмиграция из России. URL: http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/minsk_p.shtml. (Дата обращения 15.07.2010)

выходить специализированные издания, получившие общеэмигрантское значение: «Русская школа за рубежом» и «Бюллетень (затем Вестник) Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей». Как считает И. П. Савицкий, «Пражские педагогические издания не имеют аналогов в зарубежной России, они были действительно связующим звеном русских педагогов в изгнании, по существу, единственным местом для обмена мнениями и развития педагогической мысли. Высокое качество журнала Русская школа за рубежом отразилось и в том, что министерства Болгарии и Югославии рекомендовали его и для школьных библиотек местных школ, за журналом следили и принимали в нём участие и ведущие чешские педагоги»¹.

Именно для работы в журнале «Русская школа за рубежом» и был приглашен в Прагу Гессен, который стал соредактором издания. Журнал, созданный в 1923 г., издавался до 1931 г. и выходил один раз в квартал отдельными книгами объемом до 14 печатных листов в количестве 1000 экземпляров каждая. Всего было издано 34 номера, каждый из которых прошел через руки Гессена как редактора² и в каждом из которых он «печатал несколько рецензий, обзоров и почти всегда теоретическую статью на педагогические темы»³.

В Праге Гессен активно включился в педагогическую и общественную деятельность. Четыре года он возглавлял кафедру общей педагогики и истории педагогических учений Русского педагогического института им. Я. А. Коменского, у истоков создания которого стоял В. В. Зеньковский, а директором был С. А. Острогорский. В это учебное заведение, полностью содержавшееся на средства чехословацкого правительства, выплачивавшего не только зарплату про-

¹ Савицкий И. П. Прага и зарубежная Россия (Очерки по истории русской эмиграции. 1918–1938 гг.) / Савицкий Иван Петрович. — Прага: Русская традиция, 2002. (Библиотечка «Русской традиции») URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/25–28/savickl.htm>

См. также: Седова Е. Е. Журнал «Русская школа за рубежом» в социокультурном и образовательном пространстве Европы URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1314

² Книги 1–24 (1923–1926/1927) выходили под ред. С. И. Гессена, С. И. Карцевского, В. А. Ригана (отв. ред. К. И. Шульц); книга 25 (1927/1928) — под ред. С. И. Гессена, С. И. Карцевского, Н. Ф. Новожилова, Д. М. Соколькова; книги 26–27 (1927/1928) — под ред. С. И. Гессена, С. И. Карцевского, Н. Ф. Новожилова, В. В. Руднева, Д. М. Соколькова; книги 28–34 (1928–1931) — под ред. С. И. Гессена, С. И. Карцевского, Н. Ф. Новожилова, В. В. Руднева, Д. М. Соколькова, Ю. Д. Новоселова.

³ Гессен С. И. Мое жизнеописание. С. 796.

фессорам, но и стипендии студентам, принимались «лица с законченным высшим образованием и некоторым педагогическим стажем», которые получали «до известной степени энциклопедическое образование» и квалификацию «педагог-инструктор»¹. В нем Гессен читал учебные курсы «Общая педагогика» и «Современные педагогические учения». В 1931–1932 гг. Гессен уже на чешском языке прочел в Пражской учительской академии курс лекций, посвященный политике народного образования, а в 1934 г. на учительских курсах, организованных образцовой школой имени Т. Масарика в г. Злин, курс педагогики². В 1931 г. он также был приглашен в Немецкий университет в Праге как лектор русского языка, начал работу над учебником русского языка для чехов³. В 1933 прочитал цикл лекций в Свободном Польском университете в Варшаве. Помимо чтения систематических курсов, Гессен часто выступал с публичными лекциями и докладами как в Чехословакии: в Русском народном университете и Кантовском обществе в Праге, в Русском культурно-просветительном обществе имени А. В. Духновича на Подкарпатской Руси, так и за границей: во Франко-Русском институте — высшей школе социальных, политических и юридических наук в Париже, который возглавлял П. Н. Милоков, в Русском научном институте в Берлине, в Варшавском университете и Философском обществе при нем, в различных общественных, научных и образовательных учреждениях Бреславля, Варшавы, Вены, Вильны, Дрездена, Ковно, Кракова, Лейпцига, Мюнстера, Ревеля, Риги, а также на Втором польском философском съезде в 1927 г. в Варшаве, конгрессе Всемирной ассоциации образования для взрослых в 1928 г. в Кембридже, Всенемецком педагогическом съезде в 1929 г. в Висбадене, на Всемирном философском конгрессе в 1934 г. в Праге и на других международных встречах.

Особой сферой деятельности стало для Гессена участие в работе научных кружков и обществ: в Славистическом обществе и в дискуссионном кружке Карнапа при Немецком университете в Праге, в Чешском Славянском институте, в Русском философском обществе и Семинарии по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге, во Французском институте в Праге, в «Пражском лингвистическом кружке», в объединявшем чешских, немец-

¹ См.: Руднев В. В. Русское дело в Чехословацкой Республике. Париж, 1924. С.43.

² См.: Гессен С. И. Мое жизнеописание. С.799, 801–802.

³ Там же. С. 799–800.

ких и русских философов, лингвистов и математиков Пражском философском кружке, и др. Круг его профессионального общения в это время, в частности, составили: выходцы из России — математик, один из первых русских представителей математической логики Евгений Леонидович Буницкий¹, историк Николай Адольфович Ганц, языковед Сергей Иосифович Карцевский², экономист и статистик Станислав Салезиевич Кон, философ и психолог Иван Иванович Лапшин, религиозный философ Николай Онуфриевич Лосский, филолог, историк, музыковед Николай Федорович Новожилов, один из первых советских «невозвращенцев» лингвист Роман Осипович Якобсон, соратник Гессена по «Логосу» философ-неокантианец Борис Валентинович Яковенко; чешские ученые: педагоги — сторонник прагматизма Дж.Дьюи Вацлав Пржигода и переводчик сочинений Толстого на чешский язык Карел Велеминский, философы — историк философии и политики Ян Благодослав Козак и ученик Эдмунда Гуссерля феноменолог Ян Паточка, один из основоположников структурализма Ян Мукаржовский³ и натурфилософ Эмиль Радл, руководители журнала «Рух филозофицки», философы-идеалисты Карел Воровка⁴ и Фердинанд Пеликан; издатель трудов и последователь Франца Brentano Оскар Краус⁵; ученые из Германии и Австрии: теоретик «трудовой школы» Георг Кершенштейнер, философ и логик, один из лидеров неопозитивизма Рудольф Карнап, философ и эстетик Эмиль Утиц⁶, историк и педагог Курт Грубе, физик Филипп Франк, и др.; представители Французского института в Праге — Альфред Фишель и философ, музыковед Владимир Янкевич; а также — преподаватель польского языка в Немецком уни-

¹ В российских публикациях мемуаров Гессена «Мое жизнеописание» ошибочно указан Г. А. Буницкий (См. *Гессен С. И.* Мое жизнеописание. С. 800, 801, 946).

² В российских публикациях мемуаров Гессена «Мое жизнеописание» ошибочно указан С. А. Карцевский (См. *Гессен С. И.* Мое жизнеописание. С. 794, 797, 949).

³ В российских публикациях мемуаров Гессена «Мое жизнеописание» ошибочно указан Мукаржовский (См. *Гессен С. И.* Мое жизнеописание. С. 801, 951).

⁴ В российских публикациях мемуаров Гессена «Мое жизнеописание» ошибочно указан V. Vorovka (См. *Гессен С. И.* Мое жизнеописание. С. 799, 956).

⁵ В российских публикациях мемуаров Гессена «Мое жизнеописание» на с. 801 указан Краус, а на с. 949 — уже Крауз (Краус).

⁶ В российских публикациях мемуаров Гессена «Мое жизнеописание» ошибочно указан Утиц (См. *Гессен С. И.* Мое жизнеописание. С. 755, 811).

верситете в Праге Иза Саунова, болгарский поэт-лирик Кирилл Христов, философ-энциклопедист, профессор Софийского университета Димитр Михалчев, и многие многие другие. Как отмечал позднее Гессен, о пользе такого интернационального научного общения свидетельствовало то, что оно способствовало «преодолению национальных антагонизмов в научных кругах Праги (особенно среди философов, языковедов и математиков)¹.

В эти годы Гессен был постоянным сотрудником ряда журналов и сборников, выходивших на русском, немецком, итальянском, французском, чешском, польском языках, его работы переводились и публиковались в английских, сербских, хорватских, болгарских, литовских, латышских изданиях².

Помимо написания цикла статей о правовом социализме и примыкающими к нему статьями и рецензиями на политико-философские и социально-политические темы³, «пражский» период ознаменовался трудами Гессена по теоретической философии, из которых, по его мнению, самой значительной была статья о физике Галилея и ее отношении к физике Аристотеля⁴, многочисленными педагогическими работами⁵, а также очерками о русских мыслите-

¹ См.: *Гессен С. И. Мое жизнеописание*. С. 801.

² См.: *Гессен С. И. Мое жизнеописание*. С. 796.

³ См. статьи и рецензии С. И. Гессена: Новая программа австрийской социал-демократической партии и съезда в Линце // *Современные записки*, Париж, 1927. Т. 33. С. 502–523; Новые аграрные программы европейских социалистических партий // *Современные записки*, Париж, 1928. Т. 36. С. 470–491; Генрих Манн как теоретик социализма // *Современные записки*, Париж, 1929. Т. 4. С. 503–527; а также: Евразийство // *Современные записки*. Париж, 1925. Т. 25. С. 494–508; Современный кризис и перерождение капитализма // *Новый Град*. 1932, № 3–4. С. 60–71; Мировоззрение и идеология // *Современные записки*. Париж, 1935. Т. 57. С. 316–330; Правда демократии // *Современные записки*. Париж, 1935. Т. 58. С. 361–378. И др.

⁴ *Гессен С. И. Развитие физики Галилея и ее отношение к физической системе Аристотеля* // Сб. трудов Русского народного института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 185–204; см. также статьи и рецензии С. И. Гессена: Новый опыт системы логики на русском языке (о книге Н. Лосского «Логика») // *Логос*. Прага, 1925, № 1; Монизм и плюрализм в систематике понятий // *Труды Русского Народного университета*, Прага, 1928, т. 1. И др.

⁵ См. статьи, рецензии и книги С. И. Гессена: Пауль Наторп // *Русская школа за рубежом*. Прага, 1924. Кн. 10–11. С. 1–8; Педагогика Канта // *Русская школа за рубежом*. Прага, 1924. Кн. 8. С. 1–17; Последняя фаза советской педагогики // *Русская школа*. Прага, 1925, № 4. С. 27–32; Эволюция единой трудовой школы в советской России // *Русская школа за рубежом*. Прага, 1925. Кн. 15–16. С. 226–242; Органы управления народного просвещения в СССР // *Рус-*

лях — Ф. М. Достоевском, В. С. Соловьеве, Л. Н. Толстом¹, которые были написаны на русском и немецком языках и частично изданы также на французском и польском языках².

ская школа за рубежом. Прага. Кн. 18. С. 557–572; Фребель и Монтессори // Русская школа за рубежом, Прага, 1927. Кн. 27. С. 345–363; Образование юношества (на англ. языке). Лондон, 1927; Новая литература о Песталоцци // Русская школа за рубежом, 1924. С. 724–736; Песталоцци // Русская школа за рубежом, Прага, 1927. Кн. 24. С. 611–630; Десять лет советской школы // Русская школа. Прага, 1928. Кн. 28. С. 473–452; и др. Подробный анализ педагогических работ Гессена этого периода, разделив их на: а) историко-педагогические работы, б) компаративистские работы, посвященные анализу современных педагогических течений и систем, в) работы, посвященные анализу идей «трудовой школы», несколько модифицированной в идею «единой трудовой школы» С. И. Гессеном, а также г) работы, анализирующие образовательную ситуацию в Советской России, осуществила Е. Е. Седова (*Седова Е. Е.* Философско-педагогическая концепция С. И. Гессена. Часть 3. Режим доступа http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=216)

¹ *Гессен С. И.* Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Современные записки, Париж, 1928. Т. 35. С. 308–338; *Гессен С. И.* Лев Толстой как педагог // Русская школа за рубежом. Прага, 1928. кн. 29–30. С. 631–653; *Гессен С. И.* Лев Толстой как мыслитель (на чешск. языке) // Лев Толстой. Сборник статей. Прага, 1929. С. 9–33. L.N. Tolstoj: sbornik stati a bibliografickych prehledu / usporadali Jiri Horak a Evgenij Ljackij. — V Praze: Vydal Slovansky Seminar University Karlovy s podporou Ministerstva Skolstvi a Narodni Osvety, 1929. *Гессен С. И.* Борьба утопии и автономии Добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева // Современные записки. Париж, 1931. Т. 45. С. 271–306; Т. 46. С. 321–353; *Hessen S.* Die Idee des Bösen in der «Dämonen» von Dostojewsky // F. M. Dostojewsky. Vom Slavist. Seminar der Deutschen Universität in Prag. Praha, 1930, то же на рус. яз. — *Гессен С. И.* Трагедия зла: философский образ Ставрогина // Путь. Париж, 1932, № 36. С. 44–74. Статья Гессена в журнале «Путь» в оглавлении была заявлена как «Трагедия зла (философский образ Ставрогина)», а в заглавии самой статьи значится «Трагедия зла (философский смысл образа Ставрогина)». К этим статьям примыкает ряд рецензий и отзывов Гессена (См., напр., *С. И. Гессен.* Немецкое издание неопубликованных рукописей Ф. М. Достоевского. < > // Современные записки. 1929. XXXIX. С. 502–515; *Гессен С. И.* О Достоевском. Сборн. ст. под ред. А. Бема. < > // Современные записки. 1930. XLIII. С. 503–506; *С. Гессен.* *Edw. Hallatt Carr.* Dostocvsky. A new biography < > // Современные записки. 1932. L. С. 463–464. И др.).

² См.: *Гессен С. И.* Мое жизнеописание. С. 797. См.: *Idea dobra w powieści «Bracia Karamazowi». Z zagadnień etyki Dostojewskiego* // «Przegląd Współczesny». Kraków, 1929. Т. 28. № 82. С. 186–197. № 83. С. 478–491; *La lutte entre l'utopie et l'autonomie du bien dans la philosophie de Dostoievski et de Vl. Solov'ev* // *Le Monde Slave.* Paris, 1930, t. 1. № 2. P. 224–250; t. 2. № 1. P. 41–58; *Tolstoj als Denker* // *Logos.* 1930. B. 19. № 2. S. 145–172; *Die Idee des Bösen in der «Dämonen» von Dostojewsky* // F. M. Dostojewsky. Vom Slavist. Seminar der Deutschen Universität in Prag. Praha, 1930. И др.

Друг Гессена Д. И. Чижевский отзывался об этих «мемориальных» статьях с большой долей иронии: «Гессен «размачивает» мощенные предшественниками улицы и из добытого камня строит монументы». К сожалению, все «монументы» похожи на него. Достоевский, Песталоцци¹, Толстой — все заgrimированы под Гессена — к большой своей и его невыгоде. Теперь очередь за Вл. Соловьевым. Его мне не жалко»². Тем не менее, эти «мемориальные» статьи вызвали интерес³, а сам Гессен собирался издать их отдельной книгой «Добро и зло в понимании русских мыслителей», в которую вошло бы все, что он написал о Достоевском, Вл. Соловьеве и Льве Толстом⁴.

Очерки о русских мыслителях демонстрируют явное сближение взглядов Гессена с идеями его коллег-философов, переживших, по выражению С. Н. Булгакова эволюцию «от марксизма к идеализму»,

¹ Имеется в виду работа Гессена: Песталоцци // Русская школа за рубежом, Прага, 1927. Кн. 24. С. 611–630.

² Д. И. Чижевский — Е. Д. Шору. Прага 8. I. 1929 // Логос. Философско-литературный журнал. М. 2006. № 1 (52). С. 160. Нужно сказать, что Чижевский был одним из первых критиков идей Гессена «по-существу», в том же 1929 г. после доклада Гессена в Семинарии по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге, между ними возникла дружеская дискуссия (См.: *Чижевский Д. И.* «К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике)» // О Достоевском. Сборник I / Под редакцией А. Л. Бема. Прага, 1929. С. 30; *Гессен С. И.* О Достоевском. Сборник статей под ред. А. Бема. Т. I. Прага, 1929. Стр. 162. // *Современные Записки*, Т. XLIII, Париж, 1930. С. 504. Примечание).

³ В частности, как пишет Гессен, «Очерк мой о трагедии добра в «Братьях Карамазовых» так понравился профессору V. Pares'у, директору School of Slavonic Studies, King's College, London, что по его предложению школа эта избрала меня своим заграничным членом. (*Гессен С. И.* Мое жизнеописание. С. 797). С отзывами на эту статью Гессена наряду с Д. И. Чижевским выступили также В. В. Зеньковский и Н. О. Лосский (См.: *Зеньковский В. В.* Федор Павлович Карамазов // О Достоевском. Сборник статей / Под редакцией А. Л. Бема. Прага, 1933. Сб. II. С. 93–114; *Лосский Н. О.* Русская философия в XX в. Белград, 1931. С. 117–118). А известному литературоведу и историку культуры первой русской эмиграции В. В. Вейдле (1895–1979) статья С. И. Гессена «Трагедия добра в Братьях Карамазовых» представлялась блестящим и крайне редким в русской литературе образцом того, «как можно построить точнейший философский анализ художественного произведения, извлечь из него целостную и очень убедительную этическую систему, ни на минуту не насилуя его, не забывая ни одной особенности, присущей ему именно как произведению искусства». (*Вейдле В.* «Современные записки», кн. XXXV // Возрождение. 1928. 21 июня. № 1115. С. 3. <http://www.emigrantika.ru/component/content/article/519>).

⁴ См.: Гессен С. И. Мое жизнеописание. С. 811.

а затем от «идеализма к религии». Так, например, сам Булгаков от легального марксизма, который пытался соединить с неокантианством, перешел к религиозной философии, затем к православному богословию. В «Свете Невечернем», выясняя вопрос об отношении философии и религии, он писал о том, что «Коренное различие между философией и религией заключается в том, что первая есть порождение деятельности человеческого разума, своими силами ищущего истину, она имманентна и человечна и в то же время она воодушевлена стремлением перерастить свою имманентность и свою человечность, приобщившись к бытию сверхприродному, сверхчеловечному, трансцендентному, божественному; философия жаждет истины, которая есть главный и единственный стимул философствования», но «сама истина трансцендентна философии, которая знает лишь отблеск, ее аспект — истинность, как вечное искание Истины»¹. И потому, если невозможно фактическое оправдание философии, то возможен путь ее «феноменологического» очищения — отделения всего того, что не входит в ее природу. В этом смысле творческая эволюция С. Н. Булгакова и представляет собой не что иное, как конкретное жизненное осуществление движения по этому пути — от «научной философии» к идеализму, от идеализма к религиозной метафизике, от религиозной метафизики к «трагедии философии» и «философии имени».

Гессен же остановился на середине пути к религиозной метафизике. С точки зрения Н. О. Лосского: «При разработке проблемы этики и социальной философии С. И. Гессен, как и Г. Д. Гурвич, подходит вплотную к интуитивизму и стремится расширить его при помощи концепции практической волевой интуиции, которую называет «волезрением». В своих работах по этому вопросу он приближается все более и более к общему духу русского конкретного идеал-реализма. Например, это можно обнаружить в его очерке «Трагедия добродетели в «Братьях Карамазовых» Достоевского»². По сути Лосский охарактеризовал эволюцию философских воззрений Гессена как путь от трансцендентального идеализма к конкретному идеал-реализму, согласно которому реальное бытие существует на основе идеального³. В этом же

¹ Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. — М., 1994. С. 69, 70. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/svet/000.html>

² Лосский Н. О. История русской философии / Пер. с англ. М., 1991. Глава XX, параграф I. «Представители трансцендентально-логического идеализма URL: <http://www.vehi.net/nlossky/istoriya/20.html>.

³ См.: Лосский Н. О. Диалектический материализм в СССР. Париж, 1934. С. 12–13.

ключе рассуждает А. Валицкий, говоря о том, что анализ утопизма приводит Гессена к социальной философии и от нее — к философии права. Со ссылкой на В. В. Зеньковского, Валицкий утверждает, что, хотя Гессен «часто приближался к порогу религиозной метафизики... Гессена нельзя причислить к типичным философам-апологетам идей Достоевского и Вл. Соловьева... в отличие от С. Бугакова, Н. Бердяева, С. Франка, Н. Лосского, Л. Карсавина и многих других эмигрантских мыслителей, Гессен так и не стал религиозным философом в прямом значении этого слова»¹.

Характеризуя русский религиозный ренессанс начала XX века, или как он еще его обозначил — «выход за пределы академических границ философии», Н. А. Бердяев подчеркивал громадное влияние на русских религиозных мыслителей творчества Достоевского, Толстого, Вл. Соловьева, ставшего для целого поколения «почти легендарной фигурой»². Мысль Гессена в этом ряду концепций, вдохновленных Вл. Соловьевым, занимает свое особое место. Как отмечает А. Валицкий, высоко оценивая соловьевскую идею «всеединства» и «критику отвлеченных начал», «Гессен выступил как решительный западник; он свел к минимуму значение соловьевской «теократической утопии», подчеркивая при этом кантианские мотивы его философии, Гессен приписывал Соловьеву защиту кантовского понятия «автономии добра», и, следовательно, преодоление утопических устремлений. Гессен и в Достоевском видел не мессианского утописта, но, напротив, тонкого критика утопической мысли»³. В целом, по мнению Валицкого, творчеству Гессена были чужды славянофильские мотивы, романтическая критика индустриализации, мессианские и эсхатологические идеи⁴.

Однако подобные оценки смягчаются признанием самим Валицким «спорности тезиса» о дистанцированности Гессена от русской религиозной философии, в виду того, что в его поздних работах развивалась идея «плана благодатного бытия человека»⁵. Дейст-

¹ Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании // Гессен С. И. Избранные сочинения / С. И. Гессен; [сост. А. Валицкий, Н. Чистякова; авт. вст. ст. А. Валицкий, подготовка текста и прим. Н. Чистякова. М., 1998. С. 16.

² «Его личность, — отмечал Бердяев, — может быть, более действовала, чем его философия, хотя и направленная против рационализма, но слишком рациональная по форме и стилю» (Бердяев Н. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berdjaev_russkiy).

³ Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании. С. 15.

⁴ См.: Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании. С. 16.

⁵ См.: Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании. С. 16, прим. 2.

вительно, например, представление о смысле деятельной любви как пути к познанию Бога, развитое Гессеном в очерке «О платоновских и евангельских добродетелях»¹, как и в целом его своеобразную нравственно-религиозную концепцию «этики восходящих ступеней добра» («природного» — «рассудочного» — «деятельно-милосердного» — «сверхдобра»), олицетворяемых героями романа Достоевского «Братья Карамазовы») трудно дистанцировать от русской религиозной философии.

К этому нужно добавить, что о повороте Гессена от неокантианского обоснования основных философских принципов к пониманию философии как «своеобразного духовного опыта» свидетельствуют не только его поздние работы или очерки о русских мыслителях, наполненные религиозной метафизикой, не только факт его сотрудничества с религиозно-философскими журналами «Путь» и «Новый Град», но и содержание вышедшего в Праге в 1925 г. единственного номера журнала «Логос», в неудачной попытке возобновления которого «активно участвовал» Гессен². Именно в нем прозвучала мысль о «расширении понимания сущности философии», о «намечающемся новом метафизическом строительстве» и т. п.³ Спустя два десятка лет, в конце жизни сам Гессен, характеризуя эволюцию своего мировоззрения, прямо заявил о том, что «будучи учеником Риккерта и, опосредованно, Канта, все более развивался в направлении платонизма, стараясь разработать многоэтажную теорию реальности, увенчивающуюся теорией духовного бытия, а в дальнейшей перспективе даже визией Царства Божия»⁴.

Итак, «пражский» период жизни Гессена ознаменовался публикацией капитального труда «Основы педагогики», ставшего фундаментом его концепции педагогики как практической философии, написанием не менее концептуальных статей на темы правового социализма, а также «мемориальных» очерков, посвященных русским мыслителям, в которых явно обнаружилось влечение мыслителя к религиозной метафизике.

¹ Гессен С. И. О платоновских и евангельских добродетелях. Рим, 1952. (на итал. языке).

² См.: Гессен С. И. Мое жизнеописание. С. 797. Гессен поместил в этом номере критическую статью «Новый опыт системы логики на русском языке (о книге Н. Лосского «Логика»)» и рецензию на работу Александра Владимировича Койранского (Alexander Kouge) «Идея Бога в философии св. Ансельма».

³ Логос (от редакции) // Логос. Международный ежегодник по философии культуры, издание под редакцией С. И. Гессена, Ф. А. Степуна, Б. В. Яковенко. Прага, 1925. кн. 1. С. 6; Яковенко Б. В. Мошь философии // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Прага. 1925. Кн. 1. С. 22.

⁴ Гессен С. И. Мое жизнеописание. С. 825.

Елена Александровна Шкондина

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Педагогические идеи Роберта Оуэна

Ключевые слова: Роберт Оуэн, Воспитание, Человек.

Аннотация

Промышленная революция, безусловно, принесла много важного и полезного в жизнь людей, но вместе с этим также добавила и много трудностей в общественную жизнь. Обстановка, в которую пришлось жить Роберту Оуэну, оказала огромное влияние на его социально-политические взгляды.

Роберт Оуэн — выдающийся английский философ, педагог и социалист XIX века. Социально-экономическая обстановка, в которую пришлось жить Роберту Оуэну, оказала огромное влияние на его социально-политические взгляды. Несмотря на все полезные новшества, которые привнес промышленный переворот, он также добавил и много трудностей в общественную жизнь. В оценках последствий промышленной революции мнения разделились. Одни считали причиной бедственного положения рабочих — машины, говоря о них как о дьявольских изобретениях, как о зле, которое наносит вред жизни людей. Другие придерживались мнения, что корень всех бед лежит в самих людях, обосновывая это первородным грехом и другими причинами. Оуэн же придерживался совершенно иной точки зрения. Он считал, что ни люди, ни машины не виновны. Причина тех бед, которые принесла промышленная революция — социально-экономическая среда вредная для формирования гражданина, с точки зрения управления.

«Человек всегда был, есть и будет в значительной степени созданием внешних обстоятельств, окружающих его. Помещайте его постоянно в низменную, порочную среду — и он, с некоторыми небольшими вариациями, сам делается неизменным и порочным. Поместите его среди обстоятельств возвышенных и подлинно доброкачественных — и точно так же, с некоторыми небольшими вариациями, проистекающими от природы индивидуальных качеств, он делается возвышенным и добрым»¹. Этими словами Оуэн пытается сформулировать глав-

¹ *Анекдотейн А. И.* Роберт Оуэн. Его жизнь, учение и деятельность. — М., 1937. С. 117.

ный постулат всей его реформаторской деятельности. Он нам говорит, что «человек — пассивный продукт обстоятельств, он «никогда не создавал и не в состоянии создать свой собственный характер»¹. Следовательно, человек не отвечает за свой характер и свое поведение.

Стоит немного поговорить о биографии Роберта Оуэна. Окончив приходскую школу, он работает приказчиком в магазинах, продолжает обучаться самостоятельно. Впоследствии вступает в должность управляющего фабрикой, а затем в 1799 году становится совладельцем фабрики в Нью-Лэнареке, где продолжает социальные эксперименты. Он поставил перед собой задачу доказать, что человек продукт обстоятельств, чтобы изменить плохого, нужно изменить среду в которой он находится, прежде всего социальную.

Оуэн открывает в 1816 году «Новый институт для формирования характера». Опыт социальных преобразований в Нью-Лэнарский период, привел его к мысли — о создании системы воспитательно-образовательных заведений охватывающие все возрастные группы

Первой возрастной группой являлась «школа для маленьких детей», в которую входили: ясли, детский сад и площадка для игр. Возраст детей в этой группе составлял от 1 года до 5 лет. Цель этой школы — оградить детей от дурного влияния среды и обеспечить их всестороннее развитие. «У них путем воспитания нужно развивать такой характер, чтобы они испытывали величайшее удовольствие от того, что будут содействовать счастью или усиливать счастье всех их окружающих»² Второй группой воспитательно-образовательных учреждений являлась — школа для детей рабочих. Она подразделялась на: начальную школу, в которую входили ученики от 5 до 10 лет, и вечернее обучение, когда с десяти лет начинался другой период воспитания и образования, (в этот период подросток, уже работающий на фабрике мог, проходит вечернее обучение, причем до двенадцати лет у них был сокращенный рабочий график). Немаловажную роль в школах для детей рабочих играло то, что воспитательная работа была связана с трудовой деятельностью.

Третьим и последним звеном в образовательной и воспитательной системе стало просвещение взрослых. Оно представляло собой культурно-просветительские мероприятия для взрослого рабочего населения.

В 1825 году Оуэн создает в американском штате Индиана общину «Новая гармония». Предприятие, поглотив 40 тысяч фунтов

¹ Owen R. The book of the new moral world. — L., 1842–1844. P. 62–73.

² Ibid. P. 74–90.

стерлингов — почти всё состояние Оуэна, окончилось провалом. «Уже с самого начала опыта в «Новой Гармонии» можно было предвидеть неудачу дела, — пишет Каменский. В толпе, собравшейся на призыв Оуэна, люди убежденные, искренно желавшие работать в новых условиях жизни, составляли только меньшинство; большая же часть пришла сюда для того, чтобы пожить без нужды и забот, опираясь на обещания Оуэна и ожидая, что все будет для них устроено»¹. В 1829 году он вернулся на родину. В 1839 году он принял новую попытку создания общины, на этот раз в Англии, которая была названа «Гармони-холл». Но уже в 1845 году эта община прекратила свое существование.

В миросозерцании Оуэна нетрудно заметить две основные линии, каждая из которых отражена в двух главных периодах его деятельности.

В первый период на него оказывает влияние философия XVIII века, в особенности идея об образовании характера средой (Оуэн обращает внимание на последствия промышленного переворота для широких масс). Как пишет Оуэн: «Я уже давно задумал свой промышленный и социальный эксперимент и для осуществления моих идей у меня есть твердый план»². Это время в творчестве Роберта Оуэна можно обозначить как Нью-Лэнарская деятельность.

Пока Оуэн выступал в роли благотворителя, филантропа, он пользовался почетом и уважением, его деятельность прославлялась. Когда же он открыто, заявил о своих коммунистических взглядах, официальные общественные круги Англии стали его преследовать, и ему пришлось покинуть родину.

Теперь поговорим о втором периоде его деятельности, когда главной линией в его миросозерцании является та линия, которая идет от анализа фабричной системы, т. е. развивающегося капиталистического строя. «Поставив вопрос о преобразовании среды, Оуэн на основе этого анализа приходит к выводу об уничтожении старого строя, базирующегося на «троице зол». Ими он считал частную собственность, религию и буржуазный брак. Новое воспитание должно быть основано на социально-экономических условиях, созданных коммунистическими общинами»³. Здесь на первый план, как мы ви-

¹ См.: *А. В. Каменский*. Роберт Оуэн. Жизнь замечательных людей. — СПб., 1893.

² *Волкова Е. Ф.* Пророк «разумного общества». Роберт Оуэн: Его жизнь и деятельность. М., 1913. С. 143–144.

³ См. *Бут А.* Биография и деятельность Роберта Оуэна, основателя социализма в Англии. СПб., 1870.

дим, выдвигается преобразование социальной среды, воспитание обусловлено новой средой.

Следует также отметить, что есть еще один временной промежуток деятельности Оуэна, своего рода время пропаганды социализма среди рабочих (начиная с 30-х годов) вопросы воспитания вновь выдвигаются на первый план, смешиваясь с пропагандой.

Таким образом, мы видим, что у Оуэна, несмотря на его блестящий по временам анализ капиталистического строя и обнаруживаемую им глубину понимания причин эксплуатации трудящихся масс, основными средствами борьбы за установление коммунистического идеала являются пропаганда и воспитание.

Между педагогическими идеями и построениями первого и второго периодов имелась явно преемственная связь; без сомнения, первые не оставались без влияния на вторые. А ведь так и было на самом деле, поскольку Оуэн стремился в первый период создать усовершенствованный рабочий коллектив, он выдвигал идеи и построения, которые должны были и могли быть использованы им в дальнейшем. А применить он их мог, в тот момент, когда он центр тяжести своей педагогики перенес на создание всесторонне усовершенствованного человека, члена коммунистической общины. Но то, что он собирался использовать их, на мой взгляд, не означает, что он должен их повторить.

Многие исследователи утверждают, что между педагогическими построениями первого и второго периодов ни в коем случае нельзя ставить знака равенства. Очень важно отметить, что «Роберт Оуэн стремился, чтобы вопрос об образовании нарастающих поколений сделался национальным делом, чтобы правительство и высшие классы стали во главе этого движения и чтобы усвоенная система была построена на самых широких и разумных началах»¹.

Большинство считают Оуэна утопистом, растратившим все свое состояние в безумных филантропических предприятиях. Но есть те, кто полагают, что большая часть его жизни прошла в борьбе с тем ближайшим злом и в поиске практических средств помощи в тех бедствиях, которые происходили у него на глазах.

И в заключении, цитата Роберта Оуэна, которая очень ясно отражает смысл его идей, — «Благодаря воспитанию людей в отдаленном будущем несовершенное человечество превратится в новую расу людей — таково могущество воспитания»².

¹ См. *Каменский А. В.* Роберт Оуэн. Жизнь замечательных людей. — СПб., 1893.

² *Owen R.* The book of the new moral world. L., 1842–1844. P. 77–97.

Российская политика

Яна Валерьевна Вутянова

Аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Конфликтность и консенсус России и Белоруссии

Ключевые слова: Россия, Белоруссия, газ, нефть, конфликты, соглашения, политика.

Аннотация

В череде различных конфликтов, происходящих между Россией и Белоруссией в последние годы, противоречия по поводу газа являются одними из самых острых. При этом основные причины конфликтов, как правило, лежат в сфере политики.

Последние два года между Россией и Белоруссией происходили газовые, молочные, информационные войны.

В 2010 году экономические противоречия России и Белоруссии стали во главу угла отношений двух стран. В начале года стороны конфликтовали вокруг пошлин на нефть, цена вопроса тогда составляла около \$ 2 млрд. В июне причиной конфликта стал долг Белоруссии за российский газ, сумма которого составляла всего \$ 192 млн.

Однако данные действия российской стороны можно рассматривать не только с экономической точки зрения, но и в качестве инструмента политического давления на Белоруссию относительно создания Таможенного союза на российских условиях, а также ряда других проектов и соглашений.

В ночь с 31 декабря 2006 г. на 1 января 2007 г. «Газпром» и «Белтрансгаз» подписали пятилетний контракт с формулой европейской цены на поставку российского газа в Белоруссию и его транзит. Ежегодно через территорию Белоруссии транзитом в Европу идет около 40 куб. м. российского газа. Основными его потребителями являются Литва, Польша и Германия.

В настоящее время официальная цена для Белоруссии — \$ 184,8 за кубометр. Однако белорусская сторона в 2010 году продолжала платить по старой цене — по \$ 150. Так, газовый долг стал для Москвы предлогом для перекрытия газового вентиля.

Как ни странно, но политическую подоплеку газовой войны подтвердили источники в правительстве и МИДе РФ. «Сумма долга

небольшая. Но в кризис и \$ 200 млн. — деньги. А главное — надо заставить наших партнеров исполнять взятые на себя обязательства. Это касается не только газа», — заявил источник в правительстве РФ.

В этой ситуации летом 2010 года белорусские СМИ инициировали информационную атаку на руководство России, которое обвинялось в том, что через ценовую политику на энергоносители предъявляет свою политическую волю в отношениях к соседним странам. Первоначальные комментарии белорусских экспертов относительно конфликта касались коварства России, которая посягнула на святую память о войне. Затем эти комментарии сменились мнениями о подрыве Россией и, в частности, «Газпромом», политической репутации первой и деловой — второго.

В эту информационную войну помимо СМИ двух стран были вовлечены и их лидеры. А. Лукашенко выступил с критикой в адрес Д. Медведева: «Когда нас начинают унижать не то котлетами, не то колбасой, маслом и блинами, мы это воспринимаем как оскорбление белорусского народа. Так не подобает себя вести себя президенту, в том числе соседнего союзного государства».

Президент России также публично выразил недовольство предложением Минска погасить долг за газ белорусскими товарами, подчеркнув, что российская сторона примет только валюту, — «ни пироги, ни масло, ни сыр, ни блины, ничто другое не может служить средством платежа»¹.

Информационная война против России была использована и в предвыборной кампании А. Лукашенко. Президент Белоруссии провел встречу с журналистами российских федеральных и региональных СМИ, на которой назвал Д. Медведева и, возможно, В. Путина «кучкой пусть и высокопоставленных политиков», затеявших кампанию против Белоруссии. При этом А. Лукашенко выступал в роли защитника белорусского суверенитета от посягательств соседа.

Президент России считал необходимым сделать специальную запись в своем видеоблоге, где подчеркнул, что А. Лукашенко всегда строил свою политику на использовании образа внешнего врага: «Только раньше в этой роли выступали Америка, Европа, Запад в целом. Теперь одним из главных врагов объявлена Россия»². Именно на этом, считает российский президент, построена вся избирательная кампания Лукашенко.

¹ *Томашевская О.* Унижение котлетами // *Время новостей.* 2010. 23 июня. С. 2.

² URL: <http://kremlin.ru/news/9126>

Однако этот публичный политический конфликт является не первым в ряду личностных конфликтов президента Белоруссии с российскими чиновниками. Так, вопрос о предоставлении российского кредита в 2009 году перерос в диспут А. Лукашенко и А. Кудрина, когда глава Белоруссии обвинил Министра финансов РФ в стремлении последнего «посеять панику» в республике и подержать местную оппозицию.

Не секрет, что многие годы Минск получал от Москвы льготы при поставке энергоресурсов в обмен на политическую лояльность. Однако поведение А. Лукашенко в последнее время стало более независимым от мнения Кремля.

Одним из первых шагов в данном направлении стал демонстративный отказ президента Белоруссии отправить своего премьера С. Сидорского в Санкт-Петербург на подписание документов о создании единой таможенной территории в рамках Таможенного союза. Главы правительств России и Казахстана В. Путин и К. Масимов вдвоем поставили подписи под этим соглашением. Этот шаг поставил под угрозу планы Кремля завершить создание Союза к 1 июля 2010 года. Также Москва негативно отнеслась к невыполненному обещанию А. Лукашенко признать Абхазию и Южную Осетию, и неадекватному шагу — спасению опального президента Киргизии К. Бакиева. Положительная тенденция в развитии российско-белорусских отношений наметилась осенью 2010 года. На переговорах В. Путина со своим белорусским коллегой С. Сидорским в октябре удалось согласовать параметры роста цен на газ и увязать отмену экспортных пошлин на российскую нефть для Белоруссии с ратификацией Минском соглашений по Единому экономическому пространству.

Затем в Москве в рамках заседания Высшего органа Таможенного союза и Межгосударственного совета ЕврАзЭС были подписаны все соглашения по созданию Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, между Москвой и Минском были урегулированы вопросы пошлин на нефть и цен на газ. Как подчеркнул Д. Медведев, «это открывает новые возможности, в их числе — свободное движение капиталов, услуг, идей, а также единая экономическая политика. Это работающий механизм, который влияет на качество жизни людей»¹.

Помимо экономической составляющей принятые решения имеют важное политическое значение. Накануне выборов президента

¹ URL: <http://kremlin.ru/news/9761>

Белоруссии для А. Лукашенко было очень важно «создать картинку» примирения с Москвой. «Как наши отношения неожиданно испортились, так же неожиданно они и нормализуются. Милые бранятся — только тешатся», — резюмировал президент республики¹.

Несмотря на наметившуюся положительную тенденцию в развитии отношений, некоторые эксперты предсказывают продолжение конфликтов между двумя странами. По мнению белорусского политолога В. Карбалевича, «белорусское общество расколото примерно пополам. 40–41 % населения ориентированы на Евросоюз, примерно столько же на Россию. Раньше было соотношение в пользу России, теперь, после серии белорусско-российских конфликтов, оно поменялось. Беларусь пытается лавировать между Европой и Россией, и получать дивиденды и с той, и с другой стороны. Понятно, Москва этим недовольна. Но в ситуации, когда Евросоюз всерьез включился в конкурентную борьбу за контроль над Восточной Европой — России ничего другого не остается, кроме как пытаться применять к Минску политику кнута и пряника»².

Однако создание таких образований как Единое экономическое пространство и будущий Евразийский союз закладывает программу согласованных действий государств-членов на ближайшие годы, что будет способствовать сокращению и предотвращению новых конфликтов.

Юлия Викторовна Игнатенко

Студентка кафедры российской политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Политическая культура: вчера, сегодня, завтра

Ключевые слова: междисциплинарность дискурса, концептуализация содержания понятий, качественная характеристика политики, консенсусность политической культуры.

Аннотация

В статье рассматриваются истоки, ориентиры, перспективы политико-культурного подхода; затрагиваются проблемы категории политической культуры и соответствующего феномена.

Современная политология всё больше и больше становится междисциплинарным полем исследований, которое до сих пор про-

¹ URL: <http://www.newsru.com/world/10dec2010/mir.html>

² URL: <http://www.firstnews.ru/news/policy/10271/>

должает определять свои границы и принципы. Это разнообразие отраслей политической науки достаточно чётко отражается в англоязычном названии дисциплины — *political sciences*. Рассматривая институты, сообщества, отдельного индивида, учитывая разные парадигмы, политология пытается понять пружины политических процессов. И одним из возможных подходов является *социокультурный, или политико-культурный*. Неопределённость и неоднозначность понятия «политическая культура», а также недостаточная доказательность соответствующих научных выкладок не умаляют значимости и потенциала данного подхода, но требуют тщательного теоретического исследования и уместного практического применения его результатов с использованием эмпирического материала. Проблема подобных исследований состоит в том, что *понятие существует в науке, а его содержание не концептуализировано*. Это, в свою очередь, приводит к тому, что всё, что не объясняется иначе, в рамках других подходов и категорий, через иные факторы, «списывается» на политическую культуру. Так, категория «политическая культура» становится «котлом», который пытается переплавить различные идеи. Но вряд ли такой судьбы данному подходу желали Алмонд, Верба, а также многие другие его сторонники и разработчики.

Исходно введение термина «*political culture*» в науку имело под собой чисто практическую потребность объяснить своеобразие политических систем и неприменимость универсальных моделей политического процесса, поведения и восприятия. Включение в сферу политических отношений рядового гражданина требовало его общения к политической культуре, а также ставило задачу определения средств для изучения ориентаций людей в политике. Данный инструмент исследования политического пространства рассматривался как фактор политики, её качественная характеристика, предполагая обращение к глубинным, эмоциональным и социально-психологическим основам политических отношений для выявления механизмов развития, а также в интересах достижения общественной стабильности. Особенно остро эти вопросы стояли в «новоиспечённых» государствах. Однако трактовка «политических ориентаций индивидов»¹ носила сугубо социологический характер, вследствие чего изучалось не общество или некое сообщество в контексте политики, а рядовой гражданин как некий типичный представитель

¹ Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. М., 1997. С.593–600.

общества. С одной стороны, это упрощало само исследование; с другой стороны — не учитывался ни параметр коллективности, ни наличие личностных особенностей индивидов.

Большинство дальнейших исследований естественным образом касалось, в основном, *понятия* политической культуры, нежели соответствующего феномена. Однако формулирование определений, типологий и функций переставало отвечать вызовам быстро менявшихся реалий (политической жизни в том числе), а, главное, не давало требовавшейся отдачи от исследований и разработок. Это стало, по всей видимости, одной из предпосылок отступления данного подхода на второй план.

Тем не менее, концепция со временем получила распространение в других странах. В частности в России, в итоге общественно-политических трансформаций проблематика политической культуры на время стала актуальной. Исследования касались категории политической культуры потому, что, во-первых, она выводила на значительный пласт западных политологических исследований. Во-вторых, была определённая потребность выявления настроений людей, что, в значительной мере, было созвучно данному подходу. В-третьих, стояла задача определения перспектив развития государства, в связи с чем обращение к политической культуре открывало возможности как апелляции к истории, так и объяснения путей развития и ошибок той же историей. Однако научный интерес быстро угас. Возможно, подобная тенденция связана с тем, что изучение политической культуры не даёт быстрых результатов, в отличие, например, от имиджологии. Во-вторых, к культурологическим и психологическим аспектам политической культуры, тем более к философским, зачастую не приложимы принципы научности в чистом виде, что не позволяет верифицировать получаемые выводы. Подобные исследования, даже если они и проводятся, вынуждены оставаться в тени. При этом традиция данного подхода остаётся в потенциальном инструментарии науки.

Так или иначе, введение социокультурного подхода в политологию сформировало пространство междисциплинарного дискурса, тем самым установив связи политической науки с различными предметными областями, что обогатило как политологию, так и науку в целом. Однако это поставило и новые вопросы, что усложнило представление о политике и месте в ней человека. Но тот факт, что в течение нескольких десятилетий не сформировалось чёткого понимания категории, инструментария её использования в практических исследованиях (ввиду сложности и неоднозначности феномена), привёл к относительной непопулярности подхода к началу XXI в. Но, вероятно, его потенциал просто не мог быть полнее раскрыт

прежде. Возможно, для более целостного и чёткого представления о «политической культуре» требуется детальное и системное изучение тех феноменов, которые интуитивно включаются в неё. Именно это мы и наблюдаем в работах самых разных научных направлений: не только политологии, но и социологии, психологии, педагогики и лингвистики. В дальнейшем также важно понять, как может быть использована данная категория. Это внесёт свой вклад в уточнение формулировки содержания политической культуры, если исходить из инструментализма и прагматической цели развития науки.

Дальнейшее исследование политической культуры обоснованно не только с теоретической точки зрения для ответа на множество общенаучных и мировоззренческих вопросов, волнующих каждого из нас, но и в практическом плане — для определения адекватного соотношения универсальных новых возможностей глобализирующегося мира со спецификой культурных реалий. Так, в современном российском обществе генерируются специальные программы «повышения политической культуры студентов», старших школьников, молодёжи в целом. По сути всё это направлено не столько на «повышение», сколько на формирование консенсусности политической культуры российского общества в целом. Немалую роль в этом процессе играют и научные труды, закладывающие теоретические основы соответствующих практических разработок. Однако озабоченность подобными проблемами и осознанность приоритетов оставляют желать лучшего. Ведь в основе политической культуры продолжает оставаться ответственная личность.

Сергей Борисович Лугвин

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и истории гуманитарно-экономического факультета Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого

Особенности процессов институционализации государственной бюрократии в контексте эволюции политического управления советского общества

В ходе широкомасштабной социально-политической инженерии, нацеленной на реализацию утопического проекта совершенного общества, в России была создана во многом уникальная этакратическая система, опирающаяся на тоталитарно-бюрократические методы управления, репрессии и идеологическое воздействие. Ее админист-

ративно-политическим контекстом стали монополизм и синкретизм власти, нигилистическое отношение к праву и волевой характер управления.

Негативное влияние на формирование советской системы государственного управления оказало неприятие прежней административной практики, институционализированной в дореволюционном государственном аппарате, его кадрах и правовых нормах. Отрицательную роль сыграли также периодические «чистки» государственного аппарата и принцип классового подхода, устанавливающий безусловный приоритет классовой сознательности и классового происхождения над любыми управленческими знаниями и навыками. Руководителям Советского государства требовалась не рациональная бюрократия веберовского типа, а бюрократия патримониального типа, способная быть лишь послушным исполнителем спускаемых сверху распоряжений. Она должна была демонстрировать не знание правовых норм и самостоятельность в работе, а постоянное самоотречение, политическую преданность и личную верность партии и вождю, приказания которого имели безусловный приоритет над любыми формальными правилами и нормами.

Требования неукоснительного послушания и исполнительности породили директивно-приказной стиль управления и военизированный характер государственной службы. Считалось, что партия не просто руководит социалистическим строительством, а ведет напряженную борьбу на всех фронтах (в терминологии Сталина: «фронт борьбы между пролетариатом и кулачеством», «фронт борьбы между деревенской беднотой и кулачеством», «фронт сельскохозяйственной кооперации», «фронт строительства», «фронт молодежи» и т. п.), широко используя при этом военную стратегию и тактику. Отсюда не случайно, что административно-политические отношения Сталин фактически отождествлял с военным командованием, отдачей приказов и безропотном подчинении. Весьма показательное определение, данное им Коммунистической партии: «Партия — это командный состав и штаб пролетариата...»¹. Характеризуя партийную иерархию, он охотно использовал военную лексику: высшие руководители — «партийный генералитет», средние руководители — «партийное офицерство», низший командный состав — «партийное унтер-офицерство». По мнению Сталина, государственный аппарат должен быть во всем подобен военному. Отсюда его

¹ Сталин И. В. Организационный отчет ЦК ККП (б) XII съезду // Соч., 13 т. Т. 5. М., 1953. С. 72.

стремление унифицировать и ранжировать всех чиновников по образцу Красной армии, для чего в ряде министерств были введены особые мундиры и знаки отличия (после смерти Сталина в большинстве из них форма была отменена).

С самого начала ядром советского государственного аппарата стала партийная номенклатура, являющаяся подобием политической бюрократии. Именно она обеспечивала проведение политической линии партии во всех сферах общественной жизни и на всех этажах государственного управления. Институт номенклатуры не имел правового регулирования. При отборе кандидатов в номенклатуру более всего ценились не их деловые и профессиональные качества, а происхождение, анкетные данные, преданность вождю и партии. Психологические последствия такого подхода хорошо показал М. Восленский: «Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, то он легко может быть заменен другим. <...> Этот принцип кадровой политики порождал у счастливых назначенцев не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимыми»¹ [12, с. 212].

В условиях преобладания директивно-приказных методов управления с их акцентом на волевых качествах руководителей утвердилось мнение, что номенклатурные чиновники с одинаковым успехом могут руководить любой сферой общественной деятельности, будь то профсоюзы, образование, промышленность, сельское хозяйство и пр. Это обусловило номенклатурное перемещение кадров по различным отраслям народного хозяйства и сферам деятельности.

Номенклатурное чиновничество очень напоминает модель «патримониальной бюрократии» М. Вебера, в которой чиновники полностью зависели от милости своего господина и не имели устойчивой административной специализации. Сходство еще более усиливается, если учесть то обстоятельство, что денежное содержание номенклатуры обычно дополнялось всякого рода привилегиями и натуральными выплатами. Однако, несмотря на свой архаизм, она все-таки обладала некоторой функциональностью. Так, именно номенклатура обеспечивала согласованную работу всех звеньев государственного аппарата, его нацеленность на решение любых задач, поставленных властью.

«Золотым веком» советской бюрократии стал период «развитого социализма», когда с прекращением сталинских «чисток» и хрущев-

¹ Восленский М. Номенклатура. Фрагменты книги // Новый мир. 1990. № 6. С. 212.

ских «ротаций» была достигнута стабилизация кадров, распространившаяся в первую очередь на партийную номенклатуру. Одновременно усилилась тенденция к закрытости бюрократических структур. Упрочение должностного положения чиновничества, использование привилегий и каналов личных связей позволяло им обеспечивать собственное воспроизводство, в том числе за счет создания преимуществ для своих детей при получении образования, занятии престижных должностей, карьерном продвижении по службе и т. п.

Утвердившаяся при Сталине военно-бюрократическая система управления при Брежневе была дополнена и отчасти заменена бюрократическим рынком, участниками которого являлись как отдельные должностные лица, так и целые органы управления. В отличие от экономического рынка на бюрократическом рынке шла торговля не столько материальными ценностями, сколько властными ресурсами, статусами, должностями, исключениями из правил и пр. Действовал принцип: «ты — мне, я — тебе». «Бюрократический рынок, — писал В. Найшуль, — сформировал определенный тип управленца — не „солдата партии“, как в сталинское время, а „торговца партии“, для которого в государственной деятельности... ни распоряжения высочайшего „верха“, ни обязательные для всех правила, ни законы страны не являются... категорическими императивами»¹. В период горбачевско-ельцинских реформ подобная институциональная среда создала благоприятные предпосылки для «номенклатурной приватизации» государственной собственности.

В годы «застоя» советская бюрократия достигла наибольшей зрелости, численности и политического влияния. Если при харизматичном Сталине она была лишь простым исполнителем спускаемых сверху распоряжений, то при Брежневе стала активно проявлять собственные властные амбиции. В лице партийно-аппаратных структур, сотен министерств и ведомств она монопольно распоряжалась государственной собственностью и навязывала политическому руководству собственные решения. В подобных условиях функции политического управления стали перемещаться в аппаратные структуры, а партийные съезды оказывались «тщательно срежиссированным спектаклем единодушного одобрения директив, выработанных руководящими органами аппарата власти»². В результате оправдался прогноз М. Вебера, согласно которому при социализме «развивается диктатура не рабочего, а чиновника».

¹ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: (анатомия застоя). М., 1991. С. 50.

² Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1998. С. 442.

Несмотря на свою силу и влияние, советская бюрократия вовсе не была слоченной корпорацией. Между ее отдельными звеньями шла постоянная борьба за бюджетные ресурсы, влияние на власть, статусные гарантии и пр. А в 70-х — начале 80-х гг. углубились противоречия между геронтократией и «молодыми» руководителями, которые оказались недовольны «закупоркой» каналов вертикальной мобильности, широко открытых при Сталине. В последующем внутренние противоречия бюрократии, усиливаемые властными амбициями «национальных» кадров, стали одной из причин распада СССР.

На рубеже 70-х — начала 80-х гг. в повестку дня была поставлена задача проведения постиндустриальной модернизации страны, решение которой оказалось невозможно без формирования рыночной экономики, демократизации политической системы, развития инициативы и предприимчивости граждан. Но к проведению подобных преобразований советская бюрократия оказалась не готова. Во многом это определялось тем обстоятельством, что, будучи патриархальной по своему характеру, она существенно не дотягивала до веберовских канонов «рациональной бюрократии».

Наталья Юрьевна Лукс

Аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Современный этап развития взаимоотношений власти и бизнеса (на примере компании ОАО ГМК «Норильский никель»).

Ключевые слова: взаимоотношения власти и крупного бизнеса, усиление государства в экономике, компания ОАО ГМК «Норильский никель».

Аннотация

Рассматриваются взаимоотношения государства и крупного бизнеса на примере взаимодействия федеральных органов власти с одной из ведущих ФПГ — компанией «Норильский никель».

Взаимоотношения бизнеса и власти в России за последние два года претерпели существенные изменения. Причиной этому стало множество факторов, начиная от приближающегося большого избирательного цикла 2011–2012 гг., заканчивая затронувшим Россию

глобальным финансово-экономическим кризисом, что неизменно привело к пересмотру правил игры на политическом поле со стороны государства.

В отечественной специальной литературе вопросы, связанные с теоретическими и практическими аспектами взаимоотношений власти и бизнеса, нашли отражение в работах С. П. Перегудова, Я. Ш. Паппэ, Р. Ф. Туровского, В. Л. Тамбовцева, М. И. Либоракиной, А. Ю. Зудина, А. Н. Шохина, И. Н. Гавриловой.

В научной литературе, посвященной тематике взаимодействия власти и бизнеса, прослеживаются три концептуальных направления:

Первое направление затрагивает политические аспекты взаимоотношений, что нашло отражение в работах Р. Ф. Туровского, Я. Ш. Паппэ, Г. Б. Василевского, А. Ю. Зудина, И. М. Бунина, Н. В. Назаровой, Б. И. Макаренко. Данное направление оценивает взаимодействие государства и бизнеса с точки зрения развития политической системы в России.

Второе направление рассматривает экономические аспекты взаимодействия власти и бизнеса в рамках рыночных отношений, в котором исследуются механизмы взаимодействия государства и бизнеса с позиций реальной рыночной экономики. Данное направление получило развитие в работах Л. И. Абалкина, П. Г. Бунича, С. Ю. Глазьева, Н. П. Шмелева, Е. Г. Ясина, А. Н. Шохина.

Третье направление — социальное партнерство и благотворительность бизнеса, где изучаются проблемы взаимоотношений власти и бизнеса в современной России с позиций социальной ответственности бизнеса и его благотворительности. В отечественной литературе проблемы, связанные с социальным партнерством государства и бизнеса, а также благотворительностью бизнеса нашли отражение в работах И. Н. Гавриловой, С. Е. Литовченко, М. И. Корсакова, Н. Ф. Наумовой, Н. М. Римашевской, М. И. Либоракиной, С. В. Ивченко, Т. С. Сиваевой, И. Н. Трофимовой.

Историческое развитие сформировало относительно устойчивые и довольно разнообразные типы отношений между государством и бизнесом, которые условно можно разделить на три периода: 1992–1999 гг., 2000 — первая половина 2008г., вторая половина 2008 — н. в.

На первом этапе формирование взаимоотношений между властью и бизнесом происходило в уникальных условиях — в сочетании глубокого экономического спада, смены политического строя, национальной катастрофы и тотального недоверия общества к новым государственным институтам.

Ключевой особенностью выстраивания отношений между государством и бизнесом в этот период был факт слабости государства. Поэтому в 1990-е годы стратегии взаимодействия с властью выстраивал бизнес, причем избирал одну из двух доминирующих стратегий — тесное взаимодействие с государством (модель «захвата государства») или дистанцирование от него (модель «свободного предпринимательства»). Свою слабость федеральная власть почувствовала уже 1994–1995гг., когда стало очевидно, что для победы в избирательном цикле 1995–1996гг. у нее нет массовой социальной базы, поскольку экономический спад и инфляция продолжались, а результаты приватизации разочаровали общество. В этих условиях федеральная власть сделала ставку на иную социальную базу, состоящую из влиятельных субъектов крупного бизнеса, а также из руководителей субъектов РФ. Союзникам из крупного бизнеса обеспечивались специальные привилегии в обмен на поддержку как политики власти в целом, так и отдельных ее акций. Но наиболее ярким примером стали залоговые аукционы, которые представляли собой фактически раздачу весьма ценных промышленных активов в обмен главным образом на будущую политическую поддержку. Это привело к тому, что «избранные» бизнес-структуры динамично росли и быстро попадали или закреплялись в числе крупнейших. К этому периоду относят также массовое проникновение представителей крупного бизнеса на высокие государственные посты (В. Потанина — в правительство, Б. Березовского — в Совет Безопасности). Одновременно власть оказалась в собственной ловушке: дав добро на формирование единичных крупных бизнес — структур, она стала сама от них зависеть, поскольку лишь они могли предоставить финансовые и медийные ресурсы для предвыборных кампаний и для решения некоторых других задач. Это позволило некоторым исследователям говорить о том, что после президентских выборов 1996-го был нарушен политический баланс в отношениях государства и бизнеса в пользу последнего и о том, что государство временно лишилось доминантного статуса.

С приходом к власти В. В. Путина в 2000 г. ситуация кардинальным образом переменялась и во взаимоотношениях власть-бизнес начался новый этап, что в конечном счете привело к восстановлению иерархии во взаимоотношениях политической и экономической элит в пользу доминантного положения государства. Надо отметить, что контуры новых отношений по линии власть-бизнес стали выстраиваться уже после выборов в Государственную Думу в декабре 1999 г. Тогда стало ясно, что победа В. Путина на прези-

дентских выборах 2000г. гарантирована и будет обеспечена двумя факторами: позицией во власти и высокой личной популярностью. Таким образом, поддержка со стороны крупного бизнеса, равно как и любой другой элитной группы, не является для него необходимым ресурсом. Ситуация для бизнеса осложнялась тем, что экономический рост и благоприятная ценовая конъюнктура на мировых рынках также позволяла федеральной административной элите отказаться от необходимости стратегического союза с крупным бизнесом. В конечном счете, это привело к тому, что бизнес был «равноудален» — отстранен от процессов выработки и принятия важнейших политических и социальных решений. И в первую очередь, это коснулось «избранных» бизнес — структур, которые были жестко отодвинуты от федеральных электронных СМИ, а также от естественных монополий. Символами здесь стали вынужденная эмиграция наиболее одиозных представителей бизнеса — В. Гусинского, Б. Березовского и отставка председателя правления «Газпрома» Р. Вяхирева. С середины 2003 г. начался качественно новый этап формирования модели доминирования государства. Наиболее яркими его маркерами стали национализация ряда крупных компаний и предприятий («Газпрома», предприятий ЮКОСа и т. д.) и формирование ряда крупных государственных холдингов — государственных корпораций, которым были переданы учреждения, предприятий и пакеты акций, изначально находившиеся в госсобственности. В отличие от обычных госкорпораций, где представители государства располагают большинством голосов в советах директоров, новые, созданные в 2005 г. и позже госкорпорации типа «Ростехнологий», «Росолимпстроя», «Росатома» и др. получили статус автономных, «некоммерческих» организаций, в результате чего их руководство может довольно свободно распоряжаться полученными от государства активами и самостоятельно изыскивать пути и способы выполнения возложенных на них функций. Таким образом, можно констатировать, что на втором этапе формирования отношений по линии бизнес-государство наметилась тенденция к переходу к новой государственно-капиталистической модели, где бизнесу стала отводиться роль «младшего партнера», которому разрешено выступать в роли просителя, но никак не равноценного партнера, и где государство активно формирует предоставление о «командных высотах» в экономике, то есть о наборе активов, которые должны находиться в госсобственности.

На входе в третий, нынешний этап взаимодействия власти и бизнеса, который совпал по временным промежуткам с началом

кризиса, российская экономика уже была в значительной степени огосударствленной и продолжила двигаться в данном направлении.

В целом, для нынешней модели взаимодействия крупного бизнеса и государства характерны следующие основные черты:

1. Дальнейшая национализация (наиболее крупные сделки — переход под контроль Газпромнефти более 75 % акций «Sibir Energy», а также 40 % акций «Ростелекома», которые были национализированным банком «КИТ Финанс»).
2. Переход частных активов в залог к государственным банкам — ВЭБ, ВТБ, Сбербанку и Газпромбанку. В результате предоставления кредитов государство получило в залог пакеты акций многих ведущих компаний.

Какими будут контуры модели взаимоотношений бизнес — власть в будущем, зависит от того, как в дальнейшем государство решит распорядиться активами, заложенными ведущими компаниями под кредиты четырех государственных банков — Сбербанка, ВТБ, ВЭБа и Газпромбанка. Исследователи выделяют два возможных варианта развития событий. Первый — с помощью различных механизмов и инструментов пролонгировать и реструктуризировать кредиты до того времени, когда должники станут вновь платежеспособными. Второй — осуществить переход залогов в собственность банков — кредиторов или непосредственно в государственную на неопределенный срок, т.е. провести национализацию. Это повлечет за собой изменение в структуре собственности в стране и государство будет доминировать в цветной металлургии, увеличит долю в нефтянке примерно до половины или даже чуть больше, масштабно вернется в черную металлургию и машиностроение.

В настоящее время государство выбрало первый вариант, пролонгировав и рефинансировав кредиты должников на несколько лет вперед, не решившись взорвать «залоговую бомбу». Остается под вопросом, как в дальнейшем распределится руководство страны с кредитами и с активами, под них заложенными, когда будут истекать сроки новой пролонгации. С одной стороны, председатель правительства В. Путин заявил, что бесконечно пролонгироваться кредиты не будут. С другой — еще до прихода кризиса в Россию чиновники разного уровня и некоторые руководители госструктур объявляли все новые сферы экономики стратегическими и на этом основании требовали их огосударствления.

Произойдет ли национализация данных бизнес-структур говорить пока сложно, но с определенной долей уверенностью, можно предположить, что государство в дальнейшем будет усиливать по-

литический контроль и наращивать свое присутствие в крупном бизнесе. Одной из таких бизнес-структур, оказавшейся в ситуации неопределенности по поводу дальнейшего своего будущего, стала компания ОАО ГМК «Норильский никель». Ключевые собственники компании О. Дерипаска и В. Потанин получили под залог акций компании кредиты от ВЭБа и ВТБ, тем самым оказавшись в «залоговой ловушке».

На протяжении двух первых периодов (1993–1999 гг., 2000–2008 гг.) взаимодействие федерального центра с одной из ведущих ФПГ — «Норильским никелем¹» выстраивались по партнерской модели, при которой компания выступала достаточно автономным субъектом. Однако в связи с возросшей активностью государства в экономике, стал меняться и контекст взаимоотношений: партнерская модель сменилась на модель государственного капитализма, при котором власть стала оказывать давление на бизнес. Рассмотрим подробнее, как проходил этот процесс.

Свою активность по отношению к «Норникелю» государство стало проявлять после того, как в апреле 2008 г. один из ключевых собственников — М. Прохоров, бывший наряду с В. Потаниным крупнейшим совладельцем компании, продал свою долю в 25 % плюс 1 акция крупнейшей в мире алюминиевой компании «Русалу», контролируемой О. Дерипаской.

К этому же времени относится и первая успешная попытка государства «внедриться» в компанию, которую оно осуществило в августе 2008г., когда умело сыграв на противоречиях менеджмента компании, федералам удалось провести на пост гендиректора госставленника в лице бывшего руководителя Федерального агентства по туризму, выходца из Петербурга (где он создал известную туристическую компанию «Нева»), близкого к В. Путину В. Стржалковского. Тогда вмешательство государства в дела компании стало возможным благодаря тому, что в борьбе за лидерские позиции два крупнейших акционера сами не смогли договориться по поводу кандидатуры гендиректора, которая удовлетворяла бы обоим. Пролонгирование полномочий на тот момент действующего гендиректора С. Батехина, который считался «человеком Потанина», естественным образом не устраивало нового собственника О. Дерипаску, но в то же время В. Потанин также не желал те-

¹ ОАО ГМК «Норильский никель» представляет собой крупнейшую в России диверсифицированную горно-металлургическую компанию, являющуюся крупнейшим в мире производителем никеля и палладия и одним из крупнейших в мире производителей платины, родия, меди и кобальта.

рять контроль над компанией. В этой ситуации акционеры предпочли уступить пост госставленнику В. Стржалковскому, чья кандидатура должна была стать компромиссной для всех олигархических кланов, втянутых в борьбу за комбинат. Формально фигура В. Стржалковского должна была служить своего рода посредником между Кремлём, Белым домом, старыми и новыми группировками собственников, фактически этим назначением было положено начало государственной «экспансии» в компанию.

В последующем государство лишь укрепило свои позиции, продолжив политику продвижения своих ставленников на ключевые позиции в компании. Так, в декабре 2008г. председателем совета директоров был избран бывший руководитель Администрации президента А. Волошин, которого в дальнейшем на этом посту его сменил первый зампред правления ВТБ, глава Общественного совета при ФСБ России В. Титов.

Поставив на ключевые посты «своих» людей, федеральный центр предпринял еще один шаг, сильно ударивший по позициям компании. В январе 2010 г. был переведен с поста губернатора Красноярского края на должность полпреда в СКФО А. Хлопонин, считавшийся ключевым лоббистом компании, как на региональном, так и на федеральном уровне.

Так, завоевав губернаторский пост в 2002 г. бывший генеральный директор ГМК «Норильский никель» А. Хлопонин вступил в активную борьбу за отстаивание интересов «своей» корпорации. Напомним, что после гибели А. Лебеда в 2002 году в борьбу за пост губернатора включились представители двух крупных ФПГ. «Русал» поддержал А. Усса, председателя краевого Законодательного Собрания, «Интеррос» — А. Хлопонина, таймырского губернатора, бывшего генерального директора ГМК «Норильский никель»¹. Во втором туре выборов, которые прошли в сентябре 2002 года, Хлопонин обошел А. Усса на 6 % голосов и стал губернатором.

Продвижение интересов компании А. Хлопонин начал с того, что распределил ведущие посты в краевой администрации между выходцами или из самого «Норильского никеля» или из «Норильскгазпрома». Например, бывший генеральный директор заполярного филиала ГМК «Норильский никель» В. Бобров стал заместителем губернатора по топливно-энергетическому комплексу. Бывший генеральный директор «Норильскгазпрома» С. Сокол какое-то время курировал промышленность, а потом стал заместителем губернатора

¹ Также в выборах участвовал П. Пимашков.

по внешнеэкономическим связям. Еще один бывший гендиректор «Норильскгазпрома» А. Гнездилов — заместитель губернатора по природоресурсному и лесопромышленному блоку. На пост первого заместителя губернатора был назначен Л. Кузнецов — бывший первый заместитель А. Хлопонина по «Норильскому никелю».

Жесткую позицию А. Хлопонин занял по отношению к главному конкуренту «своей» корпорации на территории края — «Русалу», а также к другим ФПГ — СУЭКу и Евразхолдингу.

Главным образом это проявилось в том, что он стал требовать от крупных корпораций (кроме «Норильского никеля», чья доля в то время в бюджете края доходила до 70 %) увеличения отчислений налогов в бюджет. В частности, А. Хлопонин стал бороться с толлингом в алюминиевой промышленности. Это вызвало конфликт между Хлопониным и «Русалом», активно применяющей толлинг. Другим камнем преткновения между А. Хлопониным и «Русалом» стал вопрос по поводу контроля над краевой энергетикой. Значение энергетики для развития металлургии в Красноярске сложно переоценить. Кто владеет контролем над этой отраслью, в конечном счете и является «хозяином» края. «Норникель» не скрывал своего желания перехватить красноярскую энергетику у «Русала», а также и его металлургические активы в крае, что и стало отправной точкой конфликта двух ФПГ за активы «Красноярскэнерго», в котором А. Хлопонин покровительствовал «Норникелю».

В социальной сфере А. Хлопонин также создавал благоприятные условия для «Норникеля», уменьшив его социальное бремя, мотивируя это тем, что чрезмерные социальные обязательства не оставляют ресурсов для инновационного развития.

С приходом Л. Кузнецова на пост губернатора Красноярского края ситуация стала меняться для компании не в лучшую сторону. Во-первых, Л. Кузнецов не обладает тем «политическим весом» и лоббистским потенциалом, который был у его предшественника — А. Хлопонина. Во-вторых, в отличие от А. Хлопонина, который много времени и сил уделял на своем посту лоббированию интересов своей «родной» корпорации, Л. Кузнецов занял по отношению к хозяйствующим субъектам края нейтральную позицию, не вмешиваясь в их конфликты. В этой ситуации, когда губернатор открыто не высказывает симпатий ни одной стороне, а сами акционеры конфликтуют между собой, в выигрыше оказался федеральный центр, который стал активно навязывать свои условия компании. Так, в августе 2010г. в ходе очередного обострения конфликта между собственниками компании по поводу выплаты дивидендов, В. Путин в

ходе поездки в Норильск озвучил инициативу Минфина, которая в будущем нанесет удар по позициям всех участников конфликта вокруг ГМК. Речь идет о повышении пошлины экспортных пошлин на основную продукцию компании. Согласно предложениям ведомства Алексея Кудрина, экспортная пошлина на медь в России может быть увеличена с нулевой ставки до 10 % уже с 2011 года. Одновременно может быть установлена новая шкала ставок экспортной пошлины на никель. Она будет рассчитываться в зависимости от мониторинга мировых цен на этот цветной металл. Согласно новой системе, при стоимости никеля на внешних рынках в \$ 12000 за тонну пошлина останется нулевой, при превышении этого значения она поднимется до 5 %, затем достигнет 7,5 %. При этом максимальная величина — 30 % будет взиматься от разницы в случае превышения цены мониторинга \$ 20000 за тонну. Учитывая, что в августе стоимость никеля на Лондонской бирже металлов (LME) взлетела до \$ 21413 за тонну, налоговая нагрузка на «Норникель» существенно возрастет.

Помимо этого, в ходе визита В. Путина в Норильск было подписано несколько соглашений, обязывающих компанию вкладывать средства в социальную сферу. Так, состоялось подписание четырехстороннего Соглашения «О взаимодействии и сотрудничестве между Министерством регионального развития РФ, Красноярским краем, муниципальным образованием город Норильск и компанией «Норильский никель» по переселению граждан, проживающих в городах Норильске и Дудинке, в районы с благоприятными природными и социально-экономическими условиями». В рамках этого соглашения в 2011–2020 гг. предусматривается ежегодное переселение «на материк» не менее 1126 семей.

Согласно этому документу финансирование программы переселения будет осуществляться следующим образом: из 17,7 млрд рублей 8,3 миллиарда составят целевые субсидии из федерального бюджета, 8,3 млрд рублей предоставит «Норникель», а еще 1,1 миллиарда — консолидированный бюджет Красноярского края. Помимо этого, «Норникель» обязали взять на себя строительство двух новых детских садов и спортивных комплексов в Норильске и Дудинке, а также выполнить свои обязательства по программе обустройства города.

В настоящее время складывается ситуация, что «Норникель» фактически перешел под государственный контроль, а это значит, что во взаимоотношениях власть-компания произошел переход от партнерской модели к модели государственного капитализма. Формально владельцами компании остаются частные собственники, В. Потанин и О. Дерипаска, в меньшей степени — А. Усманов. Но

реально акции «Русала» заложены во Внешэкономбанке, а акции В. Потанина — во Внешторгбанке. Новую ситуацию отражает управление компанией: генеральным директором является В. Стржалковский. В то же время государство умело играет на противоречиях, имеющихся у собственников компании. Наличие конфликта не дает акционерам выступать единым фронтом в защиту своих интересов, зато предоставляет возможность государству в качестве «независимого» арбитра-примирителя лавировать между ключевыми собственниками, а на деле — навязывать свои условия.

Майя Андреевна Незина

Аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Административно-территориальное деление современной России сквозь призму советского опыта

Ключевые слова: регион, статус, суверенитет, субъект, федерализм, централизм, идентичность.

Аннотация

В данной статье рассматривается советский опыт территориально-государственного строительства и его влияние на современную российскую политику. Особое внимание уделено факторам административно-территориального деления, региональной идентичности и понятию суверенитета.

Фундаментальное для каждого государства понятие «суверенитет» Советский Союз трактовал по-своему. Так, активно использовалась идея многоуровневого, делимого суверенитета. Суть заключалась в том, что каждая социалистическая республика объявлялась полноценным государственным образованием со всеми присущими характеристиками. Во всех советских конституциях, которые, кстати, принимались через год после общесоюзных, признавался ограниченный суверенитет республик. Так, в Конституции 1924 г. было указано, что «суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть

самостоятельно; Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик».

Конституция 1977 г. важна для нас тем, что она включает в себя в теоретизированном виде все практические формы советской политической системы. В частности, дается наиболее полное понимание того, что из себя представляет советский федерализм. В статье 70 зафиксировано, что СССР есть «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». Статья 76 дает достаточно полное определение союзной республике, что помогает нам понять теоретическую основу отношений между центром и регионами. Так, союзная республика называется суверенным советским социалистическим государством, которое объединяется с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик. В рамках статуса государства республики имели и собственное гражданство; получается, что каждый гражданин СССР обладал двойным гражданством: непосредственно советским и гражданством той республики, где он родился. Фактически же значимым было лишь общесоюзное гражданство, в то время как введение гражданства республиканского выглядело скорее стремлением придать советскому государству демократическую оболочку.

Как уже было отмечено, советский федерализм — явление в мировой истории уникальное. Так, традиционно в законодательстве федеративного государства отсутствует пункт о возможности свободного выхода из союза для субъектов. СССР закреплял за своими субъектами право на сепарацию. Эта особенность сближает советскую федерацию с конфедерацией, когда союзным республикам были предоставлены полномочия, типичные для независимых государств. Стоит помнить, однако, что реальные полномочия республик были существенно меньше прописанных в Конституции. Равный статус всех субнациональных единиц вовсе не означал равенство в полномочиях и доступе к определенным ресурсам. На практике, РСФСР доминировала во всех сферах жизни, а наделение полномочиями зачастую было основано на неформальных отношениях республики и центра (ситуации, характерные для Украины, Молдавии, Грузии и т.д.).

Рассматривая административно-территориальное деление Советского союза, отметим его сложность и многообразие. Федерация представляла собой обширную иерархическую структуру: на первом,

самом высоком уровне находились советские социалистические республики, которые официально считались суверенными государствами. Внутри республик выделялись национально-территориальные автономии второго порядка. Большинство таких автономий существовали в рамках самой крупной республики, РСФСР, однако ими располагали также такие республики, как Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан и Грузия. Далее начинаются уровни, в рамках которых отчетливо проявляется асимметричный характер советской федерации. Внутри республик автономии не были равноправными и имели свою собственную иерархию, что вело к возникновению споров и претензий со стороны отдельных образований и не способствовало стабильности на региональном уровне. Одни автономии имели более высокий статус автономных советских социалистических республик — АССР; другие получили название автономных областей и вошли в состав более крупных регионов — краев. Остальные имели еще более низкий статус и назывались национальными (с 1977 г. — автономными) округами, которые могли входить в состав других регионов, краев и областей. На самом последнем административном уровне функционировала система национальных районов и сельсоветов. В итоге получается, что федеративная система существовала не только на уровне государства в целом, но и на уровне отдельных его республик (РСФСР сама была крупнейшей федерацией), которые обладали сложной динамичной структурой.

Россия после распада СССР не отказалась от советских принципов организации территории, но занялась преобразованиями в сфере выравнивания статусов субъектов. Российская Федерация включает в себя элементы договорных принципов, однако, что очень важно, это договоры не о создании новой федерации, а о разграничении полномочий, т.е. о реорганизации системы¹.

Влияние советского опыта региональных отношений на современную политику проявляется также и в модели формирования новых территориальных образований. В рамках советской модели формирование АССР происходило снизу, по идее, по решению местных съездов советов. Идея укрупнения регионов, популярная для российской политики 2000-х гг., также основывается на артикуляции интересов на самом нижнем уровне. Т.е., процесс реорганизации территорий должен начинаться с обращения органов власти самих субъектов с инициативой к федеральному центру. На практике, инициатором всех

¹ В качестве примеров можно вспомнить федеративные договоры 1992 и 1993 гг., в которых намечался вектор в сторону выравнивания статусов субъектов.

подобных процессов выступает федеральный центр. В СССР процесс аналогично контролировался из центра, и документально создание АССР диктовалось решениями ВЦИК и Совнаркома.

Характеризуя административно-территориальное деление СССР, нужно отметить несколько важных моментов. Советский федерализм — этнический федерализм: в основе образования субъектов традиционно лежал национальный принцип. Эта особенность существенно повлияла и на характер современной региональной политики. Кроме того, весь период советской истории характеризовался постоянным поиском оптимальной модели соотношения разных уровней АТЕ и баланса центр-регионы. В первые годы советской власти на первый план выходила задача консолидации территории под эгидой власти советов, что особенно актуально в контексте идеи мировой революции. С этим напрямую связаны тенденции по укрупнению регионов, преимущественно РСФСР, в 1920-е гг. Однако далее процессы конструирования нового государственного устройства шли более продуманно и отвечали историческим условиям или ожиданиям тех или иных национальных образований.

**Мировая политика
и международные отношения**

Антон Викторович Бредихин

Студент кафедры теоретической и прикладной политологии
факультета социологии и политологии
Южного федерального университета

Федеративные тенденции региональных взаимоотношений на примере еврорегиона «Донбасс»

Ключевые слова: федерализм, регионализм, Донбасс.

Аннотация

В данной работе автор ставит задачу раскрыть принципы приграничного взаимодействия регионов, а так же те следствия в процессах государственного уровня к которым они приводят.

Приграничные территории союзных республик в составе СССР в большинстве случаев обладали большим количеством экономических, социокультурных и исторических связей. Распад СССР и образование границ между новыми государствами способствовали тенденции формирования преград между свободными взаимосвязями приграничных регионов. Однако нельзя не заметить, что в современном мире одной из базовых тенденций выступает регионализация, и именно по данному пути идет ряд регионов ЕС, образуя между приграничными регионами стран-участниц ЕС «еврорегионы».

Практика трансграничного взаимодействия региональных и местных властей без участия государственного Центра возможна по формулам «регион + регион» и «местное правительство + местное правительство».

Подобное сотрудничество способствуют наделению приграничных регионов особыми правами, как в экономической, так и в политической сферах, следствием чего становится автономизм регионов. Но такое расширение прав региона приводит в свою очередь к изменению отношений по оси Центр — Периферия, благодаря чему осуществляется изменение административно-территориального статуса государства. Поэтому в данной работе будет рассмотрен пример функционирования еврорегиона «Донбасс», образованной с одной стороны федерацией — Россией, а с другой стороны унитарным государством — Украиной.

Еврорегион «Донбасс» обладает общей исторической судьбой, которую можно рассматривать со времен Российской империи, а, не только коснувшись исключительно периода СССР. Территория дан-

ного еврорегиона располагается на земле области Войска Донского, поэтому создание «Донбасса» можно назвать одним из шагов к интеграции некогда единого административно-территориального и исторического субъекта Российской империи.

Область Войска Донского исторически формировалась на территории поселения донских казаков и их политического образования Всевеликого Войска Донского. С 1786 г. регион носил название Войско Донское, а в 1870–1920 гг. — область Войска Донского. Однако уже тогда наблюдалась тенденция перехода соседних территорий из одного субъекта в другой без учета этнической составляющей автохтонного населения. В результате чего в 1887 г. в состав ОВД были переданы Ростовский-на-Дону уезд (33,6 % населения — малороссы) и Таганрогское градоначальство (61,7 % малороссы).

Установление советской власти на Дону способствовало началу политики «расказачивания» в соответствии с циркуляром ЦК РКП(б) от 24.01.1919 г. о проведении массового террора по отношению к населению региона. Одним из проявления этого террора стало разделение территории Области Войска Донского между соседними регионами. В состав УССР впоследствии отошли юго-восток современной Донецкой области, а также часть восточных районов современной Луганской области. Распад СССР лишь закрепил сформировавшиеся тогда границы. Однако тенденция сохранения регионального единства осталась, что и позволило 29 октября 2010 г. создать четвертый совместный еврорегион России и Украины — «Донбасс». Соглашение о его создании было подписано в рамках визита делегации Ростовской области РФ в Луганскую область. Свои подписи под документом поставили губернаторы Валерий Голенко и Василий Голубев. «Теперь мы с ростовчанами не просто соседи, а жители одного региона — еврорегиона «Донбасс», — цитирует пресс-служба председателя Луганского облсовета Владимира Пристюка.

По словам председателя Луганской облгосадминистрации Валерия Голенко, работа по созданию еврорегиона продолжалась почти три года. «Стоит вспомнить, что были противники нашего еврорегиона. Это времена «оранжевых» в нашей стране. И когда мы готовили документы и подавали наши пожелания в министерство иностранных дел, другие инстанции, один из официальных ответов из МИДа Украины был о том, что еврорегион «Донбасс» не соответствует внешнеэкономическим интересам Украины. И нам посоветовали искать других партнеров. Это, по сути, изобрести другой глобус, как будто у нас есть другие партнеры и другие соседи», — сказал Голенко.

К предпосылкам появления подобного образования можно отнести и длительную работу между МИДами РФ и РУ. Создание еврорегиона «Донбасс» шло в русле целого ряда поручений по развитию и совершенствованию приграничного сотрудничества, которые дали Президенты Российской Федерации и Украины на встрече с руководителями приграничных регионов двух стран 21 апреля 2010 г. в Харькове, в ходе межгосударственных консультаций на высшем уровне в г. Глухов Сумской области и Завидово 17–18 сентября 2010 г., на Первом российско-украинском межрегиональном экономическом форуме в Геленджике 4 октября 2010 г.

В декабре 2010-го был сформулирован экономический аспект создания еврорегионов между Россией и Украиной. Руководство Луганской и Донецкой областей сошло во мнении, что сотрудничество в рамках еврорегиона будет скорее социально-экономического направления, чем культурного. В частности, речь шла о том, что оно будет охватывать вопросы строительства дорог, организации приграничного движения и приграничной торговли, кооперацию предприятий, экологические проблемы.

Позднее 14 января 2011 г. губернатором Ростовской области Василием Голубевым было получено письмо от губернатора Донецкой области, в котором инициировалось предложение о вхождении Донецкой области в состав «Донбасса». И уже 8 февраля по заявлению главы Донецкой области администрации Анатолия Близнюка это предложение было реализовано. Как справедливо отметил председатель Законодательного собрания Ростовской области Виктор Дерябкин, «ведь не может быть Донбасса без Донецка».

Донецкой инициативой в экономическом благоустройстве нового региона стало предложение приступить к решению экологической проблемы реки Северский Донец и Азовского моря. Донецкий губернатор даже предположил возможность разведения осетровых в этих водных бассейнах.

Потребность в создании еврорегионов была обоснована губернатором Ростовской области В. Голубевым следующими факторами: возможностью включения проектов, связанных с еврорегионом «Донбасс», в стратегию социально-экономического развития ЮФО на период до 2020 года; необходимостью не только развития активного сотрудничества в экономической сфере с соседними украинскими регионами, но и реализации ряда проектов на межгосударственном уровне.

Среди общих экономических задач создания еврорегиона «Донбасс» можно отметить:

- приграничное сотрудничество. В частности, перед правительствами двух стран будет ставиться вопрос об увеличении количества пунктов пропуска через границу;
- развитие транспортного потенциала двух областей. Например, участие в восстановлении «Шелкового пути» — строительства автомобильной дороги через всю Украину с запада на восток, через Ростовскую область и с выходом в Казахстан;
- проекты по созданию логистических центров: Меловое — Чертково, Новошахтинск — Свердловск;
- сотрудничество в промышленности (например, в машиностроении — «Лугансктепловоз» и Новочеркасский электровозостроительный завод).

Положительные моменты от создания еврорегиона уже начали проявляться: 22–25 апреля, 30 апреля — 3 мая и 7–10 мая 2011 г. на время религиозных и государственных праздников был установлен временный пропуск граждан без заполнения ими миграционных карт в местах пересечения границы «Можаевка — Герасимовка» и «Маноцкий — Югановка».

Созданы координационно-консультативные органы новообразованного региона — Совет и Секретариат еврорегиона «Донбасса». На первом заседании Совета еврорегиона 1 марта 2011 года его главой (спикером) избран В. Голубев.

Заработал и Секретариат. Прошедшее 20 июля 2011 г. заседание в Луганске было посвящено «расшитию» узких мест еврорегиона, в первую очередь, заключающихся в недостаточной подготовке инвестиционных проектов.

Немаловажно отметить и то, что к работе по формированию еврорегиона привлечены и ученые. Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета приступил к разработке проекта программы долгосрочного социально-экономического развития приграничных территорий Ростовской области в рамках еврорегиона «Донбасс» до 2020 г.

Потому можно сказать, что сближение регионов в странах постсоветского пространства будет носить достаточно позитивный характер ввиду не только этнокультурной и исторической близости населения еврорегионов, но и более успешного построения экономических связей между ними.

Наличие институциональной инфраструктуры еврорегионов играет важную роль, позволяя регионам и муниципалитетам участвовать в международных отношениях. Вместе с тем потенциал евроре-

гионов используется в небольшой степени. Как отмечает Р. Ф. Туровский «В условиях централизации центр не поощряет самостоятельности регионов, а задействованные в работе еврорегионов муниципалитеты вообще не обладают никакими полномочиями в сфере внешней политики. Итого становится формальная имитационная трансграничная интеграция, углублению которой препятствует отсутствие единой политики. Приграничное сотрудничество выполняет позитивную роль, сглаживая напряженность на местном уровне, но не может полноценно развиваться без активной поддержки центра. Центр же ориентирован в формате «государство + государство», тормозящее приграничное сотрудничество».

Таким образом, можно резюмировать, что для эффективной реализации проекта еврорегиона «Донбасс» следует изменить специфику взаимоотношений по оси Центр — Периферия, как в России, так и в Украине. Федеративный принцип устройства РФ позволяет более расширить региональные права для Ростовской области, переведя ее в статус автономного образования и доведя до уровня края. С другой стороны подобные процессы следует провести и на территории Украины, однако здесь понадобится изменение уже не только статуса Донецкой и Луганской областей, но и всего принципа административно-территориального устройства страны. Переход Украины из унитарного государства в федеративное является вполне возможным в виду наличия прецедента автономии — Республики Крым, а так же того фактора, что все приграничные территории страны входят в состав еврорегионов с другими странами, что несомненно требует от Центра передачи больших функций и прав регионам.

Виктория Вячеславовна Горбатова

Аспирант кафедры сравнительной политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Интернет-технологии как катализатор ближневосточных «революций»

В настоящее время страны Ближнего Востока вступили в зону колоссальной политической турбулентности. Разворачивающиеся в регионе события по своим роли и значению можно сравнить лишь с

ситуацией, имевшей место сразу после Второй Мировой Войны, когда большинство арабских государств было озабочено получением независимости и выходом из-под колониального мандата. Резкая стихийная смена политических режимов и норм общественного устройства в них грозит обернуться не только территориальными, межэтническими и межконфессиональными противоречиями внутреннего характера, но и существенным образом переkreить геополитическое устройство всего мира.

Значительную роль в цепочке политических событий, которую аналитики уже успели окрестить новой «арабской весной», сыграли **сетевые ресурсы**, которые стали своего рода катализатором общественного недовольства, вылившегося в дальнейшем в организованные «дни гнева», различного рода массовые демонстрации и марши. Главная *цель настоящего исследования* состоит в том, чтобы на примере актуальных событий в ряде стран Ближнего Востока (таких как: Тунисская Республика (далее — Тунис, ТР) и Арабская Республика Египет (далее — Египет, АРЕ)) рассмотреть специфику и методы воздействия Интернет-технологий на сознание людей. *Объектом* исследования станут способы дистанционной организации массовых выступлений и протестов посредством виртуального пространства. *А предметом* — использование социальных сетей, блог-платформ и электронных ресурсов СМИ в качестве катализатора (явления, способствующего развитию) массовых протестных выступлений в Тунисе и Египте, которые продолжались с декабря 2010 года по февраль 2011 года.

В современных условиях развитие интернет-коммуникаций происходит в **нескольких направлениях**. Печатные периодические издания и телеканалы, создавая в массовом порядке собственные Интернет-страницы и предоставляя пользователям преимущественно свободный доступ к материалам, размещенным на них, выходят в Сеть. Одновременно с этим в сетевом пространстве возникают многочисленные ресурсы, служащие для объединения людей в некую общность, либо, в соответствии с декларируемыми их создателями целями и задачами, выполняют роль посредника в общении между пользователями, преодолевая большие расстояния и делая это самое общение более комфортным. Данные каналы коммуникации получили название **социальных сетей**. В мировом масштабе на эту роль претендует «Facebook», в России — «ВКонтакте» и «Одноклассники». Кроме того все более активно развивается блогосфера: «Twitter», «Живой Журнал» и прочие ресурсы.

Данные, на первый взгляд, разнородные тенденции объединяет одно — с выходом в глобальное информационное пространство, на основную составляющую которого в настоящее время претендует Интернет, у СМИ, социальных сетей и блог-платформ ширятся возможности для **воздействия на сознание людей** (потребителей и пользователей) и управления им. По утверждению декана факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Елены Вартановой, «Интернет, помноженный на мобильную телефонию, сейчас стал важным инструментом, который позволил иерархическую структуру старых СМИ превратить в сетевую. Через Сеть легко обнаружить единомышленников и выйти на улицу».

Американский социолог Говард Рейнгольд армию пользователей современных Интернет-технологий окрестил «умной толпой». Координацию ее действий в виртуальном пространстве возможно осуществлять, находясь в любой точке земного шара и имея под рукой лишь компьютер и выход в Сеть. Таким образом, в современных условиях появляется, по сути, новый феномен управления, а именно, — **дистанционное управление**, позволяющее оказывать воздействие на определенные массы населения, помещая при этом управленческий центр вне самого места действия.

Характер глобального информационного пространства усложняется и видоизменяется, увеличивается количество информационных ресурсов, которые появляются также быстро, как и исчезают. Всё это существенно ограничивает возможности **по мониторингу информации и контролю за ней со стороны государства**. Весьма ярко и четко данная тенденция проявилась в ходе недавних массовых народных восстаний в Тунисе и Египте.

События, повлекшие за собой так называемый «эффект домино» начали с молниеносной быстротой развиваться в Тунисе — стране с населением в 10 млн. человек, которая до недавних пор являлась одной из самых спокойных и благополучных в арабском мире. Экс-президент страны Зин эль-Абидин Бен Али переизбирался на свой пост 5 раз подряд и находился у власти в общей сложности 23 года. Уровень образования, равно как и уровень жизни в целом в ТР, был одним из самых высоких в арабском мире (98 % тунисских детей посещали школу), высшее образование полностью соответствовало европейским стандартам). Как полагают некоторые аналитики, дисбаланс между количеством дипломированных специалистов и реальными потребностями экономики и стал катализатором революционных действий в стране. В их основе лежали безработица, резкий

рост цен, наряду с широким распространением коррупции, семейственности во власти и отсутствием реальной оппозиции.

Улучшения экономической ситуации и проведения реформ требовали и протестующие в Египте. По утверждению главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Георгия Мирского, «половина населения АРЕ живет на 2 доллара в день». Нищете и росту безработицы, как и в Тунисе, сопутствовал разгул коррупции. Египетские элиты в лице экс-президента Хосни Мубарака и его окружения правили страной около 30 лет (с 1981 года).

Таким образом, в основе стихийных народных восстаний, в первую очередь, лежали проблемы экономического и социально-бытового характера, однако организующая роль Интернета в событиях, всколыхнувших весь арабский мир, была чрезвычайно высока. Вследствие того, что демонстранты в Тунисе, равно как и в Египте, координировали свои действия с помощью социальной сети «Facebook» и «Twitter», произошедшее уже успели окрестить *«твиттер-революцией»*, *«флеш-революцией»* и даже *«ретвит-революцией»*. Ваиль Гоним — менеджер по маркетингу Google в странах Ближнего Востока и Северной Африки, один из организаторов «Дня гнева» 25 января 2011 года в Египте, ставший символом египетской революции, так оценил происходящее в своем микроблоге: «Это Революция 2.0: никто не был героем, потому что каждый был героем».

Любопытно отметить, что Интернет-технологии в качестве инструмента организации массовых акций протеста используются не впервые. В ходе столкновений в Киргизии в апреле 2010 года большую роль сыграли микроблоги. За год до этого в Молдове, посредством блог-платформы «Twitter», для проведения митингов была собрана и организована многотысячная толпа. Однако, если в Киргизии и Молдове активные пользователи Интернета составляют 39,8 % и 30,0 % от общего числа населения соответственно, то в Тунисе и Египте этот показатель несколько ниже — 34,0 % и 21,2 %. Активно пользуются социальной сетью «Facebook» только 15,8 % (в ТР) и 5,1 % (в АРЕ) граждан.

Интернет, в отличие от газет и телевидения, показывал тунисцам и египтянам, что происходило в их странах на самом деле. Волнующие население проблемы обсуждались в социальных сетях. Информация, о которой замалчивали официальные СМИ, передавалась от пользователя к пользователю по цепочке, что породило лавинообразную реакцию, взорвавшую в конечном итоге всё Интернет-

пространство. Попытка властей замолчать протест через подконтрольные СМИ успехом не увенчалась — быстро вскрывающаяся ложь породила всё новые и новые волны агрессии.

На примере Туниса, а затем Египта мировому сообществу был продемонстрирован новый *дистанционный метод манипуляции* людьми и их сознанием. Главный редактор газеты «Четвертая Власть» Вадим Рогожин в своей статье справедливо отмечает, что основная опасность флеш-революции состоит в том, что она наглядно продемонстрировала, каким образом в короткий срок, при наличии проблем глобального масштаба, можно ввести в хаос не только одну страну, но и весь мир. Таким образом «журналистика, загнанная в Сеть» стала «всё более мощным, чем была прежде, информационным оружием».

Мнения экспертов по поводу реального значения Интернет-технологий как катализатора ближневосточных революций разделились. Отечественные специалисты в этом вопросе более-менее единодушны. Так, например, президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский полагает, что «сегодня Twitter и Facebook стали коллективными организаторами масс», с их помощью можно «не только накалить, но и поджечь всю ситуацию».

В среде западного аналитического сообщества исследование обозначенной тематики породило острую дискуссию. Преподаватель Стэнфордского университета США, урожденный белорус, автор книги «The Net Delusion» («Сетевая иллюзия») Евгений Морозов считает, что первопричиной протестов стал не Интернет. По его мнению, социальные сети способны сыграть определенную роль только тогда, когда само население готово к революции, а применение одной и той же технологии не всегда будет приводить к одинаковым результатам. Его оппонент, профессор Нью-Йоркского университета Клэй Шерки первостепенную роль катализатора революций отводит не конкретным политическим и социальным предпосылкам, а Интернет-технологиям, которые позволяют «синхронизировать действия толпы быстро, дешево и гласно, что еще десятилетие тому назад было практически невозможно осуществить».

Если вклад сетевых ресурсов в ближневосточные революции является предметом некоторых дискуссий, то урок, который извлекли не только эксперты, но и власти большинства арабских (и неарабских) стран, вероятнее всего, одинаков: не стоит, борясь с волнениями, отключать современные средства коммуникации («Twitter», «Facebook», «ВКонтакте» и пр.). Без них, безусловно, труднее организовывать массовые акции протеста, но принудитель-

ное блокирование работы подобных ресурсов посылает мощный сигнал о том, что ситуация обостряется и выходит из-под контроля «молчаливому большинству», еще не включенному в протестное движение. Памятуя об этом, правительства арабских стран предпочитают действовать аккуратнее. По свидетельству того же Е. Морозова, даже перед лицом нарастающих протестов Сирия предпочла метод «кнута и пряника» — сняла давние запреты на пользование такими сайтами как «Facebook», но при этом бросает в тюрьму открыто высказывающихся блоггеров.

Артем Андреевич Косоруков

Аспирант кафедры сравнительной политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Роль политических лидеров и большой стратегии государства в формировании внешнеполитической стратегии России (на основе методологии неоклассического реализма)

Ключевые слова: биполярность, великая держава, внешнеполитическая стратегия, политические лидеры, прагматичный национализм, Ельцин, Примаков, Путин, Медведев.

Аннотация

В условиях исчезновения биполярности, а с ней и некоторой предсказуемости внешнеполитических стратегий государств, возрастает роль политических лидеров, их индивидуальных особенностей, политического восприятия и непосредственного окружения в выработке внешнеполитического ответа на современные международные вызовы. Изучение подобных особенностей позволит лучше понимать и прогнозировать большую стратегию государства в условиях неопределенности, вызванной трансформацией однополярного характера международной структуры.

Россия после исчезновения биполярности международной структуры силы чувствительно реагирует на изменения в относи-

тельной силе других государств на международной арене. Традиционно внимание российских государственных деятелей направлено на изучение отношения к ней других держав и поддержание статуса «великой державы» (Примаков) или «сильнейшей евразийской державы» (В. В. Путин). Достижение и удерживание подобного статуса позволяет реализовывать ее национальные интересы и противостоять политике унилатерализма на международной арене. Эта связь между представлением об относительной силе государства в международной системе и выстраиваемой внешнеполитической стратегией подтверждает положение неоклассического реализма о том, что структурные переменные в первую очередь влияют на внешнюю политику, являясь объективными рамками национальных интересов, вызывая ответную реакцию государства.

Влияние детерминанты восприятия государственным лидером международной среды на внешнеполитическое позиционирование государства становится особенно заметным в условиях изменения внешнеполитической стратегии при стабильных ресурсных возможностях и сохранении основных показателей международной среды. Так, относительная сила России оставалась практически неизменной на протяжении всего времени смены премьер-министров в 1990-е гг., поэтому различие между политическими курсами по отношению к США различных президентских администраций может быть объяснено в рамках модели неоклассического реализма.

Неоклассический реализм выделяет фактор восприятия политическим лидером международного окружения как одну из решающих детерминант выработки ими внешнеполитических стратегий. Внешнеполитические решения принимаются конкретными личностями, что объясняет то, почему внешняя политика не всегда следует объективным силовым трендам, а даже может противоречить им. Как подчеркивает Рендал Швеллер, восприятие и оценка лидером международного окружения может меняться значительно быстрее, чем изменяются возможности государства, что и приводит к неожиданным изменениям во внешней политике. Так, Примаков и Путин по-разному воспринимали Китай. Примаков относился к нему более благосклонно, что объяснялось желанием через более тесные связи с Китаем поднять международный статус России и противостоять гегемонии США в условиях неэффективных попыток прозападной политики его предшественников. Путин, поддерживая союзнические отношения с Китаем, обращал внимание на потенциальную угрозу со стороны более мощного соседа. Также Путин принимал во внимание опасность излишней поддержки Китая, которая могла бы

столкнуть Россию и США. Если Примаков выступал за создание стратегического треугольника с Китаем и Индией, то Путин, не отвергая эту идею, старался больший акцент делать на создании системы баланса сил в мире. В восприятии Примакова и Путина различались также и позиции США. Если Примаков рассматривал однополярную гегемонию как угрозу национальным интересам России, а Китай виделся им как возможный союзник в контрбалансе против односторонней политики США, то Путин видел во взаимодействии с США не столько угрозу, сколько стратегическую возможность экономического возрождения России.

Таким образом, столкнувшись со схожими внешнеполитическими условиями и располагая одно порядковым набором государственных ресурсов, Примаков и Путин принимали различные решения. Это объясняется различием в их восприятии международного окружения и роли России в нем. Но помимо этого важно отметить их внутривластное окружение и его влияние на их внешнеполитические представления. Примаков во многом опирался на представителей военно-промышленного комплекса, который стремился в лице Китая и Индии найти выгодные рынки сбыта российской военной продукции. Путина поддерживали прозападные нефтяные, газовые и металлургические компании, стремившиеся наладить более тесные связи с западными рынками сбыта и проникнуть в западную экономическую инфраструктуру.

Важно также в рамках неоклассического реализма отметить роль политического лидера в выработке большой стратегии государства. После распада СССР Россия столкнулась с необходимостью переопределять свою большую стратегию, то есть пересматривать ее различные измерения и возможности, цели своей внешнеполитической деятельности, переформулировать свою внешнеполитическую доктрину. Политическая культура политического лидера, стратегическая политическая культура, формируясь на основе индивидуальных представлений политической элиты, обладая исторической преемственностью, вносит свой вклад во внешнеполитические стратегии России, очерчивая ее восприятие мировой системы и отдельных государств.

Борис Ельцин в течение десятилетия формулировал новую большую стратегию России, пытаясь, с одной стороны, отойти от советского внешнеполитического подхода, с другой стороны, обозначить положение России как самостоятельного центра силы (особенно во второй президентский срок). Неудачи его большой стратегии основывались на переоценке готовности Запада принимать во

внимание российские национальные интересы, преодолевать межблочные барьеры, недостаточной относительной силе России при воплощении заявленных Ельциным целей вхождения в число развитых стран. Важную роль также сыграла нехватка внутривнутриполитической поддержки, которые не сформировались к тому моменту ни в России, ни в западных странах в достаточной мере, чтобы привести к столь резкому изменению баланса сил в мире.

Владимир Путин продолжил линию Бориса Ельцина на усиление России как самостоятельной силы в мировой политике, что отразилось в положении о многовекторном характере российской внешней политики, пространстве СНГ как зоне стратегического значения, восстановлении экономического и военного потенциалов. Многовекторность в отличие от ельцинской «одновекторности» проявилась в направленности внешней политики России не только на США и Европу, но и на Азиатско-Тихоокеанский регион. Также любое присутствие другого актора в зоне стратегического значения рассматривалось теперь как нежелательное, против такого актора выстраивалась система контрбалансирующих мер. Однополярное управление миром рассматривалось Путиным как нежелательное и дестабилизирующее.

При Владимире Путине и Дмитрии Медведеве внешнеполитическая доктрина отошла от идеологического в сторону более прагматичного подхода («прагматичного национализма»). Внешнеполитическая проекция силы строится на основе ряда внутренних предпочтений: внутренней политической и экономической стабильности, возрождение великодержавного статуса России, сильное лидерство в лице президента и вертикали власти, поддержка сильной политической партии, занимающей центральное положение в парламенте. Желание достичь статуса великой державы особенно выпукло проявляется во внешней политике: позиционирование России как одного из центров международной структуры силы, стремление к международному признанию в качестве равноправного партнера, участие в деятельности таких международных организаций как G8, G20. По отношению к международному сообществу, особенно к постсоветскому пространству, Россия начала активно использовать потенциал мягкого влияния. Русский язык вновь стал усиливать свое влияние как язык межнационального общения. По отношению к ближайшим партнерам стала использоваться стратегия вовлечения и исключения, свойственная государствам-центрам силы: при благоприятном развитии отношений происходит усиление двусторонних контактов, при неблагоприятном — оно уменьшается.

Олеся Александровна Лисий

Аспирант кафедры теории и истории международных отношений
факультет международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

Европейская идентичность как продукт социального конструирования

Ключевые слова: идентичность, Европейский Союз, нормативная сила, теория секьюритизации.

Аннотация

В статье предлагается теоретическое обоснование того, что идентичность Европейского Союза является продуктом практики по (вос)производству границ между европейским Мы и Другим, проанализирована концепция Европы как нормативной силы. Делается вывод о том, что нормативность как принцип внешнеполитического действия Европейского Союза представляет собой скорее продукт дискурсивной практики, чем объективную категорию. В основе процесса (вос)производства границ, а значит конструирования сообщества и его идентичности, лежат акты секьюритизации.

Используя терминологию Александра Вендта, можно отметить, что Европейский Союз является хорошей иллюстрацией процессу формирования коллективной идентичности в международных отношениях, в рамках которой государства начинают видеть друг в друге скорее дополнение Себя, чем проявление Другого. Осознание этого факта нашло отражение в исследованиях, которые определяют Европейский Союз как особый, новый тип актора со своим особым способом существования и проявления себя в международных отношениях. Помимо ставшей классической идеи Европы как гражданской силы, предложенной Франсуа Дюшэном, в последние годы появилось множество концепций подобного типа. Наиболее влиятельной среди них является теория Европы как нормативной силы Иана Мэннерса.

По Иану Мэннерсу, нормативная сила — это такая сила, которая «способна формировать представления о „нормальном“», она не является ни чисто военной, ни чисто экономической, но осуществляется посредством распространения идей и мнений. Следовательно,

мы можем идентифицировать нормативную силу по тому влиянию, которое она оказывает на формирование такого поведения других акторов, которое они считают наиболее подходящим для себя. При этом важно отметить, что такое влияние осуществляется не через опору на военную силу, а через сами нормы, которые в данном случае выполняют ту же функцию, какую в иных обстоятельствах выполняло бы наличие военного арсенала или возможности применения рычагов экономического давления.

Процесс европейской интеграции внес коррективы в понимание того, что считалось «нормальным» в сфере мировой политики. Самим фактом своего существования среди государств отличный от них по своей природе Европейский Союз видоизменяет международные отношения, внося в них новые черты, наделяя характеристикой «нормальности» то, что ранее таковым не считалось. В этом смысле, внося изменения в нормы, стандарты и предписания и, тем самым, уводя мировую политику в сторону от государственно-центричной ориентации, Европейский Союз и стал нормативной силой. Однако говорить, что Европейский Союз является нормативной силой по причине смешанной формы устройства, включающей как национальную, так и межгосударственную формы управления — это одно, а утверждать, что он действует в нормативном ключе (т.е. опираясь на принципы морали) — это совершенно другое. Иан Мэннерс находит аргументы как в пользу первого, так и в пользу второго тезиса. Датский исследователь утверждает, что «Европейский Союз действует в соответствии с рядом нормативных принципов, общепринятых к повсеместному применению государствами, входящими в систему ООН», выделяя девять таких принципов: устойчивый мир, свободу, демократию, права человека, верховенство закона, равенство, социальную солидарность, устойчивое развитие и эффективное управление. Он рассматривает путь продвижения этих принципов в международных отношениях, отмечая согласованность и последовательность в политике ЕС. Продвижение норм должно, по Иану Мэннерсу, основываться на убеждении, а не на принуждении, а последствия их применения — согласовываться с принципом «не навреди» партнеру, в отношении которого проводится внешняя политика.

Однако не все исследователи согласны с такой позицией Иана Мэннерса. Так, Томас Диц, разделяя идеи концепции Европы как нормативной силы в части, касающейся появления в лице ЕС нового актора международных отношений, ведущего к преобразованию установившихся правил межгосударственного взаимодействия, после-

довательно и, на наш взгляд, довольно успешно критикует идеи Иана Мэннерса относительно нормативности как руководящего принципа внешнеполитического действия Европейского Союза. Согласно Т. Дицу, «обращение к нормативной силе предполагает существование набора неоспоримых европейских (ЕС) норм и ценностей как продолжения определенной европейской (ЕС) идентичности, но нормативная сила не содержит в себе ни того, ни другого»¹. Немецкий исследователь называет это явление «парадоксом нормативной силы» и объясняет его двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что европейские ценности и идентичность, являющиеся необходимым условием для эффективного действия нормативной силы, конструируются через противопоставление их ценностям и идентичности европейского Другого. Таким образом, ЕС предстает носителем неких нормативных стандартов, в то время как Другие — отклоняющимися от таких стандартов, а значит, нуждающимися в переменах. Этот процесс воссоздания Другого Европы лежит в основе разграничения ЕС от не-ЕС. Возведение этой границы само по себе не обязательно подразумевает необходимость каких-либо изменений, однако если они случаются, то выражаются либо в форме географического переноса границы, как это происходит в случае расширения ЕС, либо в форме трансформации европейских (ЕС) ценностей. Второе обстоятельство, лежащее в основе парадокса нормативной силы Т. Дица, связано с заявлениями ЕС об универсальном характере тех норм, носителем которых он является, тогда как в то же самое время эти нормы позиционируются как *европейские*, что тем самым закладывает основу для различия между ЕС и европейскими Другими. Таким образом, понятие нормативной силы Европы не является объективной категорией, а представляет собой одну из практик дискурсивной репрезентации.

Поскольку собственная идентичность Европейского Союза выстраивается в ее противопоставлении идентичности Другого, то сохранение идентичности ЕС зависит от того, насколько хорошо поддерживается граница между европейским Мы и Другим. Но, с другой стороны, без идеи преодоления границ теряет смысл сам проект европейской интеграции. В этом Т. Диц усматривает главный парадокс европейской интеграции -парадокс подрыва границ (*subversion paradox*) — заключающийся в том, что «снижение важности границ внутри ЕС основано на признании этих самых границ. Процесс ин-

¹ *Diez T. The Paradoxes of Europe's Borders // Comparative European Politics. Vol. 4. 2006. P. 244.*

теграции, таким образом, подрывает границы в смысле радикальной смены их значения, а не простой их отмены»¹. В основе парадокса подрыва границ лежит логика секьюритизации, которую можно определить как процесс представления того или иного объекта в качестве экзистенциальной угрозы для определенной социальной общности с целью легитимизации обращения к чрезвычайным мерам противодействия постулируемой угрозе. Понятие секьюритизации является ключевым для так называемой теории секьюритизации, создателями которой принято считать Оле Вэвера и Барри Бузана.

По словам Т. Дица, несмотря на то, что агенты акта секьюритизации заявляют свою претензию на то, чтобы говорить от имени общества, чье безопасное существование они желают обеспечить, совсем необязательно, что они сами до конца уверены в том, что такое сообщество реально существует. Таким образом, появление упоминания о таком сообществе служит его включению в общественный дискурс/ закреплению в общественном дискурсе, что способствует воспроизведению этого понятия.

Акты секьюритизации реализуется на границе между Я и Другим, т.к именно в нарушении этой границы и состоит экзистенциальная угроза, постулирование которой является одним из условий превращения простого речевого акта в акт секьюритизации. Поэтому они в не меньшей степени служат воспроизводству старых/ созданию новых границ между Я и угрожающим Другим, чем конструируют сообщество и его идентичность. Признание этих границ, по сути, представляет собой акт десекуритизации, когда Другой перестает рассматриваться в качестве экзистенциальной угрозы. Отсюда Т. Диц делает вывод о том, что «признание границ ослабляет границу и идентичности, которые она очерчивает, так как они обязаны своему существованию непрерывной реартикуляции себя через акты секьюритизации»².

Таким образом, нормативность как принцип внешнеполитического действия Европейского Союза представляет собой скорее продукт дискурсивной практики по (вос)производству границ между европейским Мы и Другим, чем объективную категорию. В основе процесса (вос)производства границ, а значит конструирования общества и его идентичности, лежат акты секьюритизации.

¹ *Diez T. The Paradoxes of Europe's Borders // Comparative European Politics. Vol. 4. 2006. P. 237.*

² *Diez T. The Paradoxes of Europe's Borders // Comparative European Politics. Vol. 4. 2006. P. 239.*

Даниил Сергеевич Полулях

Студент кафедры сравнительной политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Аналитика власти в глобальном управлении: подход М. Фуко и концепция «управления без правительства»

Ключевые слова: глобальное управление, «управление без правительства», аналитика власти, гибкие стратегии, власть, бессубъектные стратегии, субъект, актор.

Аннотация

В статье сравниваются концепции власти и управления М. Фуко и Дж. Розенау. Акцент сделан на сходствах в описании властных отношений в современном мире, характеризующихся усилением негосударственной активности, включением в арсенал акторов нерепрессивных видов ресурсов и становлением взаимосвязанности мира как основы децентрализованного управления. Делается вывод о том, что концепция власти Фуко может с успехом применяться при анализе международных отношений, в частности, в сфере глобального управления.

Мишель Фуко не стремился разработать некой «теории власти», ведь разработка теории вынуждает рассматривать власть «как возникающую в определенном месте и в определенное время, нужно будет выяснять ее генезис и осуществлять дедукцию»¹. Подход Фуко же основывается — и в этом его инновационность — на неинституциональной природе власти. Носитель власти — это не субъект со своим автономным сознанием, а скорее поле властных отношений, для изучения которого подходит *аналитика власти*, но не теория. И цель работ Фуко заключается в установлении «специфической области, которую образуют отношения власти»². Данная область управления не ограничивается государственным уровнем, так как власть не способна локализовываться где бы то ни было. Сетка отношений власти оккупирует территорию мирового «социального

¹ Фуко М. Воля и истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 366

² Там же. С. 181

тела» по горизонтали и вертикали, не оставляя ни один уровень свободным от своего присутствия. Поэтому глобальное управление можно рассматривать как особую интеллигибельную плотную ткань, развивающуюся в универсуме отнюдь не Вебера, а Фуко.

Одним из первых исследователей международных отношений, кто повторил выводы Фуко, был Джеймс Розенау. Его определение глобального управления считается классическим. Оно также противостоит жесткой концепции «правительства», подразумевающего наличие каких-либо структур и официальных соглашений. В противоположность этому «управление» означает скорее наличие процессов, свободных и недетерминированных, более тонких и более эффективных. Схожее понимание мы видим у Фуко, когда он, используя слово «gouvernement», подразумевает не «правительство», а деятельность по руководству поведением людей. При этом знаменитая «дисциплинарная власть» является также более изощренной и конститутивной, чем старая «деспотическая», «юридически-дискурсивная». Эти параллели в концепциях Розенау и Фуко замечает И. А. Чихарев¹, одновременно полагая, что «бессубъектные» концепции этих авторов могли бы стать основой предмета мировой политики в системном аспекте.

Новые стратегии и по Фуко, и по Розенау возникают в определенный период. Если у Фуко это период модерна, когда под влиянием гуманизации и рационализации жестокие казни заменяются тюремным заключением, то у Розенау — скорее период постмодерна, связанный с революцией способностей, когда люди начинают осознавать свои преимущества и возможности в разных областях жизни. Под влиянием конкуренции они становятся образованными, осведомленными и активными. И для достижения своих целей объединяются в организации.

Когда гражданское общество выходит на международный уровень, оно входит в систему глобального управления. Но при этом происходит больше чем простое перераспределение власти в пользу ГО. Меняется сама логика управления: теперь нельзя рассматривать гражданское общество как пассивный объект господства со стороны правительств. ГО одновременно и субъект, и объект управления. Фуко, по сути, вводит новое отношение между акторами, когда А уже не может властвовать над Б в одностороннем порядке: «рабство

¹ Чихарев И. А. Многомерность мировой политики (К современным дискуссиям) // Полис. № 1. 2005.

не есть властное отношение, поскольку человек находится в цепях»¹. Акторы А и Б равнозначно являются продуктами власти, и между ними осуществляются горизонтальные взаимодействия.

Эта свобода приводит теорию «управления без правительства» вслед за теорией Фуко к «уничтожению» понятия субъекта. Ведь субъект — это «активное начало, обладающее самосознанием, которое противопоставляет себя внешнему миру и другим началам, рассматривая их как объект»². Мы уже выяснили, что в дискурсе глобального управления мы не можем говорить о чистом объекте. Соответственно, не можем говорить и о чистом субъекте. Кроме того, «понятие «субъект» имеет отношение к сфере международного права, где субъект признается тогда, когда обладает международными правами и обязанностями и несет международно-правовую ответственность»³. Но вряд ли можно говорить о том, что только участники международного права принимают участие в глобальных властных отношениях. Так что более подходящим для глобального управления является слово «актор», как начало, действия которого вплетены в паутину глобальных властных отношений. Схожим образом Фуко анализирует феномен классовой борьбы: «Не существует непосредственно данных субъектов, один из которых был бы пролетариатом, а другой — буржуазией. Кто борется против кого? Мы все боремся против всех»⁴. Фуко отрицает единство классов; то же самое можно сказать и, к примеру, о государствах. Внутри них есть компании, организации, регионы, города, которые способны играть самостоятельную роль. Это больше напоминает действительно войну всех против всех, чем классовую борьбу. Единственное, взаимодействие в глобальном управлении (кроме конфликта) может происходить еще и в форме обменов, уступок⁵. Но главное — это то, что субъекты превращаются, расщепляются на множество акторов.

Причем эта схема действует на любом уровне анализа. Потеряло монополию на власть не только государство как таковое, но и конкретное государство — лидер мировой системы. Хоть Розенау и

¹ Foucault M. The Subject and Power // Power. London, 1993. P. 229

² Косоруков А. А. Проблема акторности в мировой политике // SCHOLA-2009. М., 2009. С. 280.

³ Там же.

⁴ Фуко М. Воля и истине. С. 367.

⁵ М. К. Смутс считает, что именно такие взаимодействия — основа регулирования, а не какой-то свод правил. А Фуко прямо говорит, что власть не есть способ подчинения в форме правила.

называет США «супердержавой», но считает, что понятие это со временем все больше выхолащивается: «Соединённые Штаты обладают достаточной военной мощью для того, чтобы подчинить себе любые иные СК («сферы компетенции» — П. Д.), но большинство ситуаций в мире, с которыми они должны справиться, не поддаются силовому воздействию»¹. Одним словом, власть сверхдержавы, по Розенау, слишком ригидна. Ровно то же самое, но уже о французской абсолютной монархии пишет Фуко: ее административный аппарат был очень сильный, но мимо него проходила масса вещей. «Власть повсюду, — пишет Фуко, — не потому, что она все охватывает (как было бы в случае со всемогущим правительством — П. Д.), но потому, что она отовсюду исходит (существует множество разных «локальных очагов» власти — П. Д.)»². В таком же духе обычно противопоставляются «Superpower Governance» и «Global Governance». Глобальное управление глобально потому, что осуществляется целым миром. Общество (в т.ч. глобальное) представляет собой сеть, и не существует такого штаба, который был бы способен управлять всей этой сетью власти.

Как только государства становятся не единственными участниками глобального управления, начинает существенно увеличиваться разнообразие властных ресурсов. Роль принуждения (у Фуко: механика закона, запрета и цензуры) падает, появляются мягкие (soft power) и смешанные (smart power) стратегии. Короче говоря, стратегии становятся более тонкими и позитивными. Практикуется управление через убеждение, когда актору внушается определенная модель поведения. Причем эта стратегия оказывается гораздо более эффективной, т.к. она латентна и нематериальна. Фуко в связи с этим говорит, что успех власти пропорционален ее сокрытости. В современности это особенно важно учитывать. Не даром теория Грамши о гегемонии пересматривает жесткий марксистский взгляд на ресурсы господствующего класса. Кроме того, важно учитывать экономические и научные ресурсы, которые и Фуко, и теоретики глобального управления счи-

¹ *Розенау Дж.* Управление неуправляемым: проблема глобального рассредоточения власти. URL: http://worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=63&Itemid=29 (дата обращения: 15.03.2011).

² *Фуко М.* Воля и истине. С. 193

тают «наполненными властью». Новые стратегии стали находкой в первую очередь для негосударственных акторов. Экономические мускулы, мягкая власть и другие нетрадиционные ресурсы — это то, что они могут противопоставить ригидной «жесткой мощи» государства.

Однако, ни Розенау, ни Фуко в своих радикальных анализах не выходили за рамки здравого смысла. Дело в том, что Розенау не считал Вестфальскую систему распавшейся. Она продолжает существовать, но по мере «распыления» власти она становится лишь элементом современного глобального управления, в котором «государствоцентричный и многоцентричный миры иногда сотрудничают, часто конфликтуют и всегда взаимодействуют»¹. Начинает действовать принцип «1+192», где мир в целом воспринимается равнозначной политией по отношению к политиям государств. Ту же логику мы находим и у Фуко, который различал две формы власти: та, что связана с государственными аппаратами, и та, что есть сеть властных отношений.

И все же главным остается принцип управления вышеописанной сложной системой. Фуко утверждает, что власть — это пучок отношений, зачастую плохо согласованных. Мир глобального управления, который рисует Розенау, также выглядит скорее подвижным набором пересекающихся властных векторов, чем организованным единством. Но присутствие именно этого пересечения (в т.ч. пересечения областей интересов) есть залог устойчивости системы. У Фуко все схоже: властные тактики «сцепливаются» друг с другом, «призывают» и «распространяют» друг друга. В результате эмерджентности возникает абрис целого. Это власть более высокого порядка, выходящая, в пределе, на глобальное властное поле.

Таким образом, у на первый взгляд непохожих мыслителей оказались чрезвычайно близкие концепции. Лозунги «глобального управления» и «управления без правительства» можно, с некоторой натяжкой, приписать и Мишелю Фуко. Впрочем, вряд ли уместно говорить лишь о совпадениях. Данные мыслители творили в «турбулентную» эпоху смены властных парадигм, а хороший исследователь, в какой бы области он не занимался изучением политических процессов, всегда верно распознает направление всеобщих трендов.

¹ Розенау Д. Указ. соч.

Александра Николаевна Пушкина

Студентка кафедры сравнительной политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

ЕС в мировой политике. Основные теоретические подходы.

Ключевые слова: ЕС, мировая политика, международные отношения, актор, теории.

Аннотация

В данной статье рассматривается положение Европейского Союза как актора в мировой политике и международных отношениях с позиций основных парадигм теории международных отношений (ТМО). Дается характеристика теоретических подходов с позиций представителей школ и направлений ТМО.

Современная мировая политика многовекторна и многомерна, что проявляется в поведении как традиционных акторов международных отношений, так и ее относительно новых транснациональных акторов. Различные концепции в теории международных отношений предлагают нам свои толкования происходящих сегодня трансформаций в мире политическом, различное видение политических процессов, их взаимосвязь. Но концептуальные разработки в ТМО не могут быть однозначно применимы ко всем политическим акторам. Это связано с тем, что, во-первых, мировая политика и международные отношения не являются статичными, а во-вторых, в мировой политике акторы также разноплановы и динамичны.

Сегодня представляется интересным и важным попытаться оценить и проанализировать роль в международных отношениях и мировой политике такого политического образования как Европейский Союз. Интерес состоит в том, чтобы понять, во-первых, к какому типу акторов мировой политики отнести данное образование, а во-вторых, выявить теоретическую парадигму, подходящую для анализа внешнеполитических действий и потенциала ЕС. Оценка является важной как для теоретических изысканий (ЕС не представляет собой такого политического образования/политической единицы как государственные или транснациональные акторы в классической ТМО),

так и для оценки внешнеполитических действий и прогнозирования развития Союза в практической плоскости.

С 1 декабря 2009 г. ЕС приобрел правосубъектность, то есть стал полноправным участником мировой политики и международных отношений с правом заключения международных договоров, применяемых в отношении всех членов Союза одновременно и общеобязательно. Сейчас мы наблюдаем стремление ЕС создать и закрепить коммунитарное единство, в том числе и с целью обозначения себя как одного из ведущих игроков на мировой арене.

Привлекательность концепции развития ЕС видится многим странам, не входящим в состав Союза фактически единственной возможностью интеграции в мировую политику и повышения своего международного статуса, даже за счет передачи части своего суверенитета такому образованию, как ЕС.

Анализ внешнеполитической деятельности ЕС предпринимался различными учеными, как представляющими различные парадигмы в ТМО, так и пытающимися дистанцироваться от той или иной концепции и выйти за рамки предложенных.

Политический реализм не смог в полной мере объяснить те интеграционные процессы, которые происходили на территории Европы в конце 1950-х и 1970-х гг.: интеграционное развитие Европы, международное сотрудничество и развитие торговли.

Теория неореализма является более гибкой, так как многие экономические, а также интеграционные процессы в ЕС можно рассмотреть с помощью этой парадигмы. Акторами международных отношений по-прежнему, как и у реалистов, выступают государства, но межгосударственный уровень не представляется столь существенным, так как находится в состоянии постоянной трансформации. Свойства отдельных акторов, их групп и взаимодействий между ними непрерывно изменяются. По мнению неореалистов, государства и образованные ими структуры создают некоторую искусственную систему, подобную рынку, который способствует оптимизации взаимодействий между участниками международной политики. Данная структура позволяет выделить два типа взаимодействий между акторами: социализацию и конкуренцию. Первый вариант развития отношений выливается непосредственно в сотрудничество, перерастающее иной раз в союзы и коалиции. Второй приводит к конфронтации, неважно в какой форме выражающейся. Если следовать данной логике, то ЕС является примером первого типа взаимодействий между акторами. Согласно неореализму, государства вступают в союзы ради сохранения равновесия в мировой системе, а

также ради самого сохранения отдельных государств. А внешняя политика любого государства, не вступившего пока в союз, будет направлена на присоединение к более слабому из них, чтобы упрочить свое положение в нем, так как в более сильном союзе положение данного государства как актора будет менее значимым с позиции определения общего курса союза.

Если парадигма реализма и неореализма подходит к рассмотрению ЕС с точки зрения баланса сил и угроз, то либеральная парадигма ТМО предполагает обязательное регулирование внешнеполитической обстановки на мировой арене с помощью таких институтов как межправительственные организации на основе международных режимов. Данные условия являются обязательными для выполнения, если акторы международных отношений стремятся к улучшению своего положения и бескровному разрешению назревающих конфликтов. Таким образом, у либералов главным регулятором международных отношений является международное право, выразителем которого становятся межправительственные и неправительственные организации. Понятие силы приобретает иное значение, нежели у реалистов, а баланс сил — иное выражение. В результате на смену баланса сил приходит баланс интересов, аккумулированный в экономических выгодах государств и иных акторов международных отношений. Во главу угла национального интереса ставится экономическая выгода и, как результат, возможность стать одним из ведущих акторов мировой политики.

Экономические интересы акторов международных отношений, в свою очередь, стимулируют к сотрудничеству во имя достижения национального интереса каждого из участников. Таким образом, усиление экономической взаимозависимости не только меняет внешнеполитические задачи и приоритеты акторов мировой политики, но и уменьшает вероятность военных конфликтов и боевых действий самих по себе.

Как считают некоторые исследователи неолиберализма, мировая политика — это «шахматная игра на трехмерной доске». Первым, верхним уровнем, являются традиционные межгосударственные отношения, вторым — экономические отношения между государствами, а третьим уровнем — уровень транснациональных акторов, чаще всего с отрицательным «зарядом»: международная преступность, терроризм, экологические угрозы. Непременно проигрывает тот, кто играет только в двух «традиционных» плоскостях на мировой арене. Но также проигрывает и тот, кто пользуется неподходящими каждому уровню средствами и инструментами для достижения своих

целей. Если рассматривать ЕС в роли игрока на этих трех уровнях, то следует отметить, что на третьем уровне Евросоюзом применяется «мягкая мощь» для достижения поставленных целей. Правовые традиции и культурные ценности помогают решать проблемные вопросы более гибкими способами. Таким образом, ЕС решительно проводит свою волю, действуя «железной рукой в бархатной перчатке».

Все парадигмы ТМО по-своему трактуют мировую политику и международные отношения, зачастую применяя одни и те же методы для ее анализа. Каждая теория дает возможность рассмотреть развитие тех или иных отношений с интересующих нас позиций, обращаясь к основным единицам анализа международных отношений — государствам. Но когда мы пытаемся подобрать наиболее «удачную» парадигму ТМО для понимания внешнеполитических реалий иных видов государственных акторов, например, таких как ЕС, то сталкиваемся с проблемой выбора теории как наиболее приемлемой для анализа внешней политики. Поэтому следует попытаться рассмотреть идеи и положения каждой из основных теорий для выявления наиболее подходящих элементов или же самой теории для анализа внешней политики интересующего нас образования — ЕС. Создание единой ТМО, объясняющей процессы, происходящие в Европе, представляется вполне реальной, хотя требуется время для введения новых категорий, интерпретирующих развитие и становление Европейского Союза.

Библиография

1. *Лебедева М.* Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. Журнал «Международные процессы». — М., 2003.
2. *Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации.* Учебное пособие под редакцией Цыганкова П. А. — М., 2007.
3. *Категории политической науки.* Учебник. — М., 2002.
4. *Keukeleire St. and MacNaughtan J.* The Foreign Policy of the European Union. — Hampshire, New York, 2008.
5. *Marks G. and Steenbergen M.* Understanding political contestation in the European Union. University of North Carolina at Chapel Hill, «Comparative political studies» — New York, 2002.
6. *Nye J. S. Jr.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. — New York, 2004.

Ирина Игоревна Севрук

Доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и правовых дисциплин Академии внутренних войск МВД Украины (Украина, Харьков)

Александр Вахтангович Гегечкори

Доцент, доцент кафедры социальных и правовых дисциплин Академии внутренних войск МВД Украины (Украина, Харьков)

Культурно-цивилизационное измерение военной глобализации: методологические проблемы и подходы

Начало XXI века ознаменовалось усилением тенденций глобализации.

Глобализация — процесс многогранный, характеризующийся значительными качественными изменениями, которые происходят в современном мире. Мощными движущими силами этого процесса являются технологический прогресс, развитие инфраструктуры, новые возможности информационной и телекоммуникационной технологий, либерализация торговли и других международных связей на мировом, региональном и субрегиональном уровне.

Рост глобальных тенденций охватывает все без исключения сферы жизнедеятельности общества, макро и микроуровни его организации, открывая новые беспрецедентные возможности и, в то же время, формируя новые проблемы, новые угрозы безопасности и свободам человека. Новый мировой порядок демонстрирует значительную внутреннюю нестабильность, порождающую новые зоны противоречий, конфликтогенные ситуации.

Вследствие распада биполярной структуры мира, где военный порядок определялся противостоянием двух сверхдержав (США и СССР), современная геополитическая ситуация характеризуется регионализацией и фрагментацией. Это негативно отражается на состоянии глобальной безопасности, усиливает угрозу самоуничтожения человечества. Так, глобальное значение приобретают локальные конфликты, усложняются угрозы национальной безопасности. Даже одно только увеличение запасов вооружения без самих вооруженных конфликтов кроет в себе значительную угрозу для населения.

Формируется необходимость теоретического осмысления военной глобализации, которая предстает и как неотъемлемая составляющая новой социокультурной реальности, и как сложный комплекс методологических подходов и проблем.

Анализ отечественных научных источников показал: военная глобализация рассматривается преимущественно в ее экономических, политических, собственно военных аспектах. Явно недостаточно в отечественной философско-теоретической традиции методологических, научно-теоретических и теоретико-методических работ, посвященных данной проблеме. На сегодня недостаточно фундаментальных исследований, в которых на основе культурно-цивилизационного подхода был бы проведен анализ военной глобализации, ее социокультурных проблем и последствий для стран постсоветского пространства (Россия, Украина) и их вооруженных сил.

В данной статье предпринята попытка проанализировать некоторые из методологических проблем и подходов, позволяющих понять военную глобализацию в ее культурно-цивилизационном измерении.

Военная глобализация — это глобализация санкционированного организованного насилия. Она находит свои проявления в постнациональных войнах и модернизации организованного насилия, глобализации военной науки и глобальной динамике вооружения. Ее проявлениями становятся неконтролируемое «расползание» оружия, военной техники и формирование практик организованного терроризма, мифологизация глобальных войн и формирование идеологии постсовременной войны.

Военная глобализация — естественное продолжение экономических, политических, социокультурных процессов, охвативших современное человечество. Это означает, что истоки военной глобализации следует искать не в трансформациях XX и XXI ст., ее глубинные основания связаны с теми процессами, что формировали западный тип цивилизации в его взаимодействии с другими народами и цивилизациями.

Группа исследователей глобальных процессов Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. [4] прослеживают связь основных этапов становления военной глобализации с этапами самоутверждения европейских стран через завоевание и покорение других народов мира.

Первый этап военной глобализации (середина XV — начало XIX ст.) -подготовительный. Он связан с экспансией и самоутверждением европейских государств благодаря покорению и завоеванию других народов. Основным принципом обогащения становится угнетение.

Начало XIX ст. — конец XIX ст. второй этап, когда формируется модель многополярной силовой политики, разворачиваются имперские войны, продолжается колонизация. Этот период также связан с постепенным формированием геополитики и расширением функций государственной власти в осуществлении контроля над покоренными территориями, расширяется роль военной дипломатии. Индустриализация войны отражает промышленные успехи европейских государств. Принципиальным результатом этого периода становится превращение к концу XIX ст. земного шара в единое геополитическое пространство.

Период с 1914 г. — по 1990-е гг. один из наиболее трагических в истории человечества. Он характеризуется как период глобального конфликта. Мировые войны, распад колониальной системы, возникновение сверхдержав и становление биполярной структуры мира как основы геополитики. Это период «холодной войны», где решающая роль принадлежит дипломатии.

И, наконец, период с 1990-х — современный («постсовременный»). Он связан с распадом системы социализма, в первую очередь, распадом СССР, дезорганизацией геополитики, возникновением зон конфликтов и конфликтогенных регионов. Определяющим военную глобализацию фактором становится возврат к многополярной силовой политике, усиливается роль военной дипломатии.

Неотъемлемой составляющей военной глобализации являются проблемы войны и мира, как никогда остро вставшие перед человечеством на рубеже XX — XXI ст. С одной стороны осознавалась безальтернативность стратегии мирного сосуществования в мире современных технологий и средств массового уничтожения, с другой, повсеместно насаждалась идея неизбежности (и необходимости) вооруженной борьбы с потенциальными угрозами.

В 1997 г. выходит книга З. Бжезинского «Большая шахматная доска», где речь идет о геостратегии и долгосрочных интересах США в современном мире. Здесь достаточно откровенно обозначены средства борьбы США в борьбе за освоение мира и его ресурсов в глобальном пространстве.

Один из современных теоретиков глобализации Ф. Энгельхард выдвинул теорию уже начавшейся третьей мировой войны. Утверждение «Третья мировая война уже началась» — не просто социальная метафора: после краха советского режима, пораженные и расколотые, целые регионы современного мира находятся в состоянии крайней дестабилизации. Порожденные глобальным обществом,

нищета и деморализация деградирующих стран распространяют по всей планете экономическую мафию, терроризм, экстремизм.

Ф. Энгельхард называет шесть «линий разломов», которые угрожают будущему планеты:

1) между бедными и богатыми обществами, граница между которыми все меньше выступает как граница между Севером и Югом, потому что, бедность охватывает целые регионы промышленно развитых стран;

2) между мусульманским миром и Западом; при этом западные СМИ все чаще обвиняют мусульман в нетерпимости, называя войну в Персидском заливе «первой войной цивилизаций»;

3) между конформистскими и неконформистскими обществами; последние могут быть определены как общества, члены которых имеют свободу выбора;

4) между эгалитарными обществами и обществами, где доминирует неравенство;

5) между светскими и религиозными государствами;

6) между промышленно развитыми странами (группой семи или восьми стран) и другими государствами.

Линии разлома, названные Ф. Энгельхардом, безусловно, имеют существенное значение для понимания возможных конфликтных зон и, соответственно, военных угроз. И, тем не менее, не они, на наш взгляд, являются определяющими в постсовременном мире. Более глубокие противоречия лежат в «цивилизационном пласте».

Как это было предсказано А. Дж. Тойнби и в последующие годы показано С. Хантингтоном, реструктуризация человечества осуществляется на цивилизационной основе. В работах «Третья волна», «Демократизация в конце XX столетия» С. Хантингтон обосновывает концепцию «конфликта цивилизаций», согласно которой именно цивилизационные различия в будущем будут определять динамику развития глобального сообщества.

Цивилизация, по Хантингтону — это наиболее широкая социокультурная общность, которая представляет собой высший уровень культурной идентичности. Согласно типологии цивилизаций, предложенной Хантингтоном, существуют западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и африканская цивилизации. Социокультурные миры наивысшего уровня он называет метакультурами.

Метакультуры обладают надличностным характером; объединяют разные, однако схожие по каким-либо общим параметрам культуры. В основе культур, образующих единую метакультуру, мо-

гут быть: языковая общность, общность природных условий, религиозная общность и др. История свидетельствует: именно религии играют более существенную роль в создании метакультур, образуя некое связующее звено между культурами. Так сформировались буддистская, христианская, исламская метакультуры.

Метакультуры, собственно, и являются цивилизациями в хантингтоновском понимании. Ученый доказывает, что наиболее глубокие конфликты глобальной политики будут формироваться между нациями и государствами, принадлежащими к разным метакультурам (цивилизациям).

Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. «Линии разлома» между цивилизациями — это линии будущих конфронтаций и военных конфликтов. Так, конфликт на Балканах, рассматривается как конфликт между народами западной (словены, хорваты), славяно-православной (сербы, черногорцы) и мусульманской (боснийские мусульмане) цивилизаций.

На карте мира Хантингтон выделяет «линии разлома», исторически разграничивающие западную и исламскую цивилизации.

Восточные рубежи западноевропейской христианской цивилизации проходят в Европе с XV ст. по границам России, Балтии и Финляндии, пересекают Украину, Белоруссию и Балканы, разделяют Трансильванию от Румынии, Хорватию и Словению от другой части бывшей Югославии.

Более 13 столетий назад юго-западными окраинами исламской метакультуры стали Ближний Восток и Северная Африка; в северном направлении ее приграничная зона достигает ныне Кавказа, где сталкивается с границами православной цивилизации, и далее простирается на северо-восток, вбирая в себя Россию и, наконец, Восточную Азию.

Вдоль таких «линий разлома» возникают конфликты двух видов: на микроуровне — борьба группировок за землю и власть, часто вооруженная и кровопролитная; на макроуровне — соперничество стран, принадлежащих к разным цивилизациям, за влияние в военной и экономической сфере, в международных организациях, за контроль над рынками.

Наибольшей остроты конфликты достигают в полосе столкновения исламской цивилизации с другими цивилизациями.

В особо тяжком положении оказываются «расколотые страны», где граница разлома проходит внутри (Россия, Украина, бывшая Югославия). Хантингтон считает, что «расколотые страны» обрече-

ны на распад. Он называет группу причин, приводящих к такому расколу именно в современном мире.

Мир глобализации — «тесный мир». Это мир тесных взаимосвязей и отсутствия жестких границ. В нем место рождения, гражданство не так существенно влияют на жизнь людей, как их культурная и религиозная самоидентификация. Таким образом, отличия между цивилизациями (история, традиции, язык, религия) являются более фундаментальными, нежели отличия государственные.

Хантингтон подчеркивает, что видимая часть отношений мирового сообщества — это взаимодействие Запада и незападных цивилизаций — вестернизация и т. п. Однако на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, что присущи другим цивилизациям. В буддистской, исламской, японской, индуистской, православной культурах практически не находят отклика такие западные идеи, как: индивидуализм, конституционализм, либерализм, права человека, равенство, верховенство закона, свобода, демократия, отделение церкви от государства. Основную угрозу современному миру составляет военная конфронтация между Западом и мусульманским миром.

Можно утверждать: современность характеризуется созданием своего рода мифологии «глобальных войн» — формированием и поддержанием в сознании человечества идеи потенциальной угрозы человечеству с развертыванием сценария использования военных действий. Звездные войны, столкновения с инопланетянами, компьютерные игры — модели, где формируется образ врага («вообще», в планетарном масштабе, но воспроизводящий образ врага биполярного мира), солидарной общности, объединяющейся и мобилизующей все ресурсы для отпора врагу, и главное, формируется и поддерживается дух милитаризма и агрессии. Так скрытно индивидуальному и массовому сознанию навязывается одобрение «позитивной агрессии», использования силы, в том числе и военной, закрепляются представления о том, что любые конфликты просто разрешить силовыми методами.

Милитаризация идеологии и массового сознания становятся основой милитаризации отдельных стран и регионов. Большинство населения Центральной Африки и Ближнего Востока десятилетиями пребывают в состоянии перманентного ведения войн. В состоянии войны происходит социализация подрастающего поколения в Чечне и странах, входивших в состав бывшей Югославии, в Ираке, Израиле и Палестине. Не менее тревожными симптомами становятся в мирных странах стычки группировок, уличные войны.

Сама же война в постнациональном мире становится «постнациональной». Характеризуя такую войну, известный немецкий социолог У. Бек отмечает: «Постнациональная война стала непредсказуемой. Если классическая война Первого модерна базировалась на монополизации силы со стороны государства, то здесь происходит ликвидация границ войны из-за демонополизации и приватизации организованной силы — со стороны террористов, агрессоров, а также из-за глобализации опасностей и парадоксы понимания прав человека, то есть когда некоторые государства вместе решают, что следует положить конец нарушениям прав человека в других странах... Таким образом, миротворческие намерения и способы обеспечения мира обосновывают и легитимизируют новые формы войны» [Цит. по: 3, с.76].

Война в современном мире обретает идеологическое обоснование как превентивная. Следует отметить, что предупреждающие военные акции уже с древних времен использовались в стратегии ведения войн. Однако на глобальном уровне идеология превентивной войны или предупреждающих военных вмешательств обосновывает таковые с позиций защиты интересов всего человечества. Показательными в этом отношении являются попытки США монополизировать роль глобального миротворца, защитника интересов всего человечества (напомним войну в Ираке и неоднозначное отношение к ней общественности).

Таким образом, военная глобализация — объективная реальность. Ее невозможно оторвать от социокультурных корней и причин, которые ее породили. Время национальных государств в мировом масштабе проходит, реструктуризация человечества осуществляется на цивилизационной основе. Вывод о противоречивости нашей цивилизационной позиции на мировой арене имеет глубокие стратегические последствия, особенно в области построения вооруженных сил государства.

Библиография

1. Грани глобализации. М., 2003.
2. Демоны мира и боги войны. Социальные конфликты в посткоммунистическом мире. К., 1997.
3. Култаева М. Д., Прокопенко І.Ф., Радіонова І.О.,Троцько Г. В. Соціологія глобалізації. / За гол.ред. Култаєвої М. Д. Х., 2008.
4. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.

5. Цивилизационные модели современности и их исторические корни. К., 2002.
 6. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
-

Елена Александровна Сидорова

Студентка кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Понятие «сила» в классической либеральной школе теории международных отношений

Ключевые слова: сила, классическая либеральная школа теории международных отношений, сотрудничество, интеграция, взаимосвязь.

Аннотация

В статье рассматривается категория «сила» в рамках либеральной парадигмы теории международных отношений. Анализируется, в каких целях и как либералы используют данное понятие. Показывается, что по мере развития теории международных отношений ученые классического либерального направления, с одной стороны, расширяли и дополняли категорию «сила», подтверждая состоятельность своих идей на практике, но с другой стороны, не меняли значение этого термина.

Категория «сила» является одним из центральных понятий в теории международных отношений. Многие ученые-международники рассматривают «силу» в рамках реалистической парадигмы, ассоциируя ее с такими категориями, как влияние, авторитет, власть, могущество¹. В свою очередь, в теории международных отношений существует иная точка зрения на понятие «сила». Так, представители либеральной школы используют термин «сила» с философской точки зрения в абстрактном значении.

В рамках классической либеральной школы признается «сила» международного права, основателем которого считается голланд-

¹ Цыганков П. Теория международных отношений. М., 2005. С. 109.

ский юрист Гуго Гроций. В его произведении «Три книги о праве войны и мира» отмечается, что «если между народами или государствами возникают разногласия, то почти всегда судьей оказывается Марс»¹. По мнению Гроция, не следует ни начинать, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности. В целом, с точки зрения либеральной теории, «сила» международного права успешно реализуется на практике: соблюдение права народов способствует установлению международного сотрудничества и является не менее необходимым, чем соблюдение внутригосударственных законов.

Необходимо отметить, что теоретики классической либеральной школы говорят об экономической «силе». Предположение об ее эффективности заложил шотландский экономист Адам Смит. На основании положений, изложенных им в книге III «О развитии благосостояния у разных народов» произведения «Исследование о природе и причинах богатства народов», можно утверждать, что экономическая «сила» в определенных ситуациях играет «роль пряника» на международной арене². По мнению либералов, благодаря международному экономическому сотрудничеству создаются дополнительные рабочие места, новые технологии, удовлетворяется спрос на определенные товары, усиливается конкуренция между странами, способствуя становлению эффективной экономики. К тому же страны, находящиеся в нормальных отношениях друг с другом, обычно заинтересованы во взаимном экономическом присутствии³.

Следует подчеркнуть, что представители классической либеральной парадигмы, помимо экономической «силы», также уделяют внимание коммерческой «силе». Ее основы заложил английский экономист Давид Рикардо. В работе «Принципы политэкономии и налогообложения» он изложил теорию сравнительных преимуществ мировой торговли. С точки зрения либералов, успешное применение коммерческой «силы» является предпосылкой установления долгосрочного международного сотрудничества. Например, если Герма-

¹ Гуго Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 44.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. С. 381.

³ Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Т. 2. № 1 (4). 2004. Январь-апрель.

ния или Австрия четверть потребляемого ими газа получают из России, то оба государства заинтересованы в стабильности таких поставок, что не может не влиять на стремление этих стран укрепить отношения с Россией. То же самое справедливо и для России, которая имеет постоянную прибыль от этих поставок¹.

Важно отметить тот факт, что классическая либеральная парадигма не признает применения в международных отношениях военной силы. Удачными примерами международных договоров, где соблюден принцип отказа от войны в качестве инструмента национальной политики, являются пакт Бриана-Келлога и доктрина Стаймсона. Пакт Бриана-Келлога был заключен в Париже 27 августа 1928 года. В нем говорится, что «наступил момент приступить к откровенному отказу от войны, как орудия национальной политики, дабы мирные и дружественные отношения, существующие ныне между их народами, могли сделаться постоянными»². Доктрина Стаймсона 1932 года признает тот факт, что США отказываются от дипломатического признания любого изменения, если оно достигнуто при помощи силы³.

Более того, отказываясь от военной силы, теоретики классической либеральной школы признают, в свою очередь, «силу» интеграционных процессов и интеграционных объединений. Идеальной моделью отношений между государствами является идея «вечного мира», выдвинутая Иммануилом Кантом в трактате «К вечному миру», в котором Кант отмечает, что источник войн заключается в природном состоянии, в котором находятся страны и государства по отношению друг к другу. Природному состоянию противопоставляется гражданско-правовое состояние. По словам Канта, «уже из того, что мы с глубоким презрением смотрим на приверженность дикарей к их не основанной на законе свободе, когда они предпочитают беспрестанно сражаться друг с другом, а не подчиниться основанному на законе, ими самими устанавливаемому принуждению, тем самым предпочитая безрассудную свободу свободе разумной, и считаем это грубостью, невежеством и <...> унижением человечества, должно было бы заключить, что цивилизованные народы (каждый объединенный в отдельное государство) поспешат как можно

¹ Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Т. 2. № 1 (4). 2004. Январь-апрель.

² URL: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/imt/kbpact.htm>.

³ URL: <http://www.americanforeignrelations.com/A-D/>

скорее выйти из столь низкого состояния»¹. Иными словами, согласно Канту, «вечный мир» возможен в случае объединения различных стран в единое общечеловеческое государство. К настоящему времени идеал Канта пока еще не достигнут. Однако, по мнению либералов, удачным примером «локального» воплощения на практике идеи о «вечном мире» является Европейский союз, который на сегодняшний день является наиболее развитым интеграционным объединением мира².

Важно сказать, что представители классической либеральной школы теории международных отношений в своих трудах также уделяют особое внимание «силе» международных экономических организаций, идею создания которых выдвинул в 1918 году Президент США Вудро Вильсон в проекте мирного договора, завершающего Первую мировую войну, «Четырнадцать пунктов Вудро Вильсона». Необходимо подчеркнуть, что в либеральной парадигме международные организации, как и государства, являются акторами международных отношений. Они ограничивают анархическую природу международных отношений, способствуют установлению международного сотрудничества по урегулированию конфликтов. С точки зрения либеральной теории, смысл международной кооперации и соответственно «сила» международных организаций заключаются в том, что «должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статуты в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств».

Таким образом, категория «сила» в классической либеральной парадигме используется в качестве синонима таких понятий, как организация, сотрудничество, интеграция и взаимосвязь. Либералы признают «силу» международного права, международного экономического сотрудничества, международной торговли, международных организаций, интеграционных процессов и объединений. То, с помощью чего или через что реализуется «сила», с точки зрения либералов, влияет на конечный результат, определяет цель, ради которой используется «сила». На фоне глобализации, возрастающей взаимозависимости и падения роли государства философское осмысление категории «сила» способствовало распространению универсальных ценностей, идеалов либеральной демократии и рынка и защите прав человека в планетарном масштабе.

¹ Кант И. Сочинение в шести томах. Т.6. М., 1966. С. 272.

² Бордачев Т. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М., 2009.

Олег Владимирович Столетов

Аспирант кафедры сравнительной политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Роль высшего образования в мировой политике

Ключевые слова: высшее образование, мировая политика, интеграция образовательных систем, контроль качества, мобильность, кампусы.

Аннотация

В статье исследуются современные аспекты влияния высшего образования на мирополитические процессы. Анализируются процессы интеграции в сфере высшего образования, вопросы контроля качества образования, проявления трансграничности высшего образования. В результате проведенного исследования автор приходит к ряду выводов, фиксирующих основные тренды включения высшего образования в мирополитическую динамику.

В современном мире высшее профессиональное образование (ВПО) по целому ряду направлений оказывает влияние на процессы в мировой политике.

Особое значение приобретает фактор трансграничности высшего образования. С развитием дистанционных форм обучения происходит размывание политических границ между государствами.

Новые образовательные методики становятся политическим ресурсом, так как позволяют стране поддерживать высокий уровень ВПО, непрерывно совершенствовать его, транслировать вовне. Тем самым обеспечивается конкурентоспособность страны в основных сферах жизни.

Все большее внимание руководителей государств сегодня привлекается к выработке системы контроля качества образования. Качество национальной системы образования оказывает влияние на восприятие страны за рубежом. Политизация этого аспекта ВПО также связана с появлением международных рейтингов вузов.

В пространстве мирополитической системы в целом происходит обострение конкуренции современных государств за образовательные рынки. Данная тенденция связана, как с постоянным ростом экономической рентабельности экспорта образовательных услуг, так

и со стремлением государств-претендентов на лидерство получить доступ к наиболее перспективным кадрам в целях их последующей инсталляции в инновационные отрасли своих экономик.

Важный международно-политический аспект ВПО проявляется в продвижении международных стандартов и программ высшего образования. Выработка общих подходов к ВПО на региональном уровне способствует конструированию региональных образовательных и исследовательских субпространств: Европейское (Болонский процесс), Азиатское (программы АСЕАН и АТЭС), Латинской Америки и Карибского бассейна и ряд других.

Для ЕС Болонский процесс создавал возможность ограничить влияние образовательной системы США. Возникла так называемая Стратегия внешнего измерения Болонского процесса. В 2004 году Болонский процесс объединил 40 стран. Помимо стран ЕС к процессу были подключены Исландия, Норвегия, Турция, Албания, Россия. Кроме того, целый ряд стран Южного Средиземноморья (страны MEDA) начал реформу своих систем высшего образования. К Болонскому процессу уже подключились Армения, Азербайджан, Молдова, Украина, Казахстан, Грузия.

Идея формирования единого евразийского образовательного пространства СНГ, выдвинутая еще в 1998 году реализована не была. Важными, однако, весьма ограниченными выглядят российские инициативы создания Сетевого открытого университета СНГ и Сетевого университета ШОС.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе и регионе Латинской Америки и Карибского бассейна важную роль в региональной интеграции в сфере ВПО играют межправительственные и неправительственные организации.

В АТР функционирует ряд ассоциаций образовательного профиля: Ассоциация университетов Азиатско-Тихоокеанского региона, Форум президентов университетов Северо-Восточной Азии, Конференция президентов университетов Азиатско-Тихоокеанского региона, Ассоциация университетской мобильности по Тихоокеанскому региону и Азии (UMAP) и ряд других. В 1995 году в Восточной Азии создана единая сеть университетов АСЕАН (AUN).

В Латинской Америке главным субъектом образовательной интеграции является Международный институт ЮНЕСКО по высшему образованию в Латинской Америке и Карибском бассейне (ИЕСАЛК). Совет управляющих ИЕСАЛК располагается в Каракасе. Наибольшие объемы финансовых взносов на реализацию мероприятий ИЕСАЛК осуществляют правительства Венесуэлы, Бразилии.

Содействия проектам ИЕСАЛК также оказывают Уругвай, Аргентина и Колумбия. Субрегиональное сотрудничество в сфере образования также развивается на уровне Меркосур. Страны Латинской Америки стремятся повысить уровень своей региональной консолидации посредством открытых университетов. Открытые университеты действуют при Университете города Бразилиа, Национальном автономном университете Мексики, при университетах Коста-Рики и Колумбии.

В 1998 году страны-члены UMAP запустили «Схему трансферта кредитов». Данная система является аналогом американской (US Credit System) и европейской (European Credit Transfer System) систем. Данные системы позволяют учитывать период обучения за рубежом.

Государства стремятся повысить эффективность контроля своих образовательных систем. В последние 20 лет во многих странах по инициативе их правительств создавались специальные государственные структуры аккредитации и контроля. Такие структуры были созданы в КНР, России, Индии, Японии, Чили, Малайзии, Мексике. В ЕС Европейская ассоциация гарантии качества в высшем образовании кроме того является ключевым координатором продвижения Болонского процесса в Европе. Наиболее широкой инфраструктурой, как государственных, так и негосударственных аккредитационных учреждений располагают Соединенные Штаты. Большинство этих контролирующих структур в США было основано еще в первой половине 20 века.

Ведущее положение по наличию кампусов своих университетов за рубежом принадлежит США, Великобритании, Франции, Германии, Австралии. Роль российских университетов в налаживании диалога с зарубежными вузами чрезвычайно значима на пространстве СНГ. Достаточно открыто принимают на своей территории иностранные кампусы Китай, Сингапур, некоторые страны Персидского залива. Некоторые страны относятся к открытию кампусов зарубежных вузов на своей территории с осторожностью. В Индии и Южной Корее решения о разрешении иностранным университетам открывать кампусы на своих территориях были приняты лишь в 2010 году.

Повышение внимания к политике в сфере академической мобильности в современном мире способствует появлению все большего количества образовательных негосударственных структур. В частности, в США функционирует специальная структура — Американские Советы по международному образованию. Данная компания реализует образовательные программы и программы повышения

квалификации для граждан США и граждан СНГ. Программы обмена, осуществляемые Американскими Советами, финансируется Государственным Департаментом США.

В результате проведенного исследования мы приходим следующим выводам.

Государства различных политических режимов, различных политических культур включаются в процесс перестройки своих систем образования. Участвуя в этой перестройке, государства могут преследовать различные цели. Для таких стран как Китай, Сингапур, Южная Корея это заявка на возможность будущего лидерства в сфере высшего образования в мире. Для стран Южного Средиземноморья и стран Центральной Азии это, главным образом, попытка приблизить свои образовательные системы к европейским стандартам в целях более активного сближения с ЕС.

Важным направлением в создании «модернизационных альянсов» является активизация научно-исследовательского и научно-образовательного сотрудничества с иностранными вузами. Кооперация в сфере высшего образования способна отставлять на второй план существующие межгосударственные противоречия. Пример этому показывает активное сотрудничество в сфере ВПО США и Китая.

В настоящее время происходит нарастание конкуренции за образовательные рынки, как между развитыми, так и между развивающимися странами, осуществляющими борьбу за интеллектуальный капитал. По нашему мнению, с этой конкуренцией связан тренд формирования и расширения образовательных пространств на региональном и глобальном уровне. Государствам, которые обладают наиболее мощными образовательными кадрами, методиками обучения, технологическо-инфраструктурным обеспечением образовательной и научно-исследовательской деятельности выгодно стимулировать процессы открытости и мобильности. Это позволяет данным странам увеличивать приток иностранных студентов из-за рубежа.

Формирование региональных образовательных и исследовательских субпространств оказывается комплексным результатом активизации ряда процессов: региональной экономико-политической интеграции, деятельности международных организаций, ориентирующихся на глобализацию высшего образования, роста стремлений у сильных национальных образовательных систем снять границы для академической мобильности

**Внешняя и внутренняя политика
зарубежных стран**

Ли Мэн Юань

Аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Анализ новых изменений в политической ситуации на Тайване по результатам выборов мэров и членов городских парламентов пяти городов Тайваня 2010 г.

Ключевые слова: выборы, Гоминьдан, демократия, Тайвань.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу развития политической ситуации Тайваня после выборов в пяти городах 2011 года. По результатам этих выборов представлена структура партий современного Тайваня.

27 ноября 2010 г., на Тайване прошли выборы во многих районах, на этих выборах были выбраны мэры и члены городского парламента столицы — г. Тайбэй, а также других четырех новых городов-муниципальных образований. Общее количество жителей в этих пяти городах составляет 13,7 миллионов человек, то есть около 60 % от общей численности населения Тайваня¹. Эти выборы имеют особое политическое значение для правящей партии Гоминьдан (ГМД) и крупнейшей оппозиционной Демократической Прогрессивной Партии (ДПП), так как они предвещают предстоящие президентские выборы 2012 года. Иными словами, в этот раз выборы мэров и членов городского парламента являются выражением доверия для правящего правительства ГМД, поэтому конкуренция была очень напряженной.

С 1987 г. на Тайване отменен запрет на деятельность политических партий, и хотя и появились многочисленные мелкие партии, которые участвуют в политическом процессе, сформировалась политическая система из двух партий — ГМД и ДПП. Если делать анализ исходя из результатов выборов на Тайване, то можем получить приблизительно такую политическую картину: северная часть Тайваня это — сфера влияния ГМД, а южная часть — сфера влияния

¹ Пять городов: г. Тайбэй, г. Синьбэй (прежний уезд Тайбэй), г. Тайчжун (создан из прежнего г. Тайчжун и уезда Тайчжун), г. Тайнань (создан из прежнего г. Тайнань и уезда Тайнань), г. Гаосюн (создан из прежнего г. Гаосюн и уезда Гаосюн).

ДПП. Центральная часть Тайваня — это область, где силы двух партий примерно равны¹. В соответствии с данными, опубликованными тайваньской Центральной избирательной комиссией 28 ноября 2010, на вышеупомянутых выборах ГМД смог завоевать власть в г. Тайбэй, г. Синьбэй и г. Тайчжун, а ДПП получила власть в г. Тайнань и г. Гаосюн. Следовательно, результаты выборов в целом согласуются с вышеупомянутой политической картиной.

Хотя в этих выборах ГМД выиграл три поста мэров, больше чем ДПП, которая выиграла два поста, надо отметить, что по общему числу ДПП получила 3,77 млн. голосов, и это на 400 тыс. голосов больше, чем 3,37 млн, которые получила ГМД. Соревнование между ГМД и ДПП на этих выборах мэров в основном происходило в г. Тайбэй, г. Синьбэй и г. Тайчжун, а в г. Тайнань и г. Гаосюн, ДПП выиграла выборы с подавляющим преимуществом. Если не считать того, что в г. Гаосюн перед выборами ДПП разделилась и там появилась третья группа кандидатов, было установлено, что во всем процессе выборов мэров представлена ситуация борьбы двух партий, где нет места для существования третьей силы. При этом результаты выборов показали, что ДПП уже преодолела свой негативный имидж, который был связан с Чэнь Шуй-бянем, осужденным за коррупцию.

Кроме того, на выборах членов городских законодательных советов, силы ГМД и ДПП почти равны. Аналогичным образом, не считая того, что некоторым независимым кандидатам удалось пройти в парламенты, небольшие партии имеют совсем мало возможностей для развития. Стоит отметить, что результаты этих выборов изменили тайваньскую местную политическую ситуацию, центром которой являются городские законодательные советы.

Раньше долгое время было так, что в политической структуре тайваньского местного самоуправления, вне зависимости от того, какая партия правящая, ГМД или ДПП, и от того, во скольких городах и уездах ДПП получила власть, ГМД всегда получал больше мест в городских или уездных парламентах, и они всегда были под контролем ГМД. К настоящему времени среди всех городских или уездных парламентов, кроме уезда Цзяи (там единственный законодательный совет, где ДПП получила больше мест), во всех городах

¹ Ван Е-ли комментарий о государственной политике «Синяя на севере и зелёная на юге политическая карта» [Электронный ресурс] // Фонд исследования государственной политики : [сайт]. [2001]. URL: <http://old.npf.org.tw/PUBLICATION/IA/090/IA-C-090-221.htm> (дата обращения: 11.12.2001).

пост главы местного парламента принадлежит ГМД, а также заместители главы и большинство мест в основном контролируются ГМД, так что ДПП находится на абсолютно второстепенной позиции. Даже в тех городах, в которых правит ДПП, в парламентах ГМД все равно занимает больше мест, сформировалась ситуация противостояния двух партий в администрации и парламенте. Однако результаты последних выборов полностью изменили ситуацию. На выборах в парламенты пяти городов, результаты ГМД и ДПП являются равными, обе получили по 41,4 % голосов (130 мест), чего на местных выборах никогда не было. В городах Тайбэй, Синьбэй, Тайчжун и Гаосюн, ГМД в парламенте имеет только незначительное большинство, а в г. Тайнань ДПП получила большинство. Ван Цзянь-минь, китайский эксперт по тайваньским вопросам из АОН КНР, считает, что изменение в структуре власти местных парламента на Тайване — это концентрированное выражение кризиса местных сил и отделений ГМД, и это является важной причиной того, что в последние годы ГМД часто проигрывала выборы¹. Однако некоторые исследователи отмечают, что на Тайване, чем более современным и развитым является район, тем менее развиты местные отделения партии. Таким образом, можно смотреть на результаты ГМД на выборах как на результат кризиса местных отделений. Но это только малая часть проблемы, мы все же не можем игнорировать огромное влияние самих низовых организаций ГМД на процесс выборов.

В целом, на этих выборах в пяти городах на местном политическом уровне, проявились особенности, которые отличают их от выборов на национальном политическом уровне: идеология, разногласия по вопросу воссоединения или независимости, а также отношения между Китаем и Тайванем уже не являются главной темой выборов, кандидаты больше говорят о своих способностях к управлению городским хозяйством и направлению развития, и это может свидетельствовать о демократическом развитии выборов на Тайване. Когда борьба идеологий двух партий больше не занимает центральное место, и на них меньше обращают внимание избиратели, способности политических партий в управлении становится более важным фактором для выбора избирателей.

¹ Ван Цзянь-минь Обзор изменений сине-зеленой политической карты Тайваня после выборов в пяти городах [Электронный ресурс] // личный сайт Ван Цзянь-мина : [сайт]. [2010]. URL: http://big5.huaxia.com/gate/big5/blog.huaxia.com/html/97/8397_itemid_5277.html (дата обращения: 01.12.2010).

Данила Алексеевич Сорокин

Аспирант кафедры философии и политологии гуманитарного факультета Саратовского социально-экономического университета

Албанский сегмент македонской государственности

Ключевые слова: Македония, Косово, албанцы, македонцы, конфликт.

Аннотация

В работе освещаются вопросы взаимоотношений албанцев и македонцев Республики Македония, уделяется внимание историческому аспекту и демографическим характеристикам проблемы. Автор иллюстрирует работу данными статистики, демонстрирует развитие албанского вопроса и ситуацию до конфликта 2001 г. и после его разрешения.

Распад многонациональных федераций в к. 20 в. привел к зарождению и, в некоторых случаях, реанимации исторических обид и национального вопроса. Одним из ярких примеров появления, развития и разрешения национального вопроса стали многие государства пост-Югославии.

Македония, долгое время считавшаяся учеными и аналитиками «оазисом стабильности», в начале третьего тысячелетия «окунулась» в конфликт.

В 2001 г. территории компактного проживания албанцев Македонии была захвачена Освободительной национальной армией (ОНА), являющейся аналогом Армии освобождения Косова (АОК), и вышли из-под зоны контроля центрального правительства. Боевики, поддерживаемые местными жителями, требовали от властей Республики превратить ее в государство двух титульных народов — албанцев и македонцев. Завершением кризиса стало Охридское соглашение, подписанное представителями македонских и албанских партий, при участии международных посредников. Согласно положениям соглашения, в Конституцию были внесены изменения, изменен был также и статус албанского языка, введена пропорциональная система представительства в органах власти.

Во многом, современное состояние албанско-македонских отношений берет свое начало в истории. В древности албанцы под именем пеласгов были покорены эллинами, затем вместе с последними подчинились римлянам. В начале средних веков находились

под византийским господством, сменившемся влиянием Порты. Исламизированные албанцы, при поддержке турецкой власти, вытесняли христианское население Македонии. В качестве «награды за верность султану» получали в собственность наилучшие земли и практически неограниченную власть над бедными слоями албанцев и беспомощным христианским населением¹.

Исламизация и традиционные устои албанской семьи способствовали развитию демографической проблемы. Так, если перепись населения Османской империи в первой пол. 19 в. зафиксировала ок. 50 тыс. албанцев, то в начале 20 в. их число составило уже 115 тыс. человек.

Перепись населения Македонии 1953 г. показала, что в республике македонцев проживало 860.699 (66 %) а, албанцев — 162.524 (12,4 %). Перепись, проведенная менее, чем через 50 лет показала, что процент македонцев снизился до 64,62 % населения, в то время как албанцев уже насчитывалось 21,01 % от общей численности граждан страны. Причиной такого существенного увеличения числа албанцев можно считать крайне высокий уровень рождаемости среди албанского населения и «механический» приток населения из районов Сербии, в основном Косова и Метохии, и Албании².

Постепенное изменение демографической структуры Республики способствовало появлению политико-правовых проблем албанско-македонского характера. Это, в свою очередь, способствовало установлению определенных барьеров между албанцами и македонцами, и, как следствие, разобщению Республики. Последнее подкреплялось невозможностью македонским руководством удовлетворить в полной мере албанские притязания в «квартирном вопросе», сфере образования, здравоохранения и участия в государственном управлении.

Возможность удовлетворения данных требования открылась для албанцев Македонии с изменением политической системы Югославии и образованием независимой Македонии. Образование независимого государства — Республика Македония, однако, не решило проблем албанское население страны. Главным в политических отношениях македонцев и албанцев стал статус последних.

На протяжении первых 10 лет существования Македонии представителями албанской политической элиты был принят ряд документов, адресованных политикам-македонцам. Все документы в той

¹ См.: *Батковски Т.* Великоалбанската игра во Македонија. Скопје, 1993. С. 48–49.

² Там же. С. 50–59.

или иной степени содержали желания албанцев стать конституционным народом, закрепления особого статуса албанским территориям — автономий. Желание определить албанский язык в качестве служебного в центральных органах государственной власти и на территории всех тех общин, где проживают албанцы. При этом албанскими политиками предлагалась субсидиарная ответственность за все решения, принимаемые на государственном уровне, обеспечение адекватного представительства всех граждан в государственных органах и на международном уровне. Кроме того, предлагалось рассмотреть возможность получения албанцами образования на родном языке, принятия закона об употреблении национальных символов, конфессиональном равенстве, формировании и поддержке развития национальной культуры и национальной истории народа. Албанскими политиками подчеркивалась отсутствие в их политики негативизма в отношении как представителей македонцев, так и других этносов, проживающих на территории страны¹.

Македонские авторы утверждают, что Македония, как страна, вошедшая в ООН, содействовала уважению, обеспечению, признанию и соблюдению прав и свобод человека. Албанское население Македонии, согласно конституции, было наделено всеми правами: гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными, правами, необходимыми для проживания на территории государства. Албанцы были представлены в политической сфере страны².

Действительность же показывала иное. Албанская сторона заявляет о том, что ни в одном городе страны нет албанских топонимов, также как и нет культурных достопримечательностей, которые носили бы албанские названия. Представительство албанцев в средних учебных заведениях символично и не соответствует потребностям и стандартам современных обществ. Ни в одном суде нет председателя албанца, так же как и нет среди албанцев ни одного директора медицинского центра. Представительство албанцев в МВД является символическим, также как и в министерстве иностранных дел и других министерствах, генеральном штабе армии. Неразрешенность албанского вопроса спустя десятилетие существования Македонии способствовала радикализации настроений албанского населения, что привело страну к конфликту 2001.

¹ Митевски М. 2001 война со две лица. Скопје, 2008. С. 63–76.

² Ефтоски Г. Од десет општини — осум имат градоначалници албанци // Македонско време. 2001. Април. С. 24.

Разрешение конфликта изменило албанско-македонские отношения. Увеличилось представительство албанского населения в государственных органах власти. Если ранее количество представителей албанцев в государственной администрации колебалось от 1–2 % до 11–12 %, в зависимости от структуры (здравоохранение, культура, образование), то к 2007 г. процент представителей албанской этнической группы от общего числа служащих государственной администрации составил 14,59 %. Заметно увеличился процент албанцев-военнослужащих армии Республики Македония. Если в 2001 г. представители данного этнического меньшинства составляли 2,03 % от общей численности военнослужащих, то в 2006 г. их число составило более 13 %. Подобная ситуация наблюдается и в Министерстве внутренних дел. Албанцы являются в данной структуре самым многочисленным этническим меньшинством, их число составляет 16,5 % от общего числа служащих¹.

Существенное изменение претерпела и образовательная и культурная сфера страны. В Македонии функционирует два албанских университета, второй телевизионный общенациональный канал — албанский, албанцы располагают собственными СМИ, театрами и типографиями. Стоит признать, что в отношениях представителей двух этнических групп до провозглашения независимости Косова наблюдалась относительная стабильность. Признание Македонией независимости Косова привело к тому, что в политический лексикон вновь вошли националистические идеи (идеи федерализации).

Опасаясь раздела Македонии, политическая элита движется по линии ужесточения национальной политики, свидетельство тому — закрепление в первое десятилетие этноцентрической модели государства, отсутствие длительного времени возможности албанцам получения высшего образования на родном языке, непропорциональное представительство. Думается, что подобная негибкая позиция способствует не разрешению противоречий, а, наоборот, их усилению как на высшем уровне, так и в среде граждан. Видимо, самоопределение албанского населения Македонии — дело времени, а насколько скоро это время наступит будет зависеть не только от требований и притязаний албанской части населения, но и от сбалансированной политики и гибкости македонского руководства.

¹ *Цветанова Г.* Културните разлики и општествена интеграција. Македонија пред и по Рамковниот договор. Скопје, 2007. С. 118–122.

Никита Сергеевич Урсуленко

Студент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета

Интеграция Украины в Европейский союз

Ключевые слова: Украина, Европейский Союз, европейская интеграция.

Аннотация

В статье анализируются особенности интеграции Украины в Европейский Союз, рассматриваются перспективы и проблемы данных взаимоотношений.

Одно из основных направлений внешней политики Украины — вступление в Евросоюз, как полноправного члена. Это — наилучший способ реализации национальных интересов построения экономического и демократического государства, усиления позиции в мировой системе международных отношений. Для Украины европейская интеграция — это путь модернизации экономики, преодоления технологического упадка, получения иностранных инвестиций и новых технологии, создания новых рабочих мест, повышения конкурентно способности отечественного товаропроизводителя, выход на рынок ЕС, а также на мировой рынок.

Можно привести следующие аргументы в пользу развития отношений между Украиной и ЕС.

Во-первых, сотрудничество Украины с ЕС необходимо для технического обновления украинского производства. Производственные технологии украинских предприятий отстают от европейских стран, которые используют передовые технологии. В Украине нет капитала, необходимого для модернизации и создания новых современных предприятий, соответствующих европейскому уровню. Без модернизации производственных структур Украина не сможет выйти на устойчивое экономическое развитие и преодолеть возрастающее отставание от европейских стран. Таким образом, надо создать устойчивый производственно-технологический цикл, который будет конкурировать с европейским.

Во-вторых, выход на европейский рынок позволит конкурировать с другими странами. Европейский рынок послужит толчком для повышения качества и уровня производимой продукции, что в свою

очередь позволит выйти на международный рынок, и составить достойную конкуренцию странам мира.

В-третьих, возрастет количество рабочих мест, что послужит толчком к развитию образования и улучшению его качества.

Помимо модернизации технико-производственной базы необходимо также модернизировать украинское законодательство. То есть должна произойти адаптация законодательства Украины к законодательству ЕС, которая заключается в сближении с современной европейской системой права. Адаптация законодательства Украины предусматривает реформирование ее правовой системы и постепенное приведение в соответствие с европейскими стандартами и охватывает частное, таможенное, трудовое, финансовое, налоговое законодательство, законодательство об интеллектуальной собственности, охрану труда, охрану жизни и здоровья, окружающую среду, защиту прав потребителей, технические правила и стандарты, транспорт. Для того чтобы это осуществить необходимо четкое выполнения всеми ветвями власти намеченных реформ, а также проведения консультаций, конференций с ЕС, возможно, даже создать в Верховной Раде специальный Комитет по вопросам европейской интеграции.

Реализация европейского выбора требует не только политической воли, но и соответствующим образом подготовки кадров государственных служащих. Общая программа переподготовки и учебы должна обеспечить необходимые знания и навыки относительно целей и хода интеграции в Европейский Союз, его основных институций и процесса принятия решений, умения вести переговоры, использовать европейские информационные ресурсы, улучшение владения одним из основных европейских языков. Правительство должно поддерживать постоянный диалог с обществом относительно реализации своей европейской политики. Также стоит не только спрашивать, что Европейский Союз может дать Украине, но и искать убедительные аргументы того, что Украина может дать Европейскому Союзу. Например, в Украине очень развиты и конкурентоспособны легкая и тяжелая промышленность, текстиль, сельскохозяйственная продукция, что может быть интересно ЕС.

Европейская интеграция и членство в ЕС — наилучший способ реализации национальных интересов, построения экономически развитого и демократического государства, укрепления позиций в мировой системе международных отношений. Для Украины данный процесс — это путь модернизации экономики, преодоления технологической отсталости, привлечения иностранных инвестиций и новей-

ших технологий, создания новых рабочих мест, повышения конкурентной способности отечественного товаропроизводителя, выход на мировые рынки, и рынок ЕС.

Препятствиями в этом процессе являются следующие причины: корпоративная закрытость системы государственного управления, высокий уровень коррупции, слабость демократических институтов и неразвитость гражданского общества, притеснения свободы прессы, политические проблемы, что вызывает критику Совета Европы. Также отсутствие стабильного национального консенсуса по ключевым вопросам внутреннего развития и внешней политики образуют крайне негативный фон для отношений Украины с ЕС и угрожают превратить Украину в страну-аутсайдера. Подобные угрозы и неуверенности есть и в сфере экономики. Правовое поле не создает достаточной безопасности для инвесторов и кредиторов, кроме того, способствуют возникновению торговых споров, и ограничивает потенциал регионального экономического сотрудничества. Причины этого разнообразны. Среди них можно выделить несколько: 1) в Украине только формируется внешнеторговый профиль; 2) экономический кризис тормозит выход на мировой и европейский рынок; 3) интеграция Украины в европейскую экономику также тормозится структурой производства, унаследованной от СССР; 4) в Украине нет высоко технологического производства на основных предприятиях страны и поэтому ее товары неконкурентоспособны; 5) Европейский рынок достаточно насыщен товарами с низкой степенью обработки, промышленными товарами потребительского назначения и сельскохозяйственной продукцией.

Украинским экспортерам еще явно недостает опыта деятельности на внешних рынках. Для устранения этих ограничений и интегрирования в европейское экономическое пространство можно сформулировать основные направления внешнеэкономической политики Украины в отношениях со странами ЕС нужно следующее.

а) Более полно реализовать торгово-экономические отношения со странами ЕС.

б) Своевременное и комплексное осуществление экономических и политических мероприятий, которые являются необходимыми для начала переговоров со странами Западной Европы относительно создания в перспективе зоны свободной торговли.

в) Решение вопросов, связанных с возможностью присоединения Украины к отдельным европейским программам интеграционного характера, в первую очередь в сферах энергетики, транспорта,

науки и техники, информатики, сельского хозяйства, отдельных отраслей промышленности, охраны окружающей среды, образования.

г) Необходимо получить стабильную финансовую поддержку и техническую помощь для успешного рыночного преобразования в экономике Украины, что будет способствовать формированию конкурентно способности.

Нужно в первую очередь создать рыночную среду для сотрудничества с ЕС. Укреплять экономические связи со странами ЕС, развивать финансово-промышленные группы, интернациональные фирмы, научно-технические производства. Не исключена возможность свободной торговли между Украиной и странами ЕС. Также необходимо приближать правовую и законодательную базу Украины к Европейской, чтобы не было недоразумений. Конечным результатом будет нахождение новых рынков продажи украинских товаров, увеличение товарооборота.

Однако, очевидно, что на нынешнем этапе политического и экономического развития Украина еще не готова войти в состав ЕС.

**СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ
ПОЛИТИКИ**

Мария Игоревна Вершинина

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии факультета военно-социальной работы Военного университета Министерства обороны РФ

Социология и теория международных отношений: перспективы междисциплинарного дискурса

Ключевые слова: социология, международные отношения, Энтони Гидденс, глобальное общество.

Аннотация

Рассматривается значение перспектив социологического осмысления международных отношений в условиях глобализации, которая делает все более очевидной неделимость человеческого сообщества. При этом еще рано говорить о социологии международных отношений как об отдельной дисциплине, скорее это совокупность подходов изучения международного общества, социальных движений и организаций.

Как справедливо отметил британский социолог Э. Гидденс «занятия социологией предполагают концентрацию профессионального внимания на тех институтах и жизненных стилях, которые обязаны своим существованием «современности», то есть широкому спектру разнообразных социальных изменений по преимуществу европейского происхождения, принявших сегодня глобальный характер и ответственных за создание нынешних институтов. Социология, конечно, обладает некоторым набором понятий и теорий, которые, по всей вероятности, составляют ее исключительную прерогативу, но в методологическом отношении она далеко не так прочно изолирована от остальных социальных и гуманитарных наук, как многие были склонны считать»¹.

Хотя *признанный классик американской школы теории международных отношений* Джеймс Розенау полагает, что особенно социологии международных отношений в методологическом плане должно быть соединение количественных и качественных методов. «Даже когда количественная составляющая исследования не

¹ Giddens A. Nine Theses on the Future of Sociology // Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P.22

предъявляется читателю, когда она остается за скобками научной статьи, она все равно должна присутствовать в исследовательском процессе, так или иначе. Квантификация предполагает поиск закономерности, и если вы хотите состояться как социолог, вам все время нужно быть начеку, искать эти закономерности, выдвигать на их основе гипотезы и пробовать их обосновать. К примеру, при анализе России важно не то, что у власти находится Путин или Горбачев, а то, в какой степени в советской или российской внешней политике дают о себе знать устойчивые повторяющиеся черты, элементы преемственности, насколько она последовательна и структурирована такого рода закономерностями»¹.

В данной статье нас интересуют возможности интерпретации международной системы и международного общества категориями социологии, если рассматривать шире — проникновение социологического подхода в такую дисциплину как международные отношения.

В первую очередь необходимо отметить тенденцию переосмысления главного объекта социологического анализа — **общества**. В социо-гуманитарных науках термин «общество» никогда не является однозначным. Поэтому, зачастую, когда социологи рассуждали об «обществе», они обычно подразумевали национальные государства. Национальные государства действительно имеют четкие пределы, которым соответствует административная сфера государственного аппарата. Они действительно представляют собой более или менее целостные, интегрированные системы и нередко обладают достаточно гомогенной культурной идентичностью, отличающей их от окружающих государств. Однако рост различных трансграничных (т.е. выходящих за национально-государственные рамки) явлений и процессов свидетельствует о том, что социальная жизнь сегодня в значительной мере протекает вне общества, понимаемого как государство-нация.

В этой связи все чаще звучат призывы отказаться от такого интеллектуального анахронизма как понятие «общества». Последнее не соответствует сегодняшней реальности социального мира, переживающего процесс глобализации. К примеру, Фридрих Тенбрук, предлагают вовсе отказаться от понятия «общество», считая его

¹ Розенау Дж. Квантификация подразумевает прежде всего поиск закономерностей [Электронный ресурс] // Журнал «Международные процессы» : [сайт]. [2008]. URL: <http://www.intertrends.ru/eighteenth/008.htm> (дата обращения: 01.04.2011)

чрезмерно размытым. Действительно, сегодня понятия общества и государства все больше расходятся между собой во многих отношениях, и это неоспоримый факт. Общества все чаще выступают как наднациональные, межнациональные, внутринациональные сущности. «Мировое общество» сегодня — уже не только *desideratum*, как в свое время констатировал Дюркгейм, но и нечто вполне реальное и осязаемое.

Но это сигнал к тому, чтобы расширить понятие общества, а не отказываться от него. К тому же в социологии понятие общества на самом деле не сводится и никогда не сводилось к нациигосударству. Последнее всегда составляло лишь один из аспектов «общества», хотя и важный, но скорее вне сферы социальной науки. Более того, в известном смысле социология родилась благодаря тому, что отделила общество в качестве научного объекта от государства и резко противопоставило его последнему. Соответственно общество — это понятие, относящееся к явлениям различного масштаба: от первобытной общины, племени, семьи, микросоциальной группы, корпорации, города, сословия или класса и т. д. до нациигосударства, глобального общества и человечества. И впоследствии такое понимание общества в социологии сохранялось и в целом сохраняется до сих пор. Современные общества трансформируются и глобализируются, но они никуда не исчезают и исчезнуть не могут. Социология же сегодня, как и прежде, призвана изучать их, иначе она утрачивает смысл и основание своего существования.

В тоже время стоит отметить, что специфическое разделение труда внутри социальных наук, где политология монополизировала анализ внутригосударственных процессов и явления, а теория международных отношений — изучение внешних условий существования государств, частично объясняет неумение социологии концептуализировать те факты, которые и делают изучаемое ею общество «обществом».

Ален Турен, опубликовавший когда-то книгу, озаглавленную «Производство общества», полагает, что социология сегодня должна быть наукой не об обществе, а о социальных отношениях, изменениях и движениях: «Теряют свое значение не только идеи института и социализации, но, главное, сама идея общества должна быть отброшена. Социология была изучением общества; теперь она состоит в изучении социальных отношений и все более и более становится исследованием социального изменения...»¹. К отказу от идеи обще-

¹ *Touraine A. La sociologie est-elle encore l'étude de la société? // Les scientifiques parlent... Sous la dir. de A.Jacquard. Paris, 1987. P. 199*
286

ства в социологии приходит и основатель нового социологического направления «мобильная социология» (mobile sociology) Джон Урри. В книге с характерным названием «Социология за пределами обществ» он утверждает: «...Социология, вероятно, могла бы разработать новую программу, программу дисциплины, лишенной своего центрального понятия человеческого «общества». Это дисциплина, организованная вокруг понятий сетей, мобильности и горизонтальных движений»¹.

Доктор социологических наук Гофман А. Б. полагает, что авторы подобных высказываний (согласно которым социология теперь должна изучать не общества, а «социальные отношения», «социальные движения», «сети», «мобильности») сами сужают понятие общества, приписывая это сужение социологии вообще. Гофман по этому поводу пишет следующее: «Сама логика подобных противопоставлений выглядит в высшей степени искусственной. Разве общество — это не «социальные отношения», «сети», «движения» и т. п. ... И можно ли представить себе «чистое» движение как такое без того, что движется?»². Тем самым Гофман отстаивает право на существование и объяснительную силу понятия «общество».

Гидденс заявил, что общества состоят из множества социальных сетей, связанных воедино в системы взаимодействия³. С ним согласен еще один современный британский социолог Майкл Мэнн. Так в своей книге «Источники социальной власти» Мэнн констатировал следующее: «нет общей концепции или базовой единицы общества ... общества состоят из множества пересекающихся и накладывающихся друг на друга социопространственных сетей власти»⁴. Смысл данного утверждения раскрывается, прежде всего, через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве.

¹ *Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twentyfirst century. L.: N.-Y., 2000.*

² *Гофман А. Б. Существует ли общество? [Электронный ресурс] // Институт социологии Российской академии наук: [сайт]. [2008]. URL: <http://isras.ru/files/File/Socis/2005-1/gofmanab.pdf> (дата обращения: 01.04.2011)*

³ *Giddens A. Central Problems in Social Theory. L, 1979. P. 202.*

⁴ *Mann M. The Sources of Social Power. Cambridge, 1986. P. 1.*

Сущность сетевого подхода состоит в утверждении значения социальной сети как особой формы социальной структуры, пронизывающей все сферы жизни современного общества. В связи с чем, основное внимание исследователей сосредоточено главным образом на исследовании регулярных, повторяющихся паттернов связей и отношений в сети, детерминирующих поведение социальных субъектов, которые в нее входят. Сети представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентирование на решение конкретных задач и состоящие из автономных иногда временных групп. Для них характерны децентрализация власти и ответственности, а также преобладание горизонтальных (а не вертикальных, иерархических) внутренних связей отдельных составляющих их сегментов. Будучи открытыми структурами, сети способны к расширению путем включения в себя новых узлов, если те решают аналогичные задачи и исповедуют сходные ценности.

Одной из наиболее интересных и масштабных работ, анализирующих глобальные трансформации в обществе в терминах сетевых структур, стала работа М. Кастельса «Информационная эра: экономика, общество и культура»¹. Особенностью современного общества в трактовке М. Кастельса является не столько доминирование информации, сколько преобразование вариантов ее использования, когда ведущую роль в обществе приобретают глобальные сетевые структуры, вытесняющие традиционные формы взаимоотношений. Несмотря на свою объяснительную силу, ныне популярный сетевой подход критикуется некоторыми современными исследователями.

Так, Якоб Алстед, профессор факультета социальных наук университета Роскилле (Дания), полагает, что «когда общества описываются как сети, их трудно отличить одно от другого. Понятие общества теряет сопоставимость, присущую в большей мере идее контейнера»². Алстед выделяет два решения этой проблемы. Одно — мыслить общества как символические структуры, а не структуры, действующие помимо индивида. Общество есть тогда, когда достаточно людей полагают, что принадлежат к обществу, и это становится конкретной частью их личной идентичности. В таком варианте понятие общества — коллективный психологический символ, ко-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.

² Алстед Як. Историческая социология — зачем и как? [Электронный ресурс] // ФООП [сайт]. [2008]. URL: http://ecsocman.edu.ru/data/833/890/1216/014_alsted_Istoricheskaya_sotsiologiya.pdf (дата обращения: 01.04.2011)

торый разделяется многими. При таком решении концепция сохраняет аналитическую гибкость, не лишаясь содержания.

Другое решение, выдвигаемое Алстедом, отказаться от идеи, что число обществ в мире больше одного. Единственное общество — глобальное. Тогда его можно анализировать в составных частях — государства, компании, религии и т.д. С этим вариантом решения согласен Мартин Шоу: «Сейчас идея национального общества идет на спад в то время как идея глобального общества с различными формами локальной идентичности (религиозная гендерная классовая, расовая, профессиональная) становится все более популярной. Феномен этнического национализма скорее подтверждает нежели опровергает данную тенденцию»¹.

Более того, Мартин Шоу говорит о реальности возникновения глобального государства. Тенденцию к глобальному государству подпитывают четыре «глобальных слоя». Первый слой это институциональный каркас глобальной власти — ООН. Второй слой — институциональный каркас глобальной экономики — МВФ, Всемирный банк и ВТО — среди других. Третий слой — создаваемые глобальные правовые институты — Международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, Международный уголовный суд. Четвертый слой — идея «международного сообщества», опирающаяся на понятия сообщества государств и общности судеб человечества. Особый интерес для социологов представляет именно последний четвертый слой, символизирующий «достижение всеобщности сознания человеческого сообщества на мировом уровне» (a common consciousness of human society on a world scale). Социальные отношения «становятся глобальными тогда, когда они в значительной мере и достаточно постоянно регулируются осознанием всеобщности рамок существования всемирного человеческого общества»².

В своей радикальной форме тезис о мировом обществе гласит, что в настоящее время существует лишь одна единственная общественная система — наднациональная, мировая. В таком случае Германия, США, Норвегия или Пакистан не являются обществами. Европа тоже не является обществом. Только всеобщая мировая система соответствует понятию «общество». Так, Н. Луман рассматривает мировое общество в качестве единственной закрытой системы, в рамках которой возможно проследить все операции коммуникации.

¹ *Show M. Theory of the Global State: Globality as an Unfinished Revolution. Cambridge, 2000. P.11*

² *Там же.*

Действительно, потоки информации, телевидение, телефонная связь, Интернет не знают национальных границ. Они объединяют людей в единое общество. В таком случае национальные общества отходят на второй план. Правда, сохраняется проблема бедных и богатых стран. Бедность существует и воспроизводится в национальных границах. Однако сторонники нового понимания общества, в том числе и крупнейший теоретик мирового общества И. Валлерстайн, убеждены в том, что именно мировое общество производит и воспроизводит социальное неравенство, которое в дальнейшем воспроизводится конкретными странами и обществами. В результате национальная бедность выступает фактом внутренней дифференциации системы мирового общества.

Еще одной тенденцией сближения социологии и теории международных отношений является их обращение к ряду **социальных движений**, таким как женское движение, экологическое движение и движение за мир. Последнее, к примеру, «существенно влияет как на природу военной власти, так и на характер ее распределения, поэтому оно само по себе составляет достойный объект социологического анализа». Движение за мир — это реакция общественного мнения на потенциальные и реальные последствия гонки вооружений; оно также способствует ясному пониманию того факта, что социологи не могут далее игнорировать проблему военной власти как одного из параметров современности.

Вопросы, которые поднимает женское движение (феминизм), имеют не столь драматические последствия, однако актуальность их переосмысления в социальных науках давно назрела. Это, прежде всего, проблемы половой асимметрии власти. Ведь традиционно политика была уделом мужчин, причем наиболее привилегированной их части. Женщины же были исключены из нее, были лишены возможности полноправного участия в ней. В ситуации когда «мужская интерпретация» политических реалий доминирует, женщины по мнению представителей этого движения, остаются наиболее угнетенной частью населения: большинство неграмотных — женщины, основную часть низкооплачиваемой рабочей силы ТНК составляют женщины, именно женщины в наибольшей степени страдают в вооруженных конфликтах и т. д.

Гидденс отмечает, что изучая «новые» формы социальных движений (альтерглобализм, феминизм, экологическое движение, движение за мир и т. д.), нельзя «списывать со счетов» т. н. традиционные («исламская революция»). И новые и традиционные формы социальных движений не всегда оказываются предвестниками провозглашаемого ими будущего, но, в любом случае, они приносят элемент беспокойства в настоящее, указывают на особенности и скры-

тые возможности современного институционального порядка, которые не были известны прежде.

Помимо социальных движений Гидденс выделяет **социальные организации** (гражданское общество, религиозные объединения, наука, искусство) как еще один канал, с помощью которого в современном мире приводится в движение рефлексивное усвоение знания о социальной жизни. Гидденс указывает на следующие отличительные особенности социальных движений и социальных организаций. Последние систематически аккумулируют и хранят социальную информацию, создавая, таким образом, стабильность условий для социального воспроизводства. При этом социальные движения обладают более подвижным характером и более мощным преобразующим потенциалом, так как они противостоят сложившемуся положению вещей и специфическим образом сопряжены с реализацией новых социальных проектов¹.

Подводя итог, следует подчеркнуть значение перспектив социологического осмысления международных отношений в условиях глобализации, которая делает все более очевидной неделимость человеческого сообщества. В тоже время пока еще рано говорить о социологии международных отношений как об отдельной дисциплине, скорее это совокупность подходов изучения международного общества, социальных движений и организаций.

Алёна Владимировна Затонских

Аспирант кафедры социологии и психологии политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Пространственные характеристики образа России в массовом сознании российских граждан

В данной работе представлены результаты анализа данных 6 фокус-групп, проведенных на протяжении 2009 года в Костроме, Саратове и Москве. В группах принимали участие граждане РФ, проживающие на данной территории в возрасте от 19 до 62 лет. Так же в работе представлены результаты фокусированных интервью, проведенных в Москве и Сочи в 2009 году.

¹ Giddens A. Nine Theses on the Future of Sociology. In: A.Giddens. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P. 22.

В гайды для фокусированных интервью и фокус-групп, в частности были включены такие вопросы: *Как Вы полагаете, в каких границах будет существовать Россия к 2015–2020 гг.? (увеличится, уменьшится, останется без изменений), Возможен ли распад России?*

Поскольку фокус-групповое исследование и интервью включали, так же и проективные методики, дополнительную исследовательскую базу составили контурные карты России, на которых респондентам предлагалось отметить, где должны проходить границы страны в ближайшие 10–15 лет. Данная методика была разработана и активно применялась в исследованиях кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова¹.

Результаты исследования:

Рациональный компонент

Стабильность.

31 % респондентов предполагают, что в будущем границы России останутся неизменными. Опрашиваемым хочется верить, что *«границы России не изменятся», «мы уже стабильное государство, кое-как пережившее 90-е и не развалившееся, поэтому всё у нас будет очень хорошо»*. Причем границы останутся неизменными именно в рамках современной территории России. Данной группе респондентов не свойственно прибавлять к современной территории России других государств, областей и территорий.

Редукционизм/Экспансионизм

Большинство респондентов придерживаются редукционистской точки зрения. Так, 38 % предполагают, что территория России уменьшится в ближайшие 10–15 лет. Среди наиболее вероятных субъектов, отколовшихся от России называют Дальний Восток, Курилы, Кавказ. Отделение Дальнего Востока связывают с *«китайской угрозой»*. В то время как *«русский мужик спит, завернувшись в тулуп, китайцы по-тихому ведут захват наших земель»*, поэтому перспектива сохранения Дальнего Востока за Россией рассматривается нашими респондентами практически как нулевая.

Экспансионизм за счёт территориальных компонентов прошлого.

Прирост территории произойдет за счёт территорий бывшего СССР, наиболее часто упоминаемые страны это Белоруссия и Казахстан. *«С Белоруссией у нас строится союзное государство, пора*

¹ *Евгеньева Т. В., Титов В. В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодёжи// Полис. 2010. № 4.

уже как-то объединяться», «белорусы — те же русские, мы — единый народ». Казахстан же необходим России потому что «там русских много, и нам на них не плевать», «ресурсы огромные, там Байконур, да и вообще они же наши все». Также респонденты предлагают присоединить Украину, которой «в НАТО не надо, она ж наша, родная» и «которая скоро поймут, что от американцев добра не будет!».

Экспансионизм за счёт территориальных компонентов настоящего.

Среди потенциальных российских территорий респонденты отмечают Южную Осетию и Абхазию. *«Если уж признали, то и принимать надо».* Данные территории актуализировались в сознании респондентов в основном за счёт грузино-осетинского конфликта 2008 года.

Иррациональный компонент.

Стабильность.

Не на много увеличилась доля людей, предполагающих, что граница России останется прежней (35 %), при этом в качестве приобретенных территорий чаще всего указывается территория Северно-ледовитого океана, Японского и Чёрного морей.

Редукционизм/экспансионизм

Интересно, что редукционистские (32,5 %) и экспансионистские (32,5 %) настроения на иррациональном уровне оказались в равных пропорциях.

При анализе проективной методики «контурные карты» мы можем сделать вывод о том, что особых существенных различий между иррациональным восприятием изменений территории России и вербальным отражением респондентами данного вопроса не имеется.

Однако, наблюдаются также интересные представления, которые являются нетипичными, в частности, отбрасывая в своем представлении от территории России всю её восточную часть, респонденты объединяют европейскую территорию России с Европой, посредством Белоруссии и Украины. Или же, наоборот, отделяют европейскую часть, считая это больше не российскими территориями, оставляют в качестве «России» только Зауралье и Дальний Восток.

Редукционистские настроения также принимают нетипичные формы, в частности, «Россией» по мнению одного из наших респондентов останется только центральная часть РФ и Западная Сибирь, все остальное именоваться Россией и входить в состав государства уже не будет.

Экспансионизм за счёт территориальных элементов прошлого.

Так же стоит отметить, что снова, наиболее часто присоединяют респонденты к территории России Белоруссию, Украину и Казахстан, в то время как присоединение Монголии, Румынии или Прибалтийских республик носит в основном единичный характер и обуславливается большей частью личными предпочтениями респондентов. Получается, что на иррациональном уровне заимствование территориальных элементов прошлого также присутствует.

В рисунках образа России настоящего также присутствовали символы пространства. 32 % респондентов изображали на рисунках очертания российских границ. Однако лишь в 2 % случаев они были подобны настоящим границам современной России, в остальных случаях границы были крайне аморфны и либо уменьшались (11 %), либо излишне преувеличивались (10 %).

Таким образом, мы можем видеть, что как на рациональном, так и на иррациональном уровнях большей частью респонденты признают территориальную целостность России стабильной и установившейся, и предполагают увеличение территории.

Исходя из полученных данных, мы можем предположить, что в сознании респондентов географические контуры России представлены следующим образом: Москва, Кавказ, Европейская часть России, Урал, Дальний Восток и Курилы. Эти элементы наиболее часто проявляются в ответах наших респондентов.

Объяснить такое акцентирование внимания именно на данных регионах возможно следующими причинами:

— *Москва* несомненно, как столица является весьма значимым регионом, об отделении Москвы от всей России нет и речи, хотя чаще всего столица воспринимается не как «вся Россия» и зачастую разрыв между центром и регионами является объектом пристального внимания со стороны респондентов.

— *Кавказ*, по различным основаниям действительно считается чуждым всей России, этнический и религиозный факторы, а также латентная напряженность конфликтность данного региона, несомненно, оказывают влияние на восприятие данного региона нашими респондентами. «Чуждость» этого региона делает его наиболее часто отчуждаемой частью РФ, чаще граждане отделяют от России разве что Дальний Восток.

— *Дальний Восток и Курилы* — наиболее менее известные нашим респондентам регионы. Они настолько далеки, что в сознании многих респондентов присутствуют только за счёт негативной оцен-

ки, в качестве уже не российских территорий. Кроме того, здесь не обходится без влияния и СМИ, где активно описываются ужасы «вымирания» Дальнего Востока и тихая «экспансия» китайцев на данные территории.

Таким образом, в сознании наших респондентов существуют только столица и то, что, по мнению респондентов, относится к зоне её влияния (Москва и европейская часть России, приближенная к Москве) а так же проблемные регионы, внимание на которых сосредотачивают СМИ, которые и будоражат представления наших граждан. В остальном же, интерес к географии родной страны в сознании респондентов достаточно слабо развит, и если бы ежедневные сводки СМИ не говорили о постоянных террактах на Кавказе и тихой «китайской» экспансии на Дальний Восток, данные регионы также не проявились бы в географическом образе России. Увеличение территории, по мнению наших большинства респондентов, будет происходить за счёт возвращения бывших территорий СССР. Здесь мы наблюдаем механизм аналогичный механизму наполнения временной составляющей образа России, великое прошлое — великое будущее.

Дмитрий Евгеньевич Ковтуненко

Студент кафедры социологии и психологии политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Политическая реклама в системе политической коммуникации

Ключевые слова: политическая психология, политическая реклама, политическая коммуникация, политическая пропаганда, политический PR.

Аннотация

Статья представляет исследование теоретических подходов к политической рекламе в системе политической коммуникации. В статье рассматриваются основные виды и жанры политической рекламы, их особенности, а также отличия политической рекламы от политической пропаганды и политического PR.

Политическая реклама является неотъемлемым атрибутом любой избирательной кампании в демократическом обществе. Как и

любая рекламная деятельность, политическая реклама есть односторонний процесс коммуникации, направленный на побуждение аудитории к конкретным действиям, выгодным рекламодателю за конкретный временной интервал.

Политическая реклама классифицируется в зависимости от характера взаимодействия с аудиторией. В этом смысле стоит различать контактную политическую рекламу, т.е. непосредственно выходящую на аудиторию и независимую от контроля СМИ и неконтактную, когда взаимодействие с аудиторией происходит через каналы СМИ. К контактным формам политической рекламы относятся: политические плакаты, листовки, брошюры, почтовые обращения, наружная политическая реклама, сувенирная продукция. Наиболее распространенные варианты контактной политической рекламы основаны на использовании полиграфической продукции.

Сложнее дело обстоит с политической рекламой в интернете. С одной стороны интернет причисляют к средствам массовой информации, с другой — степень контроля над информацией в интернете значительно ниже, чем в традиционных СМИ. На наш взгляд здесь следует, прежде всего, учитывать, подвергается ли интернет сайт редактированию третьей стороной, не имеющей отношения к заказчику политической рекламы. Если подвергается, то политическую рекламу на данном интернет ресурсе мы можем отнести к неконтактной форме, если не подвергается — то к контактной форме. Примером контактной формы политической рекламы в интернете будет являться размещение политической рекламы на новостных порталах (Лента.РУ, ГАЗЕТА.РУ), примером неконтактной является размещение политической рекламы партии на ее же сайте или в личных блогах ее членов.

Политическая реклама в традиционных СМИ имеет свои специфические особенности. В современной политике наиболее важным каналом для передачи политических сообщений является телевидение. Эффективность телевидения как канала передачи сообщений определяется тем, что вербальные образы здесь подкрепляются визуальным рядом. С широким использованием телевидения в политике, начинают смещаться акценты в политической рекламе — внешний облик политика начинает играть не меньшую роль, чем содержание его речи. С развитием телевидения начали складываться определенные жанры политической рекламы: обращение политика к аудитории и теледебаты, «замещенные выступления» — видеоклипы, видеофильмы, ролики, политические шоу, а также традиционные телевизионные жанры, адаптированные к рекламным целям.

Наиболее распространенными из них являются первая и вторая группа. Телевизионные обращения политиков является традиционным видом политической рекламы, который имеет свои специфические особенности: визуальный ряд ограничивается показом политика, находящегося, как правило, в статическом положении; кандидат непосредственно обращается к избирателям, представляя себя с личной и профессиональной стороны. Теледебаты являются «многоголосым» вариантом представления политической программы. Обычно теледебаты проходят в режиме «вопрос — ответ». Главной их особенностью является то, что здесь политик может продемонстрировать свою компетентность и умение держаться в неудобной ситуации. И теледебаты, и политическое обращение как виды политической рекламы делают упор на личностные качества политика, его внешний вид, умение говорить, держаться во время публичных выступлений, аргументировать свою точку зрения. Другими видами политической рекламы на телевидение являются ролики, видеоклипы и видеоролики. Ролики являются самым коротким по хронометражу видом политической телерекламы. Малая временная протяженность — одно из главных преимуществ данного вида политической рекламы, так как это позволяет легко проходить в сетку вещания. Это преимущество делает ролик самым распространенным видом политической телерекламы в тех странах, где он разрешен как средство предвыборной борьбы. В данном виде политической рекламы предоставлены широкие возможности для коррекции образа политика или политической партии. Рекламодатель имеет широкое поле для воздействия на аудиторию, прежде всего, через значимые символы. Основная задача политического рекламного видеоролика — закрепление позитивного образа политического актора. Но этим применение данного вида политической рекламы не ограничивается. Видеоролики так же используются в предвыборных кампаниях для дискредитации и создания негативного образа оппонента. В силу того, что политический ролик может содержать необъективную информацию и искажение реальности, в некоторых странах данный вид политической рекламы запрещен, например, во Франции, Японии и Великобритании.

Политическая реклама в прессе имеет свои особенности и специфические жанры: политическое объявление; политические листовки и плакаты; напечатанные речи и обращения; напечатанные политические документы (программы, манифесты и т. д.), традиционные печатные жанры, адаптированные для целей политической рекламы. Особенности политического объявления являются ма-

лый формат сообщения, обычно в него входят политический слоган, небольшие фрагменты программы, короткая характеристика кандидата. Текст объявления обычно подкрепляется изображением. Формат политического объявления предполагает широкое распространение. Основная цель данного жанра повысить узнаваемость кандидата и подготовить аудиторию к более детальной информации о нем. Для политического плаката и листовки большое значение имеет изображение, которое обычно занимает наибольшую площадь рекламного сообщения. Изображение обычно сопровождает лозунг. Напечатанные речи и обращения политиков по сравнению с телевизионным вариантом теряют в плане эмоционального воздействия, личностные качества кандидата в напечатанной речи не играют той роли как на телевидение. Из традиционных печатных жанров адаптированных для политической рекламы, прежде всего, стоит выделить интервью с политиком. Если сравнивать с жанрами политической телерекламы то интервью во многом схоже с теледебатами, так как также проходит в режиме «вопрос — ответ» и используются в основном те же методы воздействия на аудиторию.

Политическую рекламу следует четко отделять ее от других видов политической коммуникации — политической пропаганды и политического PR. Разграничение можно провести в зависимости от методов воздействия на аудиторию, а так же от целей коммуникации. Д. В. Ольшанский пишет, что методы политической рекламы и политической пропаганды практически идентичны, но цели различны, если главной задачей политической пропаганды является популяризация и внедрение в массовое сознание определенных идеологических установок, исходя из этого, политическая пропаганда рассчитана на долгосрочную перспективу. Задачей же политической рекламы является побуждение сторонников определенных политических идей к активным действиям, таким образом, мы можем определить политическую рекламу как краткосрочную и ситуативную форму политической коммуникации. Политический PR отличается от политической пропаганды и рекламы, как целями, так и методами воздействия. Основной задачей политического PR является создание доверия политическому деятелю или политической организации как к источнику информации, создавая, таким образом, плацдарм для дальнейшей «обработки массового сознания». Таким образом, перечисленные виды политической коммуникации представляют единую систему воздействия на массовое сознание: политический PR формирует доверие к источнику информации, политическая пропаганда внедряет сознание определенные идеологические установки, и уже на основе этого политическая реклама побуждает сторонников идеи к политическому действию.

Оксана Александровна Полюшкевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета

Социокультурные особенности восприятия «власти» в массовом сознании россиян и португальцев

Ключевые слова: власть, массовое сознание, россияне, португальцы, социокультурные особенности.

Аннотация

В статье дается анализ социальных представлений о власти в массовом сознании россиян и португальцев. Показываются особенности социокультурных процессов, воздействующих на образы власти у населения.

Власть — это один из самых древних институтов. Власть это надличностное социальное явление. Она существует везде. Чтобы общество существовало, необходимы те, кто бы управлял этим обществом. Без власти наступает анархия и развал. Поэтому благодаря той или иной власти в обществе устанавливаются порядки, принимаются законы, люди живут по определенным правилам.

Вторая половина XX века привнесла в массовое сознание существенные изменения восприятия власти. Практически все представители власти декларируют то, что власть, которую они олицетворяют — служит интересам народа, государства или мира. Но реальность зачастую противоречива — реальные поступки отдельных политиков или целых элит говорят об обратном — не власть служит народу, а народ власти. Целью нашего исследования было проследить социокультурные особенности восприятия власти в России и Португалии. Исследование проходило в 2010 году. После падения режима Салазара прошло немногим более 35 лет, после падения Советского Союза — 20 лет. Оба режима рушились под эгидой «освобождения» от прошлого и формирования демократического «свободного» общества. Изменялась властная элита, изменялся политический строй.

Автор пытался проследить восприятие власти в общественном сознании жителей Португалии и России. Основой для методики послужило исследование О. А. Кармадонова, проведенное в 1998 году на российской и китайской выборке [2].

В качестве метода исследования выступало фокус-групповое интервью. Было проведено 12 фокус-групп (по 6 с каждой стороны) в которых приняло участие 108 человек (56 в России и 52 в Португалии). В исследовании принимали участие люди в возрасте от 18 до 65 лет.

При анализе ответов респондентов применялся метод контент-анализа и транссимволического анализа. Контент-анализ позволил определить наиболее частотные смысловые категории, встречающиеся при определении «власти», форм и способов ее выражения, влияния социального пространства на восприятие данных явлений в жизни респондентов. Транссимволический анализ позволил проследить когнитивные, аффективные и деятельностные формы и смыслы данного явления. В российской выборке в виде существительных (когнитивный смысл), прилагательных (аффективный смысл) и глаголов (деятельностный смысл), в португальской — анализировались формы выражения фраз или метафор, связанных с определением свободы, в рамках выделенных смыслов.

По каждому из вопросов было выделено около 60 единиц анализа, последние были сведены в несколько переменных или категорий анализа.

При анализе символического пространства категории «власть» можно выявить следующие особенности. В российской выборке, доминируют следующие триады: «*Деньги (42 %) — Народные (39 %) — Забирает (36 %)*», «*Управление (38 %) — Полное (33 %) — Выжимает (40 %)*», «*Воровство (20 %) — Повсеместное (28 %) — Обедняет (24 %)*». В португальской выборке, доминируют иные триады: «*Деньги (36 %) — Большие (35 %) — Получают (35 %)*», «*Законы (40 %) — Общественные (42 %) — Регулируют (35 %)*», «*Право (24 %) — Строго (23 %) — Контролирует (30 %)*».

Как видно из триад, власть у россиян воспринимается негативно — она *ворует, забирает, обедняет, выжимает* — власть это тот орган, который контролирует и забирает, но ничего не дает взамен. И у молодого поколения и у более старшего — власть воспринимается одинаково негативно. Ярко прослеживается разграничение народа и власти (мы и они). В представлении рядового жителя России, — власть эксплуатирует народ, отстаивает свои интересы, а не народные. Не государство во главе с президентом работает для народа, а народ работает на государство. Отношение к власти как к чужой подтверждается и коррупцией: власти платят «дань». В известной степени указанное отношение выгодно и психологически: всегда есть на кого свалить вину за плохую жизнь. На сегодняшний

день — народ не знает своей власти, а власть — своего народа. Это два мира. Возможно, в этом коренится причина нынешнего разброда в политике страны. *«Мы далеко — люди власти делают свое дело, а мы — свое»* (Андрей, 43 года), *«Власть — это свой мир, жестокий и грязный, я не хочу с ним иметь ничего общего»* (Ольга, 32 года), *«Политики — это все воры, они наживаются на бедах простого народа, так что говорить о власти хорошее мне нечего»* (Федор, 64 года), *«Политики и власть используют народ в своих интересах. Мы для них пешки — они думают о себе, а не о народе»* (Анна, 51 год).

Португальцы воспринимают власть как законный орган, призванный регулировать их жизнь, соблюдать законы и права граждан. Эту тенденцию можно объяснить тем, что хоть 35 лет назад в Португалии изменился социальный строй, с 1986 года она входит в Евросоюз — но восприятие власти как *«знающего»* и *«умеющего»* инструмента глубоко сидит в подсознании. Власть — это пусть далекий (никто из респондентов не отмечал ее близость, понятность или тем более — доступность), но все же орган, инструмент заботы о народе.

В португальском обществе, молодые и пожилые люди не одинаково воспринимают власть. Для молодого поколения власть, это *«деньги и социальное положение»* (Лукаш, 28 лет), *«это возможность добиться своих целей»* (Андреш, 30 лет), *«это возможности»* (Луция, 24 года), т.е. во власти они видят инструмент личного и социального успеха. Для более старшего поколения, власть — это *«гарант стабильности»* (Фернандо, 58 лет), *«регулирование жизни народа»* (Педро, 46 лет), *«правовой институт»* (Томас, 42 года). Старшее поколение оценивает власть с позиции социального развития, пришедшего еще из салазаровской эпохи, хотя и не всегда это сами осознают. По свидетельству очевидцев, А. Салазар требовал исполнения своих распоряжений. *«Я знаю, чего хочу и куда иду, — говорил диктатор. — Время от времени я информирую страну о своих решениях и предположениях. Граждане могут предположения обсуждать и присылать свои возражения, но моим приказам они обязаны подчиняться»* [1]. Установки, заложенные в детстве — остаются на всю жизнь. Прошло уже больше четверти века, а оценка власти среди тех, кто застал тот период осталась такой же.

Таким образом, мы проследили особенности символического или ментального восприятия власти как основного элемента политического пространства. В сознании россиян власть не во что не вмешивается. В сознании португальцев — власть создает условия для того, чтобы они могли реализовать свои планы.

Схожие процессы трансформации политического режима в рассматриваемых государствах привели к разным результатам. Возможно, стоит это объяснить тем, что Португалия входит в Евросоюз и политика других государств существенно влияет на политическое поведение внутри страны. Хотя и не все меры правительства приводят к позитивным результатам. Также, у португальцев — европейский тип мышления, который накладывает свои особенности. Россия же, перенимая западные образцы, не может их ни адаптировать под свои реалии, ни применить в чистом виде.

Библиография

1. Антонов М. От лжекапитализма к тоталитаризму. (Мир в XXI веке и судьбы России). М., 2008. — 346 с.
2. Кармадонов О. А. Семантика политического пространства: опыт кросскультурного трансимволического анализа / О. А. Кармадонов // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 82–89.

Алексей Геннадьевич Соломатин

Студент кафедры социологии и психологии политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Теоретико-методологические проблемы в изучении психологии терроризма

Ключевые слова: терроризм, психология терроризма, методология, теоретико-методологические проблемы.

Аннотация

Психология терроризма — одна из самых противоречивых и на настоящий момент одна из самых плохо изученных областей в политической психологии. Многие исследования по данному предмету не находят своего продолжения из-за некоторого теоретического, а также общего методологического исследовательского дефицита, который находит отражение в определенных проблемах различного характера, освещенных в настоящей статье.

Одной из первых проблем, которая возникает при изучении психологии *терроризма* — проблема сугубо теоретическая. Заклю-

чается она в сложности и однозначности определения понятия «терроризм». Некоторые авторы считают неперенным атрибутом терроризма насилие, и, как водится, соответственно, выделяют государственный и негосударственный уровни терроризма (террор и терроризм). Вторые авторы обращаются к этимологии и заключают в понятие терроризм имманентный и наиболее пространный смысл — терроризмом является некоторое действие, внушающее страх. Третьи авторы подходят фундаментально к данному понятию и определяют его как «символическое применение насилия негосударственных субъектов для достижения социальных и политических (и, следовательно, не чисто преступных) целей, чтобы запугать, напугать или заставить что-то делать широкие массы, в отличие от достижения прямых целей».

Стоит отметить тот факт, что на развитие понятия терроризм накладывает свой отпечаток национальная специфика выработки этого понятия. Так, в США это «преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения и невоенных акторов с использованием отдельных национальных групп или тайных агентов, как правило, с намерением повлиять на массовое сознание населения». Отечественные же авторы придерживаются несколько другого определения, ориентируясь скорее на юридическую трактовку терроризма и отмечая политический (в отличие от смежных юридических понятий) характер терроризма³.

Не будем забывать и о хронологическом аспекте: выделение понятия часто нужно четко связать с каким-то временем возникновения, зарождения, определенных волн активности терроризма. В этом плане можно говорить о более-менее выдержанном консенсусе в исследовательских кругах: терроризм как явление имел свои проявления еще в Древнем мире, но менял свои формы, и под действием факторов глобализации в XX веке получил ускоренное развитие, в том числе, и на международном (транснациональном) уровне.

Но даже если политический психолог определился с главным понятием, то сразу же возникает другой вопрос уже методологического характера: как изучать *психологию* терроризма? Речь идет о психологии террористического актора — личности, целой группи-

¹ Чаликова В. Терроризм: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 310.

² Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 439.

³ Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. 40 с.

ровки или же международного терроризма как целостного явления — во всех этих случаях мы должны определить те методы, которые мы можем использовать, чтобы разобраться в предмете.

Здесь мы выходим на *проблему изучения индивида* на общетеоретическом уровне. Совершенно ясно, что террорист — это человек, а значит, что у него есть сознание, его поведение — это отражение психического мира (если мы исходим из бихевиористской парадигмы¹). Но в какой степени мы можем проанализировать сознание террориста, как можно соотносить его террористическую деятельность с психологическими особенностями личности террориста, а главное — какой инструментарий, в таком случае, есть у политического психолога для того, чтобы изменить ситуацию и добиться важнейшей цели — сократить количество террористических угроз и непосредственных акций? Политическая психология с ее универсальным инструментарием лишь частично может помочь исследователю: такие методы как глубинное интервью или же включенное наблюдение, которые дают богатый материал для исследования, — очень большая редкость при взаимодействии с террористическими акторами.

Как было упомянуто только что — метод, с которого начинается вся психология и которым она, по сути, заканчивается — *наблюдение* — является почти недоступным для использования в исследовании психологии терроризма. Исследователь может наблюдать за терактом по телевидению, с помощью радио или же интернета, но лишь единицы политических психологов могут стать непосредственным наблюдателем теракта (здесь речь идет о длительном акте, например, о захвате заложников). Не говоря уже о том, что стать свидетелем взрыва или же диверсии, по крайней мере, очень странно и опасно. К тому же, в отличие от тех же выборов, исследователь не знает, когда произойдет теракт, и не может пассивно принимать в нем участие.

С этим связана и проблема следующего характера. Когда мы говорим о включенном наблюдении, то речь идет не только о невозможности вхождения в различные террористические группировки для их исследования изнутри, что особым образом соотносится с морально-этическими принципами самого исследователя, а также с соображениями безопасности. Речь идет также о том, что исследователь не может непосредственно общаться с террористом, когда речь

¹ Уотсон Д. Поведение как предмет психологии // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. 34–44 с.

идет о принятии решений в отличие от того же политического консультирования представителей власти. Мы можем себе представить психолога, который консультирует главу местной администрации, министра или же самого президента. Но представить себе психологического консультанта, который бы не разделяя взглядов террористов, был бы главным приближенным какого-то террориста, невозможно. Да, допустим тот факт, что у террористов есть свои психологи-консультанты, но в любом случае, они не помогут нам при исследовании психологии терроризма из-за секретности таких данных. Это естественно, и в этом состоит специфика изучения психологии терроризма.

В связи с этим, следует выделить следующую важную проблему — проблему *доступности данных*. И здесь следует отметить две стороны — сторону непосредственных акторов — террористов, и сторону тех, кто подает обществу информацию о акторах — СМИ. И если первая сторона по вполне понятным причинам является секретной (ни один террорист не будет распространяться насчет используемых приемов манипулирования, и т. п.), то вторая сторона не всегда находит понятное объяснение. Так, в России многие интернет-провайдеры преграждают путь на экстремистские сайты, просто закрывая доступ к ним. Видео-ролики террористов распространяются в сети зачастую с помощью нелегального контента. В таких условиях очень сложно что-то изучать. Помимо закрытости информации существует и смежная проблема — проблема ее *искажения*. То, что транслируется различными источниками массовой информации, не часто является «первоисточником». В условиях же подчинения СМИ государству, о какой-то объективности информации про теракты говорить совершенно не приходится.

Конечно, ограничение, фильтрация контента — меры объяснимые. Для того чтобы молодежь (самая активная часть интернет-пользователей), а также другие социальные группы не встали на путь терроризма, происходит такое «снижение дозы» подаваемого материала. Но нас интересует исследовательская сторона, которая, несомненно, очень важна, в том числе, и для самого государства.

Говоря о проблеме доступности данных, мы коснулись, пожалуй, самой противоречивой проблемы, которая уходит в этическую плоскость. Назовем эту проблему — *общая проблема понимания*. Возникает вопрос: а можно ли вообще заниматься психологией терроризма? Как это соотносится с этической сферой? Неоднократно можно отметить, что к людям, в чьих исследованиях есть слово «терроризм» относятся с некоторой опаской. Это первый момент,

который играет достаточно малую роль в проблематике. Второй момент связан с вопросом: как можно заниматься психологией терроризма, не преступая косвенно при этом морально-этические нормы? В психологии принято считать, что лучший способ изучения человека — это отождествление себя с ним. В таком случае, психолог, занимающийся проблемами терроризма, обязан «примерять» на себя идеи Бен-Ладена, Доку Умарова или же Ибона Арронатегу, он должен рассчитывать стратегию теракта, как сделать так, чтобы добиться максимальной цели и какой инструментарий при этом задействовать. При этом люди, обвиняющие исследователей в нарушении этики, часто забывают о том, что истинной целью является выискивание тех возможных путей дальнейших действий террориста, чтобы зная о них, избежать массовых жертв потенциального теракта. Конечно, политическому психологу можно и нужно смириться с этим. Но часто такие нападки со стороны общественности мешают проведению целостного исследования.

Наконец, отметим характерную *национальную проблематику* разработки психологии терроризма. Когда нужен анализ российской специфики, будь то захват заложников или же общетеоретические вопросы, приходится обращаться к американским, израильским авторам, где данная проблематика разработана гораздо лучше. В условиях отсутствия должного опыта наши исследователи либо просто переводят на русский язык зарубежные работы, не ориентируя их на российскую почву, либо просто описывают конкретную проблему с точки зрения права, экономики, но никак не психологии. Отсутствие целостной школы исследования при слабом уровне самих исследователей является ключевой проблемой в разработке психологии терроризма в России. Не хватает не только хороших исследований по российской проблематике, но и также определенной систематизации знания, унификации и сведения воедино всего разрозненного материала. И это если мы еще не затрагиваем консенсуса по поводу определения терроризма, которое встречается в совершенно различных трактовках у различных авторов. Данная проблема ограничивает исследования, поскольку перенимая зарубежный опыт, его не всегда можно отнести к российским проблемам, а отсутствие своеобразной национальной исследовательской базы ограничивает дальнейшее развитие изучения психологии терроризма как на теоретическом, так и на прикладном уровнях.

Когда мы говорим об исследовательских проблемах в психологии терроризма, нужно иметь в виду, что все проблемы *комплексно взаимосвязаны*. Чтобы изучить истоки поведения террориста, нужно

узнать его биографические данные, а это, в свою очередь, невозможно сделать из-за проблемы доступности таких данных. Чтобы были возможны отечественные разработки проблематики, нужно провести ряд исследований, получить бесценный опыт, который, в свою очередь, ограничен из-за избирательного потока информации в СМИ, а также из-за наличия на руках у исследователя исключительно дистантных методов изучения. Таким образом можно разложить каждую проблему, которая так или иначе касается другой проблемы и взаимодействует с ней. Нельзя говорить об одной проблеме, при этом не соотнося ее с другой. Поэтому, когда мы говорим о психологии терроризма, то речь идет не только о конкретно взятых проблемах, а о целой взаимозависимости таковых.

Перечисленным перечнем проблем ни в коей мере не исчерпывается весь ареал теоретических и методологических трудностей. Он может быть дополнен другими проблемами, которые будут играть свою специфическую роль в процессе изучения психологии террористических акторов.

Петр Андреевич Трескин

Студент кафедры регионоведения и социальной экономики
Института социальных наук
Иркутского государственного университета

Символы российской государственности в сознании молодежи

Ключевые слова: символы государственности, молодежное сознание, солидарность.

Аннотация

В статье дается анализ изменения оценок символов российской государственности в молодежном сознании, указываются причины и следствия данной трансформации.

Сегодня, в российском обществе происходит переоценка всего социального устройства, социального порядка. А вместе с тем, трансформируется и идеологическое пространство страны. Результатом этого является формирование нового восприятия символов российской государственности, новых оснований для сплочения народов, проживающих на территории РФ.

В современных условиях реформирования социально-политической структуры — символы российской государственности являются своеобразным индикатором, показателем изменения общества. Особенно четко направления этих изменений прослеживается в сознании молодежи.

В науке, отражение социальных и политических символов изучалось с разных сторон. Например, З. В. Сикевич и Л. А. Степанова изучали символическое пространство в массовом сознании россиян; социальные символы как элементы или маркеры социальной структуры анализировались Т. Б. Щепанской и И. В. Мостовой; Г. Г. Почепцов и Л. В. Борисова рассматривали роль символа в процессе социальных, прежде всего политических, коммуникаций. Роль национальной символики в исследовании политической и национальной идентичности изучалась такими учеными как А. Дёрнер, К. Моррис, В. Тэйлор, У. Хедетофт и т. д. Следует сказать, что много внимания учеными уделялось исследованию национальных, культурных и этнических символов, их актуализации в различных формах и институтах культуры (Ю. С. Степанов, М. Шебел, Л. Хамани, П. Дим, Т. Н. Ериксон и др.). Таким образом, в науке сложились обширные направления изучения символов в общественном сознании разных социально-экономических и демографических групп.

В современном социально-политическом знании сложилось две крупные научные парадигмы изучения символов в общественном сознании. Первый — это макропарадигмальный подход, который основывается на концепции символического интеракционизма (Г. Блумер, Дж. Мид, Т. Шибутани). В рамках его, символы рассматриваются как содержание социальных взаимодействий, где внимание фокусируется на интеракционных системах «личность — личность» и «личность — группа». Второй — микропарадигмальный подход (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон), в рамках которого оценивается значимость культурных символов в опосредовании социального действия и взаимодействия между личностью и социальной системой.

В своем исследовании мы сконцентрировались на изучении символического пространства на примере государственной символики РФ и попытались проследить закономерности и специфику развития массового сознания молодежи. Нами был проведен опрос среди молодежи в возрасте от 18 до 32 лет. Всего приняло участие в исследовании 364 человека.

Выяснилось, что практически все респонденты знают государственную символику. Знают, что есть флаг, герб и гимн. Но это знание фрагментарно и не глубоко.

Российский флаг могут описать все. Но последовательность цветов на флаге правильно указала лишь половина опрошенных. Это говорит о не закреплённости в сознании визуального образа. Это при том, что триколор как символ России используется в разнообразных мероприятиях, акциях и программах.

Герб смогли описать только 12 % опрошенных. Большинство указывали что это двуглавый орел, но ни цветов, ни деталей описать не смогли.

Вспомнили несколько строчек из куплета толь 26 %, и то, в большей части это люди старше 25 лет — помнящие еще советский гимн. Современный гимн полностью никто не смог воспроизвести.

Символическое значение цветов на флаге и гербе указали только 18 % респондентов.

Историю возникновения государственной символики также мало кто может последовательно описать. Из истории Российских флагов, в основном описывают красный флаг советского союза, но количество звезд у серпа и молота и тем более их значение не указал никто. Особенности флагов Российской Империи также весьма неопределены. 32 % молодых людей указали на то, что был еще и Андреевский флаг, а то, что он существует и поныне не указал никто.

Эволюцию российского герба и ее причины также никто не указал. В основном, ответы сводились к констатации того, что герб был и в Российской Империи и в Советском Союзе. 62 % не знали, были ли это разные гербы или один — двуглавый орел. 38 % указали, что в Советском союзе герб был из глобуса и колосьев, переплетенных красными ленточками — с названиями советских республик. Особенности гербов Российской империи никто не указал.

Говоря о гимне, практически все указали фамилию Михалкова как автора двух российских гимнов на музыку Александрова. 36 % указали, что раньше был гимн «Боже царя храни», еще 5 % указали об «Интернационале» — гимне советского Союза после революции и до 1939 года.

В целом, полученные данные говорят о том, что символическое политическое пространство современной России не заполнено необходимыми представлениями населения о государственной власти. А это значит, что и сама власть на уровне общественного сознания не воспринимается как *сила*, способная что-то изменить. Поэтому, и знать ее символы и атрибуты не столь важно.

Изменения к отношению и знанию государственной символики, знанию ее значения, роли и смысла являются показателем смены ценностных ориентиров населения, замене одних символов на дру-

гие. И если государственной символике в этом этапе переосмысления общественного сознания не найдется места, то власть утратит эти символы навсегда.

По нашему мнению, во многом это результат государственной политики, — когда символическому пространству России не уделяется достаточно внимания со стороны власти, то и народ не будет его воспринимать как важную часть силового символического образа страны. Например, во времена советского союза не было человека не знающего гимна своей страны и не знающего флага или герба и не знающего символы ими олицетворяющие. Были не согласные с властью, были убежденные в правоте власти — но все люди, от мала до велика, знали государственные символы страны, в которой живут. Государственные символы в советское время — были символами, сплачивающими народ, сегодня — это не символы консолидации. Они утратили свое значение.

Поэтому, есть два возможных пути развития. Либо заниматься возрождением роли государственной символики в общественном сознании, через культурно-просветительские мероприятия, через гражданско-патриотические акции, через информационную пропаганду в СМИ и образовательных учреждениях. Либо искать иные формы заполнения политического символического пространства. Искать новые образы и площадки, способные соединить народ на новых основаниях. Оба пути требуют колоссальных усилий и затрат как со стороны власти, так и со стороны народа. Выбор одного из направлений будет определять не просто символическое пространство России, но и перспективы дальнейшего развития страны, особенности ее восприятия как другими странами и народами, так и самих россиян.

Вера Владимировна Трофимова

Аспирант кафедры социологии и психологии политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Групповые портреты представителей современной политической элиты России

Анализ биографий представителей современной российской политической элиты занимает важное место в русле элитологических исследований. Биографический метод представляет собой, по словам Б. Г. Ананьева, «собрание и анализ данных о жизненном пути

человека как личности и субъекте деятельности»¹. Центральный объект биографического метода — индивидуальная жизнь человека, связанная с его непосредственным окружением, микросредой. Однако биографический метод служит не только для воссоздания картины жизни конкретного человека, но также для анализа массовых данных о жизненных путях группы изучаемых людей. В биографических исследованиях на достаточно больших выборках, где применяется математико-статистический аппарат, процедурой обработки данных обеспечивается объективность.

Объектом нашего исследования являются представители российской федеральной исполнительной и законодательной власти — члены кабинета министров В. В. Путина, действующие члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы пятого созыва. Целью исследования является создание символических обобщенных портретов министра, сенатора и депутата из каждой фракции. Основанием для создания таких портретов являются биографические характеристики членов политической элиты. Гипотеза исследования заключается в том, что существует определенный набор биографических характеристик, наличие которых дает шанс конкретному лицу стать депутатом Государственной Думы (причем определенной фракции), членом Совета Федерации или Правительства. Для анализа социально-демографических показателей парламентского и министерского корпуса были применены количественные методы с использованием программы SPSS. Анализ проводился по таким характеристикам, как возраст, пол, место рождения, уровень и тип образования, род деятельности, а также парламентский и министерский опыт членов элиты.

По результатам данного анализа удалось составить собирательные образы депутата каждой из фракций, а также министра и члена Совета Федерации.

Типичный член фракции «Единая Россия» — мужчина примерно пятидесяти лет; он, скорее всего, занимает пост председателя или заместителя председателя в каком-либо комитете. Это может быть как комитет, посвященный социальным проблемам, так и экономико-юридический комитет, «единороссы» одинаково представлены в обоих типах комитетов. Депутат от «Единой России» имеет одно или два высших образования или ученую степень, скорее кандидата наук. Возможно, и то, и другое одновременно. В дополнение к высшему образованию у него может быть еще среднее специальное. В

¹ *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977. — С. 310.

прошлом он мог успешно совмещать несколько профессиональных занятий. Правда, у него нет значительного опыта парламентской деятельности — он, скорее всего, избран в Государственную Думу впервые, максимум — во второй или третий раз. «Единоросс» мог прийти во власть из бизнеса, силовых структур, мог делать карьеру в государственных структурах, в сферах строительства или сельского хозяйства. Стоит отметить, что во фракции «Единая Россия» состоит немало публичных персон, чьей основной профессией был спорт или сцена (например, депутатами от «Единой России» в Государственной Думе пятого созыва являются певец Иосиф Кобзон, гимнастка Алина Кабаева, фигурист Антон Сихарулидзе и т. д.).

Член КПРФ — солидный мужчина, чей возраст приближается к шестидесяти годам. Он может с большой вероятностью оказаться уроженцем сельской местности. Он очень хорошо образован, имеет либо больше одного высшего образования, либо ученую степень. Он вряд ли является военным. Скорее всего, он занимался наукой или состоял на государственной службе, при советской власти мог успешно реализовывать партийно-номенклатурную карьеру. Вполне вероятно, что он профессор или академик. Это не первый его «срок» в Государственной Думе, он мог быть депутатом на протяжении четырех и даже пяти созывов. С большим удовольствием вступит в комитет, который занимается социальными вопросами. Стал бы руководить комитетом, если бы у него была такая возможность (но ее, к сожалению, нет, потому что посты в комитетах достаются в основном фракции большинства).

Член фракции ЛДПР гораздо моложе своих коллег, на пятнадцать лет как минимум. Он родился и вырос в большом городе. Вряд ли у него есть второе высшее образование или ученая степень. Скорее всего, он гуманитарий и занимался бизнесом до того, как попасть в Государственную Думу. Члены ЛДПР состоят в различных комитетах, но чаще всего — в комитетах экономической направленности, что вполне сочетается с опытом их профессиональной деятельности.

Портрет «справедливоросса» во многом напоминает портрет «единоросса». Возраст — около пятидесяти лет, нацеленность на работу во всех возможных областях и комитетах. Правда членом «Справедливой России» с гораздо большей вероятностью может оказаться дама. Кроме того, у «справедливоросса» не обязательно будет ученая степень и уж тем более второе высшее образование. Среди депутатов этой фракции довольно много людей, строивших карьеру в общественных и профсоюзных организациях, а также

профессионалов в различных областях — юристов, преподавателей, врачей и т. д.

Представитель Совета Федерации — мужчина, вполне может быть выходцем из сельской местности. Его возраст приближается к шестидесяти годам. У него очень хорошее образование — он с большой вероятностью может иметь два высших образования и ученую степень, даже доктора наук. Его первое высшее образование, скорее всего, будет техническим, второе — гуманитарным. До прихода на нынешнюю должность он мог быть чиновником, бизнесменом или силовиком. Также он мог строить карьеру в одной из отраслей народного хозяйства.

Типичный министр — мужчина пятидесяти лет, уроженец города (с большой вероятностью, Москвы или Санкт-Петербурга). Имеет высшее юридическое или экономическое образование, возможно, оба сразу. Вполне может быть кандидатом наук. Он непременно имеет значительный опыт работы на государственной службе. Мог занимать достаточно высокие посты в центральных министерствах и ведомствах. Также среди членов кабинета министров В. В. Путина немало силовиков.

Предложенные выше символические портреты — это некие собирательные образы, которые, конечно, являются упрощенными. Однако они позволяют выявить основные тенденции, показывающие, какие биографические характеристики являются типичными для представителей того или иного органа власти. Гипотеза о том, что данные характеристики различаются для членов Государственной Думы, Совета Федерации и Правительства, подтвердилась. Кроме того, изучение биографий депутатов, сенаторов и министров дает представление о каналах рекрутирования в различные ветви власти. Для министров основными каналами являются государственная служба и силовые структуры. Среди членов Совета Федерации также много бывших бизнесменов. Для Государственной Думы характерно наибольшее разнообразие каналов. Однако существуют различия между фракциями: различные партии охотнее включают в свои предвыборные списки людей с разным профессиональным прошлым. В «Справедливой России» много общественных деятелей и специалистов в разных областях. Член КПРФ мог быть номенклатурщиком или заниматься наукой. Большинство членов фракции ЛДПР — бывшие бизнесмены. В «Единой России» собраны люди самых разнообразных профессий, однако включение этой партией в свои ряды публичных персон является новым нестандартным ходом.

Важным является вопрос о том, почему для разных органов власти типичными являются различные каналы рекрутирования. Надо полагать, что это во многом объясняется функциями данных органов. Однако также это может зависеть от различий в механизмах рекрутирования в Государственную Думу, Совет Федерации и Правительство. В любом случае, изучение политического рекрутирования является важным направлением научных исследований и в дальнейшем будет нами продолжено.

**Политический менеджмент и
коммуникативистика**

Сергей Владимирович Володенков

Кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Политические коммуникации в интернет-пространстве и современный политический процесс

Ключевые слова: кибербезопасность, онлайн-коммуникации, политическое управление, манипулирование общественным мнением, информационная безопасность, политическая коммуникация.

Аннотация

В работе рассматриваются роль массовой политической коммуникации в управлении общественным мнением, а также особенности использования коммуникаций с населением в интернет-пространстве и влияние интернет-технологий на современный политический процесс. При этом рассматриваются основные тенденции применения интернет-технологий в осуществлении политической коммуникации, а также угрозы и вызовы в сфере информационной безопасности, связанные с развитием киберпространства и коммуникаций в нем.

Значимость и особая роль политической коммуникации в политическом управлении признается и подчеркивается многими специалистами-политологами уже давно, несмотря на достаточно большое количество подходов к пониманию феномена политической коммуникации как таковой.

Одним из первых непосредственных употреблений понятия «политическая коммуникация» в политологическом контексте является относящееся к началу XX века высказывание Ф. Ратцеля о том, что «передача информации в политическом отношении является самой важной из всех коммуникационных услуг»¹.

К. Дойч в рамках информационно-кибернетического подхода представил политическую систему как информационно-коммуникативную систему, указав на особую значимость политической коммуникации в своей работе «Нервы управления: модели политиче-

¹ Грачев М. Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник РУДН. 2003. № 4.

ской коммуникации и контроля»¹. По мнению Дойча, правительство как субъект государственного управления мобилизует политическую систему путем регулирования информационных потоков и коммуникативных взаимодействий между системой и средой. При этом, по мнению Дойча, институты и механизмы власти контролируются информационной элитой — дейтократией.

Также ролю политической коммуникации активно исследовали неомарксисты (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Г. Шиллер, Ю. Хабермас), которые считали основой стабильности современного капиталистического общества создание достаточно эффективной системы идеологического и политического господства капитала, обеспечивающей массовую политическую лояльность. Средства массовой информации имеют общее идеологическое содержание, а в сочетании с ценностями массовой культуры они определяют формирование индустрии культуры, которая обеспечивает то, что массового потребителя интересуют только развлечения и отдых, а приобретение новых знаний, просвещение теряют свою привлекательность и ценность. В результате достигается необходимый контроль над трудящимся населением со стороны капиталистической элиты, контролирующей средства массовой информации.

Герберт Шиллер также считал, что политические коммуникации играют ключевую роль в обеспечении стабильности современного общества, позволяя формировать такие политические мифы, с помощью которых удается сохранить господство политической элиты в современном государстве.

Ю. Хабермас в своих исследованиях также показал, что политика отражается в системе коммуникативных действий, которые выступают в качестве цепочки опосредований, например, во взаимоотношениях между капитализмом и демократией. При этом средства коммуникации играют ведущую и системообразующую роль в функционировании современных западных демократий, в рамках которых должна обеспечиваться свободная от принуждения коммуникация².

Говоря о политических коммуникациях, также нельзя не сказать о представителе Торонтской школы коммуникативистики Х.-А. Иннисе, который написал известные труды по теории коммуникации «Империя и коммуникация» (*Empire and Communication*) и «Сдвиг

¹ *Deutsch K.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.-Y., 1966.

² *Марков Б. В.* Демократия и Интернет // Интернет и современное общество. 2-ая Всероссийская научно-методическая конференция. СПб., 1999.

коммуникации» (The Bias of Communication). Иннис считал, что средства коммуникации определяют тип общественного устройства и создают определенные социально-политические эффекты. При этом тот, кто находится у власти, контролирует и средства массовой коммуникации. Следовательно, по типу средств массовой коммуникации можно судить о политике государства.

Говоря о роли и значении коммуникации в аспекте политического управления, необходимо указать и на научную позицию М. Кастельса, который в одной из своих работ пишет о том, что «осуществление власти происходит, прежде всего, на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения»¹.

Существуют и иные подходы к пониманию места и роли политических коммуникаций в современном политическом процессе и политическом управлении. Однако их детальный анализ выходит за рамки данной работы. Следует лишь констатировать, что в рамках каждого из таких подходов коммуникация рассматривается как неотъемлемый элемент современного политического управления. Значительное число ученых с мировым именем наделяют политическую коммуникацию крайне важным, если не определяющим значением для осуществления стабильного и эффективного демократического управления в политике.

Однако используемые сегодня в рамках управления политическими кампаниями традиционные каналы коммуникации, основными из которых являются средства массовой информации (в первую очередь — телевидение²), зачастую предполагают осуществление в рамках политического управления сугубо асинхронной коммуникации от субъекта политической кампании к ее объекту — целевым группам информационного воздействия. Большинство технологий рекламы и пропаганды в политике ориентировано именно на однонаправленную трансляцию информационного контента, необходимого для влияния на общественное мнение, и не предполагают возможности полноценной двусторонней коммуникации и выстраивания субъектно-объектного взаимодействия.

¹ Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

² Принято считать, что контроль над основными телевизионными каналами является главным условием для проведения успешной политической кампании.

Неслучайно в современной практике политического управления специалисты отмечают существенное падение эффективности традиционных технологий агитационно-пропагандистского воздействия на общественное мнение, которое может быть отмечено в таких эмпирических показателях, как падение уровня явки на выборах, а также рост численности групп протестного электората.

Одновременно с этим в последние годы в связи с мировой информационно-коммуникационной революцией, о которой пишет Кастельс, все большую роль в процессах массовой коммуникации играют интернет-ресурсы и технологии обмена данными. На сегодняшний день уже невозможно представить себе отсутствие интернета в повседневной жизни, включая и политическую сферу жизнедеятельности государства и общества.

При этом можно констатировать, что на сегодняшний день доступные для коммуникации новые технологии существенным образом изменили и будут изменять в технологически развитых демократиях и способы воздействия на общественное мнение в рамках современных политических кампаний, все активнее проникая в основные сферы жизни общества, трансформируя способы коммуникации как внутри его, так и между обществом и властью, изменяя модели поведения как коммуникаторов, так и целевых аудиторий коммуникации, что неизбежно приведет и уже приводит к существенному изменению способов и моделей ведения современных политических кампаний.

Не менее важным аспектом информационно-коммуникативной революции являются изменения в общественном сознании, имеющие далеко идущие последствия в аспекте распределения власти в обществе. Об этом начали говорить в свое время еще представители так называемой «медийной теории». Исходя из положений данной теории, известный американский теоретик в области массовой коммуникации П. Хейер считал, что средства хранения и передачи информации не являются нейтральными, а «способ организации и передачи наших знаний о мире сильнейшим образом влияет на природу восприятия мира и то, каким образом мы познаем мир»¹.

В свою очередь, еще один сторонник медийной теории, известный специалист Р. Дейберет в своей книге «Пергамент, печать и гипермедиа: Коммуникации в процессе трансформации мирового по-

¹ *Heyer P. Communications and History: Theories of Media. Knowledge, and Civilization. N.-Y., 1988.*

рядка» пишет о том, что «...поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей»¹. Поэтому существующее сегодня огромное разнообразие форм и каналов современной коммуникации предъявляет определенные требования и к современному политическому управлению, которое невозможно без организации адекватных целевым аудиториям, использующим в процессе получения информации разнообразные интернет-ресурсы и технологии, политических коммуникаций.

Более того, в соответствии с законом необходимого разнообразия Уильяма Росса Эшби, согласно которому разнообразие субъекта управления должно быть равным или превышать разнообразие объекта управления, для осуществления современного политического управления в условиях развитого онлайн-пространства необходимо владеть соответствующим инструментарием, с помощью которого будет обеспечено необходимое для эффективного управления онлайн-пользователями разнообразие.

С позиций политического управления современные коммуникации могут быть рассмотрены в качестве важнейшего инструмента работы с целевыми аудиториями в связи с тем, что имеющиеся на сегодняшний день технологические возможности в области передачи, обмена, массового распространения информации позволяют выстраивать совершенно новые механизмы коммуницирования власти с обществом, в широких пределах влиять на общественное сознание посредством применения имеющихся прогрессивных коммуникационных технологий, осуществлять комплексное управление информационным пространством, формируя отношение общества к различным субъектам политики.

Более того, мы считаем, что наличие развитой коммуникационной инфраструктуры и активное ее использование в государственно-политическом управлении являются на сегодняшний день одним из критичных условий для обеспечения политической стабильности и информационной безопасности государства², т.к. в случае отсут-

¹ *Deibert R.J.* Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.-Y., 1997.

² В данном случае уместно говорить и об обеспечении национальной безопасности в целом. Неслучайно в октябре 2008 спецслужбы США стали рассматривать Twitter как возможную площадку для контакта террористов. URL: <http://fas.org/irp/eprint/mobile.pdf>

вия собственной коммуникационной инфраструктуры и навыков ее использования для информационной работы с собственными гражданами любое государство подвергает себя риску потери контроля над собственным информационным пространством, что чревато в условиях глобализации мира весьма серьезными последствиями¹.

Так, например, Госдепартамент США уже активно реализует в интернет-пространстве специальную программу Digital Outreach Team, в рамках которой происходит распространение так называемой «войны идей», заключающейся в распространении в сети альтернативных идей (например, развенчание негативных мифов о США и американской политике) с предоставлением интернет-пользователям ссылок на «правильные» документы и онлайн-ресурсы. Тем самым осуществляется воздействие на массовое сознание в сети.

Примеры такой работы американцев в киберпространстве можно увидеть в Афганистане, Иране, арабских странах. Неслучаен тот факт, что именно Госдепартамент США инвестировал значительные средства в социальные сети, открыв сайты Twitter на арабском и фарси. Кроме того США планируют потратить около 30 млн. долл. на проекты по обеспечению свободы доступа к Интернету в различных странах мира. В связи с этим недавняя вспышка интернет-активности оппозиции в ряде арабских стран выглядит вполне закономерной².

При этом правительство США в 2008 году официально объявило о намерении распространить «войну идей» на популярные Интернет-сайты, форумы, чаты и блоги в русском сегменте глобальной сети. Об этом заявил заместитель госсекретаря США по публичной дипломатии Джеймс Глассман³.

Развитие современных информационно-коммуникационных технологий породило и новые виды угроз в виде различного рода кибератак на онлайн-площадки и компьютеры не только обычных

¹ Здесь мы также считаем уместным вспомнить закон необходимого разнообразия Эшби, в соответствии с которым одно разнообразие может быть побеждено большим разнообразием. Применительно к информационному пространству, субъект, обладающий более разнообразным арсеналом средств для коммуникации с целевыми аудиториями, имеет явное преимущество при работе в информационном пространстве по сравнению с субъектом, ограниченным в выборе средств, каналов и технологий коммуникации, что, несомненно, представляет определенную угрозу с позиций обеспечения информационной безопасности в масштабах целого государства, которое не развивает современные коммуникационные технологии.

² URL: http://www.ng.ru/world/2011-03-04/1_usa.html

³ URL: <http://www.nr2.ru/203903.html>

пользователей, но и государственных структур. При этом данные кибератаки все чаще и чаще носят политический характер. Так, Компания Symantec провела опрос 1600 компаний, работающих в различных критически важных инфраструктурных системах. По итогам опроса выяснилось, что 53 % респондентов сталкивались с так называемыми политически мотивированными атаками на их кибер-ресурсы. За последние 5 лет они примерно 10 раз сталкивались с политически-мотивированными атаками, то есть в среднем компания, работающая в критически важной сфере экономики или государства, дважды в год подвергается подобным нападениям. В целом аналитики Symantec заявляют, что за последние годы масштабы и изощренность политически мотивированных атак поднялись на качественно новый уровень и в большинстве случаев они проводятся хорошо подготовленными и довольно опытными группами. По данным Symantec, только в августе 2010 года крупнейшие клиенты компании сообщили о 1580 случаях нападения на их ИТ-ресурсы с целью вывода из строя ИТ-систем, кражи закрытых государственных данных и саботажа¹.

Известный основатель концепции постиндустриального общества Д. Белл также выделил те вызовы и угрозы, которые появляются с развитием и внедрением в нашу жизнь новых информационных технологий и каналов коммуникации. Так, основной политической опасностью в развитии информационно-коммуникационных технологий Белл считал то, что политическая элита, контролирующая средства массовой информации и современные информационные ресурсы, может управлять распространением информации, либо скрывая важные сведения от общества, либо же наоборот, распространяя, в том числе и незаконно, информацию, имеющую отношение к частной жизни неугодных оппонентов. В любом случае речь идет о манипулировании общественным мнением в огромных масштабах посредством управления информацией.

Как отмечает известнейший немецкий специалист-политолог Клаус Фон Байме, «иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть».

¹ URL: <http://www.securitylab.ru/news/398282.php>

Известный российский политолог М. Н. Грачев также признает противоречивый характер воздействия сетевых информационно-коммуникационных технологий на процесс демократизации политической сферы, отмечая, что по мере увеличения степени «прозрачности» общества всё более отчетливо проявляется угроза установления новых форм контроля над личностью, несовместимых с традиционными представлениями о демократических ценностях.

В связи с этим М. Н. Грачев в качестве иллюстрации приводит пример механизма, позволяющего осуществить подобный контроль, основанный на принципе «всевидающей» власти в «прозрачном» обществе, который М. Фуко рассматривал в качестве проекта идеальной тюрьмы — «Паноптикума», который был предложен в конце XVIII века И. Бентамом.

По мнению Грачева, современные информационно-коммуникационные технологии вполне позволяют создать своего рода «виртуальный Паноптикум», где будет находиться постоянно пополняемая «электронная картотека» на всех жителей страны. И в качестве примера здесь можно привести современный опыт США: «Пентагон создает сейчас не имеющую аналогов в мире автоматизированную систему сбора персональной информации под названием «Тотальная информированность». Она включает: электронную почту, данные о кредитных картах и банковских операциях, сведения о путешественниках и туристах. При этом объединяются коммерческие базы данных с государственными досье, в частности, с данными спецслужб»¹.

Достаточно близкую позицию занимает и известный российский специалист В. П. Пугачев, считающий, что развитие современных информационных технологий и информатизация общества «делают технически возможными не только систематическую идеологическую индоктринацию, тотальное «промывание мозгов», но и управление индивидуальным и групповым, массовым сознанием и поведением»².

При этом примеров из реальной практики, подтверждающих опасения ученых, можно увидеть достаточно много. Так, например, сегодня американские операторы связи (в том числе крупнейшие —

¹ Зорькин В. Д. Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России. // Журнал российского права. 2004. № 6.

² Пугачев В. П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии XX века // На рубеже веков. 1997. № 4.

AT&T, Comcast , а также Verizon) вынуждены существовать под контролем спецслужб. Закон о предоставлении коммуникационными компаниями помощи правоохранительным органам (Communications Assistance for Law Enforcement Act, CALEA) был принят при президенте Билле Клинтоне еще в 1994 году. Одно из ключевых положений того закона обязывает компании строить свои сети таким образом, чтобы при соответствующем судебном решении прослушивание телефонных (и не только) переговоров могло быть осуществлено максимально оперативно. Иными словами, от операторов связи требуется всеми доступными способами обеспечивать совместимость используемых ими технологий с возможностями компетентных органов по прослушиванию разговоров. С наступлением эпохи интернета область применения CALEA была расширена.

В частности, компании, предоставляющие услуги IP-телефонии и широкополосного доступа в Сеть, были занесены в реестр «поставщиков телекоммуникационных услуг» и, как следствие, также попали под действие закона¹.

В качестве еще одной угрозы, выделяемой М. Н. Грачевым, может стать деятельность меньшинства, имеющего контроль над информационными ресурсами, по созданию неравномерного доступа² к информации представителей различных социальных групп, когда подвластное «наблюдаемое» большинство будет вынуждено довольствоваться сведениями, тенденциозно подобранными соответствующими службами по указанию и под контролем властвующего меньшинства, стремящегося «дозировать» степень собственной «видимости» с тем, чтобы выйти из ситуации информационного риска.

Неслучайно информацию сегодня специалисты рассматривают как один из важнейших видов ресурсов, в связи с чем ограничения по его использованию и информационное неравенство могут стать еще одной из глобальных угроз общественному развитию.

И реальные примеры из современной политической практики мы уже знаем. Так, в Китае государственные власти ограничивают доступ пользователей к зарубежным интернет-ресурсам, а также ре-

¹ URL: <http://lenta.ru/articles/2010/10/20/tapping/>

² Особую актуальность данная проблема приобретает в России условиях неравномерного развития современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, к возможностям которой сегодня имеют доступ в основном жители крупных городов, а ряде регионов, например на Дальнем Востоке, доступ к интернету стоит значительно дороже, чем в европейской части страны.

сурсам, содержащим оппозиционный официальному Пекину контент. Кроме того, каждый пользователь интернета в Китае не может скрываться за анонимным nickname, а обязан указывать свои данные при регистрации в качестве пользователя сети.

И этот пример не единичен. Так, накануне выборов президента Ирана власти блокировали доступ населения к мобильной связи и интернету. Аналогичной стала ситуация с закрытием государственными властями доступа к независимым онлайн-СМИ в Таджикистане¹. Одним из последних примеров из современной политической практики могут служить события в Египте, где 26 января 2011 года власти страны блокировали доступ к интернету в масштабах всего государства с целью предотвращения массовых акций протеста оппозиционно настроенного населения, координировавшего свою уличную активность через онлайн-ресурсы.

Сегодня существуют и иные тревожные тенденции использования современных онлайн-технологий в сферах, напрямую определяющих функционирование общества. Бурное развитие онлайн-сайтов с экстремистским содержанием, активное использование современных технологий онлайн-коммуникации террористическими организациями, атаки на сайты противников в ходе информационных войн, и многие другие, еще только зарождающиеся в онлайн-пространстве угрозы уже сегодня требуют со стороны специалистов в области политического управления серьезнейшего внимания.

И не случайно в ответ на потенциальные угрозы в онлайн-пространстве в США с 2009 года в составе вооруженных сил США ускоренными темпами формируется Объединенное кибернетическое командование (Unified U.S. Cyber Command), подчиненное Стратегическому командованию Соединенных Штатов, а Военно-морские силы США 26 января 2010 года создали специальные кибервойска CYBERFOR². Незадолго до этого аналогичное подразделение, в состав которого вошли военно-коммуникационные отряды, было создано и американскими военно-воздушными силами.

При этом в США уже несколько лет действуют еще две структуры Министерства обороны — Объединенная группа по операциям в глобальной сети (Joint Task Force-Global Network Operations, JTF-GNO) и Объединенное командование структурных компонентов сетевых боевых действий (Joint Functional Component Command — Network Warfare, JFCC-NW). Первая решает вопросы непосредст-

¹ URL: <http://lenta.ru/news/2010/10/11/block/>

² URL: <http://www.dni.ru/news/2010/1/27/184248.html>

венного обеспечения безопасности компьютерных сетей Пентагона. Вторая занята подавлением активности враждебных США государств в Интернете и в других электронных сетях. В ее задачи входит взлом вражеских компьютерных сетей и охрана электронных коммуникаций Министерства обороны¹.

Таким образом, уже сегодня американцы уделяют вопросам безопасности в онлайн-пространстве серьезнейшее внимание на государственном уровне.

Организации стран-участниц НАТО также тщательно рассматривают возможные риски в киберпространстве, а также возможности его использования в военных операциях. Не случайно НАТО увеличила расходы на киберпрограммы в 2010 году в 40 раз!². Кроме того, в Брюсселе уже активно разрабатывается на уровне глав военных ведомств стран-участниц Северо-атлантического альянса концепция обороны от кибератак, которая предусматривает защиту и помощь членам организации в отражении киберугроз и защите компьютерных систем государств.

В России также видят потенциальные опасности и риски, связанные с развитием современных коммуникационных технологий. Так, по словам генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Николая Бордюжи, выступавшего в конце декабря 2010 года с докладом в Совете Федерации РФ в рамках научно-практической конференции, посвященной разработке скоординированной информационной политике государств-членов ОДКБ, «Фактически информационная деятельность превращается в своего рода оружие, которым пользуются некоторые политические силы. Для того, чтобы этого не допустить, для того, чтобы государство развивалось в соответствии с теми законами, которые оно само принимает у себя, мы и работаем над проблемой информационной безопасности».

Как можно увидеть, современные онлайн-коммуникации не только предоставляют новые возможности для общества и власти, но и порождают новые угрозы и вызовы, предоставляя серьезные потенциальные возможности для манипулирования общественным мнением и влияния на современную политику.

В связи с этим мы считаем весьма важным рассмотрение современных коммуникационных технологий с позиций политологического анализа, т.к. в современной политической борьбе информация

¹ URL: http://nvo.ng.ru/forces/2009-12-11/14_kibervoiska.html

² URL: <http://www.vz.ru/news/2011/3/10/474448.html>

является одним из ключевых ресурсов при работе с общественным мнением (в т.ч. и внешним)¹, а наличие необходимой коммуникационной инфраструктуры обеспечивает доведение необходимой информации до целевых аудиторий политической кампании. Однако какой будет эта информация, и в чьих целях будет формироваться общественное мнение — вопрос остается открытым.

Однако, несмотря на обозначенные нами выше потенциальные проблемы, применение современных политических коммуникаций, по нашему убеждению, позволит расширить арсенал инструментов, используемых в политическом управлении и значительно повысить эффективность проводимых в нашей стране политических кампаний.

Своевременное теоретическое и практическое изучение российскими политологами имеющихся на сегодняшний день в мире коммуникационных технологий, несомненно, будет способствовать повышению эффективности и прозрачности информационного взаимодействия общества и власти, а также будет содействовать обеспечению информационной безопасности России.

Библиография

1. *Грачев М. Н.* К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. № 4.
2. *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. № 1
3. *Зорькин В. Д.* Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. 2004. № 6
4. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004
5. *Марков Б. В.* Демократия и Интернет // Интернет и современное общество. 2-ая Всероссийская научно-методическая конференция. Санкт-Петербург, 20–24 ноября 2000 г.: Тезисы докладов. СПб.: СПбГУ, 1999
6. *Пугачев В. П.* Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии XX века // На рубеже веков. 1997. № 4

¹ Ярким примером важности информационной работы во внешней среде является грузино-южноосетинский конфликт, в рамках которого велась полномасштабная информационная война.

7. *Deutsch K.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.-Y.: Free Press, 1966
 8. *Deibert R. J.* Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.-Y.: Columbia University Press, 1997.
 9. *Heyer P.* Communications and History: Theories of Media. Knowledge, and Civilization. N.-Y.: Greenwood Press, 1988.
 10. Politikwissenschaft: eine Grundlegung. Bd. 2. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: hrsg von Klaus Beume. 1987
-

Дарья Сергеевна Казакова

Аспирант кафедры государственной политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Политическая коммуникация как объект анализа

Ключевые слова: коммуникация, история, политическая коммуникация, политика.

Аннотация

Эволюция изучения явлений политического воздействия коммуникации находит свое отражение в создании и развитии теорий политической коммуникации, каждая из которых на определенном этапе истории в той или иной мере внесла вклад в становление современной теории политической коммуникации.

Истоки современных теоретических представлений о политической коммуникации уходят своими корнями в далекое прошлое. О том, что в качестве инструмента политического воздействия коммуникация осмысливалась уже в античные времена, убедительно свидетельствуют дошедшие до нас древнегреческие и римские источники.

Однако фундаментальные работы в области изучения явлений политической коммуникации, равно как и сам термин «политическая коммуникация», появились лишь в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Особый интерес в этой области представляют теории Р.-Ж. Шварценберга, теория массового общества, теория Г. Лассуэлла. Благодаря этим теориям, к концу 1940-х — началу 1950-х годов

происходит выделение «политической коммуникации» в качестве отдельного направления политологии.

До 1940-х — начала 1950-х годов все пропагандистские и политические кампании в США осуществлялись на основе теории массового общества. Однако проигранные президентские избирательные кампании 1940 г. и 1948 г., поддерживаемые СМИ, заставили ученых искать новую объяснительную парадигму, которой стала теория двухступенчатой (многоступенчатой) коммуникации, сформулированная американскими социологами П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном, Е. Кацем, Г. Годэ, У. Шрамом, р. Мертоном и др. Данная теория в противовес теории массового общества утверждает, что общество не однородно, в нем существуют лидеры мнений. Информации, распространяемая СМИ осмыслиется и интерпретируется лидерами мнений, и в случае одобрения этой информации активно ими пропагандируются. Поэтому целью пропагандистской кампании является не просто массовое тиражирование информации, а попытка достижения взаимопонимания с ключевыми фигурами данного общества — лидерами мнений.

В последующие годы теории двухступенчатой коммуникации подверглась серьезной доработке и усилиями многих ученых полностью эволюционировала сначала в трехступенчатую, а затем и в многоступенчатую коммуникацию. В контексте эволюции данной теории происходила постепенная переоценка роли различных средств массовой коммуникации. Такие каналы коммуникации как газеты, журналы и радио подвергались острой критике со стороны как зарубежных, так и отечественных ученых. В частности, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Г. Шиллера, О. Л. Феофанова, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и других. В связи с этим возникает концепция информационного общества. Одним из наиболее известных авторов, сыгравших значительную роль не только в развитии данной концепции, но и ее популяризации в массах, является А. Тоффлер. При общей характеристике различных сетей коммуникации Тоффлер выступал за внедрение децентрализованных компьютерных сетей, поскольку в таком случае контроль со стороны государственных органов будет сильно затруднен. Для того чтобы избежать массового проявления футурошока А. Тоффлер предлагал избирательное внедрение новых информационных технологий. Несомненно, большой вклад в развитие концепции информационного общества внесли М. Маклюэн, Дж. Нэбитт и П. Эбурдин. М. Кастельс.

Именно основоположники теории информационного общества были одними из первых, кто обратил внимание на углубление процесса медиа-

тизации политики. Представление о том, что СМИ начинают подменять собой политические партии, лоббистские и общественно-политические организации, а также концепция формирования медиа-политических систем стали широко использоваться не только для теоретического анализа политических процессов, но и для непосредственного осуществления политики. Ведущую роль в концепции медиа-политических систем играет Интернет-пространство, в рамках которого политическая коммуникация вышла на новый уровень своего развития.

Элла Германовна Куликова

Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной коммуникативистики юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Бесструктурность языкового сообщества и плюрализм элит

Ключевые слова: плюрализм элит, языковая норма, языковая рефлексия, узус.

Аннотация

В обществах эпохи постмодернити сниженное или неустойчивое знание литературной нормы приводит к столкновению речевых навыков самых различных социальных слоев, и побуждает лингвистов снижать порог нормативных запретов. Владение или невладение литературным языком в современной России не связано жестко с социальной структурой общества, с наличием особо выделенной культурной элиты. Множественность элит создает ситуацию, в принципе отличную от жизни сословных обществ, в недрах которых и формировались литературные языки.

В обществе эпохи постмодернити осмысляются процессы, связанные с функционированием языка. Вопрос об источниках языковой нормы, о механизмах, задающих норму, приобрел особую актуальность. Чрезвычайно важной для осмысления нормативных процессов становится проблема языковой рефлексии. Речь идет не только о рефлексии профессионалов-лингвистов, отраженной в создании специальных метатекстов, а, в конечном счете, в словарях и грамматиках. Речь идет о массовой рефлексии носителей языка, о

метаузусе как о части узуса, отраженной в речи оценке языковой единицы носителями языка. Такая рефлексия воплощается не столько в метатекстах (публицистических статьях на тему языка и стиля), сколько в различных формах обыгрывания в речи тех или иных единиц языка.

В. Г. Костомаров в середине девяностых годов XX в. отмечал: «Сейчас наше общество, вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. История показывает, что это резко повышает нормальные темпы языковой динамики и, сильно изменяя формы выражения, создает нежелательный разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры» [2, с. 2]. Для нас ценным в этом высказывании является ссылка на целостность культуры. Угрозу целостности автор видит в темпах языковой динамики.

Конструктивные процессы связаны с поисками форм для нюансировки смыслов и с общим подъемом языковой рефлексии, привлекающим к явлению нормы общественное внимание.

Само понятие коммуникативной целесообразности может быть рассмотрено на микроуровне (целесообразность в рамках данного речевого акта) и на макроуровне (целесообразность в рамках дискурса). «Риторизация» нормы и связана с актуализацией целесообразности первого типа и игнорированием проблематики глобальной целесообразности. Намеренное и заведомое нарушение нормы выступает как актуализатор этой проблематики, переключает внимание с единичного акта (игровое проявление непрагматично в узком смысле слова) на общие проблемы коммуникации.

Интенциональное нарушение нормы все чаще привлекает исследователей, так как становится все более продуктивным явлением.

Сознательное отступление от нормы изучается либо в связи с той или иной грамматической категорией, что проливает дополнительный свет на семантику этой категории, либо в связи с экспрессией и комическим, что позволяет расширить представления о ресурсах комического или экспрессивного. Иными словами, исследователи идут либо от формы к содержанию, либо от содержания к форме. При этом сама интенциональность задается как булева переменная: либо она есть (и тогда исследования возможны), либо ее нет (и тогда речь может идти лишь об ошибках). Но при нормативном подходе необходимо различать адекватно понятую и неадекватно понятую интенцию, интенцию источника и интенцию нарратора, посредника.

Орфографический режим испытывает сегодня огромное давление со стороны современной информационной среды, устроенной таким образом, что возникает зазор между фактической публичностью (предъявленностью) и публичным одобрением (санкционированностью). Например, не выверенный орфографически текст может быть размещенным на активно посещаемом сайте. В этом смысле сознательное влияние на орфографию сегодня не облегчено, а затруднено.

Сложности в унификации правописания были также и в Средние века, что тоже было связано с особенностями информационной среды (переписывание рукописей в скрипториях). Но тогда не было и потребности в такой унификации, и не случайно она не была достигнута в отношении мер веса, объема и даже единиц измерения времени, различных в разных областях европейского мира [1]. Сейчас потребность в унифицированной орфографии есть, а возможность ее осуществления затруднена. Это и означает наличие дисфункции в системе.

Неодинаковая прочность норм свидетельствует о разной скорости информационного обмена между средой и разными подсистемами одной системы. Функционально это подобно обновлению клеток живого организма или ротации кадров в учреждении. При этом необходимо поддержание каждой подсистемы, ее культивирование. Там, где необходимость культивирования выходит за пределы возможного, наступает распад подсистемы или всей системы.

Особенно интересна коммуникативная ситуация, порождающая такие высказывания. Если «сознательную кодификацию» осуществляют лингвисты «с оглядкой» на обычных носителей языка, то следует ли из этого, что обычные носители языка чужды языковой рефлексии и не высказывают оценок относительно тех или иных вариантов речи? Многочисленные примеры из художественной литературы и наш собственный опыт подсказывают, что языковая рефлексия обычных носителей языка имеет место всегда и обостряется в моменты, переломные для истории языка. Обострение этой реакции и означает назревшую необходимость новой кодификации. Активные участники знаменитой полемики «шишковистов» и «карамзинистов» не были профессиональными языковедами, а граница, отделявшая активных участников от пассивных, была зыбка и условна.

Кодификация выступает как конечный результат языковой рефлексии, причем вопрос о том, профессиональная это рефлексия или

нет, имела она институциональные формы или нет, представлена ли она в развернутых текстах или разрозненных высказываниях, должен, видимо, решаться по-разному в каждом отдельном историческом случае.

Уровень языковой рефлексии (в частности, оценочности языковых явлений) удобно рассматривать как часть языковой ситуации. Формы языковой рефлексии, ее характер составляют важную подсистему языковой деятельности.

Современные ученые, в частности, обращают внимание на своеобразие сегодняшней ситуации. В современной лексикографии все большее предпочтение отдается «эластичной кодификации», «кодификации рекомендательной», когда, вместо простых ограничений (запретов), используется расширенная подача ненейтральных единиц с указанием на их стилистическую или коммуникативную ценность [3, с. 256]. При этом отмечается, что терпимая к отклонению кодификация должна после отклонения как бы вновь пружинить в стабильное состояние [4, с. 43].

Эластичность кодификации *de facto* является приметой наших дней. Вопрос о том, насколько такая «эластичность» адекватна задаче сохранения языка, разумеется, остается открытым. Вопрос о том, ведет ли такая кодификация, даже если она адекватна такой задаче, к усовершенствованию языка (реальной полифункциональности и отшлифованности), также открыт. Чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, надо проанализировать сложившуюся ситуацию в возможно более широком контексте.

Современная коммуникативная ситуация обусловлена не только известными социальными реалиями, специфичными для российской действительности (крушение старой идеологии, появление в относительно короткий срок новых социальных реалий, снятие цензурных запретов и т. п.). Одним из признаков современных обществ, активно формирующих отношение к норме, является плюрализм элит. Множественность элит, их принципиальная неиерархичность, отсутствие среди них той элиты, которую можно назвать языковой, приводит к тому, что искусство говорить и писать правильно перестает восприниматься как нечто ценное.

Функция задания нормы перешла от художественной литературы к средствам массовой информации (коммуникации). В языке СМИ отмечается смешение стилей и, как следствие, разрушение системы жанров и жанровых ожиданий. Скажем, в газетной статье, посвященной серьезной теме, крайне трудно прогнозировать наличие или отсутствие жаргонных слов и даже зачастую невозможно

предвидеть уровень орфографической и пунктуационной грамотности (ср. написание названия улицы — «Буденовский» на рекламных щитах в центре города, существительного «ученные», причастия «увидивший» в достаточно профессионально сделанной «Столичной» газете; *сталица* в «Московском комсомольце»). Размывание в языке СМИ даже столь понятной и естественной оппозиции, как «официальное — фамильярное», говорит само за себя. Реальность состоит в том, что, относясь к сфере регулируемого речевого поведения, язык СМИ регулирует его на свой манер, не так, как это делалось в художественной литературе. Унифицированные СМИ советских времен, когда идеологические нормативы влекли за собой определенные словесные формулы, эвфемистически называвшиеся в те времена газетными штампами (тем самым авторство приписывалось журналистам, что не всегда соответствовало действительности!), представляли собой исключение, а не правило. Средства массовой информации в информационном обществе функционируют по-другому, и то, что норма находится в ведении этих средств, с присущей им, в частности, установкой на сенсационность, создает объективно иную картину, отличную и от того времени, когда норма определялась образцовой речью писателей, «властителей дум» и мастеров слова, и от тех времен, когда языковая политика была частью политики идеологической. Характерно, что крупные коммерческие фирмы, кровно заинтересованные в своей репутации и тратящие колоссальные средства на рекламу и вообще на поддержание своего имиджа, проявляют полную беззаботность в отношении орфографии. В дорогом изданных буклетах встречается даже написание слова Россия с одной с — *Росия*. И это не сознательная бравада вроде распространенной в компьютерных рекламных обращениях манеры злоупотреблять двойными согласными: «*Обррати вниммание*», а молчаливо узаконенная небрежность. Ситуация вокруг предполагаемой реформы орфографии показала, помимо всего прочего, и уровень общественного авторитета самих лингвистов в вопросах нормирования языка. Это, разумеется, центральная проблема и, анализируя ее, нужно поставить вопрос о том, совпадает ли распространенная интерпретация отношения носителей языка к норме (коммуникативная гибкость нормы как свидетельство высокого уровня развития языка) с реальным отношением говорящих и пишущих к правильности и чистоте речи. Ведь граница действия языковой нормы устанавливается узусом. Притом, что сама языковая норма обнаруживает функциональное и структурное сходство с нормой правовой, их нарушения

влекут за собой социальные санкции, а в их основе лежит этический принцип. Отметим, кстати, что правовая норма состоит из трех частей, первая из которых (так называемая гипотеза) излагает условия, при которых следует руководствоваться данной нормой.

Следует признать неоднородность языкового сообщества в отношении владения литературным языком, но при этом надо отметить еще одну, более важную, с нашей точки зрения, черту — бесструктурность языкового сообщества, т. е. отсутствие осознанной и институализованной иерархии в отношении владения языком. Иными словами, владение или невладение литературным языком в современной России не связано жестко с социальной структурой общества, с наличием особо выделенной культурной элиты. Эту проблему мы называем проблемой множественности элит. Изменения, которые привели к языковой неряшливости, касаются не только изменений в языке, но и изменений в преобладающих речевых стратегиях, которыми пользуются носители языка. В этих стратегиях ценится новизна и креативность, но низко оцениваются точность и правильность, а также ясность, что вызывает конфликт не только с ортологией, но и с риторикой, если понимать последнюю в аристотелевском смысле.

Отношение к норме в обществах постмодерности способно объяснить многое из того, что происходит сегодня, и создать ясное представление о том, что мы имеем дело не с техническими проблемами вроде подготовки квалифицированных кадров, а с особой культурной парадигмой. Это выделяет в проблеме отношения к норме вообще проблему отношения к норме в обществах постмодерности. В обществах эпохи постмодерности деформации подвергается не только языковая норма, но и нормы этики, отношения государства и индивида и т. п. В такой ситуации, с одной стороны, это обуславливает индивидуальное языковое экспериментирование, а с другой — снижает ощущение коллективной ответственности за сохранность языка в целом, за гомеостат языка. Нетрудно увидеть в обоих проявлениях наиболее характерные черты ситуации, складывающейся вокруг языковой реформы. Индивидуальное экспериментирование — это активно изучаемое сегодня явление, которое в ряде работ оценивается положительно и связывается со степенью зрелости литературного языка. Отсутствие коллективной ответственности

за язык скорее осуждено публицистически, чем осмыслено научно. В нем принято отмечать частные моменты, вроде падения культуры редакторско-корректорской работы и связывать его со скоро-

стью российских «перестроечных» процессов. Тем самым, во-первых, смешиваются национальная и временная специфика развития языка, во-вторых, игнорируются глубинные культурные процессы. Тем самым в современном описании нормы оказывается упущенным глобальный лингвофилософский аспект. Вместе с тем процессы, о которых идет речь, достаточно серьезны и ставят ряд проблем, в том числе даже выходящих за рамки языка. Ведь расшатывания грамматики — в несуммируемые слабо типизируемые эксперименты при безразличии к целому и есть расшатывание грамматики — ведут к расшатыванию логики. Карл Бюлер, ссылаясь на Эдмунда Гуссерля и полемизируя с Хейманом Штейнталем, утверждал, «грамматическая правильность предшествует логической и грамматика в целом служит основой логики». Разрушение гомеостата языка, по-видимому, создает угрозу не только языку, но и мышлению.

Процессы, о которых идет речь, достаточно серьезны и ставят ряд проблем, в том числе даже выходящих за рамки языка. Множественность элит (политических, экономических, интеллектуальных, спортивных, артистических и пр.) создает ситуацию, в принципе отличную от жизни сословных обществ, в недрах которых и формировались литературные языки. Социальный престиж размывается: самые образованные (интеллектуальная элита), самые влиятельные (политическая элита), самые богатые (финансовая элита), и самые известные (артистическая элита) не совпадают в одном сословии. В настоящее время указать на элиту, чей язык признавался бы образцовым, достаточно сложно. Политическая элита не была в этом отношении авторитетной с советских времен. Над речевой манерой «вождей», т.е. руководителей партии и государства, выступавших в печати, по радио, а затем и по телевидению, втихомолку посмеивались. Эта речь была постоянной темой анекдотов, обыгрывалась в мемуарах, опубликованных в постсоветское время. Авторитетность финансовой элиты также сомнительна в свете многочисленных анекдотов о «новых русских», где высмеивается все: от речевых манер до жестового поведения («пальцы веером»). Отсутствие языковой элиты, на роль которой пока реально претендуют только телеведущие, приводит к тому, что говорить правильно перестало быть престижным. Уровень полученного образования является лишь формальным критерием, не гарантирующим ни корректности использования литературной нормы, ни тем более принадлежности индивидуума к числу ее носителей. Сниженное или

неустойчивое знание литературной нормы, ни тем более принадлежности индивидуума к числу ее носителей. Сниженное или неустойчивое знание литературной нормы приводит к столкновению речевых навыков самых различных социальных слоев, что, с одной стороны, несомненно, делает лабильной литературную норму; с другой — побуждает лингвистов снижать порог нормативных запретов. Эффект «обманутого ожидания» в отношении корректного текста можно рассматривать и как глобальный процесс, т.е. на макроуровне. Огромное количество интенциональных нарушений нормы, массовые игры со словом, обыгрывание грамматических форм порождают иллюзию того, что создан некий «текст культуры», где зрелый язык, переживающий расцвет своего совершенства, демонстрирует свои огромные возможности, раскрывает свои потенции. Однако «текст современной культуры» на большинство современников такого впечатления не производит. И даже напротив, жалобы на падение речевой культуры стали приметой нашего времени.

Нелепо полагать, что язык подобен устройству вроде будильника, заранее запрограммированному на динамические изменения, независимые от того, что происходит вокруг, и вызванные потребностью в непрерывном Прогрессе. Изменения возникают в языке как результат столкновения адаптивной системы с экстралингвистической внешней средой. Развитие есть реакция на вызовы времени, с которыми постоянно сталкивается язык. Лишь результат этих столкновений можно толковать как прогресс или, напротив, как регресс. Ясно одно: языку постоянно приходится выживать и выживание это имеет пределы, о чем свидетельствует феномен мертвых языков.

Библиография

1. *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. 366 с.
2. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994. 219 с.
3. *Ласкова М. В.* Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. Дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2001. 302 с.
4. *Саари Х.* Норма, потенциал и эластичная кодификация // *Общелитературный язык и функциональные стили.* Вильнюс, 1986. С. 30–73.

Олеся Викторовна Латышева

Аспирант кафедры социологии и политологии
гуманитарного факультета
Тульского государственного университета

Сетевое «Я» российских политиков

Ключевые слова: электорат, сетевое взаимодействие, сеть Интернет, веб-среда, твиттер, блог, сетевой имидж, ожидания электората.

Аннотация

Предпринята попытка анализа построения сетевого образа российских политических лидеров. В статье так же рассматривается стратегия развития информационного общества в современной России. Основным тезисом является положение о необходимости формирования механизмов построения и оптимизации сетевого имиджа политических и общественных деятелей, прежде всего, через выявление веб-ожиданий электората и их соотнесения с готовыми политическими интернет-моделями.

Информационные технологии сегодня представляют собой неотъемлемую часть процесса жизнедеятельности. А включенность в веб-среду является, своего рода, объективной необходимостью вне зависимости от статуса и сферы профессиональной деятельности «включаемого». Как следствие, теперь в социальных сетях у вас есть возможность поболтать не только с одноклассником, но и с депутатом Государственной Думы РФ, а может, и самим президентом.

Особенно с учетом того, что действующий президент РФ только за популяризацию сетевого взаимодействия в политическом процессе. Так согласно Стратегии развития информационного общества в России от 23 декабря 2009 года, в веб-пространство должны быть переведены все государственные услуги. Для повышения компьютерной грамотности населения в российских регионах открываются специальные центры, которые занимаются обучением азам работы с компьютером и сетью Интернет. А с целью координации развития информационного общества в России Д. А. Медведевым было озвучено предложение по созданию специального органа при президенте. Не говоря уже о видеоблоге и твиттере, ЖЖ Д. А. Медведева регулярно посещает 12 тыс. 568 человек (в среднем глава государства публикует девять постов в месяц). Стоит отметить и тот факт, что

более четверти российских губернаторов, согласно ежегодному рейтингу Forbes ведет свои интернет-дневники, при этом 4 из них входит в 20 самых читаемых. Согласитесь, что уже никого не удивляет не большой, но что интересно всегда обязательный, акцент в новостном эфире на губернаторе Кировской области Н. Ю. Белых, отправляющего сообщения в твиттер.

Тем не менее, для большинства российских политиков приход в сеть является скорее еще одним пунктом в должностной инструкции, или своеобразной превентивной мерой перед выборным периодом. Российские политические лидеры, как правило, все-таки, предпочитают официальные интернет-представительства. Которые, в свою очередь, являются наиболее эффективным Интернет-ресурсом, применяемым как в качестве избирательных технологий, так и в качестве инструмента коммуникации с электоратом, прежде всего, по мнению самих политических деятелей. При этом, среди населения наибольшей популярностью пользуются электронные версии бумажных СМИ и сайты информационно-аналитических центров. Таким образом, имеет место формальный приход политических деятелей в глобальную паутину: быть в сети необходимо, но вопрос как для большей части чиновников остается открытым.

Какими хотят видеть лидеров юзеры, о чем с ними разговаривать и посредством каких веб-механизмов осуществлять взаимодействие — это уже совсем другой вопрос.

Стоит также отметить, что стандартные приемы имиджмейкеров в глобальной паутине не работают. С одной стороны, здесь нельзя переодеть представителя бизнеса в серый костюм от фабрики «Большевичка» и пустить в народ с пометкой «Я такой же, как вы». Язык, риторика, не смоделированная реакция аудитории, вход на форумы в теме «о серьезном» — и перед электоратом тот самый бизнесмен, для которого одним миллионом больше одним меньше, но так живо дискутирующий о прожиточном минимуме и потребительской корзине. А действующие депутаты Государственной Думы заводят блог как запасную площадку коммуникации со СМИ или дипломатами. Да, самостоятельно отвечающие за контент, но имеющие, дополнительно к серверным, модераторов комментарийной составляющей его дневника. Соответственно, его электорат, от которого, казалось бы, стремились получить реальную оценку, делится на допустимых и недопустимых к взаимодействию.

Подобное имеет место, на наш взгляд, прежде всего, по причине сформированной привычки в оценке ожиданий электората, и имиджевых в том числе. Как уже отмечалось ранее, присутствие в сети

является для граждан не данью моде на технологические новинки, а объективной потребностью для обозначения своего присутствия в обществе, в стране, в мире. Как следствие, необходимо формирование механизмов построения и оптимизации сетевого имиджа политических и общественных деятелей, прежде всего, через выявление веб-ожиданий электората и их соотнесения с готовыми политическими интернет-моделями.

Таким образом, на деле мы получаем расхождение между «оф-флайнным» образом политического лидера, сформированного посредством традиционных средств массовой коммуникации и моделируемым сетевым «Я» политика в русскоязычном сегменте сети Интернет.

**Математические методы
политического анализа
и прогнозирования**

Эльвира Наилевна Ибрагимова

Студентка кафедры истории и теории политики

Московского государственного университета

имени М. В. Ломоносова

Методы измерения этнической неоднородности

Ключевые слова: этническая неоднородность, индекс этнолингвистической фракционализации.

Аннотация

В статье рассматриваются основные способы измерения этнической неоднородности: классический индекс этнолингвистической фракционализации, попытки усовершенствования этого индекса с учетом различных факторов, а также альтернативные методы измерения этнической неоднородности (индекс поляризации, Q-индекс, регрессионная модель на основе эволюционной теории фракционализации).

В мире несколько тысяч этнических групп и менее двухсот стран — в результате на территории одной страны вынуждены проживать представители разных этнических групп. В зависимости от региона степень этнической неоднородности и её проявлений может варьироваться, но с этой проблемой в современном мире сталкивается большинство стран.

Этническая неоднородность может иметь позитивные эффекты — стимулировать рост культурного взаимодействия, взаимного обогащения культур, развитие толерантности. Но в реальности, чаще, она приводит к негативным последствиям — порождает этнические конфликты, дискриминацию, гражданские войны, препятствует проведению реформ, снижает эффективность управления страной, отрицательно сказывается на экономическом развитии: сокращает скорость экономического роста, затрудняет размещение инвестиций и т. д.

Для того чтобы был возможен анализ влияния этнической неоднородности необходимо определить, как её измерить.

Классическим методом для измерения этнической неоднородности является индекс этнолингвистической фракционализации (ELF), впервые использованный во «Всемирном справочнике поли-

тических и социальных индикаторов», который разработали в 1972 Тейлор и Хадсон.

В основе ELF лежит индекс Херфиндаля (экономический индекс, используемый для оценки степени монополизации отрасли). Для конструирования индекса этнолингвистической фракционализации суммируются доли численности каждой этнической группы, полученная сумма вычитается из единицы:

$$ELF = 1 - \sum_{i=1}^N \pi_{ij}^2,$$

где π_{ij} - доля группы $i=1, \dots, N$ в стране j .

Данный индекс показывает вероятность того, что два случайно выбранных индивида будут принадлежать к разным этническим группам. Индекс принимает значение от 0 (абсолютно однородное общество) до 1.

Пример 1. Рассмотрим две страны. Страна А, где три группы с численность 90 %, 9 % и 1 % и страна В, где две группы по 20 % и шесть по 10 %. Индекс этнолингвистической фракционализации в случае страны А составит 0,18, а в случае страны В — 0,86. Соответственно, страна В гораздо более этнически неоднородна.

Индекс, рассчитанный по этой формуле Тейлором и Хадсоном на материале советского Атласа народов мира для 129 стран, использовался в большинстве исследований по тематике этнической неоднородности и её влияния. Со временем, стали очевидны недостатки этого индекса, связанные с проблематичностью определения сущности и границ «этнических групп», источниками данных, необходимостью учета относительного размера групп, локального фактора и культурной дистанции, и в 2000-ых годах исследователи проблем этнической неоднородности предприняли ряд попыток усовершенствовать методы измерения её по следующим направлениям.

Обновление базы данных.

Оно было вызвано необходимостью учета изменений, произошедших с момента выпуска Атласа народов мира, стремлением получить более точные данные с использованием разных источников. Так, в 2003 году Давид Фиарон в работе «Этническая и культурная

неоднородность по странам» создал новую базу данных, основными источниками которой стали: Мировой справочник ЦРУ, Энциклопедия Британика, материалы Библиотеки Конгресса страноведения. Данные тщательно сравнивались между собой, и по мере необходимости дополнялись из других источников — например, из данных проекта *Minorities at Risk*, справочника *Ethnologue* и отдельных исследования по тем или иным странам.

Учет культурной дистанции

Рассмотрим пример из упоминавшейся ранее работы Давида Фиарона.

Для Белоруссии индекс фракционализации составляет 0,37. Доли населения распределены следующим образом: белорусы — 78 %, русские — 13 %, поляки — 4 %, украинцы — 3 %. Для Кипра — индекс фракционализации составляет 0,36; греки — 78 %, турки — 18 %, 4 % — остальные группы¹. Индекс фракционализации для этих двух случаев примерно одинаков, но он не учитывает различий между этническими группами, что может отрицательно влиять на результаты анализа. Потому что различия между этническими группами обуславливают степень затрудненности коммуникации между ними, что в свою очередь влияет на степень проявления негативных эффектов этнической неоднородности.

Потенциально учет дистанции между группами присутствует уже в индексе этнической поляризации Эстебана и Рэя (1994), но только в качестве инструментальной переменной. Формула этого индекса выглядит следующим образом:

$$EP = 4 \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N \pi_i^2 \pi_j d,$$

где π_i и π_j — доли групп, а d — дистанция между ними. В рамках исследования Эстебана и Рэя акцент был сделан на учете поляризации, а не дистанции, поэтому $d=0$, если $i=j$ и $d=1$, если $i \neq j$.

Измерение культурной дистанции составляет определенную сложность из-за многообразия факторов, совокупность которых оп-

¹ *Fearon D. Ethnic and Cultural Diversity by Country // Journal of Economic Growth. 2003. № 8. P. 211*

ределяет своеобразие этнических групп. В их число включаются такие факторы как: язык, религия, традиции, обычаи и т. д.

Фиарон предлагает конструировать меру для культурной дистанции, используя лингвистические различия, как наиболее поддающиеся определению и измерению. Сущность лингвистических различий определяется исходя из классификации языков: используется фактор сходства r_{ij} между группами i и j . Фактор сходства $r_{ij}=0$, в случае если языки принадлежат к разным языковым семьям, и $r_{ij}=1$, если этнические группы используют один и тот же язык. Между этими значениями фактор сходства представляет собой возрастающую функцию от числа общих категорий в лингвистической классификации. При этом по мере возрастания функции скорость её прироста убывает — так как расхождения на ранних уровнях классификации вызывает более существенные культурные различия, и наоборот. Мера дистанции, таким образом, будет представлять собой разницу между единицей и фактором сходства ($d=1-r_{ij}$).

Учет числа групп и соотношений их численности

Классический индекс фракционализации не чувствителен не только к различиям между группами, но и к соотношению их численностей, что также приводит к искажениям при анализе, в силу того, что влияние этнической неоднородности варьируется в зависимости от степени доминации, диверсифицированности меньшинства и т. д.

На базе упомянутого выше индекса поляризации Эстебана и Рэя в 2005 году Монталво и Рейнал-Кьеролл разработали, так называемый, Q-индекс:

$$Q = 4 \sum_{i=1}^N \pi_{ij}^2 (1 - \pi_{ij}) .$$

Q-индекс будет принимать максимальное значение, когда существуют две равные по численности группы, при условии увеличения численности групп и увеличения доли доминирующей группы будет уменьшаться значение Q-индекса.

Пример 2: страна А — в которой одна группа населения имеют долю в 40 % и 12 групп с долями по 5 % и страна В — в которой 5 групп по 20 % будут иметь примерно равные значения для индекса

фракционализации 0,81 и 0,8 соответственно. Значения Q -индекса будут различаться существенней — 0,64 и 0,498.

Учет локального фактора

В 2004 году ученые из Ноттингемского университета Димико и Блини в работе «Этническая фракционализация и локальные конфликты» акцентировали внимание на том, что этнические группы в силу привязки к территориальному маркеру тяготеют к географической концентрации, что обуславливает разницу между показателями этнической неоднородности в общестрановом и региональном масштабе. Наличие существенной разницы может исказить результаты анализа, поэтому, согласно выводам этого исследования, необходим учет распределения этнических групп в региональном масштабе.

Пример 3. В стране А — две группы i и j с численностью 60 % и 40 %, соответственно. При этом в стране два равных по численности региона В и С — таких что, в населении региона В группа i занимает 98 %, а группа j — 2 %, а в населении региона С группа j занимает 78 %, а группа i — 12 %. Q -индекс для А составляет 0,96. Q -индекс подсчитанный для регионов зафиксирует куда меньшую степень фракционализации 0,078 для В и 0,377 для С, за счет того, что на локальном уровне этнические группы географически отделены друг от друга и имеют высокую степень концентрации

Поиск альтернативных методов измерения

Ученые из Университета Гётеборга Алеруп и Олссон в 2010 году для анализа этнической неоднородности решили использовать кардинально другую схему. Вместо классического метода измерения этнической неоднородности через фракционализацию или поляризацию, подсчитываемые с использованием долей населения каждой этнической группы, они изучают происхождение самого феномена этнической неоднородности, ищут теоретические основы этнической фракционализации и в результате, выражают этническую неоднородность через линейную регрессионную модель.

Основой для создания этой модели стала эволюционная теория этнической фракционализации.

Этнические группы, в эволюционном рассмотрении, представляют некое «расширенное родство» и возникают из потребности в коллективной принадлежности, которая позволяет облегчить взаимодействие и предоставление коллективных благ.

При этом часть группы может обособиться и основать новую группу, если расстояние от ядра основной группы в географическом,

родственном или культурном плане становится слишком большим. При этом фиксируется тот момент, что увеличение расстояний и соответственно, образование новых групп процесс неминуемый. С течением времени потребность во благах возрастает, что стимулирует стремление к расширению границ группы в пространстве — возникает географический разрыв. Этот географический разрыв в свою очередь затрудняет взаимодействие членов группы, которое начинает ограничиваться определенным ареалом — и в результате возникает разрыв существующих родственных связей, а в новом ареале распространения обособленной группы формируется новая систем родства. При этом под влиянием этих процессов происходят изменения в распределении коллективных благ, что стимулирует увеличение культурной дистанции. В свою очередь, новые этнические группы, образованные таким образом, подвергаются тем же процессам — и при следующем увеличении расстояний происходит дальнейшее образование новых этнических групп. Таким образом, дробление этнических групп — вопрос времени, но помимо этого авторы теории стремятся учитывать ещё факторы, которые будут сдерживать этот процесс, а также факторы, определяющие его специфику.

На основании этой теории была разработана модель, основное уравнение которой выглядит следующим образом:

$$Ethnic_i = \alpha_0 + \alpha_1 Origtime_i + \alpha_2 State_i + \alpha_3 X_i + \varepsilon_i,$$

где $Ethnic_i$ — мера этнической фракционализации в стране i , $Origtime_i$ — длительность существования оригинальных поселений на территории страны, $State_i$ — показатель эффективности государства и его исторических возможностей, а X_i — представляет собой набор географических и исторических переменных, включающий географическое разнообразие территорий, тип континента, фактор колониализма и т. д.

Гипотеза авторов состоит в том, что связь между этнической фракционализацией и длительностью существования поселений — прямая, а между этнической фракционализацией и возможностями государства — обратная. То есть, длительность существования поселений исходя из эволюционной теории фракционализации обеспечивает увеличение расстояний между ядром группы и обособляющимися подгруппами, что приводит к возникновению новых групп,

но существуют сдерживающий фактор в виде государства, который при условии его эффективности и наличии у него соответствующих возможностей ограничивает процессы дробления — обеспечивая взаимодействия между частями групп, невзирая на географические факторы, а также устанавливая некое постоянное распределение коллективных благ, что не позволяет увеличиваться культурной дистанции. Связь же с дополнительным фактором X_i будет варьироваться от случая к случаю, в зависимости от набора факторов для этого показателя и их специфики.

У этой модели есть определенное преимущество перед индексом ELF и его вариациями — она позволяет уйти от проблем связанных с неопределенностью сущности этничности, и сбором данных по численности групп. Но из-за сложности использованных переменных возникают дополнительные проблемы, связанные с их операционализацией и адекватным подбором данных к ним.

Таким образом, несмотря на эволюцию, которую за 40 лет своего существования претерпел индекс фракционализации, со всеми попытками его усовершенствования, учета максимального числа факторов и поисками альтернативных методов, адекватное измерение этнической неоднородности по-прежнему ставит перед исследователями массу вопросов и не теряет своей актуальности.

Библиография

1. *Ahlerup P., Olsson O.* The Roots of Ethnic Diversity // Journal of Economic Growth. 2005. № 5. P.155–194.
2. *Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S. and Wacziarg R.* Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. № 8. P.155–194.
3. *Bleaney M., Dimico A.* Ethnic Fractionalization and Local Conflicts // University of Nottingham School Discussion Papers. 2004. № 9.
4. *Esteban J., Ray D.* On the Measurement of Polarization// Econometrica. 1994. № 62 (4). P. 819–851.
5. *Fearon D.* Ethnic and Cultural Diversity by Country//Journal of Economic Growth. 2003. № 8. P. 195–222.
6. *Montalvo J., Reynal-Querol M.* Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars// American Economic Review. 2005. № 95 (3). P. 769–813.
7. *Montalvo J., Reynal-Querol M.* Fractionalization, Polarization and Economic Development// Journal of Development Economics. — 2005. № 76(2). P. 293–323.

Алина Витальевна Овсянкина

Студентка кафедры истории и теории политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Методы моделирования социальных сетей в политической науке

Ключевые слова: социальная сеть, визуализация, теория графов, социометрия, актор.

Аннотация

В статье излагаются основы теории социальных сетей (раскрывается определение «социальной сети», перечисляются разновидности социальных сетей), выделяются основные методы моделирования.

Изучение теории социальных сетей интересно тем, что можно заранее просчитать вероятность тех или иных ответов на поставленные вопросы в конкретной группе людей, появляется возможность выявить и проанализировать взаимоотношения акторов в больших социальных и политических группах. Можно найти центрального актора социальной сети, который оказывает наибольшее влияние на всю сеть, попробовать изменить его мнение, тем самым изменить мнение большинства акторов всей социальной сети. Так же, за актора можно принимать целые социальные и политические институты. Рассматривать пути их взаимодействия и взаимовлияния. Можно проследить распределение информации и ресурсов между крупными акторами политики, что безусловно интересно для нас, как для политологов.

Изучение теории социальных сетей необходимо по причине того, что каждый из нас является субъектом какой либо социальной сети. Социальные сети повсюду и влияют на каждую сферу жизни общества, что очень важно, так как именно оно формирует индивида и, следовательно, можно говорить о формировании его политических воззрений. Поэтому для изучения политических аспектов нам приходится прибегать к социологическим и математическим методам. В подтверждение того, что окружение индивида влияет на его политические решения можно привести цитату А. Цукермана: «Люди, которые играют вместе, обычно голосуют за одних и тех же кандида-

тов». Следовательно, изучение данной теории проясняет путь формирования политического мнения индивида.

Теория социальных сетей рассмотрена в работах многих исследователей. Хотелось бы выделить С. Вассермана (разработка теории анализа социальных сетей), Я. Морено, Л. Фримана, К. Стивенсон, М. Зелена, которые провели основные исследования в области изучения структуры социальной сети. основополагающими являются работы венгерских математиков А. Ренье и П. Эрдоса, которые фактически являются «отцами» теории социальных сетей. Интересны статьи А. Цукермана о практическом применении теории социальных сетей в политической науке. Важными являются материалы об акторах социальных сетей, которые мы можем увидеть в работах Ф. Лорейна и Г. Уайта. Среди работ российских исследователей следует выделить работы Г. В. Градосельской и Б. С. Гладарева. По большому счету, в России эта тема остается мало изученной, хотя потребность в знаниях в данном направлении велика.

Для того, чтобы реализовать все эти возможности в полной мере, необходимо построить модель интересующей социальной сети. Существует несколько методов моделирования, которые можно разделить на два направления: методы с использованием теории, основанной на математическом базисе и методы, основанные на систематическом анализе эмпирических данных.

Так же интересно для меня то, что никто ранее не рассматривал эти направления в рамках одной работы, поэтому цель моей работы рассмотреть основные методы моделирования социальных сетей, посмотреть положительные и отрицательные стороны рассмотренных видов моделирования.

На данный момент существует множество трактовок, но хотелось бы выделить приемлемое и исчерпывающее определение социальной сети, которое бы подходило для их исследования в рамках политической науки.

В целом, термин «социальная сеть» был введен в 1954 году социологом Манчестерской школы Джеймсом Барнсом. В 20 веке социальные сети стали использовать для отображения количественных и качественных свойств социальных объектов и их отношений.

В самом общем смысле социальная сеть понимается как множество акторов, которые взаимодействуют между собой и влияют друг на друга.

Шульман и Веллман (в 1983 году) рассматривали социальную сеть как структуру, модель особых связей социального объединения либо на индивидуальном, либо на коллективном уровне. От себя хо-

чается добавить, что в политологии коллективный уровень, а так же уровень институциональный, представляет наибольший интерес. В исследованиях данных ученых социальная структура описывалась в сетевых терминах, поведение акторов интерпретировалось с точки зрения их позиций в структуре сети, которые ведут за собой абсолютно разные возможности (эти возможности более известны как социальные ресурсы, капитал, социальная поддержка), к которым акторы имеют доступ.

В социологии «социальная сеть» — это социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты (а именно люди или организации) и связей между ними (социальных взаимоотношений). Чем гуще социальная сеть, тем более однородны индивиды, входящие в нее. Как правило, люди в таких сетях солидарны во всем и, на мой взгляд, такие сети проще в изучении. Разряженные же сети более разнородны во всех отношениях. Там можно вычленить центрального субъекта и множество людей, которые имеют контакт с этим центральным актором, но не связаны друг с другом. Термин используется при изучении организационного поведения и межорганизационных отношений, горизонтальных связей и взаимной поддержки, распространения информации, изучении политических, культурных и научных связей. На мой взгляд, данное определение приемлемо для политической науки, а так же для моей работы, потому что именно в нем прослеживается основная идея каждого метода моделирования сетей, а именно представление акторов в виде узлов, а их взаимоотношений в виде связей между ними.

Во всем мире существует несколько разновидностей социальных сетей: социальные сети неформального характера, сети, имеющие вид официальных организаций, полные социальные сети, а так же эгоцентричные. Социальные сети неформального характера — личностные, доверительные отношения между ограниченным количеством индивидов, знающих друг друга и связанных кровным родством, общностью интересов или дружбой. Характерный результат их деятельности — небольшой масштаб оказываемых в их рамках услуг, которые оказываются на дружественной или родственной основе, обмен новостями, совместное времяпровождение и так далее: «Люди, которые играют вместе, обычно голосуют за одних и тех же кандидатов».

Построение социальных сетей на данном уровне связано с «традиционным» способом их формирования — включением новых субъектов в круг внутрисемейной и межсемейной коммуникации.

Еще один тип социальных сетей — это сети, имеющие вид официальных организаций. Связи в такой сети, как правило, опосредованные и многоступенчатые. Но основаны они на сугубо деловых отношениях, что снижает эффективность влияния акторов друг на друга. Данные сети разряжены и отношения в них не устойчивые, а порой и вообще однократные.

Так же выделяют сети, которые отражают действительно существующие связи именно осознаваемые акторами. Такие сети называются когнитивными.

Таким образом, сети рассматриваются, в рамках данного направления, могут рассматриваться как внешние вынуждающие к действиям, которые контролируют или ограничивают актора.

Моделирование сети, как правило, составляет один из этапов анализа социальной сети.

При начале анализа обычно возникает проблема подбора элементов, которые будут включены в данную социальную сеть. Берт разделял всю сеть на несколько зон. Акторы, которые напрямую контактируют друг другом, относятся к зоне «первого порядка», далее следуют зоны «второго порядка», в которых связь осуществляется через одного посредника. Наконец, к «зонам третьего порядка» относятся акторы, которые связаны между собой через связи других акторов и так далее. Для более глубокого анализа придется рассматривать связи всех акторов, но чисто прагматически, как отмечает Берт, следует ограничить свое внимание только на прямых связях. Хочется заметить, что выбор элементов и ограничение размеров сети зависят от того, какие цели мы преследуем анализируя сеть.

Как только круг акторов, которых мы пожелаем включить в нашу модель, определен, необходимо начать сбор данных о них. В зависимости от целей и масштабов исследования набор характеристик может быть самый разный. Стоит отметить, что при изучении межорганизационных взаимодействий также используются различные виды опросов, при которых один или несколько респондентов, представителей компании, выступают в качестве агентов организационных интересов. Но тут можно столкнуться вот с какой проблемой. Чаще всего, в качестве представителя выбирают агента по внешним связям организации. Тем самым прослеживаются лишь официальные контакты и исключаются неформальные взаимодействия, а так же конфликтные ситуации между акторами.

В изучении социальных сетей и их моделировании выделяют два основных направления:

1. Использование теории, основанной на математическом базисе. Это, прежде всего, теория графов.
2. Систематический анализ эмпирических данных. Это метод визуализации и использование компьютерных программ. Так же сюда можно отнести эксперименты Левита, социометрическая техника Морено.

Использование теории, основанной на математическом базисе, требует больше навыков от исследователя. Но и надежность таких моделей намного выше. Поэтому в теории «социальных сетей» чаще всего используются теория графов.

Как таковая теория графов является разделом дискретной математики и исследует свойства конечных множеств с заданными отношениями между элементами. Как прикладная дисциплина теория графов позволяет описывать и исследовать многие процессы, в том числе и политические.

Следующее направление: Направление систематического анализа эмпирических данных. Наиболее популярным методом здесь является визуализация социальной сети. Визуальное представление уже является результатом и источником аналитической информации. Данная техника более популярна в данном разделе, так как подходит как для малых, так и для крупных социальных сетей.

Типичный набор сетевых данных перед визуализацией представляет из себя некоторое количество вершин и отношений между этими вершинами. Типичная проблема, которая решается в процессе визуализации, состоит в классификации и визуальном размещении в модельном пространстве вершин, на основе их отношений с другими вершинами. Эти отношения в структуре сети могут определять направление взаимодействия.

Под модельным пространством принято понимать множество допустимых точек, в которых можно разместить вершины сети. Эти точки называются допустимыми позициями. Перемещение вершин сети из одной позиции в другую изменяет ее представление.

Так же можно рассматривать и более простые способы моделирования. Можно рассматривать эксперименты Левита, взятые из социологии. Исследователь изучал взаимодействие акторов в группах по 5 человек. В результате эксперимента было выяснено, что участники деятельности участников можно преобразовать в пять моделей взаимодействия: Модель «Колесо», модель «круг», модель «цепь», модель «Y». Данная техника хорошо подходит для изучения

макрогрупп, где степень влияния и центральный актер чаще всего очевидны.

Интересны работы по социометрии Дж. Морено. Социометрическая техника, разработанная Морено, применяется для диагностики межличностных и межгрупповых отношений в целях их изменения, улучшения и совершенствования. С помощью социометрии можно изучать типологию социального поведения людей в условиях групповой деятельности, судить о социально-психологической совместимости членов конкретных групп.

Использование социометрии позволяет проводить измерение авторитета формального и неформального лидеров для перегруппировки людей в командах так, чтобы снизить напряженность в коллективе. Таким образом, мы видим, что моделирование социальных сетей очень непростой. Для этого необходимо иметь необходимые навыки, в первую очередь математические. Но путем подсчетов можно получить множество полезной информации, которая поможет прояснить, как происходят те или иные процессы в обществе и политике.

В заключение, вернемся к связи социальных сетей и современной политической науки. Стоит отметить, насколько сильное влияние оказывают социальные сети на формирование мнения и политический выбор индивида. Безусловно, теория социальных сетей не может напрямую объяснить, почему человек придерживается тех или иных политических взглядов, зато она может объяснить в какой среде и под каким влиянием они формируются. Я бы хотела закончить цитатой из книги Алана Цукермана: «Политическое поведение индивида изменяется с типом групп, в которых индивид состоит».

Политическая философия

Бобровских Екатерина Викторовна

Студентка кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ю. Ф. Самарин о государстве и «народности»

По точному замечаю Ф. М. Достоевского, Юрий Самарин — «даровитейший человек, с неколебавшимися убеждениями». Однако не все его публицистические сочинения 40–60-х годов XIX века были оценены по достоинству, а некоторые из них и вовсе остались незамеченными. Теоретические построения Самарина подкреплены его практическим опытом государственной деятельности в министерстве внутренних дел во время правления Николая I. Значительный вклад Самарин внес в разработку и проведение реформ Александра II. Во второй половине 50-х годов XIX века Юрий Федорович остро поставил вопрос народности на страницах российских печатных изданий, особенно в славянофильской «Русской беседе». Его полемические статьи вызвали бурные дискуссии с западниками, в которые постепенно были втянуты практически все представители славянофильского направления.

Трактовка Юрия Федоровича Самарина позволит нам раскрыть политический смысл народности и ее культурное предназначение. Вера и народность являются основанием государственной власти в России. Соответственно правительство служит и русской церкви, и народу. Отношения между властью и народом могут выражаться в различных формах: конституциях, хартиях, силовом принуждении и т.д. Но в России существует своя, особая форма, заключающаяся в любви подданных к государю, в живом народном сознании. «Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню»¹, — утверждал Самарин вопреки мнению славянофила К. С. Аксаков об огромной пропасти между «землей» и «властью»². На данное противоречие во взглядах, возможно, оказала влияние государственная служба Самарина, позволившая ему не воспринимать власть как нечто чуждое народу. Однако теория Самарина находит точки соприкосновения с концепцией Аксакова в невмешательстве правительства в личную сферу деятельности человека. Эти пределы полномочий власти, по Самарину, заложены в народном духе и потому не требуют поддержки юридических документов. Русский человек ясно представляет себе назначение верховной власти, тем самым осознавая ее пределы.

¹ Самарин Ю. Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 286

² См. Аксаков К. С. О внутреннем состоянии России // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002.

Каждый народ, этническую общность, Самарин называет личностью, характерными чертами которой выступают: язык, литература, быт, исторический путь. Любая народная личность имеет право на особое общественное устройство, которое могло бы предоставить каждому человеку свободу вероисповедания, официальное употребление народного языка и сохранение особенностей гражданского быта. Самарин тем самым очерчивает границы законных требований народной личности по отношению к другим этносам. В этом смысле все народы являются равноправными. Требования народной личности, выходящие за очерченные границы, являются неоправданными. Одним из таких неоправданных требований являются претензии некоторых этнических групп на суверенитет. «Хотя народность и государственная форма — два явления, тесно между собою связанные, однако первое не обуславливает собою необходимости второго»¹. Государственная форма всегда служит проявлением «народной стихии», но лишь того народа, который способен на свое выражение в силу исторических обстоятельств и своего народного духа. «Признание народности еще не обяывает к признанию за нею права на политическую независимость»². Таким образом, политические организмы оказываются, как правило, творением не одной национальности, а результатом сложного переплетения отношений между различными народностями. Вся история человечества совершается через народности.

Необходимым для развития народной личности является присутствие народности в духовной сфере: в искусстве, науке и образовании. Мировые шедевры и великие открытия возможны лишь благодаря фактору народности. Однако не стоит понимать данный тезис превратно, как «желание во что бы ни стало отличиться от других, как будто бы в этом отличии заключалась цель направления (творчества — Е. Б.)»³. Противопоставление народного и общечеловеческого есть самая серьезная ошибка. «Здравое понятие о народности ограничивается, с одной стороны, боязнью исключительности, с другой — боязнью слепого подражания»⁴. Каждый народ рождается со свойственным ему запасом нравственных и умственных сил. Соответственно данные силы проявляются через творчество, что позволяет наполнить содержанием «сосуд народности». Народность есть не только фактическое проявление особых характеристик народа в современную нам эпоху, она включает в

¹ Самарин Ю. Ф. Современный объем польского вопроса // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 336

² Там же. С. 337.

³ Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 437.

⁴ Там же. С. 437.

себя и «те начала, которые народ признает, в которые он верует, к осуществлению которых он стремится, которыми он повергает себя, по которым судит о себе и о других»¹. В этих началах народ видит высшую истину. В этом смысле любой народ ограничен своей народностью, не позволяющей ему выйти за свои пределы.

Термин «народность» Ю. Ф. Самарин лишь изредка употребляет в значении близком «народу» и «национальности», основное и главное для автора значение находится в социокультурной и политической сферах. Народность, в первую очередь, есть совокупность «личных» характеристик нации и основа государственного строительства. Народность формируется в результате длительного исторического процесса и по своему содержанию практически тождественна понятию «народного духа» в немецком романтизме. Каждый народ представляет собой некую «национальную стихию», в основе которой и заложена народность. Элементами русской народности Самарин считает православие и самодержавие. При этом самодержавие обосновано с позиции религиозных воззрений народа. В таком ключе теория Ю. Ф. Самарина представляет собой одну из версий интерпретации «теории официальной народности» С. С. Уварова, также включающей в себя триаду: «Православие. Самодержавие. Народность». Ощущение нераздельности этих трех начал и обоснование одного из них через другое является характерной чертой славянофильских концепций Самарина.

Андрей Игоревич Волошин

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Общественная роль текстологического исследования

Если обычная фотография или видеозапись является отражением наблюдаемой реальности в видимой части спектра, то текст, наряду с аудиозаписью, можно считать наиболее универсальными из ныне избранных форм фиксирования человеческих мыслей. Среди живых существ человек выделился благодаря мышлению и речи, а текст стал результатом их естественной эволюции, той формой, в которой оказалось возможным закрепление человеческого опыта для его дальнейшей трансляции от человека к человеку, от поколению к поколению, через миллионы километров и столетия. Однако процесс коммуникации —

¹ Самарин Ю. Ф. Замечания на «Заметки «Русского вестника» по вопросу о народности в науке // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008 С. 466.

явление подверженное шумам, и подобно тому как фотография может быть искажена из-за неправильного освещения, дефектов пленки, неисправностей матрицы или технологических погрешностей при проявлении или ретушировании, так и доходящий до читателя текст далеко не всегда соответствует авторской воле, причем чем выше языковой барьер или хронологические промежутки между созданием текста и актом его прочтения — тем больше масштаб искажений.

Именно существованием этой проблемы и было обусловлено появление текстологии — изначально филологической субдисциплины, призванной установить точный текст произведения на научной основе. В западной научной традиции текстология зачастую отождествляется с критикой текста (*textual criticism*), в результате чего задачи дисциплины зачастую сводятся к установлению и устранению ошибок копирования в текстах рукописных произведений (причем хронологически предпочтение отдается произведениям средневекового и предшествующего ему периодов). Иными словами, обладая неким манускриптом, или некоторым набором его списков, текстолог может решать одну из четырех задач: либо реконструировать оригинальный текст (его архетип или автограф) максимально приближенный к авторскому оригиналу, либо реконструировать промежуточные редакции, либо осуществлять подготовку рецензии, либо отслеживать и описывать историю происхождения документа. Конечной целью работы текстолога является создание научно установленного издания, содержащего текст, наиболее близко приближенный к оригиналу, и сопутствующий ему критический аппарат.

Вместе с тем, в современных условиях подобный подход, несмотря на своё широкое распространение, представляется довольно узким, ограниченно отвечающим требованиям времени, поскольку лишь в малой степени использует эвристический потенциал таких комплексов познавательных установок как семиотика, герменевтика, а кроме того — исключает из объектов рассмотрения современные тексты, изменяющийся характер которых, в том числе под воздействием развития современных технологий и расширением коммуникационных возможностей человечества, представляет специфический исследовательский интерес. Ведь очевидно, что вместе с интенсивным развитием цифровых технологий с конца XX века процесс создания и тиражирования информации (в том числе и печатной продукции) не только ускоряется, но и упрощается. Компьютеры и принтеры вытеснили печатные машинки, Интернет постепенно вытесняет газеты и книги, а благодаря программным текстовым редакторам сам автор оказывается в состоянии лично осуществить функции набора, верстки и проверки своего же произведения. Не в последнюю очередь способствуют этому электронные системы проверки правописания (так называемые „*spell checkers*“), позволяющие, на первый взгляд, избавиться от значительной части ошибок в тексте.

Однако соображения экономии, наряду с иллюзорным ощущением безошибочности компьютерных текстовых редакторов, привели к упадку институтов литературной правки текстов в последние двадцать лет. Регулярное занижение литературной нормы по каналам массовой коммуникации, а также легкость передачи информации в Интернете дополнительно способствует этому процессу. Массовая оцифровка классических произведений также зачастую искажает их изначальный текст, но благодаря компьютерной доступности искаженная версия оказывается наиболее распространенной.

Кроме того, проникновение ошибок, равно как и намеренных двусмысленностей в наиболее значимые для общества политические тексты, к которым, в том числе, относятся и нормативные акты, зачастую ведет к множественности интерпретаций, способных определить или даже принципиально изменить политическую жизнь страны на многие годы: подобно изначально незаметному слову «подряд» в 81 статье Конституции России. И справедливо это в отношении закона, указа, постановления, манифеста, воззвания, агитационно-пропагандистского материала, политической статьи, словом, любого элемент множества, объединенного понятием «политический текст», как одного из основных средств общественной политической коммуникации и являющегося объектом изучения политической текстологии.

Недооценка роли текста в современном обществе довольно опасна, ведь неудачная фраза из заготовленной речи может стоить поста политику, необдуманный агитационный образ — стать основанием для снятия партии с выборов, а неосторожная серия правительственных заявлений — поставить народы на грань войны.

Всё это, в совокупности с новыми вызовами времени, такими как синтез текстуального и гипертекстуального под влиянием цифровых технологий, изменяющими сами основы существования текстов как знаковых систем, обуславливает социальную значимость текстологических исследований, необходимость выхода текстологии из узких филологических и исторических рамок в область более широкой практики. Учитывая тот факт, что современные достижения computer science формируют подчас принципиально новые — отличные от традиционных гуманитарных — методологические основания герменевтики, семиотики, палеографии и лингвистической экспертизы, расширение возможностей изучения текстов — реальность сегодняшнего дня. И хотя большой синтез гуманитарного и естественнонаучного знания в этой области ещё не наступил, переосмысление текстологии с учетом принятия более широких методологических рамок, а также более активное обращение к вычислительным методам работы со знаковыми системами закладывает основания для трансформации направления из исклю-

чительно теоретического и критического в более широкое эдиционное и практическое русло.

Задача текстологического исследования сводится в этом случае к установлению реакции аудитории политического текста, функционально описываемой формулой коннотата, где:

$$K(o) = \sum_{i=1}^N \left(\sum_{j=1}^M S_j \right)_i - A(o) + C$$

где o — объект наблюдения (в данном случае — некоторое политическое явление), $A(o)$ — сложившейся у реципиента образ объекта наблюдения (в данном случае — уже имеющиеся знания о некотором политическом явлении), S — принципиальное качество объекта, определяющее его сущность; j — суммарное число таких качеств, которые определяют объект, лежащее в диапазоне от 1 до M ; i — число потенциально наблюдаемых объектов, которые подпадают под сумму набора качества, число которых лежит в диапазоне от 1 до N , а C — некоторая переменная личностного опыта индивида.

В том случае, если у реципиента нет сложившегося образа некоторого политического явления, то влияния $A(o)$ как такового не будет; если же он есть, то денотат будет скорректирован на величину уже имеющегося опыта и только в этом случае войдет в состав коннотата. При этом, при последующей итерации, коннотат войдет в состав образа объекта наблюдения, а сама величина $A(o)$ может быть представлена как:

$$A(o) = \sum_{i=1}^{\infty} K(o)_i$$

то есть как стремящаяся к бесконечности сумма коннотатов относительно некоторого объекта наблюдения (политического явления)

Очевидно, что если перед субъектом семиотического познания стоит задача подготовки корректного текста, то он имеет возможность непосредственного контроля над денотатом, но не коннотатом, который варьирует от реципиента к реципиенту. Тем самым, первостепенным при этом является установление:

1) во-первых, возможного характера $A(o)$ до формирования коннотата и его перезаписи;

2) во-вторых, поиск среднего значения C как некоторой переменной личностного опыта индивида; по большому счету речь идет о её статистической аппроксимации.

Если же перед субъектом семиотического познания стоит задача критической оценки политического текста и контроля над денотатом он не имеет, то указанные два пункта дополняются третьим:

3) поиском содержания $D(o)$, причем наиболее удобным методологическим инструментом в этом отношении является идущий от Ф. Фреге подход и его модификации (одной из весьма успешных эвристик представляется «квадрат Пospelова»¹), посредством которого текст как знак можно зафиксировать формулой:

$$T = D(o) + S(o),$$

где вводится понятие сигнификата текста $S(o)$ как непосредственных (буквально-смысловых) средств выражения содержащихся в тексте понятий, а смысл задачи трансформируется в решение уравнения:

$$D(o) = T - S(o),$$

закрывающегося в необходимости для исследователя последовательной элиминации из текста самого сигнификата вплоть до самого момента установления первоначальной смысловой истины (в текстологии характеризуемой также понятием «авторской воли»).

Грохотов Андрей Валерьевич

Соискатель кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

К. П. Победоносцев о нравственно-религиозных основах семейной политики Российского государства

Научное наследие русского политического деятеля, ученого-правоведа и публициста Победоносцева Константина Петровича (1827–1907) представляет огромный интерес для изучения нравственно-религиозных основ семейной политики Российского государства в конце XIX — начале XX века. Сама политическая система Российской империи в этот период истории характеризовалась рядом специфических особенностей, отличавших ее от западных политических систем. Развивающаяся промышленность России и экономика в целом еще со времен Петра I находились под полным контролем самодержавного государства, развивались крайне неравномерно и зависели от текущих задач, поставленных перед правительством². Вопросы семьи регулировались церковью, которая регистрировала рожде-

¹ См.: *Оситов Г. С.* От ситуационного управления к прикладной семиотике // *Новости искусственного интеллекта.* 2002. №6. С. 56–59.

² См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. *Всероссийский рынок XVIII — начала XX века.* М., 1974; Миронов Б. Н. *Внутренний рынок в России. Вторая половина XVIII — первая половина XIX века.* Л., 1981.

ние ребенка, смерть человека, заключение и расторжение браков. Действовавший в то время «Свод законов Российской империи» предписывал вопросами брака и развода супругов заниматься «судам духовным, а не гражданским». Однако конкуренция с соседними европейскими державами вынуждала Россию ускорять процессы индустриализации, развивать страну в сторону демократических преобразований, перенимать европейский опыт регулирования общественных отношений. Как следствие — для России на рубеже XIX–XX веков характерно наличие острой общественно-политической борьбы, противостояние либеральных и консервативных, самодержавных идей. Это противостояние затрагивало все сферы общественной жизни, в частности активные дискуссии существовали по вопросам разделения государства и церкви, семейной политики и семейного права.

К. П. Победоносцев, выступавший за создание прочных нравственных и религиозных барьеров на пути осуществления возможных новаций, был на рубеже XIX–XX веков одним из самых влиятельных российских мыслителей, который исследовал вопросы семейной политики. Будучи одним из идеологов семейной политики в Российской империи, он являлся автором «Курса гражданского права», включавшим в себя часть о «правах семейственных, наследственных и завещательных». По мнению ученого, сущность брака — в условиях физической и душевной природы человека, а не юридическое только соединение двух волей. Соединение двух волей требует соглашения и сделки; но этой идеей договора далеко не исчерпывается содержание брачного союза. Побуждение к нему и цель его — исполнение коренного закона природы, в силу коего живая и цельная личность человека стремится дополнить себя, ищет себе дополнения и усовершеншения в такой же личности другого пола¹.

Во многих своих работах К. П. Победоносцев, обращаясь к теме семьи, брака, воспитания, связывает ее с вопросами взаимоотношения церкви и государства, веры и религии: «Счастлив, кого с детства добрые и благочестивые родители приучали к храму Божию и ставили в нем посреди народа молиться всенародной молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на целую жизнь, они ввели его подлинно в разум духа народного и в любовь сердца народного, сделав для него церковь родным домом и местом полного, чистого и истинного соединения с народом»². Это размышление мыслителя наиболее ярко отражает его мнение относительно того, как должна быть устроена семья, как формируются высшие семейные ценности.

¹ См.: *Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные.* — М.: «Статут», 2003.

² См.: *Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени* // К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996.

В другой своей работе «Церковь и государство» К. П. Победоносцев выступает против предлагаемой либералами системы решительного отделения церкви от государства: «Как сказать теперь отцу, гражданину: ты сам по себе, а церковь сама по себе? На беду и отец, и гражданин уже давно сами себе это сказали. Отец стал равнодушен к религиозному сознанию и направлению в семейной среде своей. У него нет ответа, когда жена обращается к нему со своими сомнениями, когда его ребенок в детской простоте спрашивает: что такое Бог? И отчего ты Ему не молишься? И что такое смерть, которая ко всем приходит и детей уносит? Когда отцу ответить нечего на эти вопросы, как отвечает на них сам ребенок в уме своем? И если у отца найдется ответ, в нем слышится ребенку какая-то сказка, а не слышится голос живой веры, той веры, за которую умереть готов человек. И вот из ребенка выходит такой же скептик, каким был отец, или суевер, наподобие матери или ее духовника-патера. ... Вот куда ведет отлучение государства от сознания церкви!»¹.

Под влиянием западных тенденций широкую дискуссию в российском обществе вызывала тема гражданского брака. Сторонники этой идеи обращали внимание на то, что рождение, заключение брака и смерть человека — это важнейшие события с частноправовой и публичноправовой точки зрения, поэтому за такими событиями должен быть единообразный четкий контроль со стороны государства, должна быть организована государственная система регистрации гражданских состояний. Вот как описывает видный российский цивилист того времени Г. Ф. Шершеневич позицию К. П. Победоносцева по этому вопросу. Находя вполне естественным появление гражданского брака на Западе, ввиду борьбы между государством и церковью, считая католическую церковь саму виновной в успехе новой идеи, г. Победоносцев, по его мнению, восстает против мысли о перенесении гражданского брака в Россию, как глубоко противной народному религиозному сознанию. «Где масса народная принадлежит к единому вероисповеданию, глубоко слившемуся с национальностью, где народ и не слыхивал о политической борьбе между церковью и государством», там, говорит г. Победоносцев, возможна только церковная форма брака.

Схожее мнение имело большинство российских канонистов. В этом же духе высказывался выдающийся богослов И. С. Бердников, который считал гражданский брак ненормальным явлением, ссылаясь на то, что законодатель должен преследовать интересы наибольшего числа граждан. Он утверждал, что гражданский брак противен большинству и может быть приретен немногим, очевидно, плохим христианам².

¹ Победоносцев К. П. Государство и церковь. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С.309.

² См.: Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. 364

И сторонники, и противники проведения либеральных реформ в области семейной политики Российской империи не отрицали сложности таких явлений, как брак и семья. Всеми признавалось наличие нравственных, религиозных, экономических и правовых аспектов в общественных отношениях связанных с семьей. Как мы видим на примере работ К. П. Победоносцева, консерваторы считали основой семейной политики именно нравственные и религиозные устои, отводя правовым и экономическим составляющим второстепенную роль, связанную с регулированием имущественных отношений. Исторически так сложилось в России, что к началу XX века семейные отношения регулировались и церковью, и государством. Причем церковь отстаивала невмешательство государства в дела семейные, выполняла роль регулятора всех личных семейных отношений. Государству в этих условиях была отведена вторичная роль; действовавшее семейное законодательство было основано на христианских идеях и закрепляло традиционные семейные ценности. Доминирующая роль церкви в делах семьи определяла и характер общественных дискуссий по теме государственной семейной политики. К. П. Победоносцев, выступая за сохранение церковного брака, автономность семьи, полагал, что эти вопросы необходимо обсуждать в контексте взаимоотношений (разделения) церкви и государства, нравственного состояния общества.

Эвелина Алексеевна Козьменко

Аспирант кафедры истории социально-политических учений
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Соотношение ноосферных концепций В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева

Предложенный В. И. Вернадским концепт ноосферы оказал принципиально важное влияние на последующее развитие экологии как дисциплины. По большому счету, он постулировала предмет изучения такого междисциплинарного направления исследований, как социальная экология. И именно эту идею кладет Н. Н. Моисеев в основу разработки собственной ноосферной теории, создаваемую путем переосмысления опыта человеческого развития за полвека, прошедших с момента провозглашения Вернадским начала вступления в ноосферную эпоху.

Сразу же необходимо отметить, что Н. Н. Моисеев принимает далеко не все положения концепции В. И. Вернадского. Первый пункт расхождений состоит в том, что если В. И. Вернадский стоит на позициях эволюционного оптимизма (что до определенной степени наклад-

дывает идеалистический отпечаток на его концепт) и бесконечной уверенности во всеильность науки и техники, то Н. Н. Моисеев отказывается принимать такую познавательную ориентировку. Более того, он отвергает её: «Я полагаю, что выполнение условий коэволюции действительно необходимо для обеспечения нашего будущего, ибо человек может существовать только в биосфере, параметры которой удовлетворяют очень жестким условиям. Если человечество не вступит в эпоху ноосферы, то его ожидает деградация и постепенное исчезновение с лика Земли. Но сможет ли человечество реально осуществить такой переход? Ответ на него мне не представляется столь очевидным, как это думали Тейяр де Шарден и Вернадский»¹.

По мнению Н. Н. Моисеева возникновение Разума привело к тому, что скорость развития процессов в биосфере многократно интенсифицировалась, несмотря на то, что эволюция человека и его мозга практически остановились². А это, в свою очередь, привело к тому, что разум породил две противоположные тенденции развития мира: с одной стороны он создал множество противоречий, существующих ныне в мире; с другой — с его помощью возможно обнаружить все новые пути к разрешению и снижению остроты их протекания. Ускорение процессов развития мира, которое возросло многократно с момента формирования человека и интеллекта, является следствием подобной неоднозначности действия Разума.

Тот огромный набор противоречий, который ныне существует в мире, как то: противоречия между Человеком и Природой; опережающий рост потребностей Человека по отношению к возможностям, предоставляемым ему Природой; возникновение классовых и межгосударственных противоречий; социальное неравенство как таковое; дивергенция культур и различия в восприятии мира, свойственных их представителям и появление ядерного оружия, способного за ничтожный промежуток времени уничтожить жизнь на планете — всё это стало порождением человеческого Разума. Человеческий интеллект породил цивилизацию, а в её недрах зародился разрушительный потенциал, выход которого из-под контроля грозит катастрофой глобального масштаба и последствий. И в этой связи остается лишь надежда, что разум окажется в большей степени созидателен, чем деструктивен — поскольку цивилизация способна также порождать средства и пути, которые оказываются необходимы для преодоления страшных разрушительных тенденций развития.

Чтобы найти компромисс между Природой и Человеком следует признать последнего органической частью биосферы, признать их

¹ Моисеев Н. Н. Вернадский и современность. // Вопросы философии. 1994. № 4.

² Моисеев Н. Н. Пути к созиданию. — М.: «Республика», 1992. — С. 15.

единство. И в этом второй пункт расхождения понимания ноосферы между В. И. Вернадским и Н. Н. Моисеевым: ведь ноосфера в понимании В. И. Вернадского обладает антропоцентричными чертами, поскольку трансформация биосферы человеком идет в интересах «всего свободно мыслящего человечества», а не биосферы как единого планетарного тела, куда входят как человечество, так и остальные живые виды. Поскольку человеческая цивилизация, во-первых – является частью биосферы, а последняя является источником всякой жизни, а во-вторых – черпает ресурсы для удовлетворения своих потребностей из окружающей среды, то сохранение биосферы и окружающей среды как таковой, то их сохранение становится приоритетной задачей в эпоху ноосферы. Нарушение состояния биосферы может пагубным образом сказаться не только на состоянии всех эко- и биосистем, а также жизнедеятельности человека, ухудшив качество его жизни, а неэффективная и чрезмерная эксплуатация природных ресурсов может подорвать основы экономического роста.

Таким образом по Н. Н. Моисееву переход в состояние ноосферы включает само в себе как минимум два важных момента: принцип антропоцентризма (в общем случае – удовлетворением потребностей цивилизации) и биосфероцентризма (защитой окружающей природной среды).

Нельзя исключать, что и В. И. Вернадский стоял на тех же позициях: и через эволюционный оптимизм может быть проведена попытка оправдания антропоцентризма данных ноосферных формулировок — человек не может действовать себе во вред, а потому интересы человечества реализуются интересы биосферы. Однако В. И. Вернадский создавал свою концепцию в условиях, когда не был известен подлинный разрушительный потенциал созданного человечеством оружия массового поражения; а понятия нарушения режима нераспространения в международных отношениях просто не существовало. В отличие от своего предшественника, Н. Н. Моисеев непосредственно занимался моделированием последствий ядерных атак: и как никто другой понимал, что судьба человечества и всей биосферы отныне находится не в руках природных или космических сил, но в первую очередь самого человека. Поэтому уточнение биосфероцентрического принципа Н. Н. Моисеевым является принципиально важным моментом.

Именно из него проистекает специфическое для ноосферного учения теоретическое обоснование перехода к экологическому императиву как важнейшего социально-этического качества ноосферы.

По мнению Н. Н. Моисеева противоречия между Природой и Человеком могут быть разрешены только с опорой на Разум — науку, технологию, цивилизацию, которые будут перестроены на основе новой нравственности. Вступление человека в эпоху ноосферы, где цивилизация сможет контролировать и направлять своё развитие без нарушения

экологического императива, требует того, что можно называть рациональными формами организации общества — социальными структурами, способными обеспечить коэволюцию Человека и Природы. И таких структур, вследствие общего для всех эволюционных процессов закона дивергенции, может быть множество.

Общество ближайшего будущего может быть только сложноорганизованным, мозаичным и представлять собой смешение различных производственных и политических организаций. Развитие общественного бытия может идти в противоречивом единстве различных социальных систем, если будет изжита мысль об их антагонизме и будет развита идея о возможном сотрудничестве в деле достижения общей цели — коэволюции Человека и Природы.

Мозаичность станет особенностью всех сфер общественной жизни, причем отнюдь не только политических и экономических. Господствовать будет национальный и духовный плюрализм. Расширение межкультурных коммуникаций не только не стерло существующие национальные различия, но даже во многом усилило их. Этногенез является одним из основных законов, которые определяют развитие единого материального мира человека.

То же самое относится и к проблемам религии: если отдельные религии представляют собой историческое явление, то само понятие религиозности внеисторично и связано с «зоной иррациональности», которая существует в сознании каждого, даже атеистически настроенного человека, поскольку любая система убеждений — даже зачастую строго научных, проходя через фильтр субъективного восприятия человека, приобретает эмоциональную окраску. Развитие же многообразия этих систем является одним из естественных направлений развития человеческого интеллекта, его Разума.

Поскольку конвергенции существовать не может — она противоречит естественным законам эволюционного движения, то возможно только лишь расхождение признаков: политических, социальных, культурных, национальных, религиозных и т.д. Плюрализм выступает в качестве механизма, который способен защитить цивилизацию в глобальном масштабе от случайностей развития, стать определенной страховкой от чрезвычайных ситуаций, которая дана самим механизмом изменчивости и существованием бифуркаций в развитии.

Важно другое: в условиях глобального плюрализма не должно существовать (по меньшей мере — быть минимизированным) антагонизма между отдельными его проявлениями. Множественность наборов интересов различных групп людей должна, помимо различий в частностях, должна обрести одну общую составляющую — обеспечение коэволюции Общества и Природы, путем снятия противоречий в их развитии.

Несмотря на всё это человеческий разум не всемогущ — и есть множество альтернатив, которые могут быть им выбраны для дальнейшего развития. Важно, чтобы видя их, Человек умел согласовывать свои действия с экологическим императивом, нарушение условий которого неминуемо приведет цивилизацию к гибели: ведь границы гомеостаза Человека будут в этом случае нарушены.

Стратегия Разума, которая должна стать ядром в грядущей эпохе ноосферы, представляет собой требование выполнения норм экологического императива и объединенные действия людей, совершаемые во имя Человека.

Извечный философский вопрос о том, что такое Человек и его предназначении ныне приобрел практическое значение, поскольку ответ на него позволит понять идейный смысл нравственного императива, а последнее позволит связать его с императивом экологическим, включив его в число традиционных для человека принципов нравственности.

Отсюда проистекает специфическое для Н. Н. Моисеева понимание различий морали и нравственности. Если нравственность представляет собой совокупность ценностей и должных норм поведения, которые связываются в первую очередь с общественным сознанием, то мораль же относится к личностному поведению человека; и именно через систему нравственности должна происходить ноосферная перестройка биосферы.

Возникновение нравственности на определенном этапе развития Человека изменило весь ход и характер дальнейших эволюционных процессов на планете, став одной из ключевых бифуркаций в истории. Поддержание гомеостаза в процессе антропогенеза потребовало от предков человека подчинить свою деятельность принципу «не убий», сохранить мудрейших представителей своего вида, и в конечном счете сформировать систему «Учитель», которая стала мощнейшим инструментом для дальнейшей скоростной эволюции животного в Человеке, с его языком и интеллектом — тем самым Разумом.

Сейчас человечество стоит перед новой развилкой: либо за короткий срок изменить свою нравственность, подчинить её требованию экологического императива (подчинить не в течение стихийной естественной перестройки, которая привела к формированию нравственного императива у предков Человека, но за короткий срок — ведь экологическая катастрофа становится вопросом ближайших десятилетий). Проблемы порожденные Разумом, возможно прекратить только посредством той же самой силы Разума, и перестройка нравственности — задача, которую Разум должен решить в максимально сжатые сроки.

Содержание

История и теория политики	3
<i>Айнутдинов Руслан Фаритович.</i> Правовое государство в современной России (проблемы и перспективы развития): политологический аспект.	4
<i>Воробьев Алексей Николаевич.</i> Social Science Research Council как институциональный спонсор «поведенческой революции» в американской политической науке	11
<i>Семенов С. С., Гегечкори А. В.</i> Политика ненасильственной борьбы как метод преодоления политических конфликтов.....	15
<i>Денильханов Асланбек Хаважович.</i> Этическая природа современного либерализма.....	22
<i>Довжик Наталья.</i> Коминтерн и проблема европейской безопасности во второй половине 1930-х гг.	27
<i>Линде Андрей Николаевич.</i> Становление демократии как социально-политического устройства общества: развитие основ демократии в Афинском полисе.....	31
<i>Моденова Анастасия Павловна.</i> Идеи философа И. А. Ильина в контексте современной политической риторики (на примере анализа Посланий Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ).....	40
<i>Ходжаев Руслан Ринатович.</i> «Венецианское преследование» в политическом измерении «Я — Другой»	44
История социально-политических учений.....	49
<i>Авакян Дарья Айрапетовна.</i> Проблема урбанизма в европейской политической мысли первой половины XIX века.....	50
<i>Агаев Бекхан Вахаевич.</i> Анализ С. И. Гессеном теории и практики либерализма.....	54
<i>Андреева Мария Юрьевна, Зоткин Алексей Александрович.</i> «Идеальное государство» в контексте платоновского «Пира».....	59
<i>Багатурия Георгий Александрович.</i> Роль Ф. Энгельса в судьбе марксизма.....	63
<i>Богданов Артём Владимирович.</i> Концепция традиционализма: в западной и отечественной политико-философской мысли.....	70
<i>Вархотова Вера Александровна.</i> Особенности этических учений о «вечном мире»	74
<i>Евдокимова Наталья Владимировна.</i> Новое общество в учении Шарля Фурье.....	85
<i>Захватова Лидия Эдуардовна.</i> Обоснование необходимости революционной борьбы на Кубе в трудах Х. Марти (1853–1895).....	88
<i>Карипов Балташ Нурмухамбетович.</i> Сущность марксистской парадигмы социализма	93

<i>Ковтуненко Марина Константиновна.</i> «Польский вопрос» в творчестве И. И. Дусинского.....	103
<i>Козлова Анастасия Михайловна.</i> Проблема анализа бюрократии в политической концепции Маркса.....	107
<i>Кононова Ольга Алексеевна.</i> Идеологические особенности рабочего движения в России. Формирование политического самосознания.....	110
<i>Кошемчук Ксения Леонидовна.</i> Понимание политической организации русского общества в работах Н. А. Бердяева	116
<i>Куликов Валентин Игоревич.</i> Соотношение морали и политики в наследии И. А. Ильина	120
<i>Кулясова Алина Фёдоровна.</i> Уильям Моррис: Человек. Общество. Гармония.....	123
<i>Кучинов Артемий Михайлович.</i> Политические учения арабских мыслителей.....	126
<i>Максимова Инна Юрьевна.</i> Происхождение народа рутенов в политической концепции Яна Длугоша.....	130
<i>Минаев Евгений Александрович.</i> Системно-функциональный анализ феномена тоталитарного террора	134
<i>Мирзоев Рудольф Восканович.</i> Проблема формирования общественного мнения в творчестве Ф. И. Тютчева	138
<i>Прокудин Борис Александрович.</i> Апология истории социально-политических учений.....	143
<i>Прокудина Елена Константиновна.</i> Образ России в истории социально-политической мысли: постановка проблемы	147
<i>Репьева Анастасия Михайловна.</i> Основные принципы политико-экономической концепции В. В. Берви-Флеровского	151
<i>Сетов Никита Романович.</i> Концепция игры Й. Хейзинги.....	154
<i>Соловьева Дарья Алексеевна.</i> Идея государственного суверенитета в работе французского мыслителя эпохи Реформации Жана Бодена «Шесть книг о республике»	158
<i>Сорокопудова Ольга Евгеньевна.</i> Польско-русские отношения в оценке В. В. Розанова (1856–1919 гг.).....	161
<i>Томей Лидия Игоревна.</i> Историсофия С. П. Шевырева.....	165
<i>Фокина Юлия Владимировна.</i> Об особом положении бланкизма П. Н. Ткачева в ряде народнических доктрин	168
<i>Хансварова Юлия Юрьевна.</i> Природа политической реальности в работах Гарольда Лассуэлла и Жана Бодрийяра.....	173
<i>Хворов Дмитрий Андреевич.</i> Чарльз Парнелл и парламентская тактика ирландских националистов	176
<i>Чанышев Александр Арсеньевич.</i> Трансформация содержания понятия «мир»: от Канта к Фихте	183
<i>Ширинянец Александр Андреевич.</i> «Пражский период» С. И. Гессена	190
<i>Шкондина Елена Александровна.</i> Педагогические идеи Р. Оуэна.....	201

Российская политика.....	205
<i>Вутянова Яна Валерьевна. Конфликтность и консенсус России и Белоруссии.....</i>	<i>206</i>
<i>Игнатенко Юлия Викторовна. Политическая культура: вчера, сегодня, завтра.....</i>	<i>209</i>
<i>Лугвин Сергей Борисович. Особенности процессов институционализации государственной бюрократии в контексте эволюции политического управления советского общества</i>	<i>212</i>
<i>Лукс Наталья Юрьевна. Современный этап развития взаимоотношений власти и бизнеса (на примере компании ОАО ГМК «Норильский никель»).....</i>	<i>216</i>
<i>Незина Майя Андреевна. Административно-территориальное деление современной России сквозь призму советского опыта</i>	<i>225</i>
Мировая политика и международные отношения	229
<i>Бредихин Антон Викторович. Федеративные тенденции региональных взаимоотношений на примере еврорегиона «Донбасс»</i>	<i>230</i>
<i>Горбатова Виктория Вячеславовна. Интернет-технологии как катализатор ближневосточных «революций»</i>	<i>234</i>
<i>Косоруков Артем Андреевич. Роль политических лидеров и большой стратегии государства в формировании внешнеполитической стратегии России (на основе методологии неоклассического реализма).....</i>	<i>239</i>
<i>Лисий Олеся Александровна. Европейская идентичность как продукт социального конструирования.....</i>	<i>243</i>
<i>Полулях Даниил Сергеевич. Аналитика власти в глобальном управлении: подход М. Фуко и концепция «управления без правительства»</i>	<i>247</i>
<i>Пушкина Александра Николаевна. ЕС в мировой политике. Основные теоретические подходы.</i>	<i>252</i>
<i>Севрук Ирина Игоревна Гегечкори Александр Вахтангович. Культурно-цивилизационное измерение военной глобализации: методологические проблемы и подходы</i>	<i>256</i>
<i>Сидорова Елена Александровна. Понятие «сила» в классической либеральной школе теории международных отношений.....</i>	<i>263</i>
<i>Столетов Олег Владимирович. Роль высшего образования в мировой политике.....</i>	<i>267</i>
Внешняя и внутренняя политика зарубежных стран	271
<i>Ли Мэн Юань. Анализ новых изменений в политической ситуации на Тайване по результатам выборов мэров и членов городских парламентов пяти городов Тайваня 2010 г.</i>	<i>272</i>
<i>Сорокин Данила Алексеевич. Албанский сегмент македонской государственности</i>	<i>275</i>
<i>Урсуленко Никита Сергеевич. Интеграция Украины в Европейский союз</i>	<i>279</i>

Социология и психология политики	283
<i>Вершинина Мария Игоревна.</i> Социология и теория международных отношений: перспективы междисциплинарного дискурса	284
<i>Затонских Алёна Владимировна.</i> Пространственные характеристики образа России в массовом сознании российских граждан	291
<i>Ковтуненко Дмитрий Евгеньевич.</i> Политическая реклама в системе политической коммуникации.....	295
<i>Полушкевич Оксана Александровна.</i> Социокультурные особенности восприятия «власти» в массовом сознании россиян и португальцев..	299
<i>Соломатин Алексей Геннадьевич.</i> Теоретико-методологические проблемы в изучении психологии терроризма.....	302
<i>Трескин Петр Андреевич.</i> Символы российской государственности в сознании молодежи.....	307
<i>Трофимова Вера Владимировна.</i> Групповые портреты представителей современной политической элиты России.....	310
Политический менеджмент и коммуникативистика	315
<i>Володенков Сергей Владимирович.</i> Политические коммуникации в интернет-пространстве и современный политический процесс	316
<i>Казакова Дарья Сергеевна.</i> Политическая коммуникация как объект анализа	328
<i>Куликова Элла Германовна.</i> Бесструктурность языкового сообщества и плюрализм элит.....	330
<i>Латышева Олеся Викторовна.</i> Сетевое «Я» российских политиков ..	338
Математические методы политического анализа и прогнозирования	341
<i>Ибрагимова Эльвира Наилевна.</i> Методы измерения этнической неоднородности.....	342
<i>Овсянкина Алина Витальевна.</i> Методы моделирования социальных сетей в политической науке	349
Политическая философия	355
<i>Бобровских Екатерина Викторовна.</i> Ю. Ф. Самарин о государстве и «народности».....	356
<i>Волошин Андрей Игоревич.</i> Общественная роль текстологического исследования	358
<i>Грохотов Андрей Валерьевич.</i> К. П. Победоносцев о нравственно-религиозных основах семейной политики Российского государства.	362
<i>Козьменко Эвелина Алексеевна.</i> Соотношение ноосферных концепций В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева.....	365

Научное издание

SCHOLA-2011

Сборник научных статей

Ответственный редактор: А. И. Волошин

Корректор: Э. А. Козьменко

Подписано к печати 10.12.2011. Формат 60×88^{1/16}.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,91
Тираж 500 экз.

Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом „Политическая мысль“»
127055, Москва, пер. Перуновский, д. 4/10.
E-mail: idpmmsk@mail.ru
Тел. 972-17-19

Отпечатано в типографии ООО «Телер».
125130, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 28.